

ИСТОРИЯ

9(даг)

ИБО

ДАГЕСТАНА

ИСТОРИЯ ДАГЕСТАНА

ТОМ
I

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

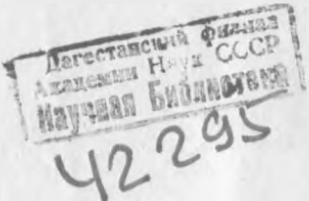
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1967

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. А. Аликберов, В. Г. Гаджисев,
Г. Д. Даниялов (главный редактор),
Г. Ш. Каймаразов, Х. О. Хашаев

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ПЕРВОГО ТОМА:

Д. М. Атаев, В. Г. Гаджиев (ответственный редактор),
М. Г. Гаджиев, В. Г. Котович, В. М. Котович,
Р. Г. Маршаев, А. С. Омаров, М.-З. О. Османов,
А. Р. Шихсаидов

Обобщающий труд по истории Дагестана с древнейших времен до наших дней. Выходит в четырех томах. В данной книге изложение доводится до XVIII в. включительно.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, обусловила коренной перелом в жизни народов нашей Родины, впервые в истории человечества покончила с классовым и национальным гнетом, установила новый тип государства — Советское социалистическое государство. За пятьдесят лет, прошедших со времени Великой Октябрьской социалистической революции, вдохновляемая и направляемая Коммунистической партией Советская страна одержала всемирно-исторические победы — построила социализм и вступила в период развернутого строительства коммунизма.

Обреченные в условиях самодержавия на прозябание, темноту и невежество, народы Дагестана за годы Советской власти в единой братской семье народов СССР обрели государственность и создали Дагестанскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Национальное возрождение, расцвет экономики и культуры в корне изменили духовный облик горца. Он избавился от пут патриархально-феодальных и мелкобуржуазных предрассудков, унаследованных от дореволюционного прошлого, проникся марксистско-ленинской идеологией, усвоил социалистическое сознание и коммунистическую мораль, стал пламенным патриотом своей Родины и активным строителем коммунизма. Всеми этими поистине громадными успехами, своим счастливым сегодня и еще более радостным завтра народы Дагестана обязаны Большой Октябрьской социалистической революции и ее вдохновителю и организатору — Коммунистической партии.

За годы Советской власти вышло в свет немало работ, посвященных как дореволюционной, так и советской истории Дагестана. Однако обобщающих трудов не было до 1957 г., когда были изданы «Очерки истории Дагестана» в двух томах. Этот первый обобщающий труд по истории Дагестана стал важным этапом в развитии советской исторической науки в республике.

Подготовка настоящего издания — «Истории Дагестана» была начата в 1960 г. В связи с этим Институт истории, языка и литературы начал проводить систематическое обследование Дагестана в археологическом и историко-этнографическом плане, собирать материал в центральных и местных архивах страны, в рукописных фондах ряда институтов Академии наук СССР.

Перед авторским коллективом и редакционной коллегией «Истории Дагестана» стояла серьезная и ответственная задача: руководствуясь марксистско-ленинской идеологией и опираясь на фактический материал, с учетом последних достижений исторической науки воссоздать правдивую картину многовековой истории Дагестана, показать во всей сложности и многообразии путь, пройденный народами Дагестана с древнейших времен до настоящего времени; проследить в конкретно-исторических условиях действие объективных законов и, исходя из общих закономерностей, определить специфические особенности исторического процесса.

Авторский коллектив и редакционная коллегия сознают, что в «Истории Дагестана» не все вопросы освещены равномерно и исчерпывающе. Это является следствием неразработанности ряда проблем истории Дагестана, отсутствия по многим вопросам не только монографических работ, но и сколько-нибудь значительных статей. В частности, дополнительного исследования требуют вопросы этногенеза и некоторые проблемы древней и средневековой истории, по которым письменные источники весьма скучны, а археологические, антропологические, этнографические и языковедческие работы еще не завершены. В «Истории Дагестана» имеется также ряд дискуссионных вопросов.

История Дагестана издается в четырех томах. Первый том охватывает период с древнейших времен по XVIII век включительно. Второй том — период со времени присоединения Дагестана к России до Февральской буржуазно-демократической революции. Третий том посвящен эпохе со времени Великой Октябрьской социалистической революции до конца Великой Отечественной войны. Четвертый том доводит повествование до наших дней.

В составлении первого тома принимали участие научные сотрудники: кандидат исторических наук В. Г. Котович (гл. I, II, III), кандидат исторических наук В. М. Котович, научный сотрудник М. Г. Гаджиев (§ 3 гл. III), кандидат исторических наук Д. М. Атаев (гл. IV, V, § 7 гл. VII), кандидат исторических наук А. Р. Шихсаидов (гл. VI, VII), кандидат исторических наук М.-З. О. Османов (§ 1 гл. VIII), кандидат исторических наук Р. Г. Маршаев (\$2—4, 6, 8, 9 гл. VIII), кандидат юридических наук А. С. Омаров (§ 5 гл. VIII), научный сотрудник Ш. М. Ахмедов (материал о сельской общщине в

гл. VIII), научные сотрудники М. Р. Гасано, Р. С. Шихсаидова, Ч. М. Гашимов (§ 7 гл. VIII), проф. Г. Я. Мовчан (материал по истории архитектуры в § 9 гл. VIII), доктор исторических наук В. Г. Гаджиев (гл. X—XIII).

При написании первого тома широко использовались материалы Е. Н. Кушевой о русско-дагестанских отношениях в XVI—XVII вв., Г. Я. Мовчан по истории архитектуры, Э. В. Кильчевской по декоративному искусству, У. Б. Далгат по устному народному творчеству.

Ценные замечания по «Проспекту истории Дагестана» и главам «Истории» были сделаны коллективом Института истории, Института археологии, Института этнографии, Института народов Азии Академии наук СССР, Института истории, археологии и этнографии им. И. Д. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР, Института истории Академии наук Азербайджанской ССР, Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина, Дагестанского государственного педагогического института им. Г. Цадасы; своими советами и замечаниями авторскому коллективу оказали помочь члены-корреспонденты АН СССР Б. Г. Гафуров, М. П. Ким, Ю. А. Поляков, доктора исторических наук Е. И. Крупнов, Е. Н. Кушева, |А. В. Фадеев|, Г. А. Арутюнов, В. К. Гарданов, действительный член АН ГрузССР |Н. А. Бердзенашвили|, действительный член АН АзССР А. С. Сумбат-заде, проф. З. В. Анчабадзе, Г. Б. Абдуллаев, З. И. Ямпольский, З. М. Буняитов и другие.

Авторский коллектив и редакционная коллегия приносят благодарность всем коллективам и научным работникам, принимавшим участие в подготовке «Истории Дагестана» к изданию.

РАЗДЕЛ I

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ
И ЗАРОЖДЕНИЕ КЛАССОВОГО
ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ
ДАГЕСТАНА

ГЛАВА I

КАМЕННЫЙ ВЕК

§ 1. ПАЛЕОЛИТ

Естественно-географические условия Дагестана в четвертичном периоде

Первые стоянки первобытного человека на территории Дагестана относятся еще к эпохе палеолита, что объясняется в первую очередь благоприятными естественногеографическими условиями данной области в четвертичном периоде.

К началу четвертичного периода Дагестан представлял собой обширную, слегка наклоненную в сторону моря равнину, ограниченную с севера небольшими грядами, а с юга — более значительными поднятиями. Горообразовательные процессы конца третичного — начала четвертичного периода образовали серию ярусно расположенных поверхностей выравнивания. Существующий поныне сильно расчлененный рельеф Дагестана сформировался под влиянием различных геологических факторов уже в четвертичном периоде.

Вместе с рельефом формировалась и речная сеть, которая в начале четвертичного периода напоминала современную и состояла из сложной системы продольных и поперечных долин.

В четвертичном периоде значительная часть территории Европы и Азии подверглась оледенениям. Особенно интенсивно ледники развивались в северных областях и в высокогорных районах, включая и Кавказ. История оледенений Кавказа изучена недостаточно. Считается, что в четвертичном периоде на Кавказе было не менее двух оледенений.

Размеры древних оледенений различных частей Кавказа не были одинаковыми. В центральной и особенно западной его частях, где образованию ледников благоприятствовали влажные средиземноморские ветры, занятая ими площадь оказалась довольно обширной. Иная картина наблюдалась на Северо-Восточном Кавказе, климатические условия которого формировались под влиянием сухих и теплых воздушных тече-

чений, проникавших из Средней Азии. Сплошного ледникового покрова здесь не было. В Дагестане отдельные центры оледенений сосредоточивались в районе высокогорий главного и бокового хребтов.

В этот же период происходили значительные колебания уровня Черного и Каспийского морей. Специалисты насчитывают три четвертичные трансгрессии Каспийского моря, следы которых в виде древних морских террас четко прослеживаются в приморском Дагестане. Судя по их взаиморасположению, во время древних трансгрессий воды Каспия покрывали почти полностью всю приморскую равнину, не захватывая, однако, предгорных районов.

Растительность Дагестана развивалась в условиях сухого континентального климата. Влияние оледенений на растительный покров выразилось в вымирании или перемещении теплолюбивых видов, тогда как основное ядро флоры, бывшее уже в конце третичного периода холоднолюбивым, не претерпело сколько-нибудь значительных изменений.

Значительная часть территории Дагестана была покрыта лесами. Свободные от них пространства на равнинах, в предгорьях и высокогорьях имели превосходные травостои, служившие пастбищами для многочисленных стад диких животных.

Таким образом, естественногеографические условия на значительной части территории нынешнего Дагестана были благоприятными для человеческой деятельности в продолжение всего четвертичного периода.

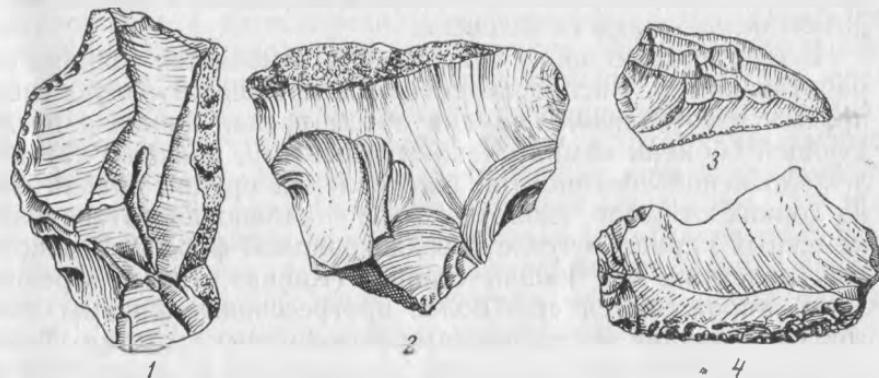
Нижний палеолит Кавказ благодаря своему расположению играл важную связующую роль на путях древнейшего расселения человечества. И не случайно именно здесь найдены древнейшие на территории нашей страны следы деятельности первобытного человека. В так называемую шельскую эпоху нижнего палеолита первобытный человек заселил территорию Малого Кавказа и частично побережье Черного моря, а в последующую, ашельскую, эпоху — широко расселился по всему Большому Кавказу, проник на Северный Кавказ и оттуда — в более северные области Восточной Европы.

В ашельскую эпоху, отстоящую от нашего времени более чем на сто тысяч лет, была заселена и пригодная для обитания первобытного человека часть территории Дагестана на равнине и в горах. Следы деятельности ашельского человека обнаружены в урочище Чумус-Иница, на границе Дербентского и Кайтагского районов. Здесь найдены крупные массивные отщепы и изготовленные из них грубые рубящие орудия, примитивные скребла и другие поделки. По составу инвентаря находки из Чумус-Иница весьма напоминают соответствующие изделия из других памятников Кавказа этой эпохи.

В горном Дагестане несколько отщепов ашельского облика обнаружено в окрестностях сел. Усиша Акушинского района.

Основными занятиями ашельского человека были охота и собирательство. По-видимому, уже в это время начинают вырабатываться различные формы коллективной охоты с помощью загонов. Объектами охоты обычно становились наиболее распространенные в той или иной местности виды животных. Развивалось также собирательство.

Ашельские каменные орудия, среди которых важную роль играли так называемые ручные рубила, предназначались для изготовления деревянного охотничьего оружия, разделывания туш убитых животных, обработки их шкур. Тщательная обработка и устойчивые формы некоторых ашельских орудий свидетельствуют о знании свойств различных пород камня.

Массивные отщепы с грубой обработкой краев (1, 2, ашель Чумус-Иниц), остроконечник (3, мустье, Геджух), скребло (4, мустье, Чумус-Иниц)

Большим достижением ашельского человека явилось умение пользоваться огнем, первоначально добывавшимся от естественно возникавших пожаров. Огонь служил ему не только источником тепла, но также для приготовления пищи и борьбы с хищными животными. Освоение огня положило начало овладению человеком силами природы.

Ашельские люди жили небольшими группами, получившими в науке наименование первобытного человеческого стада. Их основу составляла коллективная трудовая деятельность в борьбе с природой.

Средний палеолит Следующая за ашельской мустерская эпоха нижнего палеолита (100—30 тысяч лет назад) характеризуется дальнейшим расселением первобытного человечества.

В Дагестане памятники мустерской эпохи обнаружены во всех его геоморфологических зонах. На равнине — это

Чумус-Иниц, Геджух (Дербентский район) и в окрестностях Махачкалы, в предгорьях — окрестности Урцекинского городища (на границе Серялинского и Ленинского районов). В горах многочисленные следы разновременной деятельности мустьевского человека выявлены неподалеку от селений Усиша и Гинта (Акушинский район), в окрестностях сел. Урма (Левашинский район) и поблизости от высокогорного озера Кезеной-ам (на границе Дагестана и Чечено-Ингушетии). Мустьевские памятники Дагестана в большинстве своем являются остатками открытых стойбищ. Пещерные стоянки встречаются здесь довольно редко.

Человек мустьевской эпохи — неандерталец по своему физическому облику — стоял выше людей предшествующего времени. Костные остатки неандертальцев найдены во многих областях Европы, Азии и Африки, что свидетельствует о его широком распространении и позволяет видеть в нем необходимое звено эволюции человека.

В мустьевскую эпоху существенно изменяется техника обработки камня. Распространенные в предшествующую эпоху приемы изготовления орудий путем раскалывания и последующей обивки камня сменяются новыми, в основе которых лежало использование для изготовления орудий сравнительно тонких отщепов, сколотых со специально подготовленных каменных ядрищ — нуклеусов дисковидной формы. В некоторых областях юга нашей страны (Кавказ, Крым, Средняя Азия) зарождаются еще более прогрессивные приемы изготовления орудий из удлиненных ножевидных пластин. Такая техника, получившая название леваллуазской, широко практиковалась и мустьевцами, обитавшими на территории Дагестана.

Отщепы и пластины служили своеобразными заготовками, которым последующей тщательной обработкой придавалась форма определенного орудия. Чаще всего на мустьевских стоянках встречаются остроконечники, использовавшиеся как универсальные режущие орудия, и скребла, предназначавшиеся главным образом для обработки шкур. В памятниках позднего мустье иногда попадаются резцы — орудия для обработки дерева и кости. Все упомянутые типы орудий представлены и в инвентаре дагестанских памятников эпохи мустье.

Прогрессивные изменения в технике изготовления каменных орудий свидетельствуют не только о значительном расширении производственных навыков мустьевского человека, но и о дальнейшем развитии и усложнении его хозяйства. Основой хозяйственной деятельности являлась охота, отчасти дополняемая собирательством. Отдельные мустьевские общины специализируются в охоте на определенные виды животных.

Охотничим оружием мустерьцев служили деревянные копья с обожженными на огне острыми концами. Однако, пользуясь только ими, было трудно охотиться в одиночку или небольшими группами, поэтому в данную эпоху широко практиковалась охота с помощью загонов и облав. В ней участвовали не только мужчины-охотники, но также и другие члены общины. Спугнутых животных загоняли, используя пересеченный рельеф местности, в сторону крутых обрывов, где они и становились добычей охотников.

Каменные орудия мустерьцев еще не были орудиями охоты. Они предназначались для изготовления деревянного охотничьего вооружения (копий, палиц и др.), для разделывания туш убитых животных и обработки их шкур. Лишь в позднем мустье появляются такие разновидности остроконечников, которые могли использоваться в качестве наконечников копий. Такое назначение мустерьских каменных орудий подтверждается и дагестанскими материалами. Не вызывает сомнений, что различные мустерьские общины, обитавшие на равнине, в предгорьях и горных районах Дагестана, специализировались в зависимости от конкретных естественно-географических условий каждой из зон в охоте на разные виды животных. Однако эти различия не нашли существенного отражения в облике материальной культуры. Орудия труда, происходящие из одновременных памятников, расположенных в разных естественно-географических зонах, различаются между собой лишь качеством местных пород камня, тогда как их форма и приемы изготовления остаются одинаковыми.

Одной из важнейших функций большинства каменных орудий мустерьской эпохи является обработка шкур животных и изготовление из них одежды. Это указывает на возросшую потребность в одежде, обусловленную значительным похолоданием в связи с начавшимся оледенением. Суровые условия ледниковой эпохи вынуждают мустерьцев располагать свои стойбища в укромных местах, часто — в пещерах. В этих условиях резко возрастает значение огня, который становится одним из важных факторов, обеспечивавших благополучие мустерьских общин. И не случайно именно в эту эпоху были изобретены некоторые способы искусственного добывания огня.

Прогрессивные изменения в производственной деятельности первобытных людей в рассматриваемую эпоху несомненно отразились и на общественном устройстве мустерьцев. Коллективное ведение охоты с помощью загонов и облав, более или менее длительное проживание в общих жилищах с общими очагами — все это сплачивало мустерьские общины. Предполагается, что в позднем мустье возникают зачатки матриархально-родовой организации общества. Тогда же,

по мнению советских археологов, начинается зарождение первобытных религиозных верований.

Верхний палеолит Следующая эпоха каменного века — верхний палеолит — обнимает период от 30 до 15 тысяч лет тому назад. Она характеризуется дальнейшим развитием первобытнообщинного строя, затронувшим общественное устройство, производственную деятельность и культуру первобытного человека. Существенно изменился в эту эпоху и физический облик самого человека.

На территории Дагестана памятники верхнего палеолита выявлены пока только в горных районах (Акушинский и Гунибский). Из находок на равнине к верхнепалеолитической эпохе относится чаша из кости мамонта, обнаруженная в окрестностях ст. Белиджи (Дербентский район).

Наиболее ярким среди известных в настоящее время в Дагестане памятников является многослойная стоянка у сел. Чох Гунибского района, где обнаружены следы деятельности первобытного человека не только в верхнем палеолите, но также и в последующую, мезолитическую эпоху. Материалы этого памятника составляют основу наших знаний о верхнепалеолитической культуре Дагестана и Северо-Восточного Кавказа в целом.

При раскопках Чохской стоянки обнаружено шесть последовательно перекрывающих друг друга культурных слоев, содержащих остатки костров, разнообразные кремневые поделки, кости животных, комочки охры и иные находки. Судя по их расположению, жизнь обитателей стоянки протекала преимущественно на узкой площадке у подножия скалы. Вдоль нее на некотором расстоянии друг от друга устраивались очаги, служившие для обогрева жилья и приготовления пищи. Можно предполагать, что в древности жилая площадка была отгорожена заслонами из высоких, наклонно поставленных жердей, упирающихся верхними концами в скалу. Покрытые ветвями и шкурами животных, они служили и кровлей и внешними стенами, защищавшими обитателей от ветра, дождя и снега.

Место для стоянки было выбрано в каньонообразном русле небольшого горного потока, у подножия высокой обрывистой скалы. Это место отличается укромным расположением, близостью к отличной питьевой воде, защищенностью от холодных северных ветров и южной, солнечной ориентацией. Все эти чрезвычайно благоприятные для первобытного человека условия дополнялись близостью к охотничьим угодьям, каковыми несомненно служили окрестные леса и высокогорные альпийские луга, изобиловавшие разнообразной дичью. И не случайно первобытные охотничьи группы периодически устраивали здесь свои стойбища на протяжении значительного отрезка времени.

Судя по многочисленным костищам, обнаруженным во всех культурных слоях, огонь прочно вошел в быт обитателей Чохской стоянки. Допустимо предположить, что, подобно верхнепалеолитическому населению других областей, они уже были знакомы с разными способами искусственного добывания огня.

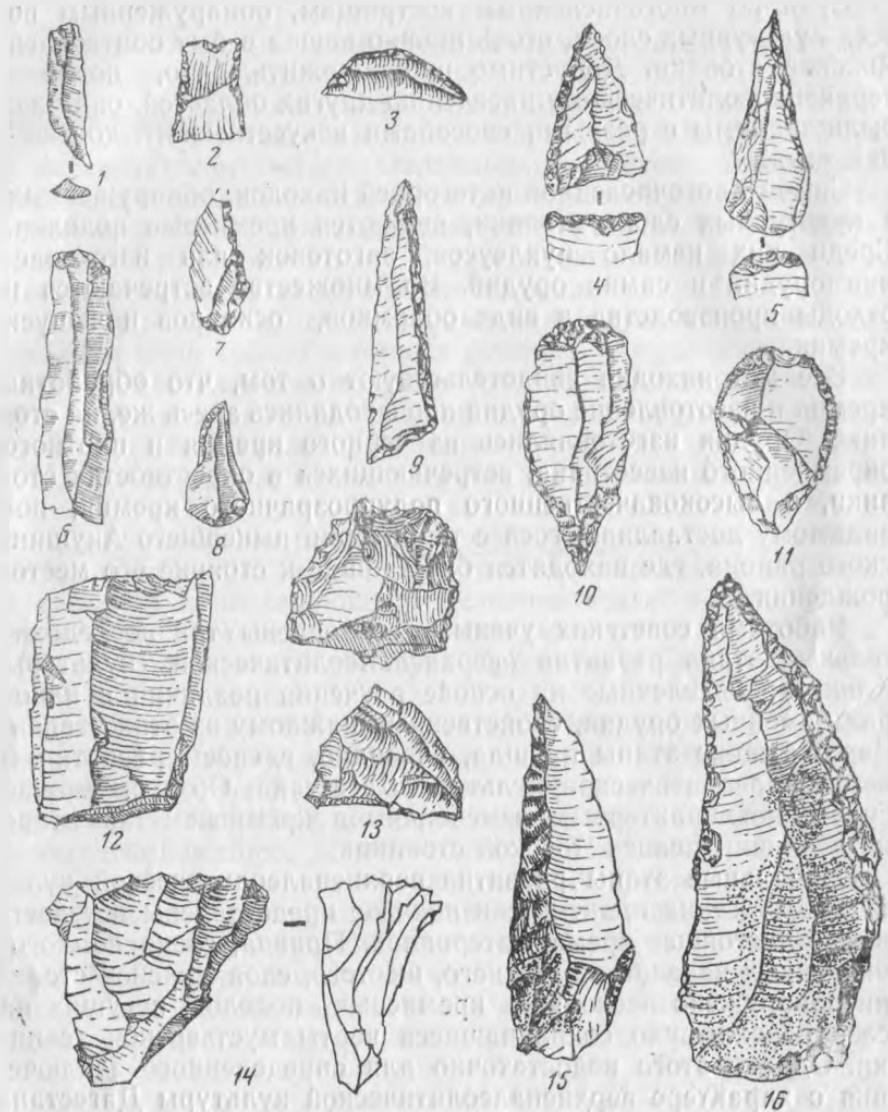
Самой многочисленной категорией находок, обнаруженных в культурных слоях стоянки, являются кремневые поделки. Среди них немало нуклеусов, заготовок для изготовления орудий и самих орудий. Во множестве встречаются и отходы производства в виде обломков, осколков и чешуек кремня.

Все эти находки свидетельствуют о том, что обработка кремня и изготовление орудий производились здесь же, на стоянке. Орудия изготавливались из черного кремня и плотного окремненного известняка, встречающихся в окрестностях стоянки, и высококачественного полупрозрачного кремня, по-видимому доставлявшегося с территории нынешнего Акушинского района, где находятся ближайшие к стоянке его месторождения.

Работами советских ученых установлены три последовательных этапа развития верхнепалеолитической культуры Кавказа, выделенные на основе изучения различий в наборах каменных орудий, свойственных каждому из этих этапов. Через эти же этапы прошла, очевидно, в своем развитии и верхнепалеолитическая культура Дагестана. Об этом можно судить по характерным изменениям в кремневом инвентаре из различных слоев Чохской стоянки.

Начальные этапы развития верхнепалеолитической культуры Дагестана практически пока не представлены в известных в настоящее время материалах. Правда, среди немногочисленных изделий из нижнего, шестого, слоя Чохской стоянки обнаружено несколько кремневых поделок, несущих на себе пережиточно сохранившиеся черты мустьевской техники. Однако этого недостаточно для определенного заключения о характере верхнепалеолитической культуры Дагестана на раннем и среднем этапах.

Лучше всего изучен поздний, заключительный этап, охватывающий конец верхнего палеолита и ранний мезолит. Он характеризуется материалами трех следующих слоев Чохской стоянки, отражающими три последовательные фазы развития культуры переходной эпохи. Кремневый инвентарь ранней фазы (пятый культурный слой), относящийся к концу верхнего палеолита, отличается обилием нуклевидных орудий и острий с притупленным краем, придающих ему характерный ориньякский облик, столь свойственный верхнепалеолитическим культурам Кавказа, Крыма, Средней Азии и стран Восточного Средиземноморья. Следующие фазы отражают

Кремневые микропластинки (1, 6), микролиты (2—5, 7—9), скребки (10, 11), ножевидная пластина (12), скобель (13), нуклеус (14), режущие орудия (15—16) из нижних слоев Чохской стоянки (конец верхнего палеолита — начало мезолита)

развитие культуры уже в последующую эпоху — в раннем мезолите.

На примере орудий труда Чохской стоянки отчетливо прослеживаются те прогрессивные изменения, в которых отразился общий процесс развития производительных сил верхне-палеолитического общества. Ее обитатели изготавливали свои орудия из удлиненных кремневых пластин, отделявшихся

от пирамидальных и призматических нуклеусов. Значительно расширился набор кремневых орудий труда, появилось много новых, специализированных по назначению орудий.

Обработка дерева и кости производилась с помощью небольших рубящих орудий дисковидной формы, выемчатых скобелей, ножевидных пластин, резцов. Режущие орудия предназначались для разделывания охотничьей добычи, а различные скребки и скобели использовались при обработке шкур добытых животных.

В большом числе представлены орудия для изготовления одежды: крупные кремневые ножи с изогнутым верхним краем, вероятно служившие для раскрашивания шкур, всевозможные острия и проколки из кремня и кости и даже специальные орудия для разминания и заглаживания грубых швов на меховой одежде.

Совершенно новую категорию орудий образуют кремневые наконечники метательного оружия — копий и дротиков. В конце верхнего палеолита обитатели Чохской стоянки стали употреблять для оснащения охотничьего вооружения микролиты — небольшие кремневые вкладыши геометрических очертаний, преимущественно треугольные. Несколько таких микролитов, прочно закрепленных на островом конце копья или дротика, составляли гарпуновидное лезвие наконечника.

Появление копьеметалок, увеличивших дальность полета и убойную силу метательного орудия, способствовало дальнейшему развитию и совершенствованию охотничьего вооружения. В конце верхнего палеолита был изобретен лук со стрелами. Знакомство населения Дагестана с этим важнейшим изобретением подтверждается находками на Чохской стоянке некоторых типов микролитов, вероятно служивших наконечниками стрел.

Прогрессивные изменения орудий труда дали возможность разнообразить приемы ведения охотничьего хозяйства. В материалах Чохской стоянки представлены разнообразные виды животных, обитавших в различных естественноморфологических зонах Дагестана. И если охота на стада бизонов, оленей и диких лошадей по-прежнему велась с помощью облав и загонов, то охота на туров, диких баранов и козлов, водившихся небольшими группами в труднодоступных местах, производилась уже немногочисленными коллективами охотников.

Характеристику образа жизни обитателей Чохской стоянки дополним еще одной интересной деталью. В культурных слоях здесь найдено значительное количество комочеков минеральной краски — охры красного, желтого и коричневого цветов. В одном из костищ обнаружены крупные обломки сферосидеритов. После обжига они растирались на небольших терках, изготовленных из расколотой вдоль речной гальки. На стоянке обнаружено немало терочников и терок, у

Белиуджинская чаша из кости мамонта

которых на рабочих поверхностях сохранились следы втертой туда краски. Как показывают этнографические параллели, такие краски, смешанные с жиром, применялись первобытным человеком для раскрашивания тела при совершении разнообразных ритуальных и магических обрядов. Этими же красками раскрашивались деревянные и костяные изделия. И, наконец, подобными же красками выполнены дошедшие до нас образцы верхнепалеолитической пещерной живописи.

Верхнепалеолитическое население некоторых районов приморского Дагестана специализировалось в охоте на мамонтов. Свидетельством этого является Белиуджинская чаша, изготовленная из кости мамонта. Заготовкой для нее послужила головка бедренной кости незадолго перед тем убитого животного. Затем она подверглась обработке кремневым орудием, следы которого хорошо сохранились на краях и внутренней полости чаши. Белиуджинская чаша — единственная и древнейшая на территории нашей страны находка подобного рода утвари, задолго предшествовавшей глиняным и плетеным сосудам.

В верхнем палеолите окончательно складывается матриархально-родовой строй. Большую роль сыграли в этом не только усложнившиеся условия жизни и производственной деятельности верхнепалеолитического человека, но также возникновение экзогамии — запрета брачных отношений внутри родовых общин и установление таковых между представителями разных родов. Данное обстоятельство способствовало налаживанию постоянных и прочных связей между отдель-

ными общинами, а это в свою очередь привело к образованию племенной организации первобытного общества.

В родовых общинах эпохи верхнего палеолита господствовало материнское право, определявшееся тем, что в условиях распространенного в ту пору группового брака дети принадлежали матери и ее роду, а счет родства велся по материнской линии. Об этом свидетельствуют, в частности, довольно многочисленные находки на верхнепалеолитических стоянках женских статуэток с подчеркнутыми материнскими признаками, вероятно символизировавших собой образ прародительницы. С другой стороны, высокое социальное положение женщины определялось ее важной ролью хозяйки-управительницы, сказывавшейся на всем жизненном укладе того времени.

В верхнем палеолите повсеместно распространяются люди современного физического типа, известные в науке под именем кроманьонцев. По мнению советских ученых, их непосредственными предшественниками явились те группы неандертальцев, которые под влиянием ряда социальных и биологических факторов, главным образом прогрессивных изменений в сфере материального производства и общественных отношений, постепенно превратились в людей современного типа. Доказательством этого служат находки костяков неандертальцев, несущих на себе признаки современного человека, и черепов кроманьонцев с пережиточно сохранившимися признаками неандертальцев.

Процесс превращения неандертальцев в людей современного типа происходил на обширной территории, куда входили и некоторые южные районы нашей страны, такие, как Средняя Азия, Крым и Кавказ. Правомерность включения Кавказа в эту область подтверждается тем, что во многих обнаруженных здесь памятниках эпохи позднего мустье про слежены элементы зарождающейся верхнепалеолитической техники, а в ранних комплексах эпохи верхнего палеолита сохраняются пережитки более древних мустерьерских традиций. Эти факты, свидетельствующие о преемственной связи между мустерьерской и верхнепалеолитической эпохами, отнюдь не стирают больших качественных различий между ними.

В рассматриваемое время складываются и современные человеческие расы. В верхнепалеолитических памятниках обнаружены представители европеоидного (кроманьонцы), негроидного (гриимальдийцы) и монголоидного расового типа.

§ 2. МЕЗОЛИТ

Верхнепалеолитической эпохой заканчивается и ледниковый период. Сменивший его послеледниковый период, или голоцен, характеризуется всеобщим потеплением климата,

которое особенно благоприятно сказалось на естественно-географических условиях областей, подвергшихся оледенениям. На Кавказе значительно сократились площади ледников и вечных снегов. В Дагестане они сохранились лишь в районах высокогорий. Прекратились и трансгресии Каспия, в ходе которых почти полностью покрывались морскими водами равнинные районы приморского Дагестана и прикаспийской низменности. При последующих колебаниях уровня Каспийского моря, продолжающихся до настоящего времени, его воды затапливали лишь узкую прибрежную полосу и не переходили ближайшего к ней уступа древней морской террасы.

Верхнепалеолитическая эпоха сменилась мезолитической (15—8 тыс. лет тому назад). Наиболее значительным достижением новой эпохи, ознаменовавшим важный этап в развитии производительных сил первобытного общества, было широкое распространение лука и стрел. «Лук, тетива и стрела составляют уже очень сложное орудие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и более развитые умственные способности, следовательно, и одновременное знакомство со множеством других изобретений»¹.

Лук со стрелами обладал целым рядом важных преимуществ перед другими видами метательного оружия (копьями, дротиками, метательными палицами и т. п.). Обладая более легким весом, лук с большим запасом стрел существенно повысил вооруженность и мобильность охотников. Возможность ведения быстрой и меткой стрельбы из любого положения и на значительно большие, чем прежде, расстояния открыла чрезвычайно широкие перспективы для развития охоты, обогатила ее тактический арсенал, позволила охотиться на все без исключения виды дичи.

Дальнейшие прогрессивные изменения претерпевает в мезолите и техника изготовления каменных орудий, развитие которой идет по пути все более широкого применения миниатюрных вкладышей — микролитов.

Рост производительных сил и обусловленное им некоторое улучшение условий жизни охотничьих племен приводят к увеличению населения. Естественное разрастание отдельных племен, равно как и составлявших их матриархально-родовых общин, неизбежно приводило к их периодическим разделениям (сегментации). Отделявшиеся части родовых общин осваивали все новые территории. В результате этого процесса появляются объединения нескольких племен, связанных общностью происхождения и культуры и говоривших на родственных диалектах. Все это способствовало усилению

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 29.

связей между племенами, росту обмена и культурных влияний, быстрому распространению важных открытий и изобретений на значительных территориях.

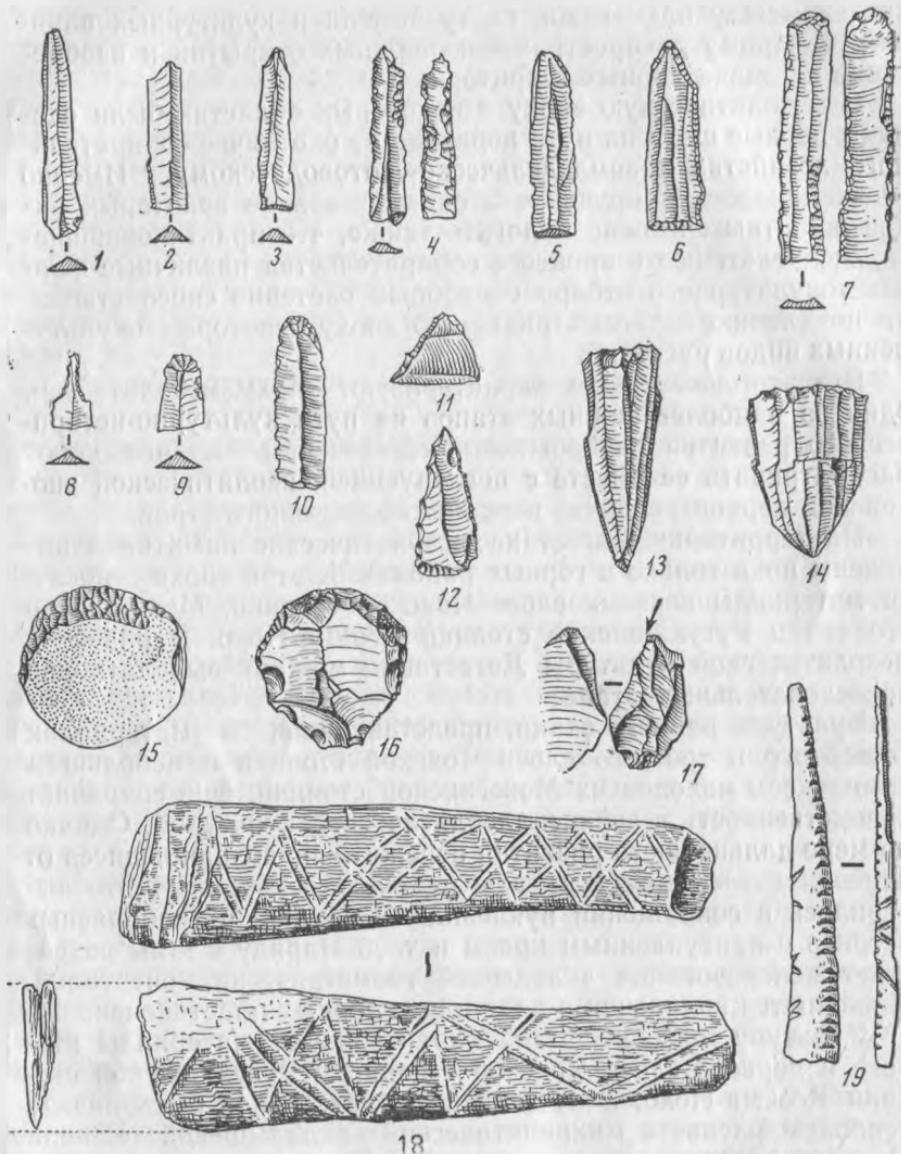
В мезолитическую эпоху в некоторых областях были сделаны первые шаги на пути перехода от охотниче-собирательного хозяйства к земледельческо-скотоводческому. Именно тогда началось приручение и одомашнивание некоторых видов животных. Можно полагать также, что практиковавшиеся тысячелетиями в процессе собирательства различные формы докультурного отбора съедобных растений способствовали появлению в рассматриваемую эпоху некоторых окультуренных видов растений.

Все эти достижения характеризуют эпоху мезолита как один из наиболее важных этапов на пути культурно-исторического развития первобытного человечества и позволяют рассматривать ее вместе с последующей, неолитической эпохой как период расцвета первобытнообщинного строя.

На территории Дагестана мезолитические памятники выявлены пока только в горных районах. К этой эпохе относятся материалы верхних слоев Чохской стоянки, Мекегинской стоянки и Ругуджинской стоянки Козьма-Нохо. В развитии мезолитической культуры Дагестана можно выделить два последовательных этапа.

Культура раннего этапа, представленная в материалах четвертого и третьего слоев Чохской стоянки и небольшим комплексом находок из Мекегинской стоянки, еще сохраняет преемственность с верхнепалеолитической культурой. Однако по мере дальнейшего развития пережиточно сохранившиеся от палеолита элементы культуры постепенно исчезают. Это выразилось в сокращении нуклевидных орудий, разнообразных остриев с притупленным краем и т. д. Наряду с этим возрастает использование вкладышей геометрических очертаний. Появляются вкладыши в виде миниатюрных пластиночек.

Культуру позднего этапа характеризуют материалы второго и первого слоев Чохской стоянки и Ругуджинской стоянки Козьма-Нохо. Этот этап по праву может быть назван периодом расцвета микролитической вкладышевой техники. Почти полностью исчезают палеолитические типы орудий. Сокращается количество геометрических микролитов. Среди кремневых изделий доминирующее положение принадлежит миниатюрным пластинкам, отличающимся правильной, почти стандартной формой. Такие пластинки, обладавшие чрезвычайно острыми краями, использовались как съемные лезвия для оснащения метательного оружия и режущих инструментов. В случае поломки одной или даже нескольких пластинок в процессе пользования инструментом они в короткое время и без больших затрат труда могли быть заменены другими. Благодаря этому оснащенные микропластинками

Кремневые микропластинки (1—7), острье (8), микроскребки (9—10), микролиты (11, 12), нуклеусы (13, 14), скребки (15, 16), микрорезец (17), каменная рукоять с геометрическим орнаментом и пазом для закрепления микропластин (18), костная орнаментированная проколка (19) из верхних слоев Чохской стоянки (поздний мезолит)

орудия могли использоваться длительное время, что давало им преимущества перед орудиями, изготовленными из цельных кремневых пластин. И не случайно поэтому микролитическая техника распространяется в мезолите во многих областях Старого Света.

Помимо микролитических пластинок и изготовленных из них миниатюрных орудий в дагестанских комплексах позднего мезолита встречаются небольшие нуклеусы призматической и пирамидальной формы, служившие для получения микропластинок, круглые скребочки, простые резцы и некоторые другие типы кремневых орудий.

Основу хозяйства мезолитических племен горного Дагестана составляла охота, главным образом на диких баранов и козлов. Охота велась с помощью разнообразного метательного оружия, а также лука и стрел. Найденные в упомянутых дагестанских памятниках некоторые типы кремневых орудий служили наконечниками стрел. Большую помощь охотникам оказывала прирученная собака, кости которой обнаружены на Мекегинской стоянке.

Люди жили сравнительно небольшими группами, обычно насчитывавшими не более ста человек. Места для стоянок выбирались в укромных, хорошо защищенных местах, как правило, на солнечной стороне и по возможности вблизи от охотничьих угодий. Имеющиеся данные позволяют утверждать, что горный Дагестан имел в мезолите относительно густое для своего времени население.

Отмеченные особенности мезолитической культуры горного Дагестана находят многочисленные параллели в культуре одновременных памятников Закавказья и Северного Кавказа, что свидетельствует о сходстве путей культурно-исторического развития всего населения Кавказа в указанную эпоху.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА II

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И СКОТОВОДЫ

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ

Следующий период истории Дагестана охватывает конец каменного века, получивший в науке название неолит, или новый каменный век, и медно-каменный век, или энеолит. Он ознаменовался многими важными открытиями и достижениями, давшими значительный толчок дальнейшему развитию производительных сил первобытного общества. Важнейшим среди них, бесспорно, явился переход части неолитических племен от присваивающего хозяйства к новой экономике, основу которой составляло производящее земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Выделение земледельческо-скотоводческих племен из остальной массы охотников, рыболовов и собирателей справедливо расценивается советскими учеными как первое в истории человечества крупное общественное разделение труда, оказавшее определяющее влияние на дальнейшее развитие общества.

«Неолитическая революция», как принято называть переход неолитических племен юга к новому производящему типу хозяйства, способствовала распространению у них относительно прочной оседлости. А это в свою очередь повлекло за собой возникновение неизвестных ранее отраслей производства, таких, как строительство постоянных жилищ, изготовление глиняной посуды, ткачество и др.

По мере становления земледельческо-скотоводческого хозяйства резко сокращаются размеры территорий, эксплуатируемых отдельными племенами и родовыми общинами. Огромная территория, прежде находившаяся во владении одного охотничьего племени, в новых условиях оказывается в состоянии обеспечить необходимыми продуктами питания значительно

большее количество населения. Поэтому отпочковавшиеся в процессе сегментации коллективы теперь не покидают первоначальной территории, а селятся поблизости от материнской общины, поддерживая с ней экономические, культурные и этнические связи. Возрастает плотность заселения районов с земледельческо-скотоводческим населением. Возникают достаточно прочные объединения родственных племен.

Новые черты общественного устройства обусловили дальнейшее упрочение родовых общин, укрепление племен, образование племенных объединений. Сложившаяся в эту эпоху стройная общественная организация регулирует внутреннюю жизнь родовых общин и их взаимоотношения, равно как и отношения между племенами. Благодаря этому родо племенной строй, переживавший период расцвета, поднимается в своем развитии на еще более высокую ступень.

В энеолите человечество вступает в новую эпоху — эпоху металла. Важнейшим достижением на этом пути было освоение металлургии меди. Правда, первые металлические орудия были и немногочисленны и недостаточно совершенны. Однако быстрое развитие древней металлургии оказало прогрессивное влияние на рост производительных сил.

Судя по имеющимся данным, в энеолите происходит дальнейшее развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства, предстающего в материалах изученных памятников в уже достаточно сложившемся виде.

По мере усложнения хозяйства развивается обмен, налаживаются постоянные связи не только между соседними племенами, но и между населением сравнительно отдаленных территорий.

Рост производительности труда, особенно развитие скотоводства, металлургии и обмена, неизбежно приводили к возникновению имущественного неравенства. Внутри родовых общин оно проявлялось в различном имущественном положении отдельных семей. Процесс имущественной дифференциации охватил все звенья родо-племенной организации: и род, и племя, и объединения племен. Возникают межплеменные столкновения, ведущие к еще большему обогащению родо-племенной верхушки, усилению имущественного неравенства.

Отмеченные факторы отразились и на социальных отношениях энеолитического общества. В эту эпоху начинается процесс замены матриархально-родовых отношений новыми, основанными уже на отцовском праве. Выделяется родо-племенная знать. Все это ведет к зарождению неравноправных отношений внутри рода и племени.

В целом совокупность указанных выше причин создала предпосылки к последующему разложению первобытнообщинного строя.

§ 2. НЕОЛИТ

Эпоха неолита охватывает на Кавказе V и, вероятно, часть VI тысячелетия до н. э.

Неолитическая культура Дагестана, как, впрочем, и всего Кавказа в целом, изучена еще недостаточно. Наши представления о дагестанском неолите основываются на материалах более чем двадцати памятников этой эпохи. В большинстве своем — это остатки селищ с разрушенными или сильно нарушенными культурными слоями и мастерские, где разрабатывались естественные месторождения кремня. Хорошо сохранившиеся селища и могильники неолитического времени в Дагестане пока не выявлены. Поэтому имеющиеся материалы характеризуют главным образом развитие каменных срублей в разные периоды неолитической эпохи. Сведения же о конкретных условиях жизни неолитических обитателей Дагестана, их жилищах, способах ведения хозяйства и многих других интересных и важных деталях быта мы в настоящее время не располагаем.

Однако изучение орудий труда позволяет проследить процесс развития производительных сил дагестанских неолитических племен и на этой основе с привлечением сравнительных материалов воссоздать в самых общих чертах картину их жизни. Имеющиеся материалы позволяют выделить в неолитической культуре Дагестана два этапа: ранний и поздний.

Ранний неолит Памятники раннего неолита выявлены в настоящее время в приморских и предгорных районах Дагестана. Это — остатки селищ в окрестностях Махачкалы (в урочище Тарнаир) и неподалеку от Буйнакска. Тарнаирское селище расположено на древней морской, а Буйнакское — на древней речной террасах. В сходных условиях, на древних речных и морских террасах, располагались неолитические поселения и в других областях Кавказа.

В обоих дагестанских селищах собраны многочисленные материалы: каменные орудия труда, заготовки для них, отходы производства. Среди них в большом числе представлены микропластиинки правильной формы и изготовленные из них миниатюрные орудия. Найдены и небольшие нуклеусы призматической и пирамидальной формы, предназначенные для отделения микропластиинок. Часть находки острый, скребков, среди которых преобладают округлые, и других орудий. Все эти поделки своей формой, размерами и техникой обработки поразительно напоминают соответствующие образцы кремневого инвентаря из позднемезолитических комплексов Дагестана и, подобно им, применялись для тех же целей, главным образом для оснащения охотничьего оружия и обработки охотничьей добычи.

Помимо описанных изделий, свидетельствующих о преем-

ственной связи с позднемезолитической культурой, встречаются и новые типы кремневых орудий, впервые появившиеся уже в раннем неолите. Среди них отметим длинные ножевидные пластины и орудия из них, наконечники стрел листовидной и треугольной формы. Последние тщательно обработаны с обеих сторон отжимной ретушью. Найдены и кремневые ретушеры — орудия для нанесения такой ретуши — в виде треугольных в сечении стержней с суживающимися концами.

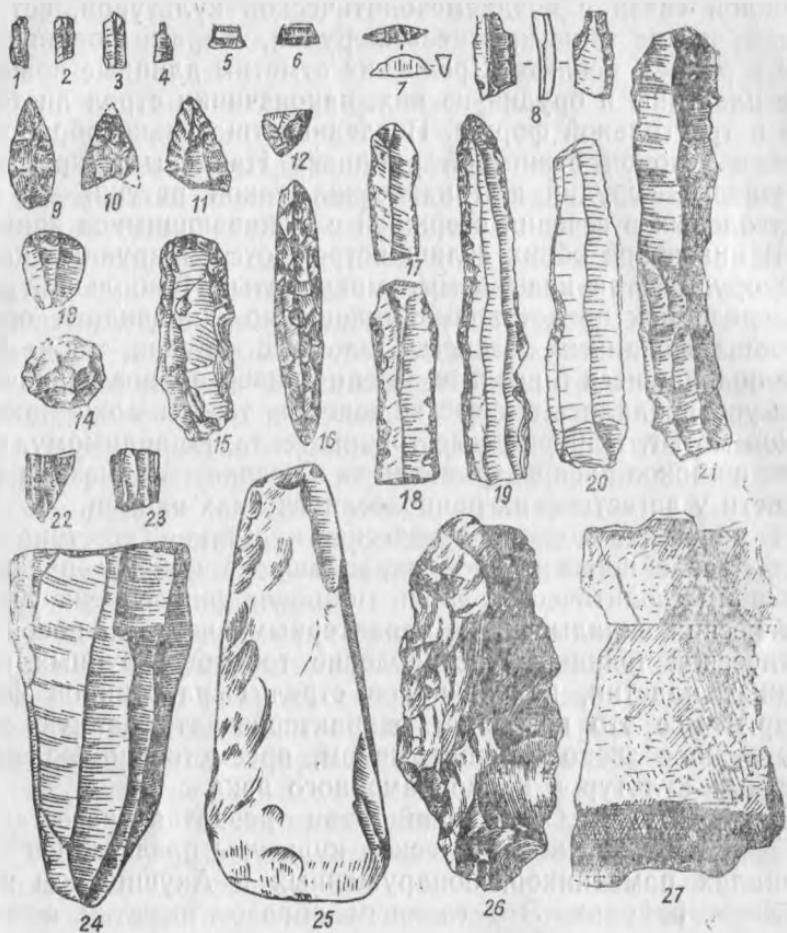
В инвентаре обоих селищ встречаются и крупные каменные орудия, так называемые макролиты. Наибольший интерес среди них представляют уплощенно-клиновидные орудия с подшлифованным лезвием. Подобные орудия, также впервые появившиеся в неолите, имели универсальное назначение. Они употреблялись в качестве топоров, тесел и даже наконечников мотыг. Клиновидные топоры тесла, по-видимому, получили широкое распространение на Северном Кавказе, и в частности у дагестанских ранненеолитических племен.

В целом же ранненеолитическая культура Дагестана сочетает в себе пережиточно сохранившиеся приемы предшествующей мезолитической эпохи (широкое употребление микролитических вкладышей) с характерными чертами новой неолитической техники (употребление топоров, крупных ножевидных пластин, наконечников стрел выработанной формы и др.). Все это позволяет охарактеризовать данную эпоху как важное звено в непрерывном, преемственном развитии местных культур в конце каменного века.

Поздний неолит Следующий этап развития дагестанской неолитической культуры представлен в материалах памятников, обнаруженных в Акушинском и Гунибском районах. Это главным образом остатки селищ и мастерские, где добывался камень.

В позднем неолите селища по-прежнему располагались в речных долинах, на древних речных террасах и на пологих склонах горных хребтов. При их осмотре и изучении собран значительный материал, знакомящий нас с орудиями труда поздненеолитического населения Дагестана.

Орудия труда по-прежнему изготавливались из камня, однако облик их существенно изменился. Почти полностью исчезают из инвентаря микролитические вкладыши в виде миниатюрных пластиночек правильной формы. В материалах неолитических селищ Акушинского района, расположенных в урочищах Какала-Кадала-Хар, Сага-Цука и др., находки таких микропластинок крайне редки. Их место занимают крупные ножевидные пластины, которые встречаются здесь в большом количестве. Найдены и крупные нуклеусы пирамидальной формы, сохранившие следы отделения подобных пластин. Встречаются также скребочки, различные острия, треугольные наконечники стрел с выемкой в основании, гео-

Микропластинки (1—4), микролиты (5—7), сверло (8), наконечники стрел (9—12), скребки (13—15), ретушер (16), ножевидные пластины (17—21), нуклеусы (22—24), топор-тесло (25), топор-мотыга (26), обломок глиняного сосуда (27). 1, 2, 4—6, 22, 23, 25 — Буйнакская стоянка, 3, 9, 10, 13, 16—18 — Тарнаирская стоянка, 7, 8, 11, 12, 14, 24, 26 — Акушинские стоянки, 15, 19—21, 27 — Ругуджинские стоянки (неолит)

метрические вкладыши в форме сегмента и др. Среди микролитического инвентаря выделяется кремневый топор-мотыга овальной формы — орудия типа «пик».

В инвентаре описываемой группы селищ не обнаружено керамики. Однако в одновременных памятниках на территории Грузии и причерноморских областей Кавказа таковая уже встречается. Основываясь на этом, можно предполагать, что и племена, населявшие территорию Дагестана в позднем неолите, уже были знакомы с изготовлением глиняной посуды.

Неолитические памятники, в инвентаре которых встречаются керамика, выявлены в живописных окрестностях сел. Ругуджа Гунибского района. Они относятся к самому концу неолитической эпохи.

Керамика представляет собой обломки сосудов, изготовленных из глины с примесью крупно истолченного камня (дресвы). Цвет сосудов преимущественно бурый. Они слабо обожжены, из-за чего черепки сосудов отличаются рыхлостью и легко ломаются. На одном из ругуджинских селищ, расположением в урочище Малин-Карат, найдена часть горшка, украшенного по верхнему краю рядом круглых сквозных отверстий, проделанных изнутри сосуда еще до его обжига. Этот своеобразный прием украшения сосудов, впервые появившийся в позднем неолите, будет долгое время применяться местными дагестанскими гончарами в последующие периоды, свидетельствуя о длительном переживании древних местных традиций.

Керамика ругуджинских селищ знакомит нас с древнейшими образцами известных в настоящее время гончарных изделий Дагестана. Следует отметить, что по приемам изготовления и качеству обжига она близко напоминает керамику из неолитических стоянок Западного Кавказа.

В кремневом инвентаре ругуджинских селищ уже совершенно отсутствуют микролитические вкладыши. Преобладают крупные ножевидные пластины и изготовленные из них орудия: скребки и острия. Интересны найденные здесь терки, сделанные из небольших плоских речных валунов. Судя по сохранившимся на них следам работы, они использовались для размола небольших количеств зерна и иной растительной пищи.

Происшедшие в неолите изменения в технике изготовления орудий труда повлекли за собой резкое возрастание потребности в качественном кремне, шедшем на массовое изготовление крупных макролитических орудий и большого числа разнообразных режущих инструментов (ножей, жатвенных орудий, проколок, сверл, пилок, скребков и т. д.). Начинается интенсивная разработка естественных месторождений кремня, возникает множество кремневых мастерских.

В Дагестане такие кремневые мастерские обнаружены в богатых выходами качественного мелового кремня окрестностях селений Акуша, Усиша, Цудахар и др. Здесь, на местах древних разработок кремневых месторождений, в огромном количестве встречаются отщепы, пластины, обломки и осколки кремня, представляющие собой отходы производства. Среди них попадаются и заготовки различных орудий труда, а иногда даже самые орудия. В большинстве своем они относятся к неолитической эпохе.

Племена, разрабатывавшие эти месторождения, снабжали кремнем население соседних районов. Это способствовало расширению межплеменного обмена, упрочению связей между отдельными племенами.

Возникновение земледельческо-скотоводческого хозяйства

Изучение имеющихся материалов позволяет раскрыть сущность тех глубоких, коренных изменений, которые произошли в хозяйстве неолитических племен, населявших территорию Дагестана.

Судя по широкому распространению в инвентаре ранне-неолитических памятников микролитических вкладышей, предназначавшихся для оснащения охотничьего вооружения, охота все еще оставалась одной из ведущих отраслей хозяйства. Однако появление каменных топоров, предназначавшихся для строительства жилищ и расчистки участков под посевы, а также длинных ножевидных пластин, использовавшихся для жатвы, свидетельствует о зарождении земледелия и вызванном им переходе к оседлому образу жизни.

В инвентаре поздненеолитических памятников резко сокращается количество микролитических вкладышей. Здесь сказывается падение хозяйственного значения охоты, которая начинает играть в экономической жизни древних дагестанских племен подсобную, второстепенную роль. Значительное увеличение количества крупных ножевидных пластин — жатвенных ножей в инвентаре поздненеолитических селищ — отражает возрастающее значение земледелия. В то же время стали известны и более сложные орудия типа серпов, у которых коленчатая деревянная или костяная оправа оснащалась одной или несколькими ножевидными пластинами или их сечениями.

Эволюция кремневого инвентаря дагестанских неолитических памятников находит себе многочисленные параллели на юге: в одновременных памятниках Закавказья, Передней и Средней Азии, где в мезолите и раннем неолите происходило становление производящего, земледельческо-скотоводческого хозяйства. Особенную близость дагестанские материалы обнаруживают с кремневым инвентарем из памятников Южного Прикаспия и Туркменистана, последовательные этапы развития которого в VI—V тысячелетиях до н. э. характеризуются заменой микролитических орудий новыми, среди которых большую роль играют крупные ножевидные пластины и топоры с подшлифованными лезвиями. В хорошо изученных неолитических памятниках Южного Туркменистана помимо каменных орудий обнаружены остатки долговременных глиняных построек, а также зерна злаков и кости домашних животных, что неоспоримо свидетельствует об оседлости населения, занимавшегося земледелием и скотоводством.

Для сравнения укажем, что на обширных пространствах более северных районов Евразии, население которых по-прежнему занималось охотой, рыболовством и собирательством, микролитический кремневый инвентарь господствует на всем протяжении неолитической эпохи.

Приведенные факты не оставляют сомнений в том, что отмеченные особенности эволюции кремневых орудий свидетельствуют о сложении у дагестанских неолитических племен древнейших форм производящего хозяйства, основанного на земледелии и скотоводстве. Данное обстоятельство позволяет расширить ареал распространения раннеземледельческой культуры на Кавказе, до сих пор ограничивавшейся пределами Закавказья, за счет включения в него территории Дагестана, а может быть, и всего Северо-Восточного Кавказа.

Древность дагестанского земледелия подтверждается также этнографическими материалами. Почти у всех народов Дагестана в качестве ритуальной пищи употреблялись вареные или обжаренные зерна злаков (ячменя или пшеницы), которые сами по себе являются одним из древнейших видов растительной пищи. Во многих дагестанских языках под понятием «еда» обычно подразумевается хлеб или мучные блюда, тогда как все остальные виды пищи (включая молочную и мясную) являются как бы только дополнением к ней.

Раннему возникновению в Дагестане земледельческого хозяйства в немалой степени способствовали его естественно-географические условия. Предгорная и горная зоны были особенно благоприятны для развития здесь лиманного земледелия — одного из древнейших типов земледельческого производства. У подножия горных хребтов и на древних речных террасах в достаточном по тому времени количестве имелись пригодные для этой цели небольшие участки земли с естественно восстанавливаемым плодородием почвы. Обработка их производилась с минимальными затратами труда. Они не требовали и искусственного орошения.

Помимо этого в горном Дагестане имелись эндемичные сорта злаков, пригодные для культивирования. Специалисты называют среди них некоторые разновидности пшениц, пленчатых и особенно голозерных ячменей, а также бобовых: чечевицы и конских бобов. По мнению академика Н. И. Вавилова, из горного Дагестана ведет свое происхождение и широко известная «персидская» пшеница. Все это при наличии известного опыта использования злаковых растений, накопленного поколениями собирателей еще в каменном веке, положительно сказалось при переходе дагестанских неолитических племен к земледельческому хозяйству.

Отмечая важность местных факторов в этом процессе, нельзя недооценивать также значение культурных связей на-

селения Кавказа с древнейшими очагами земледельческой культуры в странах Передней Азии. Существование таких связей в неолите и в последующие эпохи считается доказанным.

Благодаря этим связям кавказские (в том числе и дагестанские) племена имели возможность знакомиться с достижениями передовых древневосточных цивилизаций, что оказывало положительное воздействие не только на развитие древних кавказских культур, но также и на местную экономику. Не вызывает сомнения, что при переходе к новому типу хозяйства кавказские племена были знакомы с достижениями земледельческого производства в странах Передней Азии.

Слабая изученность дагестанских неолитических памятников лишает нас возможности охарактеризовать уровень развития в эту эпоху скотоводства, являвшегося другой основной отраслью нового производящего хозяйства неолитических племен. В соседних областях юга нашей страны и в странах Передней Азии в это время уже практиковалось разведение овец, коз, свиней, крупного рогатого скота и некоторых других домашних животных. Основываясь на этом, а также имея в виду, что все эти виды животных были хорошо известны населению Дагестана в последующую энеолитическую эпоху, мы можем предполагать, что местные неолитические племена наряду с земледелием занимались также и скотоводством. Это подтверждается находкой костей домашнего быка на поздненеолитическом селище Малин-Карат.

Таким образом, имеющиеся данные свидетельствуют о постепенном переходе дагестанских племен к производящему земледельческо-скотоводческому хозяйству еще в неолите, в конце VI—V тысячелетии до н. э. Он ознаменовал гигантский скачок в развитии производительных сил, определивший более высокие темпы их последующего исторического развития.

§ 3. ЭНЕОЛИТ

Памятники энеолитической эпохи выявлены в Закавказье и в Дагестане совсем недавно. Изучение их еще не завершено. Поэтому кавказский энеолит, охватывающий период с конца V до конца IV тысячелетия до н. э., не может быть охарактеризован в настоящее время с необходимой полнотой.

На территории Дагестана выявлен пока единственный памятник энеолитической эпохи — нижний (основной) культурный слой Гинчинского поселения, расположенного в высокогорном Советском районе, в самой глубине горного Дагестана.

Поселения и жилища

Гинчинское поселение находится в одной из небольших боковых долин, образованных Гидатлинской речкой — правым притоком Аварского Койсу, одной из главных речных артерий горного Дагестана. Оно занимает участок древней речной террасы, частично ограниченной ее естественными обрывами. Там, где не было естественных преград, древние обитатели поселения соорудили из камня оборонительную стену толщиной до 1 м по основанию.

Судя по особенностям расположения Гинчинского поселения, можно полагать, что в IV тысячелетии до н. э. происходил активный процесс освоения земледельцами речных долин горного Дагестана, наиболее благоприятных для развития древнего земледелия. Прямыми следствием этого процесса явилась возросшая плотность населения этих районов, которая вызвала нехватку пригодных для хозяйствования земель. Появляется повод для усиления межплеменных столкновений, на что прямо указывает укрепленный характер Гинчинского поселения.

При раскопках Гинчинского поселения обнаружены остатки четырехугольных жилищ. Стены их сооружены из небольших каменных плит и речных валунов, уложенных на сухо, без скрепляющего раствора. Строительный материал, вероятно, добывался прямо из речного русла.

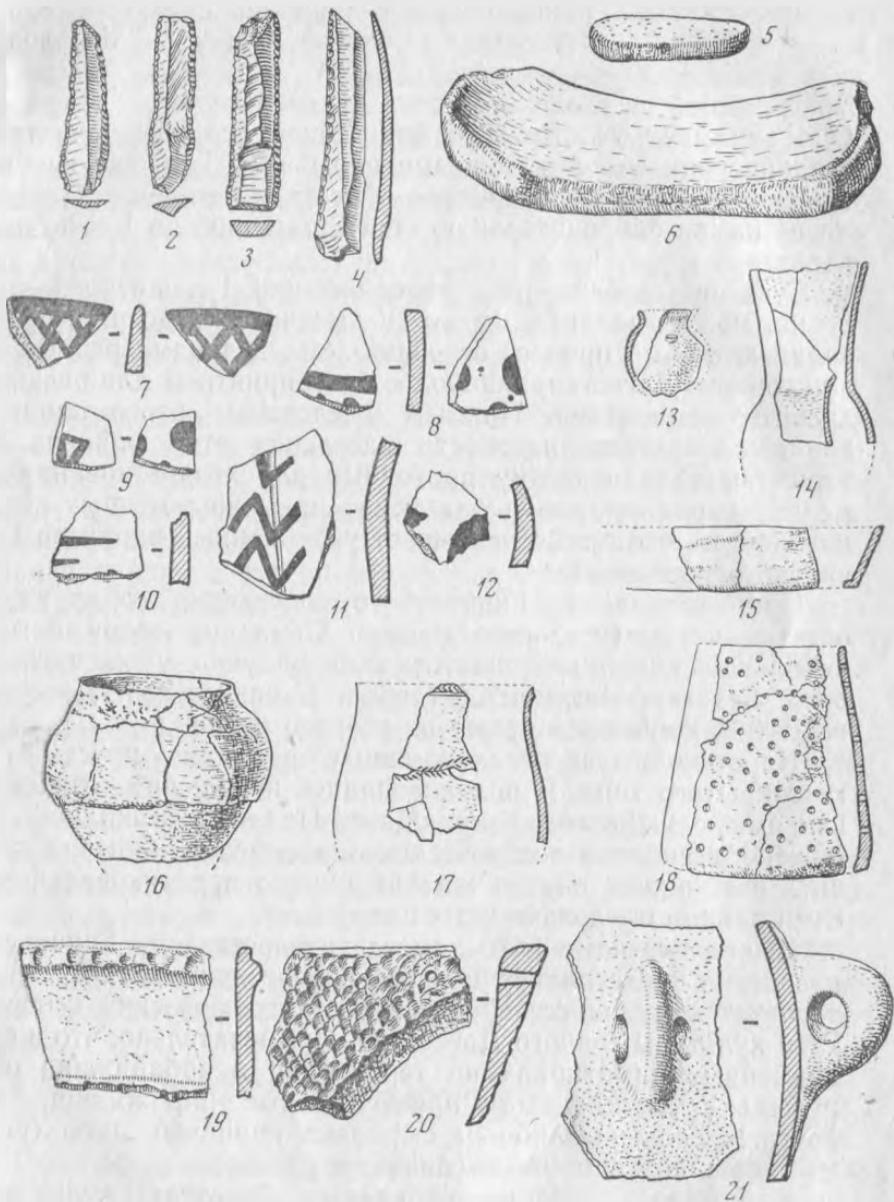
На глиниобитных полах жилищ устраивались простые очаги открытого типа. В полах делались небольшие хозяйственные ямы, служившие хранилищами. Под полами жилищ обнаружено несколько человеческих захоронений. Обычай хоронить покойников внутри жилищ широко практиковался многими раннеземледельческими племенами.

Выявление каменного домостроительства в Гинчинском поселении представляет большой интерес, так как оно характеризует одну из отличительных этнографических особенностей культуры горного Дагестана. Примечательно, что в одновременных памятниках на территории Азербайджана обнаружены круглопланые и прямоугольные типы жилищ, стены которых сложены либо из сырцовых кирпичей, либо (реже) из небольших камней на глиняном растворе.

Хозяйство

На исследованных участках культурного слоя Гинчинского поселения обнаружены разнообразные археологические материалы, характеризующие различные стороны жизни и быта его обитателей.

Прочную основу их хозяйства составляли земледелие и скотоводство. О занятиях земледелием свидетельствуют находки многочисленных каменных зернотерок и терочников, причем зернотерки нередко имеют крупные размеры рабочей поверхности. Данное обстоятельство указывает на то, что обитатели поселения снимали уже относительно большой

Кремневые ножевидные пластины (1—4), каменные зернотерки (5, 6), образцы расписной керамики (7—12), обломки тонкостенных горшочков (13—14), миска (15), горшки (16, 17, 21), дуршлаг (18), образцы орнаментированной посуды (19, 20) из Гинчинского энеолитического поселения (IV тысячелетие до н. э.)

урожай зерна. На обломках керамики нередко встречаются отпечатки соломы. Во множестве найдены здесь и жатвенные ножи — крупные кремневые ножевидные пластины, подобные неолитическим.

В нижнем культурном слое поселения представлены кости крупного рогатого скота, овец и коз, свидетельствующие о сложившемся составе стада. Скотоводство в эту эпоху носило природный характер.

Наряду со скотоводством обитатели поселения охотились на оленей, бизонов, туров и других животных.

Орудия труда в эту эпоху изготавливались преимущественно из камня и кости. Помимо упомянутых выше каменных зернотерок и кремневых жатвенных ножей в производственном инвентаре Гинчинского поселения представлены каменные песты, отбойники, режущие орудия и острия из камня. Часто встречаются костяные шилья, проколки, лощила.

В энеолитическую эпоху на Кавказе возникает и начинает развиваться металлургия меди. Правда, на Гинчинском поселении металлические изделия не были найдены. Однако в некоторых одновременных памятниках на территории Азербайджана таковые уже встречаются. Это — простейшие типы проколок и украшений, изготовленные из меди с небольшой примесью мышьяка. Специальными исследованиями установлено, что для этой цели употреблялась не самородная, а выплавленная из руды медь. Эти факты свидетельствуют о зарождении на Кавказе в IV тысячелетии до н. э. местной металлургии.

Большой интерес представляют найденные на поселении обломки глиняной посуды. Изучение их показывает, что керамическое производство сделало по сравнению с предшествующей эпохой значительный шаг вперед. На Гинчинском поселении представлены уже довольно разнообразные по форме и назначению глиняные миски, горшки, кувшинчики и другие типы сосудов, удовлетворявшие различные потребности быта.

Керамические изделия из энеолитического слоя Гинчинского поселения подразделяются на две группы. Более многочисленная из них продолжает развитие местных традиций керамического производства, зародившихся еще в позднем неолите. Это грубые толстостенные горшки и миски, изготовленные из глиняной массы с обильными включениями дресвы. Все они изготовлены вручную. Крупные горшки формировались посредством последовательного наращивания друг на друга широких глиняных лент. Места соединения лент затем тщательно обмазывались, и готовые сосуды после соответствующей обработки наружных поверхностей подвергались обжигу.

При обработке наружных поверхностей сосудов чаще всего практиковалось обмазывание их густым слоем жидкой глины и ангобирование, т. е. покрытие их тонким слоем хорошо отмученной глины, дававшей после обжига несколько иной оттенок цвета. Ангобированные сосуды нередко подвер-

гались лощению. На поверхностях отдельных сосудов имеются отпечатки рогожи или циновки. Некоторые сосуды украшены орнаментом в виде налепных валяков с защипами, горизонтальных рядов сквозных отверстий под венчиком или нарезным елочным узором.

Почти все эти приемы обработки и украшения наружных поверхностей сосудов, возникнув в позднем неолите и энеолите, бытовали в Дагестане чрезвычайно долго. Они являются одними из наиболее характерных этнографических признаков древней культуры местных дагестанских племен.

Другая группа керамики Гинчинского поселения представлена обломками тонкостенных сосудов, отличающихся более тщательным изготовлением и хорошим обжигом. Некоторые обломки украшены росписью, сделанной красной или коричневой краской по более светлому фону. Подобная керамика встречается в энеолитических памятниках на территории Азербайджана. Она обнаруживает определенное сходство с керамикой, бытовавшей в IV тысячелетии до н. э. в Северной Месопотамии и Восточной Анатолии.

Находки этой керамики в Закавказье и в Дагестане свидетельствуют о существовании связей населения этих областей со странами Переднего Востока в IV тысячелетии до н. э. Найденные на Гинчинском поселении обломки сосудов с отпечатками рогожи или циновки свидетельствуют об использовании растительных волокон для изготовления грубых плетеных изделий. Таким образом, создаются предпосылки для зарождения ткачества, существование которого в III тысячелетии до н. э. подтверждается археологическими материалами.

Материалы Гинчинского поселения знакомят нас с теми большими достижениями, которыми ознаменовалась для населения Дагестана энеолитическая эпоха. Судя по достигнутому в это время относительно высокому уровню развития земледельческо-скотоводческого хозяйства, зарождению металлургии, ткачества, строительного дела, можно предполагать, что в энеолите начинается переход от матриархально-родовых отношений к патриархально-родовым.

С переходом к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству обширные, но довольно неустойчивые этнокультурные общности мезолитической эпохи сменяются менее крупными, но зато более устойчивыми этнокультурными общностями эпохи неолита и особенно энеолита. Определение этнической принадлежности раннеземледельческих племен имеет весьма важное значение, ибо именно в их среду уходят своими истоками многие из существующих ныне языковых групп, в том числе кавказско-иберийской семьи языков.

Как уже отмечалось, неолитические культуры Кавказа изучены пока еще крайне недостаточно, вследствие чего мы лишены в настоящее время возможности проследить на конкретном археологическом материале весь ход этнокультурного развития его населения в эту эпоху. Но даже и по имеющимся данным можно судить о том, что этот процесс протекал под переднеазиатским влиянием.

Более определенно рисуется процесс этнокультурного развития населения Кавказа в последующую, энеолитическую эпоху. В это время на Восточном Кавказе, на территории нынешнего Азербайджана и Дагестана, широко расселилась группа раннеземледельческих племен, оставивших памятники сходной культуры. Специфические особенности этой культуры проявляются в распространении керамики с примесями рубленой соломы в глиняной массе, а также керамики, украшавшейся расписным узором.

По мнению некоторых советских ученых (А. А. Иессен и др.), энеолитическая культура Восточного Кавказа является северной периферией более обширной энеолитической культуры восточно-переднеазиатского (иранского) круга. Одновременно с ней в Центральном Закавказье и Восточной Анатолии сложилась другая группа племен, в среде которых формировалась «куро-аракская» культура, широко распространившаяся на Кавказе в III тысячелетии до н. э. Можно полагать поэтому, что население Кавказа в энеолите не было этнически однородным. Процесс этнокультурного развития племен Центрального Закавказья и Восточной Анатолии, с одной стороны, и Восточного Кавказа и Северо-Западного Ирана — с другой, происходил различными путями.

Однако и интересующая нас энеолитическая культура восточно-переднеазиатского ареала не была однородной на всей территории своего распространения. Черты локального своеобразия прослеживаются достаточно отчетливо и на том ее варианте, который представлен в материалах Гинчинского поселения.

На материалах Гинчинского поселения мы можем отчетливо проследить черты локального своеобразия обширной энеолитической культуры восточно-переднеазиатского круга. Мы встречаем здесь керамику с отпечатками рогожи или циновки. Своеобразен и орнамент в виде сквозных проколов под венчиком, налепных валиков с вдавлинами. Все эти специфические особенности керамического производства, продолжающие его более древние традиции, встречаются южнее чрезвычайно редко.

Другой характерной особенностью дагестанского варианта энеолитической культуры является каменное домостроительство, отличающее его от других районов, где главным строительным материалом служил сырцовый кирпич.

Отмеченные черты, характеризующие этнокультурное своеобразие дагестанского энеолита, устойчиво повторяются и развиваются в последующие периоды медно-бронзового и даже раннекорабельного века, свидетельствуя о генетической преемственности длительного автохтонного развития местного населения.

К сожалению, мы лишены в настоящее время возможности очертить достаточно определенно территорию расселения этой группы племен. Если же принять во внимание ареал обмазанной керамики в памятниках следующего, III тысячелетия до н. э., представляется возможным включить в него помимо Дагестана часть районов Северного Азербайджана, примыкающих к Большому Кавказу, а также территорию нынешней Чечено-Ингушетии.

Очерчиваемый таким образом ареал поразительно совпадает с территорией расселения родственного в лингвистическом отношении населения Восточного Кавказа, относящегося к дагестанской и вейнахской группам языков кавказско-iberийской языковой семьи.

ГЛАВА III

МЕДНО-БРОНЗОВЫЙ ВЕК

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ

Следующий период — медно-бронзовый век — охватывает промежуток времени с конца IV до конца II тысячелетия до н. э. Он характеризуется многими важными достижениями в производстве, культуре, социальном устройстве, определившими его как важный этап в развитии первобытнообщинного строя.

Возникшая еще в энеолите металлургия меди достигает в этот период своего расцвета. На протяжении III—II тысячелетий до н. э. изделия из меди и бронзы играют все большую роль в жизни человека. На Кавказе, как и повсеместно, где были запасы руд, складываются очаги металлургического производства.

Хозяйственная деятельность характеризуется возникновением и развитием пашенного земледелия, непрерывным ростом скотоводства, расширением видового состава стада.

Происходит дальнейшее развитие материальной культуры, выразившееся, в частности, в появлении разных типов поселений и жилищ, в сложении многих элементов архитектуры и строительной техники, доживающих до наших дней.

По мере углубления общественного разделения труда возрастает роль межплеменного обмена, благодаря чему усиливаются связи между населением различных областей.

В этот период складываются те этнокультурные общности, которые послужили основой для формирования многих племен и народностей, позднее известных по письменным источникам.

С ростом производительных сил, увеличением роли обмена возникает и углубляется имущественная дифференциация, усиливается межплеменная борьба за пахотные и пастбищные угодья, скот и месторождение металлов.

Развитие пашенного земледелия, скотоводства и металлургии, где господствовал мужской труд, определило глубоко-

кие изменения в общественном устройстве. Матриархально-родовые отношения, господствовавшие с эпохи верхнего палеолита, окончательно вытесняются новыми, патриархальными отношениями, более соответствующими возросшей роли мужского труда в общественном производстве. Значительную роль в общественной и особенно хозяйственной жизни начинают играть наряду с родом отдельные патриархальные семьи. Накапливавшиеся богатства сосредоточивались в руках отдельных семей, что порождало имущественную дифференциацию внутри рода: «...отдельная семья сделалась силой, которая угрожающе противостояла роду»¹.

Все более обособлялась родовая верхушка, которой попадала львиная доля военной добычи, что еще больше углубляло имущественные различия, постепенно перераставшие в элементы социального неравенства. Все это приводило к тому, что в медно-бронзовом веке начался процесс разложения первобытнообщинного строя.

Многочисленные и разнообразные памятники медно-бронзового века на территории Дагестана выявлены в различных его естественногеографических зонах. Это свидетельствует о том, что территория Дагестана в III—II тысячелетиях до н. э. была полностью освоена и сравнительно густо заселена оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами.

В силу ряда причин археологические памятники этого времени оказались более изученными, чем памятники других исторических эпох. Этим и объясняется относительная полнота наших нынешних знаний о медно-бронзовом веке Дагестана.

В развитии культуры медно-бронзового века Дагестана принято выделять два последовательных периода: эпоху древней бронзы, хронологически соответствующую в основном III тысячелетию до н. э., и собственно бронзовый век, охватывающий период с конца III до конца II тыс. до н. э.

§ 2. ПЕРИОД ДРЕВНЕЙ БРОНЗЫ

Поселения и жилища С расселением местных племен в III тысячелетии до н. э. знакомят нас материалы довольно многочисленных поселений. Могильники этой эпохи до сих пор на территории Дагестана не выявлены.

Большая часть известных в настоящее время поселений располагается на равнине. Это Хаджалкалинское и Мамрашское поселение в Магарамкентском районе; Великентское — в Дербентском; Каякентское, Башлыкентское и Мамайкутан-

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, стр. 162.

Вид холма, на котором располагалось Великентское поселение
(III тысячелетие до н. э.)

ское — в Каякентском районе и Махачкалинское поселение — на южной окраине г. Махачкалы.

В предгорьях поселения эпохи древней бронзы выявлены около сел. Гильяр (Магарамкентский район), в урочище Шаракун (совхоз Герейханова, Касумкентский район), в урочище Гяуркала (Кайтагский район), у сел. Мекеги (Левашинский район). И, наконец, в глубине горных районов памятники этой эпохи обнаружены около сел. Гапшима (Акушинский район), неподалеку от селений Кули и Вачи (Кулинский район), в урочище Чинна (Хунзахский район). К их числу относится и верхний слой Гинчинского поселения (Советский район).

Приведенные данные довольно фрагментарны. Они чрезвычайно слабо отражают действительную картину расселения дагестанских племен в III тысячелетии до н. э. И тем не менее даже по ним можно заключить о широком освоении местными племенами всей пригодной для развития хозяйства в условиях своего времени территории Дагестана, о возросшей по сравнению с предшествующей эпохой плотности заселения отдельных районов.

В рассматриваемую эпоху начинают достаточно отчетливо вырисовываться зональные различия в выборе места и типах поселений.

Поселения эпохи древней бронзы, выявленные на равнинах и в начале предгорий, располагались обычно на вершинах

небольших естественных холмов, а в отдельных случаях (как, например, на хуторе Мамай-кутан Каякентского района) они представляют собой зольные холмы, образованные разрушенными глиnobитными постройками, золой и другими остатками человеческой деятельности.

В глубине предгорий и в горных районах места для поселений нередко выбирались у крутых берегов рек и потоков, что придавало им естественно укрепленный характер (Мекегинское и Гинчинское поселения). В III тысячелетии до н. э. складывается и характерный тип горского поселения, расположенного на крутом склоне, чем определялась его ступенчатая планировка (Кулинское и Хунзахское поселения).

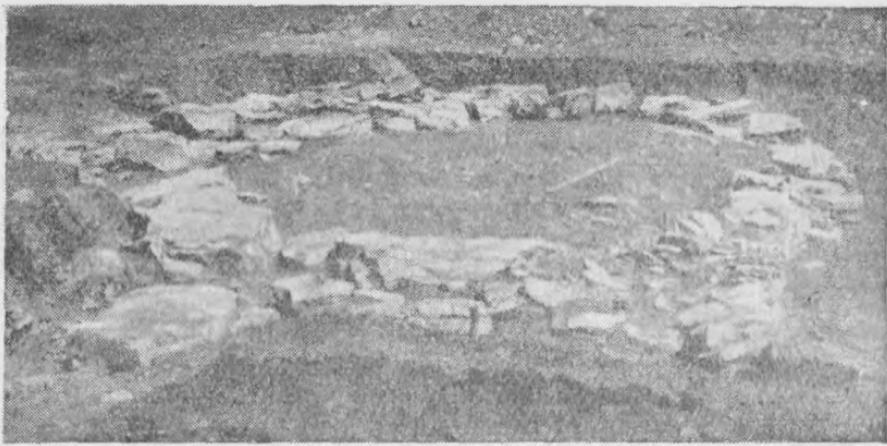
Поселения на вершинах естественных холмов и в виде зольных холмов — теллей, выявленные в Дагестане на равнине и в примыкающих к ней предгорьях, широко известны и за его пределами. Они встречаются на обширной территории, включающей Закавказье, многие районы Передней и Средней Азии.

Ареал поселений, выявленных в глубине предгорий и в горных районах Дагестана, значительно уже. Подобные поселения, особенно горского типа со ступенчатой планировкой, встречаются преимущественно в горных районах Кавказа.

Все упомянутые поселения обычно имеют мощные культурные слои, достигающие 1,5—2 м толщины. В них встречаются многочисленные каменные орудия и инструменты, кости животных, строительные остатки, скопления золы и т. д. Очевидно, для образования подобных отложений требовались значительные промежутки времени. Поэтому наличие таких культурных напластований в дагестанских поселениях III тысячелетия до н. э. можно считать убедительным свидетельством прочной оседлости оставившего их населения.

Некоторые представления об устройстве жилищ той эпохи дали раскопки на Мекегинском поселении, где были обнаружены остатки округлых в плане построек полуzemляночного типа. Их углубленные в землю основания обкладывались камнем. Полы жилищ были глиновитными; по-видимому, они систематически подмазывались глиной. В этих жилищах обнаружены остатки углубленного в землю очага, напоминающего современные даргинские гарумы, и более сложного двухкамерного печного сооружения типа встречаемых и ныне печей для сушки и обжаривания зерна и выпечки хлеба. Наземная часть жилищ, вероятно, сооружалась из плетеного деревянного каркаса, обмазанного с обеих сторон глиной. Остатки подобных жилищ обнаружены также на Каякентском и Мамайкутанском поселениях.

Круглопланые жилища широко распространены в эту эпоху в Закавказье, а также в Эгейском море, в Передней и Средней Азии. Таким образом, появление круглопланых

Остатки круглопланного жилища на Мекегинском поселении
(III тысячелетие до н. э.).

жилищ, или «толосов», на территории Дагестана, очевидно, является одним из многих свидетельств существования древних культурных связей населявших его племен с населением стран Восточного Средиземноморья.

Население горных районов Дагестана наряду со строительством круглопланых жилищ продолжало развивать древнюю местную традицию каменного домостроительства.

Земледелие и скотоводство Как показывают археологические данные, основу прочной оседлости дагестанских племен в III тысячелетии до н. э. составляло земледельческо-скотоводческое хозяйство. При этом в различных естественногеографических зонах Дагестана бытовали безусловно разные способы ведения хозяйства. Однако охарактеризовать по имеющимся данным конкретные способы хозяйствования по зонам в настоящее время не представляется возможным. Поэтому дальнейшая характеристика различных отраслей хозяйства населения Дагестана в рассматриваемую эпоху дается суммарно, а не по зонам.

О земледельческих занятиях местного населения свидетельствуют многочисленные и разнообразные материалы. Судя по ним, рост земледельческого хозяйства в эту эпоху был обусловлен увеличением площадей возделываемых земель. Для обработки их наряду с мотыгой применялись, по-видимому, и простейший деревянный плуг или соха.

Как известно, такие плуги применялись в Передней Азии уже в IV тысячелетии до н. э. Можно предположить, что своим знакомством с плужным земледелием кавказские племена были обязаны именно населению более южных областей. В этой связи интересно отметить, что многие разно-

видности бытовавших до недавнего времени в горных районах Кавказа пахотных орудий имеют своими прототипами именно переднеазиатские образцы.

Древность пашенного земледелия в Дагестане подтверждается также языковыми данными. Почти все дагестанские языки имеют близкие, восходящие к общему корню названия деревянного плуга (*пурцц* — ав., *дураз* — дарг., *хъарас* — лак., *түй* — лезг., *дуруц* — таб., *ребицу* — анд. и др.), ярма (*рукъ* — ав., *дукI* — дарг., *рукI* — лак., *вик* — лезг., *йурккагъ* — таб., *рукъо* — анд.), пашни — села (*хур* — ав., *хъу* — дарг., *хъу* — лак., *хуър* — лезг., *гъул* — таб., *хур* — анд.), быка (*оц* — ав., *унц* — дарг., *ниц* — лак., *йац* — лезг., *ийц* — таб., *унсо* — анд.). Не вызывает сомнений, что эта общая для дагестанских языков терминология восходит к общедагестанскому языку-основе.

Обработанную землю засевали различными сортами злаков. Археологические материалы позволяют составить представление о некоторых из них. Так, на Каякентском поселении были обнаружены отпечатки чешуек твердой пшеницы, а на Мекединском — зерен голозерного ячменя. Но наиболее ценные и интересные находки злаков выявлены в Гильярском поселении, где в раздавленном сосуде обнаружены обуглившимися зерна твердой и мягкой пшеницы, голозерного и пленчатого ячменя и даже льна. Судя по этим находкам, население Дагестана, подобно закавказским земледельцам, практиковало в III тысячелетии до н. э. смешанные посевы злаков.

Урожай снимали при помощи составных серпов, обмолачивали; вероятнее всего, зерна из колосьев вытаптывали животные. Однако не исключено, что в конце III тысячелетия до н. э. уже начали применять для этой цели специальные молотильные доски, достоверность существования которых археологически засвидетельствована для последующего бронзового века. Прослеживаемые в дагестанских языках общекорневые названия гумна (*гъоцIо* — ав., *уртгIа* — дарг., *тта* — *рацIалу* — лак., *рат* — лезг., *рацц* — таб., *гъинцI* — *цIу* — анд.), соломы (*сум* — ав., *сума* — дарг., *сун* — лак., *сам* — лезг., *шивам* — таб., *суми* — анд.), мякины (*накку* — ав., *нег* — дарг., *нахъв* — лак., *нагъв* — лезг., *нахъв* — таб., *никку* — анд.) свидетельствуют о том, что терминология, связанная с обмолотом зерна, также сложилась в глубокой древности.

Обмолоченное и провеянное зерно подсушивали, а нередко и обжаривали в специальных печах, широко распространенных в быту и поныне (*кор* — ав., *кари* — дарг., *кIвара* — лак., *хъар* — лезг., таб., *корюк* — кумык.). Существование их в эту эпоху подтверждается находкой такой печи в одном из жилищ Мекединского поселения.

Часть зерна перемалывали на крупу и муку на зернотерках. Эти орудия, обычно изготовленные из крупных плоских речных валунов, в большом числе встречаются на поселениях древнебронзовой эпохи. Вследствие сильной сработанности они приобретали характерную ладьевидную форму.

Другой ведущей отраслью хозяйства в III тысячелетии до н. э. являлось скотоводство. Изучение остеологических материалов показывает, что в эту эпоху в различных естественногеографических зонах Дагестана разводили главным образом крупный и мелкий рогатый скот.

Несколько видоизменилась в данную эпоху и система скотоводства. Там, где позволяют естественногеографические условия, входит в практику пастушеское отгонное скотоводство, основанное на использовании в летнее время горных пастбищ, расположенных на некотором расстоянии от мест поселений, но в пределах территории, принадлежавшей роду или племени. Благодаря тому, что скот перегонялся на небольшие расстояния, переход к пастушескому скотоводству, благоприятно оказавшийся на общем росте поголовья, не вызвал, однако, качественных изменений в составе стада.

Ведущую роль в дагестанском скотоводстве играл крупный рогатый скот. Это определялось не только более высокой мясной и молочной его продуктивностью, но и использованием его в качестве тягловой силы при пахоте. Упряжки быков, по-видимому, передвигали также и неуклюжие деревянные повозки. Их массивные колеса с сильно выступающими ступицами изготавливались целиком из крупных кусков дерева. Глиняные модели таких колес часто встречаются в дагестанских памятниках III—II тысячелетий до н. э. Наряду с колесными повозками для перевозок тяжестей могли использовать и сани-волокушки.

Ведущая роль земледелия и скотоводства в хозяйственной жизни населения древнебронзовой эпохи выступает особенно наглядно при знакомстве с употреблявшейся в ту пору пищей.

Имеющиеся данные говорят о широком употреблении помимо растительной пищи также молока и молочных продуктов, реже — мяса. В инвентаре древнебронзовых памятников Дагестана имеется немало специальных форм глиняной посуды, использовавшейся для хранения молока и молочных продуктов. На Великентском поселении обнаружена большая глиняная корчага с отверстием в дне, предназначенная для приготовления сыра.

Интересно отметить, что в дагестанских языках сохранились общекорневые названия некоторых молочных продуктов: самого молока (*ракъ* — ав., *ниг* — дарг., *накI* — лак., *нек* — лезг., *ники* — таб., *накъ* — арч.), коровьего сыра (*нису* — ав., *нуси* — дарг., *нис* — лак., *ниси* — лезг., *исо* —

анд., *носо* — арч.), масла (*нах* — ав., *нерх* — дарг., *нагь* — лак., *инх* — арч.). Это позволяет отнести подобную терминологию к эпохе существования общедагестанского языка-основы, что лишний раз свидетельствует о большом значении молочных продуктов в пище населения Дагестана в рассматриваемую эпоху. В этой связи обращает внимание и то, что название мяса, мясных продуктов, а также овечьего сыра в дагестанских языках не совпадают. Выше уже отмечалось, что под термином «еда» у многих дагестанских народов подразумевается исключительно хлеб и мучные продукты, тогда как все другие виды пищи являются как бы дополнением к ней.

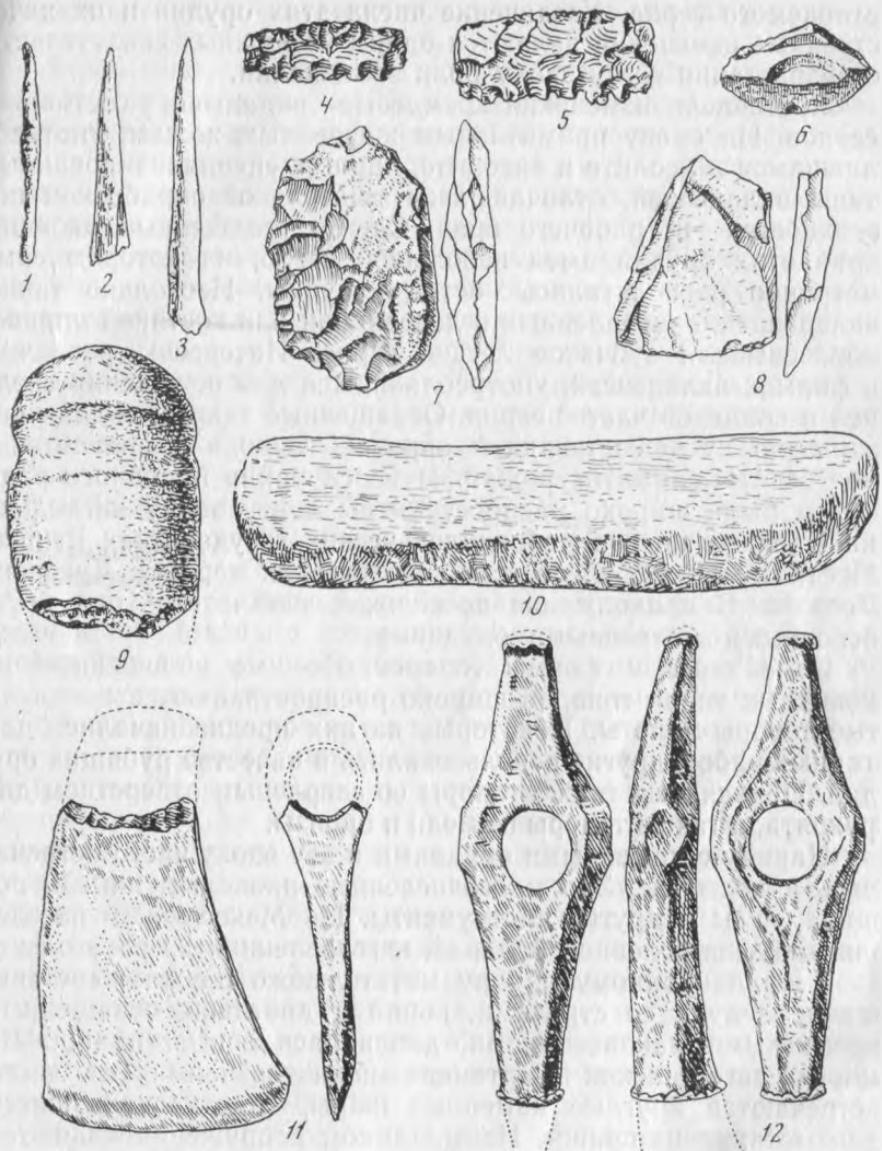
Таким образом, имеющиеся данные позволяют сделать вывод о том, что главным продуктом питания древних земледельцев Дагестана являлась растительная и молочная пища, тогда как мясо и мясные продукты играли в их рационе более скромную роль.

Ведущая роль земледельческо-скотоводческого хозяйства в жизни населения Дагестана нашла свое отражение и в распространении некоторых специфических культов. Как известно, одним из наиболее древних среди них является культ плодородия. Центральное место в нем занимает женский образ, олицетворявший плодородие в сознании древних земледельцев. И не случайно во всех раннеземледельческих памятниках Передней Азии, юга Европы, Средней Азии и Кавказа в большом числе встречаются глиняные женские статуэтки, справедливо рассматриваемые учеными как наиболее яркое свидетельство широкого распространения этого культа. Подобные статуэтки обнаружены и в дагестанских памятниках III тысячелетия до н. э.: в кургане Катарагач-тапа севернее Дербента и на Шаракунском поселении (Касумкентский район).

Столь же широкое распространение получил в эту эпоху кult домашних животных. Особенно распространен был кult быка, который играл значительную роль в пахоте, а также олицетворял собой плодородие стада.

Орудия труда Развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства, строительной техники и других отраслей производства стимулировалось непрерывным ростом производительных сил дагестанских племен. Ярким выражением этого процесса является дальнейшее усовершенствование орудий труда. Они по-прежнему изготавливались из камня, однако приемы их обработки значительно усовершенствовались. Появились специализированные формы орудий.

Значительное место среди орудий труда занимали, как уже отмечалось выше, земледельческие орудия. Особенно часто встречаются в инвентаре дагестанских древнебронзовых поселений каменные ладьевидные зернотерки и кремне-

Металлическое (1) и костяные (2, 3) шилья, кремневые вкладыши серпов (4, 5), обломок литейной формочки (6), клиновидные каменные топоры (7, 8), каменный топор-молот (9) из Мекегинского поселения, каменная ладьевидная зернотерка (10) из Великентского поселения, бронзовый топор (11) из окрестностей сел. Мекеги, медный топор-клевец из окрестностей сел. Ругуджа (12) (III тысячелетие до н. э.)

вые вкладыши от составных серпов. У зернотерок рабочая поверхность делается теперь слегка бугристой и большей по площади, достигая 30—35 см в длину при ширине 13—17 см. Благодаря этому стало возможным увеличить количество ра-

стираемого зерна. Увеличение числа этих орудий и их качественные изменения являются одним из важных свидетельств о возрастании в эту эпоху роли земледелия.

Претерпели изменения кремневые вкладыши составных серпов. На смену примитивным жатвенным ножам, употреблявшимся в неолите и энеолите, пришли специализированные типы вкладышей, отличавшиеся тщательной обработкой поверхностей и рабочего края. Слегка утолщенный рабочий край этих орудий имел небольшой изгиб, на котором симметрично располагались острые зубцы. Несколько таких вкладышей, закрепленных в деревянной или костяной оправе, образовывали зубчатое лезвие серпа. Интересны различия в формах вкладышей, употреблявшихся для оснащения средней и концевой частей серпа. Оснащенные такими вкладышами серпы с челюстевидной оправой позволяли сравнительно быстро снимать урожай. И не случайно подобного рода серпы были широко распространены в эту эпоху не только на Кавказе, но и в рабовладельческих государствах Египта, Месопотамии и у других земледельческих народов Древнего Востока. В продолжение нескольких тысячелетий они были основными жатвенными орудиями.

Изменились и формы топоров. Помимо уплощенно-клиновидных типов топоров широко распространяются желобчатые топоры-молоты. Некоторые из них предназначались для горных работ, другие использовались в качестве рубящих орудий. Появляются также топоры со сверленым отверстием для рукояти, а также топоры из меди и бронзы.

Наряду с каменными орудиями в эту эпоху часто встречались и костяные. Это многочисленные проколки, шилья, лощила, иглы и другие инструменты. На Мекегинском поселении найдена головная булавка, изготовленная из рога оленя.

К традиционному набору метательного оружия, состоявшему из лука со стрелами, копий и дротиков, оснащенных кремневыми наконечниками, добавилась еще и праща. Во многих дагестанских памятниках эпохи древней бронзы часто встречаются круглые каменные шары, предназначавшиеся для метания из пращи. Новым видом вооружения являются булавы, грушевидные навершия которых, изготовленные из камня и глины, также довольно часто находят при раскопках этих памятников.

Металлургия III тысячелетия до н. э. предстает уже в достаточно развитом виде. На Мекегинском поселении обнаружено несколько сильно окислившихся металлических изделий и среди них небольшое прокованное шило. Анализ этих предметов показал, что они изготовлены из медно-мышьяковистых сплавов, отличающихся большей твердостью по сравнению с чистой медью. Здесь же найден обломок глиняной литейной

формочки, свидетельствующий о том, что металлические изделия изготавливались на месте.

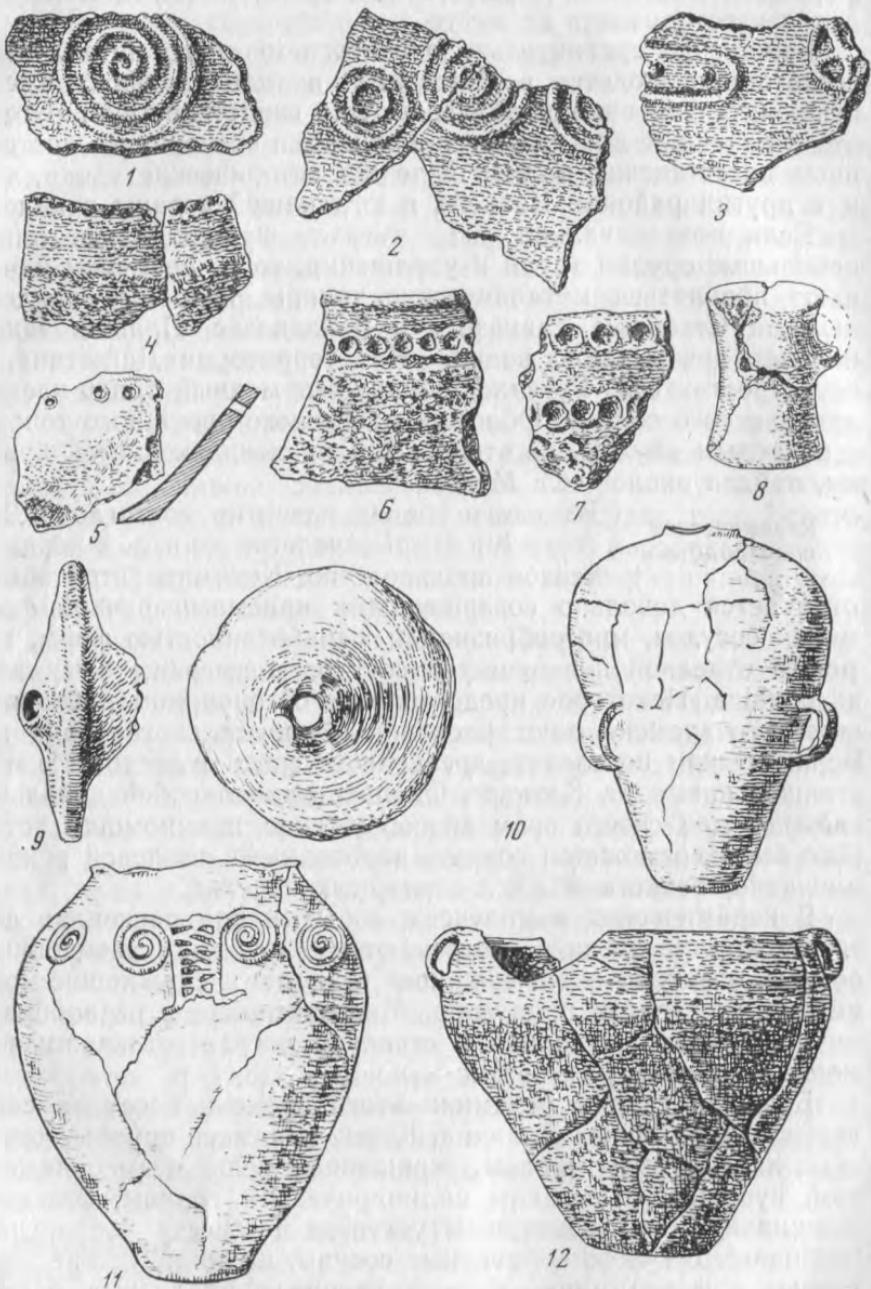
Выявление сравнительно развитого местного металлургического производства в Дагестане в данную эпоху имеет исключительно важное значение. Оно свидетельствует о том, что главнейшие достижения цивилизации становились достоянием дагестанских племен в те же исторические сроки, что и в других районах Кавказа и юга нашей страны в целом.

Если первоначально из металла изготавливались лишь небольшие орудия труда и украшения, то со временем начинают появляться металлические топоры, подобные найденным на Северном Кавказе и в Закавказье. Правда, такие находки чрезвычайно редки. На территории Дагестана, в окрестностях сел. Ругуджа обнаружен медный топор-клевец архаического облика. Обломок массивного проушного топора с обвистым обухом, изготовленный из мышьяковистой бронзы, найден около сел. Мекеги.

Керамическое производство Высокого уровня развития достигло в Дагестане в III тысячелетии до н. э. и керамическое производство. Керамика этой эпохи отличается довольно совершенными приемами ручной формовки сосудов, многообразием и выработанностью форм, хорошей отделкой поверхностей сосудов и высоким качеством их обжига. Некоторое представление о гончарном производстве того времени дают раскопки обжигательного горна на Великентском поселении, древнейшем среди известных в настоящее время на Кавказе. Он представлял собой довольно сложное для своего времени сооружение, при помощи которого было возможным создать необходимый тепловой режим для качественного обжига гончарных изделий.

В керамических комплексах, добытых при раскопках дагестанских поселений, встречаются крупные узкодонные сосуды, очевидно вкапывавшиеся в землю и служившие хранилищами запасов продуктов. Многочисленна и разнообразна по формам кухонная и столовая посуда, отличавшаяся менее крупными размерами.

Большая группа керамики этого времени несет на себе черты закавказского влияния. К ней относятся крупные сосуды с яйцевидным туловом, украшенные рельефным орнаментом, кувшины с высоким цилиндрическим горлом, большие кувшинчики с характерным уступом на месте соединения горловины с туловом, баночные сосуды, цилиндрические подставки для керамики. К этой группе принадлежат также разнообразные миски, встречающиеся в Дагестане значительно чаще, чем в других областях Кавказа. Керамика этой группы уже давно привлекла внимание исследователей своим сходством с соответствующими образцами гончарных изделий из закавказских памятников так называемой «куро-аракской»

Образцы керамики, орнаментированной налепными валиками (1—3, 6, 7), насечками (4), горизонтальным рядом проколов (5), глиняная подставка (8), модель колеса (9) и крупные сосуды-хранилища (10—12) из Мамайкутанского (1), Великентского (2—4, 6, 7, 9—12) и Мекегинского (5, 8) поселений (III тысячелетие до н. э.)

культуры (III тысячелетие до н. э.). Много общего наблюдается также в приемах обработки поверхностей сосудов путем тщательного лощения и окраски наружных поверхностей.

Позже в керамических комплексах дагестанских памятников эпохи древней бронзы были выявлены такие черты, которые не были свойственны «куро-аракской» культуре. В частности, целый ряд дагестанских керамических форм (крупные сосуды со вздутым туловом, трехручные сосуды-хранилища, небольшие миски с отогнутым венчиком и некоторые другие) обнаруживают близкое сходство с аналогичной керамикой северокавказских памятников майкопской культуры.

Выделяется и еще одна группа дагестанской керамики, находящая аналогии только в памятниках Чечено-Ингушетии и Северного Азербайджана. Сюда относятся разнообразные по форме и назначению сосуды, наружные поверхности которых обмазаны жидкой глиной: крупные сосуды-хранилища с бочонковидным туловом, большие, сильно вздутые корчаги на узком дне, крупные и небольшие горшки, «жаровни» и другие типы сосудов.

Необычен и орнамент этой «обмазанной» керамики в виде горизонтального валика, нередко расчлененного вдавлинами и насечками. Иногда такие вдавлины наносились на верхние края сосудов. Встречается в этой группе и орнамент в виде горизонтального ряда округлых отверстий, нанесенных изнутри сосуда до его обжига.

Данная группа сосудов, очевидно, характеризует древнюю местную традицию керамического производства, сложившуюся в Дагестане задолго до рассматриваемого времени. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что орнамент в виде ряда круглых проколов неизвестен в памятниках III тысячелетия до н. э. за пределами Дагестана. Однако он находит себе прямые аналогии в дагестанской поздненеолитической и энеолитической керамике.

Таким образом, в дагестанской керамике эпохи древней бронзы наряду с традиционными местными чертами ощутимо прослеживаются новые элементы, возникшие под влиянием соседних племен, особенно племен закавказской, «куро-аракской» культуры.

Прядение и ткачество Некоторые находки на дагестанских древнебронзовых поселениях свидетельствуют о развитии в эту эпоху прядения и ткачества. На это указывает, в частности, найденный на Мекегинском поселении обломок костяного прядильца. А на одном из обломков керамики Гильярского поселения сохранился отпечаток ткани простейшего полотняного плетения, указывающий на применение ткацкого станка.

Основным источником наших знаний об истории дагестанских племен в период с конца III до конца II тысячелетия до н. э. по-прежнему остаются археологические материалы, добытые раскопками многочисленных поселений и могильников. В этих материалах ярко отразилось нарастание темпов исторического развития, вызвавшее прогрессивные изменения в различных сферах жизни и быта дагестанских племен.

Изучение особенностей эволюции материальной культуры Дагестана в рассматриваемую эпоху позволяет выделить в ней три последовательно сменивших друг друга этапа. Наиболее ранний из них, карабудахкентско-гонообский этап охватывает отрезок времени с 2100 по 1700 г. до н. э. Следующий за ним, средний, или манасско-гинчинский, этап хронологически соответствует 1700—1400 гг. до н. э. Заключительный, поздний этап, широко известный под названием каякентско-хорочоевского, продолжался с 1400 до 1100 г. до н. э.

Расселение Известные в настоящее время многочисленные и разнообразные памятники бронзового века: поселения, могильники, наскальные изображения и случайные находки отдельных предметов — свидетельствуют о практическом освоении местными племенами в эту эпоху всей территории Дагестана от равнины до высокогорий. На равнине могильники и поселения этого времени обнаружены у Махачкалы, Хасав-юрта и Избербаша, вблизи железнодорожных станций Манас и Каягент, в окрестностях поселка Дагестанские Огни, около селений Мамай-кутан, Хошмезиль и в ряде других пунктов. Картографирование памятников бронзового века, выявленных в предгорных и горных районах Дагестана, позволяет утверждать, что в эту эпоху были полностью освоены бассейны всех главных рек Дагестана, таких, как Сулак, Самур и др.

Рассмотрим, например, картину заселения в бронзовом веке бассейна р. Сулак в том виде, как она вырисовывается в свете известных в настоящее время памятников. У выхода р. Сулак из предгорий расположены Сигитминское поселение и Миатлинское курганное поле. В среднем течении выявлены Чиркейское поселение и курганное поле, Ирганайское поселение и могильник. По Андийскому Койсу располагались Чиркатинское селище, Андийское, Местерухское и Ингердахское поселения, Гагатлинский могильник. По Аварскому Койсу — Гинчинское поселение, Гононский и Гинчинский могильники. В бассейне р. Кара-Койсу — Верхнегунибское и Кучрабское поселения, Чохский и Ругуджинский могильники, Маакибский клад. В бассейне р. Казикумухское Койсу — Вачинское поселение; окрестности селений Турчи и Кули, известные наход-

ками превосходных образцов металлического оружия. И, наконец, в бассейне р. Акушинки — правого притока р. Казикумухское Койсу — обнаружены два поселения и могильники в окрестностях сел. Усиша.

Приведенные данные неоспоримо доказывают факт заселения в бронзовом веке всего бассейна р. Сулак от его верховий (от склонов Главного Кавказского хребта) до выхода на равнину. Нет сомнений, что аналогичным образом была освоена и остальная территория Дагестана, бассейны других больших и малых рек.

Расположение известных в настоящее время археологических памятников в диапазоне от нулевой отметки до высоты более 2000 м над уровнем моря ярко свидетельствует о хозяйственном освоении местными племенами всех естественногеографических зон Дагестана, начиная от равнины и вплоть до высокогорий.

Устанавливаемая по археологическим материалам территориальная близость памятников бронзового века, особенно поселений, а также укрепленный характер многих из них указывают на дальнейшее возрастание плотности заселения территории Дагестана в эту эпоху и обусловленную этим нехватку угодий, пригодных для развития земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Поселения Отмеченные для предшествующей эпохи зональные различия в типах поселений равнин и горных районов наблюдаются и в памятниках бронзового века.

Равнинные поселения этого времени изучены пока еще недостаточно. Тем не менее здесь выявлены поселения двух разновидностей.

К одной из них относятся поселения на вершинах естественных холмов, знакомые нам еще с предшествующей эпохи древней бронзы (Джемикентское поселение).

Другая разновидность равнинных поселений представляет собой остатки неукрепленных селищ, занимавших небольшие участки по краям древних морских террас, совершенно не выделяющиеся на рельефе окружающей местности (Паласасыртское поселение).

В предгорных и горных районах в это время получил широкое распространение другой тип поселений — скальный. Поселениям этого типа присущ ярко выраженный оборонительный характер. Чаще всего они располагались на крутых склонах (Сигитминское, Верхнегунибское) или на уплощенных вершинах скалистых кряжей (Чиркейское, Усишинское), в естественноукрепленных, труднодоступных местах, а иногда дополнительно окружались оборонительными стенами (Верхнегунибское поселение). Весьма своеобразна и планировка горных поселений, характеризуемая ступенчатым распо-

ложением рядов каменных построек по склону (Сигитминское скальное и Верхнегушибское поселения).

В настоящее время в горном Дагестане выявлены скальные поселения, относящиеся ко всем трем этапам бронзового века.

Помимо них в горном Дагестане существовали также поселения горнодолинного типа. Три таких поселения, относящихся к манасско-гинчинскому и каякентско-хороочевскому этапам, обнаружены в Ирганайской долине. В отличие от скальных поселений они располагались на ровных, сравнительно легко доступных участках древних речных террас. Оборонительных сооружений вокруг них не обнаружено.

Горнодолинные поселения также находят себе параллели в этнографической действительности.

Все эти памятники сильно различаются по своим размерам. Наряду с небольшими поселениями, площадь которых едва достигает $\frac{1}{10}$ га (Сигитминское и Паласасыртское поселения), известны и остатки относительно крупных для своего времени родовых поселков площадью около 1 га (Верхнегушибское поселение).

Жилища На равнине жилища бронзового века выявлены на Джемикентском поселении. Это —

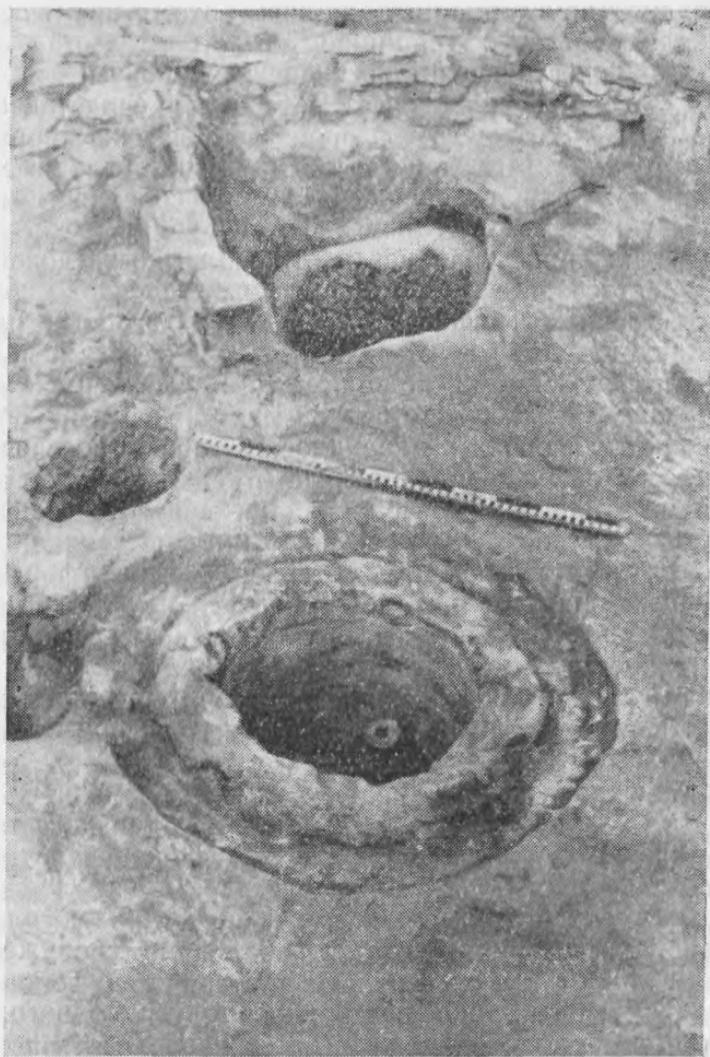
небольшие полуземлянки с обложенными камнем стенками, сооруженные на уплощенной вершине холма, занятого поселением. Жилища соединялись между собой вырытыми в земле проходами. В земляные полы жилищ вкапывались сосуды, в которых хранились запасы пищи. Здесь же располагались небольшие очаги в виде округлых углублений с дном, обложенным плоскими речными гальками.

В горских поселениях перед нами предстает уже сложившийся в своих основных чертах тип каменного жилища. Это прямоугольные, нередко значительные по своим размерам (от 20 до 40 кв. м) постройки с углубленными в скалу основаниями. Стены их сооружались из хорошо подогнанных каменных плит, мастерски уложенных без скрепляющего раствора.

Постройки имели плоскую кровлю, образованную системой опорных балок, перекрытых каменными плитами и засыпанных сверху плотно утрамбованной землей. Они соединялись друг с другом и с улицами дверными проемами, у которых нередко находятся каменные «петли», предназначенные для закрепления и вращения деревянных дверей.

Внутри жилищ сооружались специальные лежанки, очевидно использовавшиеся для сна. У стен располагались глинобитные сводчатые двухкамерные печи для сушки зерна, выпечки хлеба и приготовления пищи.

В отдельных случаях в центральной части жилищ дополнительно устраивались круглые, тоже глинобитные очаги,

Чаг и зерновая яма в жилище Чиркейского поселения
(рубеж III—II тысячелетий до н. э.)

украшенные по бортику геометрическим узором. Они, по-видимому, служили для ритуальных целей.

В некоторых поселениях карабудахкентско-гонобского этапа обнаружены жилища круглопланной формы (Чиркейское поселение на горе Тад-Шоб). Основания их слегка углублены в землю, стены сложены из камня. В глиnobитных полах этих жилищ иногда сооружались зерновые ямы, в одной из которых при раскопках найдено много обуглившихся зерен злаков.

Очевидно, круглопланые жилища этого времени отражают более древнюю традицию домостроительства, восходящую к предшествующей эпохе древней бронзы.

Сложение горской архитектуры Приведенные материалы свидетельствуют о том, что в бронзовом веке на территории Дагестана существовали различные типы поселений и жилищ со специфическими особенностями планировки и архитектуры. Каждый из них являлся уже традиционным для данных районов и отражал многовековой опыт организации оседлого быта в конкретных условиях окружающей естественногеографической среды. В горных районах прослеживается еще и разделение между скальными и горнодолинными поселениями, по-видимому обусловленное некоторыми различиями в хозяйственной деятельности их обитателей. Однако для обеих разновидностей горных поселений характерна компактная планировка (в скальных — ступенчатая) рядов жилищ. Последние характеризуются монументальностью, высоким мастерством каменной кладки стен, устройством плоских крыш. В интерьере жилищ (формирование дверных проемов, лежанок, устройство глинобитных печей и т. д.) прослеживается много общего с современным горским жилищем.

Основываясь на этом, можно заключить, что на рубеже III—II тысячелетий до н. э. в предгорных и горных районах Дагестана уже сложились те главные элементы архитектуры, которые, развиваясь, доживают до нашего времени.

Погребальные сооружения и погребальный обряд Наши сведения об истории дагестанских племен в бронзовом веке значительно пополняются археологическими материалами, полученными при изучении могильников этого времени. Знакомство с погребальными сооружениями, обрядами и инвентарем различных этапов бронзового века позволяет наглядно обрисовать картину социального, культурного и этнического развития оставившего их населения, познакомиться с некоторыми его идеологическими представлениями.

Могильники бронзового века располагаются уже за пределами поселений, как правило, на небольшом расстоянии от них. По-видимому, постепенный отход от древнего обычая хоронить своих покойников внутри поселений, под полами жилищ, произошел уже в III тысячелетии до н. э. Однако утверждать это с достоверностью мы не можем, так как могильники эпохи древней бронзы в Дагестане пока не изучены.

Известно, что в устройстве древних погребальных сооружений отражались основные приемы местного домостроительства. Это положение подтверждается и наблюдениями над устройством погребальных сооружений бронзового века на территории Дагестана, в частности второго Карабудах-

кентского могильника, ранней группы захоронений Миатлинского курганного поля и Гонобского могильника. Все они относятся к карабудахкентско-гонобскому этапу бронзового века. На равнине и в прилегающих к ним предгорьях они имеют вид неглубоких грунтовых ям с частично обложенными камнем стенками и устланым галечником дном (Карабудахкентский могильник), а также грунтовых ям, перекрытых массивными каменными плитами; реже — это впущенные в землю каменные гробницы (Миатлинское курганное поле). Сравнивая их с распространенными в этих районах типами жилищ, нетрудно заметить близкое сходство грунтовых могил с жилищами полуземляночного типа, а каменных гробниц — с соответствующими каменными жилищами. В горном Дагестане, где были распространены наземные жилища, погребальные сооружения строились только из камня. В некоторых случаях (Гонобский могильник) прослеживается даже ступенчатое расположение последовательно пристроенных друг к другу погребальных камер, отражающее характерную особенность древней горской архитектуры.

Однако в могильниках манасско-гинчинского этапа эта особенность сохраняется уже пережиточно. Так, в Манасском могильнике встречаются захоронения и в грунтовых ямах и в каменных ящиках. Здесь же зафиксирован обычай хоронить покойников в подземных камерах-катахомбах, привнесенный племенами так называемой катакомбной культуры, продвинувшимися сюда из степей Предкавказья и Юго-Восточной Европы.

В других могильниках этого времени основным видом погребального сооружения являются каменные склепы. Среди них выделяются склепы прямоугольной и круглопланной формы, соответственно отражающие две традиции домостроительства — местную и привнесенную с юга «куро-аракескими» племенами. В некоторых районах практиковались захоронения детей в крупных глиняных сосудах (Гинчинский могильник).

Исчезновение круглопланых гробниц на позднем каякентско-хороchoевском этапе указывает на окончательное растворение пришельцев в местной этнической среде. В это время на всей территории Дагестана распространяются погребальные сооружения в форме каменных ящиков, образованных четырьмя массивными плитами и перекрытых еще более крупной пятой плитой. Но наряду с ними продолжают практиковаться и захоронения в склепах.

Изучение погребального обряда дагестанских племен в бронзовом веке проливает свет на некоторые особенности социального развития этих племен. Так, широкое распространение в могильниках горного Дагестана коллективных захоронений в склепах наглядно отражает усиление роли боль-

Круглопланые склепы Гинчинского могильника
(середина II тысячелетия до н. э.)

ших патриархальных семей в общественной жизни и хозяйственной деятельности того времени. В предгорьях и на равнине аналогичные захоронения выглядят несколько иначе. Здесь практиковался обычай захоронения членов большой семьи под общей курганной насыпью в одиночных или парных погребениях.

На каякентско-хороchoевском этапе преобладающими на всей территории Дагестана становятся одиночные, реже парные захоронения в каменных ящиках. Данное обстоятельство свидетельствует о начавшемся процессе разложения патриархально-родовых отношений, о некотором усилении роли малой моногамной семьи.

Процесс имущественной и социальной дифференциации, происходивший в бронзовом веке, превосходно иллюстрируется различиями в количестве и качестве погребального инвентаря, в размерах погребальных камер и надмогильных курганых насыпей.

Некоторые особенности погребального обряда помогают определить культурные связи дагестанских племен этого времени. Так, распространившийся почти на всей территории Дагестана обычай устилания пола могилы галечником проник сюда, вероятно, с Северного Кавказа, где он широко практиковался еще в предшествующую эпоху майкопскими племенами. Из степей Юго-Восточной Европы проник на Северный Кавказ и в Дагестан обряд посыпания покойных

Прямоугольная гробница на Чиркейском могильнике
(II тысячелетие до н. э.)

красной краской. А обряд кувшинных захоронений, не известный в середине II тысячелетия до н. э. в других областях Кавказа, распространился в горном Дагестане, по-видимому, благодаря связям с населением стран Восточного Средиземноморья, практиковавшим его еще в первой половине II тысячелетия до н. э.

Однако погребальный инвентарь отражает не только определенный уровень социально-экономического развития дагестанских племен, но также помогает раскрыть некоторые стороны их идеологических представлений. В соответствии с распространенными в ту пору языческими верованиями, и особенно культом предков, в могилу с покойным клались все те вещи, которыми он пользовался при жизни и которые могли ему потребоваться в «загробном мире».

Большую роль в погребальном обряде играл огонь. Следы кострищ, а иногда даже специальные камеры для очистительного огня зафиксированы во многих дагестанских могильниках бронзового века.

Орудия труда и предметы вооружения

Довольно многочисленной категорией инвентаря дагестанских памятников на всех этапах бронзового века являются орудия труда. Они изготавливались из камня, кости и металла. Из различных пород песчаника и известняка делались наконечники мотыг, зернотерки и ступки.

Наконечники мотыг представляют собой небольшие расколотые пополам песчаниковые гальки с полукруглым рабочим краем, иногда дополнительно приостренным нескользкими сколами. Сходным образом изготавлялись и каменные топоры.

Ступки — глубокие каменные чаши, преимущественно цилиндрической формы, в которых зерно пестами толкли в крупу.

Широкое распространение получили в это время различные режущие орудия: кремневые вкладыши от составных серпов, разнообразные пилки, сверла, долотообразные орудия, предназначенные для обработки кости и дерева, различного рода режущие инструменты, преимущественно в виде ножевидных пластин с острыми краями. Кремневые орудия тщательно обрабатывались тонкой отжимной ретушью, придававшей им строго определенные, устойчивые формы.

Столь же часто встречаются в это время орудия труда, изготовленные из кости. Это многочисленные проколки, шилья, иглы, лощила, сделанные из расколотых трубчатых костей и ребер животных, а также различные по форме прядлица, вырезанные из головок бедренных костей крупного и мелкого рогатого скота.

Наряду с каменными и костяными орудиями труда употреблялись и металлические.

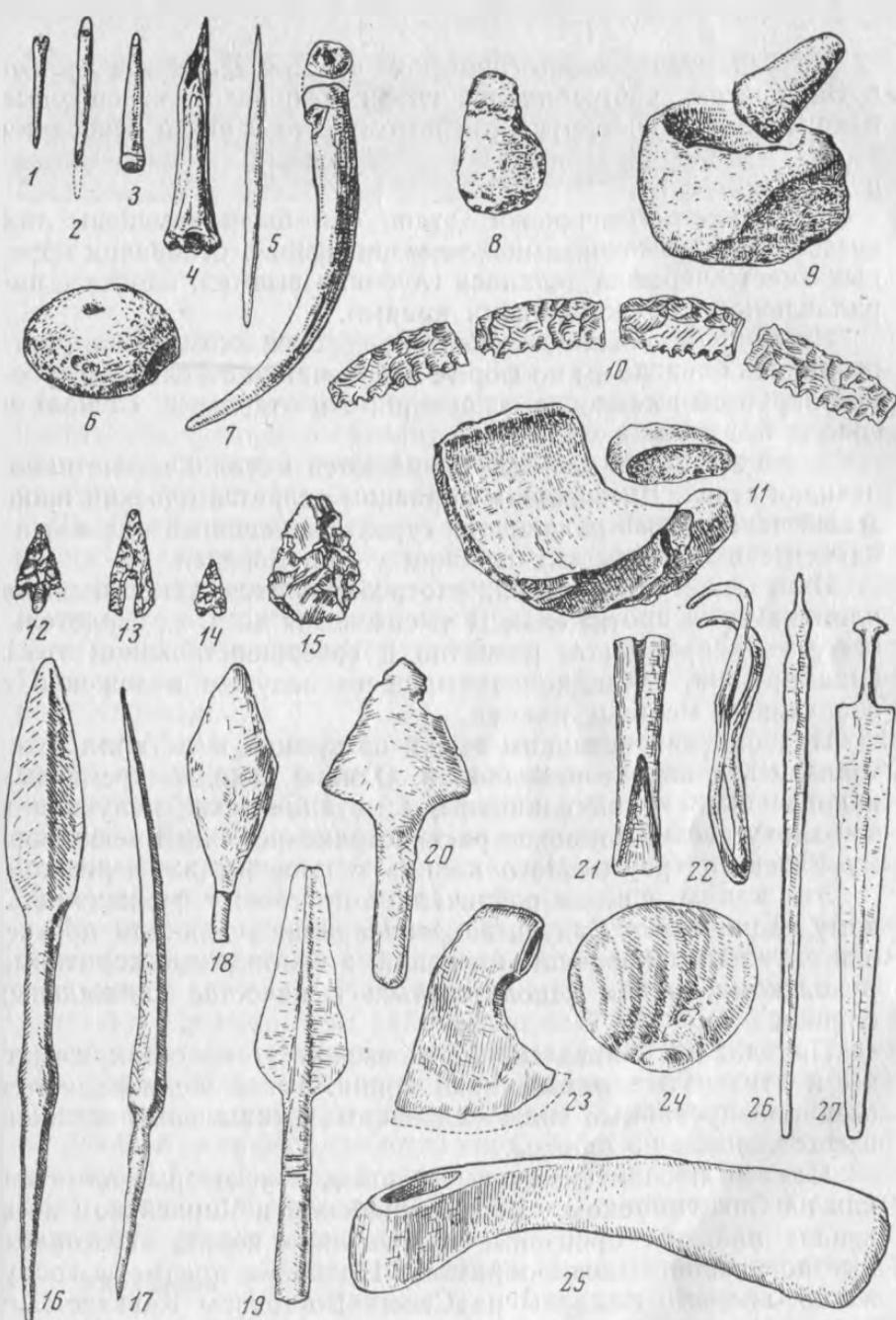
Чаще других встречаются бронзовые шилья в виде четырехгранного в сечении стержня с приостренными концами, сравнительно тонкие бронзовые иглы с прокованным ушком, бронзовые ножи в форме клинков с черешком. Пока еще очень редки находки крупных металлических орудий труда. Среди них отметим найденное на Чиркейском поселении Тад-Шоб бронзовое лезвие тесловидного топора.

К несколько более позднему времени относится топор, найденный в разрушенном кургане около поселка Дагестанские Огни. Он имеет более широкий, слегка выпуклый рабочий край и проемную, несколько опущенную обушную часть. В этом же кургане было найдено бронзовое орудие типа стамески с разрезной втулкой для укрепления деревянной рукоятки.

Из таких же материалов изготовлены находимые в дагестанских памятниках бронзового века предметы вооружения.

Одним из наиболее распространенных видов оружия у дагестанских племен в эту эпоху был лук со стрелами. Наконечники стрел изготавливались из кремня и в очень редких случаях из кости. Лишь в самом конце бронзового века появляются первые образцы бронзовых наконечников стрел.

Кремневые наконечники отличаются особенно тщательной, как бы ювелирной отделкой. На разных этапах бронзового века Дагестана употреблялись различные по форме кремневые наконечники стрел.

Орудия труда и предметы вооружения бронзового века: бронзовая (1) и костяная (2) иглы, костяные (3, 4) и бронзовое (5) шилья, костяное прядлище (6), орудие из рога олена (7), каменные мотыги (8) и ступка с пестом (9), кремневые вкладыши от составного серпа (10), зернотерка с терочником (11), кремневые наконечники стрел (12—14) и дротика (15), бронзовые наконечники копий месопотамского типа (16, 17), плоские наконечники (18, 20), втульчатый наконечник (19), долото (21), вилы (22), топоры (23, 25), каменное навершие булавы (24), бронзовые рапира (26) и меч (27). 1—11, 17, 24 — Верхнегунибское поселение, 16 — Чиркейское поселение, 18, 20 — Чиркейский могильник, 21—23 — Дагогининский могильник, 25 — Миатлинский могильник, случайные находки из Цунтинского (19) и Пумалинского (26, 27) поселений.

На карабудахкентско-гоноубском этапе в Дагестане, как и в Закавказье, употреблялись главным образом черешковые наконечники, называемые так потому, что у них в основании имелся небольшой выступ, предназначенный для закрепления в древке стрелы.

На манасско-гинчинском этапе они были заменены так называемыми выемчатыми наконечниками, в основании которых вместо черешка делалась глубокая выемка, иногда с параллельными приостренными краями.

На заключительном, каякентско-хороочоевском этапе употреблялись близкие им по форме наконечники стрел, с неглубокой округлой выемкой в основании, а в отдельных случаях и совсем без выемки.

В это же время впервые появляются металлические наконечники стрел. Древнейшим образцом является плоский бронзовый черешковый наконечник стрелы, найденный в одной из каякентско-хороочоевских гробниц у сел. Берекей.

Изменение типов стрел, употреблявшихся дагестанскими племенами на протяжении II тысячелетия до н. э., свидетельствует о непрерывном развитии и совершенствовании этого вида оружия, очевидно занимавшего ведущее положение в вооружении местных племен.

Подобно наконечникам стрел, из кремня и металла изготавливались и наконечники копий. Однако находки кремневых наконечников копий единичны, а металлические получили в эту эпоху весьма широкое распространение. Они имеют форму плоского треугольного клинка с плоским же черешком.

Эти клинки еще не различались по своему функциональному назначению. Будучи закрепленными в длинном древке, они служили наконечниками копий, а снабженные короткими рукоятками, могли использоваться в качестве кинжалных клинков.

Правда, на каякентско-хороочоевском этапе стали известны и втульчатые наконечники копий. Тогда же появляются специализированные типы удлиненных кинжалных клинков, изготовленных из бронзы.

Помимо плоскочерешковых клинков в некоторых памятниках на Сигитминском, Верхнегунибском и Чиркейском поселениях найдены бронзовые наконечники копий, изготовленные по месопотамским образцам. Подобные предметы вооружения впервые найдены на Северо-Восточном Кавказе. Довольно редко встречаются они и в других областях Кавказа.

Еще одну группу предметов вооружения составляют боевые топоры. Они также изготавливались из камня и металла. Каменные сверленые топоры известны главным образом по случайным находкам. Лишь недавно в культурных слоях Сигитминского и Чиркейского поселений обнаружены топоры, сходные с подобными же изделиями, известными под назва-

Кинжал из Карчага (конец II тысячелетия до н. э.)

нием кабардино-пятигорских и довольно широко распространенными на Северном Кавказе. Для их изготовления использовались преимущественно кристаллические породы камня, достаточно крепкие и сравнительно легко поддающиеся обработке. Поверхность топориков тщательно полировалась, а иногда и украшалась рельефным орнаментом.

На Миатлинском курганном поле найден бронзовый топорик с длинным тонким лезвием и слегка опущенным обушком, снабженным круглым отверстием для насаживания рукоятки. Он относится к довольно раннему типу металлических боевых топоров, распространенных в конце III — начале II тысячелетия до н. э. в ряде областей Закавказья и Северного Кавказа.

Своеобразным видом вооружения, известного по находкам в памятниках раннего и среднего этапов эпохи бронзы, являются булавы. Они представляют собой массивные сферические навершия с цилиндрическими или коническими отверстиями для закрепления рукоятки. Известные нам образцы булав изготовлены из камня и обожженной глины.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. в Дагестане появляется еще один вид металлического оружия — бронзовые мечи и кинжалы. Наиболее ранним из них является найденный в Цумадинском районе длинный узкий меч-рапира, с продолговатым черешком для насаживания рукоятки. Близкие формы подобного оружия в Закавказье известны в памятниках середины и второй половины II тысячелетия до н. э.

Особый интерес представляют найденные в Маджалисе кинжал переднеазиатского типа и Карчагский кинжал явно местного производства. Оба они относятся к позднему этапу бронзового века.

Украшения Многочисленны и разнообразны украшения, находимые в памятниках бронзового века Дагестана. Это прежде всего характерные принадлежности женского головного убора — височные подвески, булавки, пронизки, накосники с колпачками и др.

На протяжении бронзового века в Дагестане бытовали различные типы височных подвесок. Наиболее ранние их образцы имеют круглую форму. Они изготавливались из бронзовых стержней, изогнутых в полтора оборота. Позже форма их

Скульптурный портрет женщины каякентско-хороочоевской культуры (реконструкция по черепу М. Герасимова).

получили распространение бронзовые булавки. Особенно много их найдено в Гинчинском могильнике, где они представлены различными вариантами.

Среди других принадлежностей женского головного убора отметим бронзовые спиральные пронизки, изготовленные либо из проволоки, либо из узких тонких ленточек.

На каякентско-хороочоевском этапе часто встречается еще один тип металлических украшений: полые сферические колпачки и цилиндрические трубочки, считающиеся накосниками. В Таркинском могильнике найдено редкое украшение в виде неширокой налобной бронзовой ленты.

Одним из широко распространенных видов украшений в памятниках бронзового века Дагестана являются браслеты из металла и кости. Металлические браслеты делались из прокованных пластин прямоугольного, линзовидного и сегментовидного сечения, согнутых в кольцо с незамкнутыми, иногда заходящими друг за друга концами. Таким же способом изготавливались и пластинчатые многовитковые браслеты. Наряду с ними употреблялись и литые браслеты в виде

становится овальной. В памятниках среднего этапа появляется и другая разновидность височных украшений — пластинчатые одно- и двухлопастные подвески, иногда достигавшие сравнительно крупных размеров. В большинстве случаев они изготовлены из бронзы, но в последнее время найдены также и золотые.

Большую группу украшений составляют булавки, применявшиеся для прикрепления женского головного убора к прическе, а также для закалывания одежды. Они известны уже на раннем этапе эпохи бронзы, а наиболее широкое распространение получили на следующих этапах, особенно в горных районах Дагестана.

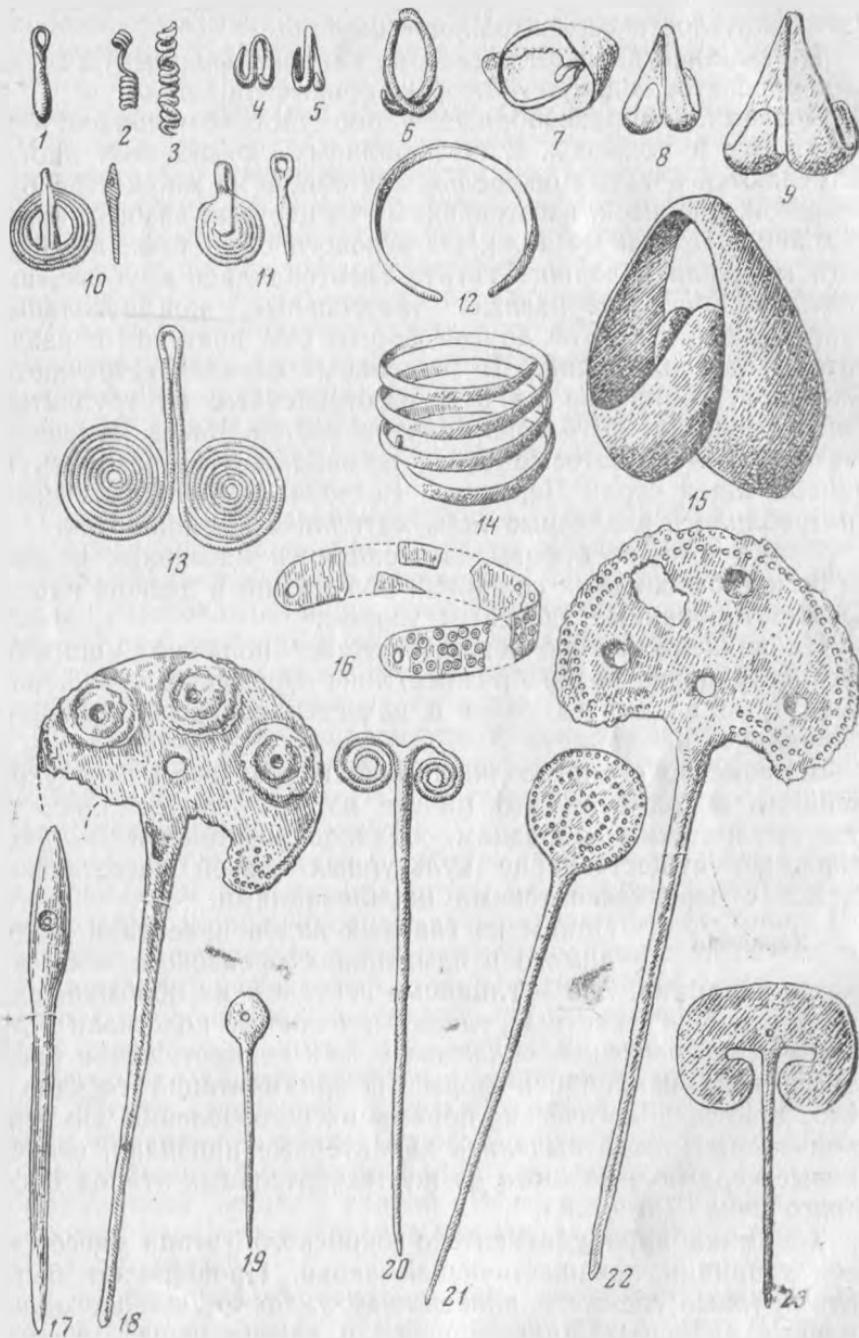
В ранних памятниках известны преимущественно kostяные булавки с навершием в виде лопаточки, весла и молоточка. В последующем

получили распространение бронзовые булавки. Особенно много их найдено в Гинчинском могильнике, где они представлены различными вариантами.

Среди других принадлежностей женского головного убора отметим бронзовые спиральные пронизки, изготовленные либо из проволоки, либо из узких тонких ленточек.

На каякентско-хороочоевском этапе часто встречается еще один тип металлических украшений: полые сферические колпачки и цилиндрические трубочки, считающиеся накосниками. В Таркинском могильнике найдено редкое украшение в виде неширокой налобной бронзовой ленты.

Одним из широко распространенных видов украшений в памятниках бронзового века Дагестана являются браслеты из металла и кости. Металлические браслеты делались из прокованных пластин прямоугольного, линзовидного и сегментовидного сечения, согнутых в кольцо с незамкнутыми, иногда заходящими друг за друга концами. Таким же способом изготавливались и пластинчатые многовитковые браслеты. Наряду с ними употреблялись и литые браслеты в виде

Бронзовые подвески (1, 10, 11), пронизки (2, 3), височные подвески (4—9), очковидная привеска (13), браслеты (12, 14), костяные браслеты (15) и булавка (17), бронзовые булавки (18—23) из Гинчинского (1—12, 14, 18—23) и Мамайкутанскоого (16) могильников, Чиркейского (13) и Верхне-Урибского (16, 17) поселений (II тысячелетие до н. э.)

массивного кольца с незамкнутыми концами. Обычно они имеют круглое и сегментовидное сечение.

На Верхнегунибском поселении найдены фрагменты костяных браслетов, один из которых орнаментирован.

Чрезвычайно разнообразен набор употреблявшихся в то время бус и подвесок. В погребальных комплексах иногда встречаются богатые ожерелья, состоящие из множества бус, подвесок, пронизок, изготовленных из цветных камней, кости, раковин, пасты и металла. Из розового сердолика, прозрачного хрусталия и черного гагата изготавливались круглые, шаровидные, бочонкообразные, треугольные, прямоугольные, каплевидные и многие другие формы бус, подвесок и разделителей для ожерелий. В отдельных случаях встречаются ожерелья, состоящие из бус, изготовленных из трубчатых, отполированных до блеска птичьих костей. Часть каменных, так же как и пастовые бусы, по-видимому, завозились из Закавказья и стран Переднего Востока. В ожерельях часто употреблялись различные типы металлических пронизок.

Кроме того, из бронзы изготавливались массивные подвески в виде очковидных спиралей, полушиарий и дисков, иногда орнаментированные тисненым узором.

На каякентско-хороchoевском этапе получают широкое распространение разнообразные типы сурьмяных украшений. Некоторые из них служили в качестве подвесок, другие — нашивались на одежду.

Знакомство с употреблявшимися в бронзовом веке украшениями показывает, что многие из них изготавливались по переднеазиатским образцам. Данное обстоятельство подтверждает существование культурных связей дагестанских племен с переднеазиатскими цивилизациями.

Керамика Одним из главных видов инвентаря, находившегося в памятниках бронзового века, является керамика. Это — глиняные сосуды и их обломки, глиняные фигурки животных, глиняные очажные подставки и др.

Изучение керамики показывает, как на протяжении бронзового века изменились форма и орнаментация сосудов и некоторые технологические приемы их изготовления. По этим изменениям можно выделить характерные признаки,ственные керамике каждого из последовательных этапов бронзового века Дагестана.

Керамика карабудахкентско-гонообского этапа несет на себе традиции предшествующей эпохи. Продолжают бытовать крупные сосуды с яйцевидным туловом, широкогорлые корчаги, различные типы горшков и другие сосуды, предназначенные для хранения продуктов и изготовления пищи. Подобные сосуды, найденные в памятниках предгорного Дагестана, имеют тщательно заглаженные, иногда даже залощенные поверхности, тогда как в горных районах широко практи-

ковалось обмазывание корпусов сосудов жидкой глиной, придававшее им характерную шероховатость. Эти сосуды снабжались двумя ленточными ручками, края которых нередко замыкались изогнутыми валиками. Они украшались орнаментом в виде горизонтальных валиков со спускающимися от них короткими дуговидными налепами, короткими вертикальными валиками, налепами в форме перевернутого трезубца, а также рядами сквозных проколов под венчиками сосудов.

Столовая посуда представлена разнообразными мисками, одноручными кубками, кружками и круглодонными чашками. Повсеместно наблюдается тщательное заглаживание и лощение поверхности, зачастую сопровождаемое налепным или прочерченным орнаментом. На манасско-гинчинском этапе сохраняются основные типы керамики предшествующего времени, хотя довольно четко прослеживается дальнейшая эволюция отдельных форм сосудов.

Так, например, становится более устойчивым дно у сосудов, предназначенных для хранения продуктов, а сами они заметно увеличиваются в размерах. Горшки, употреблявшиеся для приготовления пищи, приобретают более округлые очертания. Края ленточных ручек на этих сосудах уже не замыкаются изогнутыми валиками, а нередко оформляются в виде своеобразных декоративных «усиков».

По сравнению с предшествующим временем в горных районах заметно увеличивается число сосудов с обмазанной жидкой глиной поверхностью, а сама обмазка иногда приобретает декоративный характер.

Большинство горшков с заглаженной поверхностью богато украшается резным орнаментом из различных комбинаций треугольных и полукружных заштрихованных фестонов. Появляются и некоторые новые элементы орнамента, в частности налепной перевернутый двузубец, горизонтальные валики начинают украшаться насечками, но совершенно исчезают ряды сквозных проколов под венчиками сосудов.

Несколько видоизменяются и основные типы столовой посуды. Почти совершенно исчезают небольшие одноручные кубки, изменяются формы мисок. В горных районах Дагестана они становятся более приземистыми, поверхности их часто обмазываются жидкой глиной. В равнинных районах они, наоборот, становятся более высокими, а профилировка корпуса усложняется.

В горных районах значительно возрастает количество круглодонных чашечек, встречающихся как в бытовых, так и в ритуальных комплексах, впервые появляются небольшие сосудики с короткими цилиндрическими сливами, типа миниатюрных чайников. Среди орнаментальных мотивов столовой посуды преобладают ряды треугольных заштрихованных резных фестонов.

Керамические фигурки животных (1, 2), литейные формочки (5, 6), образцы столовой посуды (3, 4, 7—12), образцы кухонной посуды (13—18), глиняный рельеф со стилизованным изображением сцены пахоты (19). 1—3, 5, 6, 8, 11, 13—16, 19 — Верхнегунибское поселение, 4, 7 — Гинчинский могильник, 9, 10, 17 — Второй Карабудахкентский могильник (бронзовый век)

Наши представления о керамике каякентско-хороchoевского этапа эпохи бронзы довольно ограничены, что вызвано слабой изученностью бытовых памятников этого времени. Кроме того, керамика из погребальных комплексов весьма однообразна и состоит преимущественно из горшков с яйцевидным туловом и миниатюрных плошек.

Как известно, в каякентско-хороchoевских могильниках чаще всего встречаются горшки крупных размеров на неустойчивом донце с яйцевидным корпусом, широким горлом и сильно отогнутым венчиком. Туловы сосудов, как правило, обмазывались жидкой глиной, которой нередко придавался декоративный облик. В горных и предгорных районах подобные сосуды украшались горизонтальными налепными валиками с различного рода вдавлинами и насечками, а иногда еще резным «елочным» орнаментом.

В памятниках приморской равнины керамика с обмазкой встречается реже. Здесь преобладает нарезной орнамент в виде елочки или разнообразных зигзагов, который в отдельных случаях сопровождается также горизонтальными валиками с насечками.

Земледелие и скотоводство Основу хозяйства дагестанских племен в бронзовом веке по-прежнему составляло оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Наряду с ним все большую роль начинают играть металлургическое и керамическое производство, строительное дело и некоторые другие отрасли хозяйства, занятие которыми требует специальных знаний и навыков. Постепенно они становятся специализированными отраслями производства.

Пашенное земледелие, возникшее еще в III тысячелетии до н. э., в это время становится господствующим. Пахотные участки выбирались преимущественно на древних террасах речных долин, на плато и других естественно выровненных местах. Однако природные запасы таких земель, к тому же расположенных в благоприятных естественногеографических условиях и не требовавших искусственного орошения, в предгорных и горных районах Дагестана весьма ограничены. Поэтому здесь рано начинают строительство искусственных земледельческих террас на горных склонах. Остатки древних террас, относящихся к бронзовому веку, были обнаружены, в частности, около Верхнегунибского поселения. Древние террасы, отличавшиеся очень малыми размерами, вероятно, обрабатывались вручную.

Возделанные поля засевались различными культурами, среди которых археологически засвидетельствованы твердые и мягкие пшеницы, двурядные и голозерные ячмени. Здесь интересно отметить, что голозерный ячмень является эндемичным для Дагестана сортом злака. Не исключено, что уже в это время начинают возделываться некоторые сорта бобо-

вых культур, на что указывает соответствующая лексика некоторых дагестанских языков.

В бронзовом веке получили широкое распространение специальные молотильные доски, представлявшие собой толстые деревянные брусья с суживающимися и слегка загнутыми кверху концами, основания которых оснащались каменными вкладышами. Пара быков волочила молотильную доску по разбросанным на плотно утрамбованном току колосьям.

Помимо земледелия обитателям горнодолинных поселений, по-видимому, было известно также и садоводство. На это указывают находки фруктовых косточек на Ирганайском поселении (середина II тысячелетия до н. э.). О сравнительно раннем возникновении садоводства в горном Дагестане свидетельствуют и лингвистические материалы, в частности общие названия в дагестанских языках для некоторых плодов — яблок, груш и др.

Другой ведущей отраслью хозяйства дагестанских племен было скотоводство. На протяжении бронзового века оно оставалось пастушеским. В составе стада известен крупный и мелкий рогатый скот, свинья, осел, а со второй половины II тысячелетия до н. э. и лошадь.

В своем развитии скотоводство в это время сталкивалось со многими трудностями, среди которых самой главной было обеспечение скота кормами в зимнее время. Поэтому в каждом отдельном случае количество скота, принадлежавшее тому или другому поселению, регламентировалось наличием пастбищных угодий, пригодных для эксплуатации зимой, а также конкретными возможностями каждого из них для создания запаса кормов на зиму. И не случайно поэтому на всем протяжении бронзового века масштабы скотоводства были ограниченными и в обеспечении населения мясной пищей определенную, хотя и подсобную, роль играла охота.

Начало специализации некоторых отрас- лей ремесленного производства

Наблюдения над эволюцией материальной культуры дагестанских племен бронзового века позволяют конкретно представить их производственную деятельность.

Развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства не только обеспечивало потребности людей в пище, но и создавало возможности для производства некоторого количества излишков продуктов питания. Благодаря этому у части населения появилась возможность не заниматься непосредственно производством этих продуктов, что послужило, в частности, толчком к специализации и тем самым к отделению от земледелия некоторых ремесленных производств.

Разумеется, описываемые ниже отрасли ремесленного производства, существовавшие у дагестанских племен в бронзовом веке, еще были далеки от того уровня, который позво-

лил бы видеть в каждой из них вполне оформленную самостоятельную отрасль ремесла. Однако они способствовали специализации этих производств и тем самым ускоряли их развитие, создавая фундамент для такого отделения в ходе последующего исторического развития.

Во II тысячелетии до н. э. у населения Дагестана, как и в соседних областях Кавказа, орудия труда изготавливались из камня, металла, дерева и кости. Широкое распространение каменных орудий в эту эпоху не должно вызывать удивления, ибо, как отмечал Ф. Энгельс, «бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия»². Тем не менее на протяжении II тысячелетия до н. э. прослеживается тенденция к непрерывному увеличению количества и разнообразию типов и форм употреблявшихся орудий труда и предметов вооружения, изготовленных из металлов.

Населению Дагестана во II тысячелетии до н. э. были хорошо известны несколько различных видов бронзы, золото, серебро, сурьма и некоторые другие металлы. Эволюция производительных сил хорошо иллюстрируется на примере развития местной металлургии бронзы.

На раннем этапе применялись преимущественно мышьяковистые бронзы, представляющие собой сплав меди с мышьяком. Количество мышьяка, применявшегося в качестве легирующего материала, зависело от назначения изготавливавшегося изделия. На среднем этапе наряду с мышьяковистыми стали употребляться и оловянные бронзы, обладавшие высоким качеством литья, большей твердостью и прочностью сплавов. На заключительном этапе бронзового века Дагестана оловянные бронзы распространяются еще более широко.

Подобные закономерности прослеживаются в эту эпоху и в других областях Кавказа. Основываясь на этом, можно заключить, что развитие местной металлургии Дагестана во II тысячелетии до н. э. шло теми же путями и в те же исторические сроки, как и у других кавказских племен. Этому благоприятствовало наличие довольно многочисленных выходов медных и мышьяковых руд, известных на территории горного Дагестана. Можно полагать, что разработка этих руд обеспечивала местную металлургию необходимым сырьем. С распространением оловянных бронз возникает необходимость в олове. Оно доставлялось в Дагестан, как и в другие области Кавказа, из стран Передней Азии.

Некоторое представление о характере местной металлообработки в бронзовом веке дают материалы раскопок остатков литеиной мастерской, обнаруженных в одном из помещений Верхнегунибского поселения. Здесь вместе с большими разва-

² Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, стр. 161.

лами глиnobитных печей обнаружены обломки глиняных сопел, тигельков, литейных односторчатых формочек, глиняные вкладыши для отливки проушных топоров, каменные ступки и песты для растирания формовочной глины и некоторые другие предметы, связанные с литейным производством. Судя по ним, здесь находились две небольшие литейные печи с высоким сводом. Необходимая для литейного процесса высокая температура достигалась путем нагнетания воздуха с помощью специальных мехов. Об этом свидетельствуют находки сопел — глиняных трубок, одним концом закреплявшихся в мехах, а другим вводившихся в свод печи. Расплавленный металл собирался в тигельки и разливался по формочкам. Показательно, что в верхнегунибских тигельках и формочках обнаружены капельки мышьяковистой бронзы того же состава, что и у распространенных в это время в Дагестане различных металлических изделий. Большинство полученных таким образом отливок подвергалось затем проковке, с помощью которой изделиям придавался законченный вид. Таким способом, по-видимому, изготавливались плоские клинки, браслеты, некоторые типы булавок, шилья, иглы и др. Крупные изделия (топоры) отливались в каменных и глиняных двусторчатых формах так, что проковке после литья подвергалась только лезвийная рабочая часть. В дагестанских памятниках бронзового века такие формы пока не обнаружены, однако они известны по находкам в других областях Кавказа.

Помимо описанных приемов дагестанским племенам в бронзовом веке были известны и более сложные виды литья. К ним относится прежде всего литье по восковой модели или с утратой формы, спайка и некоторые другие приемы, применяющиеся главным образом для изготовления рукоятей мечей и кинжалов, а также украшений, отличавшихся сложной формой и орнаментацией.

Наличие специализированных мастерских, а также некоторых традиционно местных типов металлических изделий свидетельствует о существовании в бронзовом веке наряду с другими ранее известными кавказскими очагами древней металлургии бронзы также и дагестанского очага. Эти же данные указывают на определенную специализацию металлургического производства.

Продолжает развиваться в рассматриваемую эпоху и строительное дело, причем уровень его развития определяется качеством используемых материалов. Так, в предгорных и горных районах преобладали каменные постройки, строительство которых требовало более высокого мастерства и значительно больших затрат труда. Ломка камня и его доставка к месту строительства были чрезвычайно трудоемкими операциями, по-видимому осуществлявшимися в ту пору усилиями боль-

ших коллективов, объединявших членов рода или большой патриархальной семьи. Самая кладка стен, по-видимому, производилась людьми, уже имевшими определенные навыки и известный опыт. О существовании таких мастеров строительного дела можно судить по довольно высокому уровню развития строительной техники, обнаруженной в исследованных поселениях и жилищах.

Кладка стен, нередко сооружаемых на чрезвычайно крутых склонах, велась без скрепляющего раствора, что предполагает знакомство с элементами строительной техники, существование выработанных практическим опытом определенных мер длины, применение простейших приспособлений типа рычагов, отвесов и др. Все это предполагало хорошее знание свойств основного строительного материала, каковыми являлись различные породы известняков и песчаников.

Таким образом, каменное домостроительство в предгорных и горных районах Дагестана становится специализированной отраслью производства.

Технология изготовления керамических сосудов во II тысячелетии до н. э. не претерпела значительных изменений по сравнению с предшествующим временем. На всем протяжении эпохи бронзы сосуды изготавливались вручную, иногда ленточным способом. Правда, в некоторых областях Кавказа в бронзовом веке появляется гончарный круг.

Несколько изменилась отделка внешних поверхностей сосудов. Уменьшается количество лощеной керамики. А на каякентско-хороchoевском этапе особенно широкое распространение получает «обмазанная» керамика; при этом самой обмазке нередко придается декоративный характер. Другие технологические особенности керамики эпохи бронзы — состав теста и режим обжига — определялись конкретными условиями и местными производственными традициями.

На протяжении этой эпохи изменялись и формы употреблявшихся сосудов. Для раннего и среднего этапов характерно обилие разнообразных по форме и назначению глиняных сосудов, тогда как для заключительного этапа нам известно всего лишь несколько форм.

Для описываемой керамики характерна определенная зависимость между назначением сосудов и технологическими приемами их изготовления. Так, столовая посуда чаще всего изготавливается из сравнительно чистой глины с добавлением лишь небольшого количества примесей, тогда как для кухонной посуды и сосудов-хранилищ употреблялась глина с добавлением шамота, дресвы и других примесей. Очевидно, древним дагестанским гончарам были хорошо известны качества глины, приобретаемые ею после добавления различных примесей, и они умело использовали эти свойства при изготовлении различных по назначению типов посуды.

Большую роль в различных сферах хозяйственной деятельности и быта населения Дагестана в бронзовом веке играла обработка дерева. Из древесины изготавливались полностью или частично многие орудия труда: пахотные орудия, молотильные доски, ткацкие станки, рукоятки топоров и мотыг, древки копий, дротиков и стрел и многие другие. Деревянными были яремные запряжки, сани-волокушки, повозки, колеса которых с сильно выступающими ступицами изготавливались из массивных брусьев.

Довольно широко использовалось дерево и при строительстве. В частности, на Верхнегунибском поселении обнаружены остатки бревен, поддерживавших кровлю. На равнине широко практиковались турлучные постройки с деревяным каркасом.

В некоторых могильниках найдены образцы деревянной утвари: блюда на ножках (Манасский могильник), круглодонная чаша (Чиркейский могильник), остатки ларца или детской люльки — бешика (Кафыркумухский могильник).

Широкое использование разнообразных по назначению деревянных изделий предполагает высокое мастерство обработки дерева, включая применение простейшего токарного станка, знание и умелое использование на практике различных качеств и свойств разных пород древесины. Следовательно, мы можем говорить о заратах специализации и в этой отрасли производства.

Немаловажную роль в производственной деятельности населения Дагестана этой эпохи играли прядение и ткачество. Об этом свидетельствуют многочисленные находки костяных и глиняных пряслищ, обнаруженных во многих памятниках бронзового века Дагестана. Знакомство с простейшими типами ткацких станков доказывается находками костяных деталей от них и костяных же инструментов для выравнивания нитей основы.

Судя по отпечатку ткани на обломке глиняного сосуда из Джемикентского поселения, для ее изготовления употреблялись растительные волокна — вероятнее всего, волокна конопли или крапивы. Не исключено, что уже в это время стали известны и шерстяные ткани.

Начало разложения патриархально-родовых отношений Рост производительных сил, усложнение различных отраслей хозяйства и производства существенно отразились на социальной организации населения Дагестана в бронзовом веке. Развитие скотоводства и металлургии способствовало дальнейшему упрочению патриархально-родовых отношений. Новым важным моментом в общественной жизни дагестанских племен является возрастание роли больших патриархальных семей, которые постепенно становятся основными социальными и хозяйственными ячейками. Существование

вание больших патриархальных семей подтверждается наличием крупных построек со смежными жилыми помещениями, обнаруженных при раскопках дагестанских поселений бронзового века, а также некоторыми чертами погребального обряда. В их числе отметим наличие обряда коллективных захоронений в склепах, а также обычай группировки нескольких могил с индивидуальными или парными захоронениями на больших могильниках.

Рост производства и накопление богатств приводит к возникновению имущественного и социального неравенства между отдельными семьями. Еще более усиливают процессы имущественной и социальной дифференциации война и военная добыча. Войны ведутся между отдельными племенами за обладание скотом, пастищами и пахотными угодьями и т. д.

Родо-племенная знать, постепенно сосредоточивавшая в своих руках богатства, претендует на значительную часть военной добычи, в том числе и пленных, которых стали обращать в рабов. Труд рабов в свою очередь умножал эти богатства. С появлением патриархального рабства создаются реальные предпосылки к еще более глубокой социальной дифференциации, к возникновению классового общества.

Процессы роста имущественной и социальной дифференциации отражают, в частности, материалы Чиркейского и Кафыркумухского могильников, в которых наряду с обычными, рядовыми захоронениями встречаются погребения с богатым инвентарем, включающим изделия из золота. А в Кафыркумухском могильнике в одном из богатых захоронений найдены остатки деревянной конструкции, вероятно, детской люльки, или бешика, стенки которой оказались украшенными превосходно выполненной резьбой. Подобные изделия представляли собой не только художественную, но и материальную ценность. И эта находка в комплексе с золотыми украшениями, разумеется, не случайна, а отражает далеко зашедшие имущественные различия внутри рода или племени, оставившего нам этот памятник.

Одно из жилищ Верхнегунибского поселения, ничем не выделявшееся по внешнему виду среди других жилищ, служивших местами обитания семейных общин, значительно отличалось от них по инвентарю. Здесь найдено втрое больше крупных сосудов-хранилищ, чем в других жилищах, а также необычный и дорогостоящий инвентарь, включающий великолепное навершие булавы из редкого камня — арагонита, — привозной бронзовый наконечник копья месопотамского типа, медные шилья, иглы и иную разнообразную утварь, количество которой явно превышало потребности одной семьи. Около входа в это жилище располагалось небольшое помещение с глинобитной двухкамерной печью, отличавшейся необычно крупными размерами. Судя по характеру находок, эта печь,

по-видимому, предназначалась для выпечки ритуальных хлебцев. Можно полагать, что это помещение являлось жилищем вождя, вероятно выполнявшего и какие-то жреческие функции.

На некоторых дагестанских могильниках встречаются курганы с высокими насыпями (большой Миатлинский курган) или каменные гробницы, отличающиеся большими размерами и огромным весом образовывавших их плит (Мугинский могильник). В соседних областях Кавказа подобного рода могилы предназначались для захоронений рода-племенной знати, сопровождаемых обычно богатым и разнообразным инвентарем. Очевидно, то же самое практиковалось и в Дагестане. И не случайно поэтому большинство дагестанских погребальных памятников, выделявшихся среди других своим видом, оказываются ограбленными еще в древности. По-видимому, грабителей привлекал содержавшийся в них богатый погребальный инвентарь. Расположенные тут же рядовые погребения не представляли такого интереса и обычно оставались нетронутыми.

Все сказанное позволяет заключить, что уже в бронзовом веке начинается процесс разложения первобытнообщинного строя. Как отмечалось выше, большую роль в этом сыграла большая патриархальная семья. Рост собственности большесемейной общины, увеличение ее роли в хозяйственной и социальной жизни неизбежно приводят к тому, что она становится внушительной силой, противостоящей роду и подрывающей самые устои родовой организации. В конце бронзового века внутри большесемейных общин возрастает роль малых моногамных семей.

Верования и культуры Во II тысячелетии до н. э. у дагестанских племен были распространены языческие

представления о загробной жизни и культ предков, о чем свидетельствуют данные многочисленных захоронений. В могилу клались все те вещи, которые могли понадобиться покойному в «загробном мире». Важное место в этих верованиях занимал культ огня, которому приписывали магическую очистительную силу.

В археологических материалах мы находим и следы поклонения солнцу. Изображение солнца в виде диска с расходящимися лучами — один из характерных мотивов наскальных рисунков и надмогильных плит этой эпохи. С поклонением солнцу связана круглая форма надмогильных насыпей, каменных оградок могил и т. п.

Земледельческо-скотоводческое хозяйство породило некоторые аграрные культуры, в том числе кульп плодородия, воплощавшийся в виде женских глиняных статуэток. В наскальных рисунках этого времени часто встречаются изображения знаков плодородия.

Культ домашних животных, особенно быка — основной тягловой силы того времени, — отражен в глиняных скульптурах быка и в довольно многочисленных изображениях двухколесных повозок на наскальных рисунках.

Свидетельством большого значения земледелия является культ пашни, существование которого документируется находками глиняных рельефов со стилизованным изображением пашни и быков. Можно полагать, что в это же время бытовали кultы, связанные с размножением домашних животных.

Представляют интерес многочисленные наскальные изображения охотничьих сцен, преследовавшие цель оказать «магическое» воздействие на результаты предполагаемой охоты.

Некоторые верования были порождены прочным оседлым бытом населения. К числу их относится кult домашнего очага, о существовании которого можно судить по находкам различных приношений около печей внутри жилищ; был также распространен обычай закапывать крупные сосуды или черепа быков около порогов и печей.

В это же время отмечается и обычай принесения строительной жертвы, когда перед началом строительства под угол или стену возводимого помещения закладывалась голова жертвенного животного.

Все эти обряды рисуют перед нами лишь некоторые стороны духовной жизни дагестанских племен. Они во многом сходны с теми верованиями и кultами, которые бытовали в то время и у населения соседних областей.

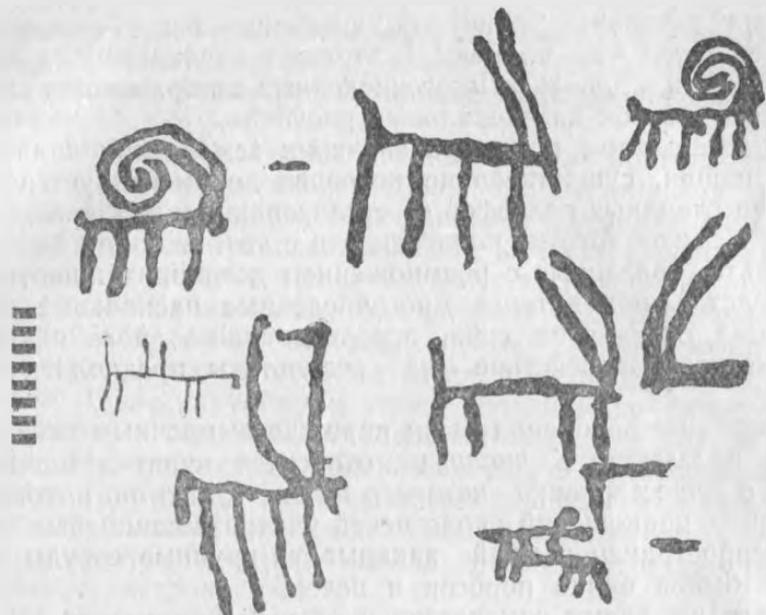
Искусство Об искусстве дагестанских племен эпохи бронзы мы можем судить по наскальным изображениям, домашней утвари, а также различным украшениям.

Некоторое представление о скульптуре дают глиняные фигурки человека и животных. Человеческие женские фигурки сильно стилизованы, тогда как фигурки животных трактованы более реалистично.

Наскальные изображения выполнялись минеральными красками или же делались выбитыми и вырезанными линиями, передававшими контуры фигур. Наиболее излюбленными сюжетами служили изображения различных животных, пеших людей, всадников, сцен охоты и т. п. Несмотря на известную схематичность подобных изображений, многие из них очень выразительны и динамичны.

Художественный вкус древних гончаров отражался в отделке керамики.

В последнее время обнаружены материалы, свидетельствующие о том, что древние дагестанские умельцы достигли больших успехов в развитии искусства резьбы по дереву. В одном из погребений Чиркейского могильника найдена де-

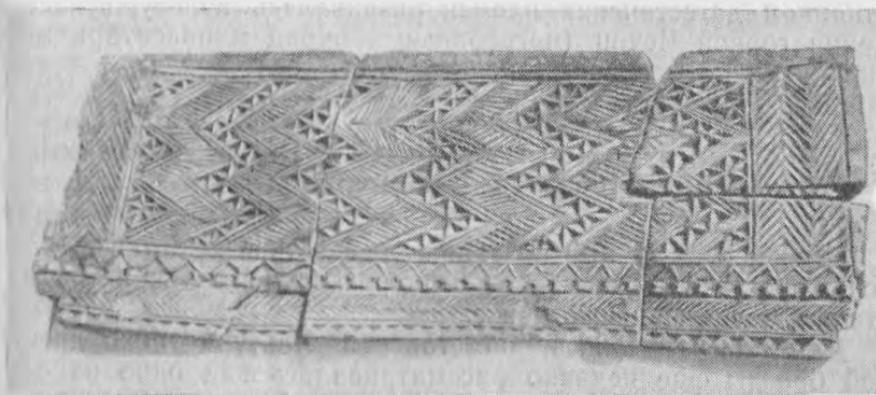

Наскальные изображения из окрестностей сел. Кара Лакского района
(конец II тысячелетия до н. э.)

ревянная чаша, превосходно имитирующая соответствующие глиняные образцы и украшенная прекрасно выполненным орнаментом в виде расчлененного валика.

Еще более ценная находка происходит из Кафыркумухского могильника, где обнаружены остатки ларца или люльки-бешика, богато украшенного художественной резьбой. Одна из хорошо сохранившихся стенок представляет собой доску, сплошь покрытую резьбой. Орнамент преимущественно геометрический. Центральную часть занимают пояса зигзагообразного узора, сочетающиеся с композициями из треугольных вырезок. По краям нанесены бордюрные полосы, выполненные по тем же мотивам. В целом данный образец отличается орнаментальной законченностью и высоким мастерством художественного исполнения. На обломках других досок сохранились фрагменты аналогичного узора. Примечательно, что многие орнаментальные мотивы резьбы по дереву близко напоминают орнамент керамики того времени.

Украшения древнего населения Дагестана — бронзовые налобные ленты, браслеты, височные подвески, булавки, наборы ожерелий — говорят о большом художественном вкусе. Изготовленные по одним и тем же образцам, они в то же время несут на себе черты индивидуального художественного мастерства выполнившего их умельца. В этом отношении особенно показательны разнообразные по форме и от-

Деревянная доска, украшенная художественной резьбой из Кафыркумухского могильника (вторая половина II тысячелетия до н. э.)

леке навершия булавок, различные типы подвесок, иногда представляющие собой образцы художественного литья, и другие изделия.

Известные нам образцы искусства дагестанских племен в бронзовом веке несут на себе и следы сходства с таковыми же из других областей Кавказа, и черты местного своеобразия.

Культурные связи

Все известные в настоящее время материальные свидетельствуют о том, что процесс культурно-исторического развития дагестанских племен протекал в тесном общении с населением сопредельных областей. Очевидно, культурные связи осуществлялись в процессе межплеменного обмена, носившего уже в то время довольно регулярный характер. Он затрагивал многие сферы материальной культуры и производственной деятельности, способствовал быстрейшему ознакомлению с важнейшими достижениями в области экономического и культурного развития.

Особенно прочными и регулярными были связи дагестанских племен с их непосредственными соседями — закавказскими и северокавказскими племенами, что выразилось в сильном взаимовлиянии их культур.

Влияние закавказских культур прослеживается в распространении некоторых типов вооружения, керамики и украшений. Связи с северокавказской культурой проявляются в сходных чертах погребального обряда, сходстве отдельных приемов орнаментации сосудов и т. п.

При изучении материальной культуры бронзового века Дагестана обращает на себя внимание влияние передневосточных культур.

В свою очередь население Закавказья и Северного Кавказа испытывало воздействие дагестанских культур. Под сильным

влиянием дагестанских племен развивалась культура населения горной Чечни (погребальный обряд и инвентарь могильников Гатын-кале, Хорочоевского и др.).

§ 4. ПРОЦЕСС ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ПЛЕМЕН В МЕДНО-БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Имеющиеся данные позволяют осветить и некоторые стороны прогресса этнокультурного развития населения Дагестана в медно-бронзовом веке.

Как уже отмечалось, дагестанская культура эпохи древней бронзы еще недавно рассматривалась как одно из ответвлений закавказской — «куро-араксской» культуры, широко распространившейся в III тысячелетии до н. э. во многих областях Кавказа. Оставившие эту культуру племена считались носителями общекавказской языковой общности.

После выявления на Восточном Кавказе энеолитической культуры (IV тысячелетие до н. э.), которая, как оказалось, не имела здесь генетической связи с «куро-араксской» культурой, стало очевидным, что истоки возможной общекавказской общности следует искать не в III тысячелетии до н. э., а в значительно более глубокой древности. Об этом же свидетельствуют и лингвистические данные, согласно которым на Кавказе не позднее III тысячелетия до н. э. уже сложились и существовали языки-основы или прайзыки всех основных языковых групп кавказско-иберийской языковой семьи (общедагестанский, общекартвельский и др.), а отнюдь не общекавказское языковое единство. Основываясь на этом, можно предполагать, что кавказские культуры III тысячелетия до н. э. (варианты «куро-араксской» культуры, майкопская культура и др.) оставлены группами племен — носителей этих прайзыков.

В дагестанской культуре эпохи древней бронзы прослежено несколько различных компонентов, изучение происхождения которых знакомит нас с некоторыми особенностями этнокультурного развития местного населения того времени. Особого внимания среди них, бесспорно, заслуживает местный компонент, который своими специфическими, устойчиво повторяющимися элементами оказывается генетически связанным с соответствующими элементами более древней культуры, бытовавшей здесь в предшествующую, энеолитическую эпоху.

Наряду с местными элементами в дагестанской культуре эпохи древней бронзы отчетливо выступают и такие ее черты, которые несомненно были заимствованы у соседних северокавказских (майкопских) и закавказских («куро-араксских») племен. Проникновение отдельных элементов майкоп-

ской культуры, по-видимому, явилось результатом культурных связей, а может быть, даже и непосредственных контактов между племенами майкопской культуры и населением Северо-Восточного Кавказа. Последнее тем более вероятно, что в недавнее время получены археологические данные, свидетельствующие о территориальном соседстве дагестано-вейнахских племен с майкопскими племенами, восточная граница расселения которых проходила по территории нынешней Чечено-Ингушетии.

Влияние «куро-аракской» культуры было значительно более сильным. Оно сказалось в различных областях хозяйственного и культурного развития коренного дагестанского населения, наложило свой отпечаток и на ход его этнокультурного развития (появление новых типов жилищ, деталей их интерьера, своеобразной керамики, изменения в антропологическом облике местного населения и т. д.). Основываясь на этом, многие исследователи считали дагестанскую культуру этого времени вариантом «куро-аракской» культуры. Однако более правильной будет оценка этих фактов как свидетельства передвижения какой-то (и, по-видимому, довольно многочисленной) группы «куро-аракских» племен из Закавказья на территорию нынешнего Дагестана и Чечено-Ингушетии.

Этническая принадлежность этих племен в настоящее время не может считаться окончательно установленной. В науке высказывались мнения о возможности их передне-восточного (хурритского) и даже индоевропейского происхождения. Однако большинство исследователей видит в них одну из групп автохтонного населения Кавказа, носителей общекавказского или общекартельского языка.

Пришельцы оказали чрезвычайно сильное влияние на развитие местной дагестанской культуры, чем и определяется ее синкретический характер в III тысячелетии до н. э. Однако в последующем, в памятниках бронзового века, влияние пришлых элементов заметно ослабевает. Правда, на раннем, а кое-где и на среднем этапах бронзового века в местной культуре сохраняются пережитки более древних, привнесенных «куро-аракскими» племенами традиций.

Помимо того, имеющиеся археологические данные свидетельствуют о проникновении в это же время на территорию Дагестана еще одной иноэтнической группы племен, на этот раз продвинувшейся с севера — из степей Предкавказья и Юго-Восточной Европы. Об этом можно судить по находкам в некоторых дагестанских памятниках раннего и среднего этапов бронзового века керамики, украшенной отпечатками шнура, а также по появлению нового, несвойственного местному населению типа погребального сооружения в виде катакомбы.

Катаомбные племена представляли собой одну из групп крупного массива племен «шнуровой керамики», принадлежность которых к праславяно-балто-германской языковой группе индоевропейской языковой семьи считается твердо установленной. Следы их пребывания в Дагестане прослежены на равнине и в предгорьях от среднего течения Сулака (селения Верхний Чир-юрт, Чиркей) до района Избердаша. Племена «шнуровой керамики» оказали определенное влияние на развитие местной культуры.

Отмечая пережиточное бытование в дагестанской культуре бронзового века «куро-аракесских» традиций и наличие привнесенных элементов культуры «шнуровой керамики», мы должны в то же время признать, что ее главной отличительной особенностью является непрерывное возрастание роли древних местных элементов и сложение новых самобытных черт. Данное обстоятельство подчеркивает определяющее значение местного компонента в формировании рассматриваемой этнокультурной общности, ассимилировавшей в своей среде пришлые элементы, и, кроме того, свидетельствует об обособлении группы родственных племен, составлявших эту общность, среди остального населения Кавказа.

Наряду с этим в дагестанской культуре рассматриваемого времени начинают отчетливо прослеживаться локальные различия. Существование локальных вариантов местной дагестанской культуры, очевидно, отражает начавшийся процесс этнической дифференциации, в ходе которого диалекты восточнокавказского (дагестано-вейнахского) прайзыка постепенно развились в самостоятельные языки.

Итак, в конце V—IV тысячелетии до н. э. на Восточном Кавказе складывается своеобразная культура, которая по одному из характерных отличительных признаков может быть названа культурой «обмазанной керамики». Она бытует здесь и в медно-бронзовом веке, включая в свой ареал помимо территории Дагестана также значительную часть Чечено-Ингушетии и южные склоны восточной оконечности Большого Кавказа (часть Северного Азербайджана). В Дагестане на ее основе складывается и культура последующей эпохи раннего железа, причем «обмазанная керамика» продолжает встречаться в памятниках этой культуры в середине, а местами и во второй половине I тысячелетия до н. э. Как известно, именно к этому времени относятся древнейшие из дошедших до нас свидетельств письменных источников о коренном населении Дагестана. Все это позволяет считать племена «обмазанной керамики» тем главным этнокультурным компонентом, который послужил основой для последующего формирования народностей Дагестана, Чечено-Ингушетии и древней Кавказской Албании, относящихся к восточнокавказской группе кавказско-иберийской языковой семьи.

Возникает вопрос об изначальной языковой принадлежности племен «обмазанной керамики». В настоящее время вполне допустимо предположить, что с самого начала формирования восточнокавказской этнокультурной общности (конец V—IV тысячелетие до н. э.) они являлись носителями восточнокавказского (дагестано-вейнахского) прайзыка. В этом случае следует признать, что проникшие на Восточный Кавказ в III тысячелетии до н. э. «куро-араксские» племена и в культурном и в языковом отношении оказались полностью ассимилированными местной этнической средой.

Однако при нынешнем состоянии изученности столь же допустимо предполагать, что смешение этих племен могло полностью сказаться на этногенетическом процессе. В этой связи обращает внимание гипотеза И. М. Дьяконова о хурритской принадлежности «куро-араксских» племен. Основанная на лингвистических данных, она исходит из признания сравнительно близкого родства восточнокавказских (дагестано-вейнахских) и хуррито урартских языков, первоначально образовывавших единую языковую группу, а затем (по мере расселения «куро-араксских» племен) распавшуюся на несколько самостоятельных ветвей. Следуя этой гипотезе, можно предположить, что в результате продвижения «куро-араксских» племен на Восточный Кавказ и их смешения с древним местным населением победителем вышел язык пришельцев, а сами они оказались ассимилированными местной средой. В этом случае вопрос первоначальной языковой принадлежности племен «обмазанной керамики» остается открытым.

Какое из этих предположений окажется более достоверным, покажет будущее. А в настоящее время можно считать твердо установленным, что не позднее III тысячелетия до н. э. племена «обмазанной керамики» уже были носителями восточнокавказского (дагестано-вейнахского) прайзыка.

Что же касается пришлых с севера катакомбных племен, то они, по-видимому, полностью растворились в местной этнической среде, оставив напоминание о себе лишь в археологических материалах. Не исключено, однако, что со временем могут быть получены и лингвистические данные, ибо, как полагают некоторые лингвисты, элементы древней индоевропейской речи прослеживаются и в некоторых дагестанских языках. В этом отношении ценные результаты достигнуты исследованиями грузинских лингвистов, выявивших в картвельских языках довольно значительный древний индоевропейский пласт. Примечательно, что преобладающее большинство устанавливаемых ими параллелей ведет к древнеславянским, древнебалтийским и древнегерманским языкам, т. е. к той именно ветви индоевропейской языковой семьи, к которой относились катакомбные и другие племена «шнуровой керамики».

ГЛАВА IV

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ

§ I. ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Эпоха раннего железа, несмотря на относительную по сравнению с предшествующими периодами продолжительность (она охватывает I тысячелетие до н. э.), является одним из важнейших периодов в истории нашей Родины. В это время завершается процесс приручения и хозяйственного использования всех полезных животных, завершается выведение основных видов культурных растений, происходит производственное освоение нового металла, сыгравшего революционизирующую роль, — железа. В эту же эпоху окончательно завершается сложение характерных для Дагестана хозяйственных укладов: оседло-земледельческого и скотоводческого.

Наряду с этими сдвигами в области производства происходят изменения и в общественной и культурной жизни племен. Повсюду наблюдается интенсивный распад патриархально-родовых отношений.

Бурный рост производительных сил в эпоху железного века расширил обмен между различными племенами Восточного Кавказа, что привело к оживлению хозяйственных и культурных связей и тем самым усилило политические связи между этими племенами, в результате чего завершается образование союзов племен и племенных групп. Это были непосредственные предки известных несколько позднее в античной традиции племен каспииев, миков, албан, гаргарицев, удин, легов, гелов, андаков и дидуров.

Параллельно с этим процессом происходит процесс языкового дробления. Участившиеся межплеменные столкновения, характерные для эпохи раннего железа, приводили к временному нарушению экономических, культурных и, вероятно, этнических связей между отдельными родственными племенами, что способствовало их дальнейшему обособлению.

Вследствие этого в эпоху раннего железа гораздо быстрее происходят начавшиеся еще в эпоху бронзы процессы этнического разобщения между отдельными дагестанскими племенами. В единой когда-то дагестанской культуре в это время четче выявляются локальные особенности, проявляющиеся не только в различии материальной культуры и хозяйственного уклада племен, но и в погребальном обряде, являющем для данной эпохи, видимо, устойчивым этнографическим признаком. Эти различия несомненно отражают далеко зашедший процесс этнической дифференциации, закончившейся становлением мелких этнокультурных групп — предков современных народностей Дагестана. Последние уже стали известны по сведениям античных авторов в связи с острой политической обстановкой на Восточном Кавказе, сложившейся в основном из-за персидской, римской и парфянской агрессий, а еще раньше связанный с движением скифов.

Общий подъем производительности труда привел к тому, что человек мог производить прибавочный продукт, что создавало возможность для присвоения определенной части труда. Так возникали все необходимые предпосылки для эксплуатации одних людей другими.

Родонаучальники и родовая знать стали возвышаться над коллективом, присваивали себе общественные земли. Возникла частная собственность на орудия производства. Представители родовой знати могущественных племен не только держали в подчинении простых людей своего племени, но и распространяли влияние на соседние племена, становясь вождями большого союза племен. Постепенно к концу железного века появилось деление общества на классы и возникло государство.

Еще недавно считалось, что дагестанские племена с большим опозданием по сравнению с населением соседних областей Кавказа ознакомились с железом. Однако интенсивными археологическими исследованиями, проведенными за последние годы, удалось установить время, когда население Северо-Восточного Кавказа освоило плавку железной руды. Во время раскопок Нижнесигитминского поселения (в среднем течении р. Сулак) были найдены остатки железных шлаков. Анализ показал, что это были отходы, полученные при сырьедутном способе плавки железной руды. На основании обнаруженного здесь археологического материала, главным образом керамики, шлаковые остатки были отнесены к началу I тысячелетия до н. э., т. е. к тому же времени, когда и остальные племена Кавказа научились плавить железную руду.

Последующие раскопки Дагбашского (ЧИАССР), Аркасского (Буйнакский район) и Макинского (Ахтынский район) поселений, Макинского, Мугерганского (Магарамкентский

район), Хабадинского (Гунибский район) и других могильников познакомили нас с развитыми культурами раннего железа, носители которых достигли значительных успехов в железной индустрии.

С VII в. н. э. железо уже становится основным материалом для изготовления орудий производства и оружия, вытеснив каменные и бронзовые изделия. Этому способствовало широкое распространение железной руды и относительная легкость ее разработки.

Освоение железа открывало широкие возможности для повышения техники обработки земли при помощи новых орудий, освоения под пашню новых участков. Наступает новая эпоха, эпоха железного меча, «а вместе с тем железного плуга и топора... Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов»¹.

Однако железо не сразу вытеснило бронзовые и каменные орудия производства и оружие. На первом этапе появления железо было очень дорогим и употреблялось в качестве украшения, а затем железные орудия и предметы вооружения в течение некоторого времени употреблялись вместе с каменными и бронзовыми. Поэтому принято выделять особый период, период перехода от бронзового века к железному. В Дагестане, как и на всем Кавказе, эта эпоха падает на рубеж II—I тысячелетий до н. э.

Эпоха перехода от бронзового к железному веку

Культуру племен, населявших Северо-Восточный Кавказ в переходный от бронзы к железу период, характеризуют материалы Дагбашского и Мугерганскоого могильников

и Нижнесигитминского поселения. Характерной особенностью этих памятников является то, что они расположены вблизи современных аулов или в ближайшей окрестности. Это обстоятельство указывает на то, что уже в эпоху переходного периода в основном было завершено расселение человека в Дагестане, когда удобные для обитания места были заняты под поселения.

Дагбашский могильник был обнаружен у сел. Зондак (ЧИАССР). Здесь были раскопаны каменные ящики с сидячими и скорченными захоронениями, давшие обильный материал. Покойников сопровождали глиняные сосуды и орудия труда — шилья, оселки, костяной молоток, каменная мотыга; оружие — бронзовые кинжалы с коваными, уплощенными клинками и плоские черешковые стрелы с треугольны-

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, стр. 163.

ми — остриями, костяные булавы; украшения — бронзовые витые шейные гривны, пластинчатые браслеты, различные височные привески, колечки и бусы. Наряду с металлическими изделиями в могильнике были найдены и каменный топор-мопыга, кремневые вкладыши от серпов и др.

Анализ этого материала показал, что население, оставившее этот памятник, было близко к носителям каякентско-хороchoевской культуры не только в культурном отношении, но и в генетическом.

Особо важным представляется и тот факт, что от предшествующей каякентско-хороchoевской культуры пережиточно сохранились детали женского костюма — очень устойчивого этнографического показателя в древности. Таковыми являются спиральные подвески от женского головного убора, обнаруженные в Дагбашском могильнике.

В то же время в инвентаре Дагбашского могильника улавливаются новые признаки, указывающие на возросшую близость с соседними областями, и прежде всего с Закавказьем. Это — неизвестные ранее на территории Северо-Восточного Кавказа типы оружия: черешковые бронзовые плоские наконечники стрел с треугольными остриями, кинжалы и др.

Особенно примечательна находка в Дагбашском могильнике бронзового кинжала с железной рукояткой. Это — первое свидетельство о знакомстве населения Северо-Восточного Кавказа с железом, использовавшимся тогда еще в качестве украшения.

К переходному от бронзы к железу периоду относится и Нижнесигитминское поселение. Оно располагалось на крутом берегу р. Сулак около современного аула Верхний Чир-юрт. Находящиеся рядом скальные гряды создавали естественно укрепленную позицию для всего поселения и избавляли население от дополнительных усилий при возведении оборонительных сооружений. На поселении были выявлены остатки многокамерных жилых комплексов, в каждом из которых было не менее пяти помещений. Эти помещения, в основном скруглой формы, имели размеры от 4—5 до 32 кв. м. Пол был земляным, а основания стен всех помещений — каменные. Они образовывались двумя рядами камней (средняя толщина 1 м), пространство между которыми было забутовано мелкими камнями и глиной. На таком основании покоялась глинобитная стена. По углам помещения располагались скруглой и квадратной формы каменные очаги для обогрева и шестиугольные малые очаги, видимо, ритуального назначения. Проходы в помещения были оформлены в виде порожнего камня и достигали ширины более 1 м. В отдельных дверных проемах сохранились камни с гнездами, куда вставлялись «пятки» дверей.

Находки на Нижнесигитминском поселении — главным образом керамика — так же, как и строительная техника, обнаруживают преемственность с каякентско-хороchoевской культурой.

Помимо керамики материал Нижнесигитминского поселения представлен костяными проколками, зернотеркой и костями рыб, домашних животных. Особое значение имеет находка в одном из помещений железных шлаков.

Наиболее полное представление о материальной и духовной культуре населения Дагестана в переходную от бронзы к железу эпоху можно получить, ознакомившись с данными раскопок Мугерганского могильника (Магарамкентский район).

Характерной особенностью этого могильника были погребения в отмеченных камнями грунтовых ямах со скорченными (в основном) и вытянутыми захоронениями. Рядом с могилами устраивались жертвенные места для разжигания костров. Как правило, в каждой могиле было индивидуальное захоронение. Погребальный инвентарь был богат и многообразен. Он состоял из глиняных сосудов самых разнообразных форм и размеров, исключительно выработанных форм и пропорций (кувшины, чаши, миски, горшки и др.); орудий труда и оружия — иглы, прядла, мечи, ножи, наконечники копий; украшений — браслеты, шейные гривны, височные привески, подвески в форме лунниц, перстни и др.

На примере Мугерганского могильника заметна значительная имущественная дифференциация. Отдельные погребения, содержащие богатый инвентарь и имевшие вокруг несколько жертвенных мест, резко отличались от бедных погребений.

Материалы Мугерганского могильника не только знакомят нас с развитой материальной культурой племен Южного Дагестана, но и документируют первое появление железных орудий (иглы) и оружия (мечи).

Хотя инвентарь Мугерганского могильника весьма ощущимо обнаруживает влияние каякентско-хороchoевской культуры, тем не менее эта культура значительно отличается от культуры предшествующих эпох. В Мугерганском могильнике зафиксированы новые, уже характерные для поздних стадий железного века погребальные сооружения — грунтовые ямы. В керамике появляются новые формы (разнообразные кувшины с водосливными носиками) и иные методы обработки поверхности (ангобирование).

Еще более интересный памятник переходной эпохи был выявлен в Каякентском районе. Это укрепленное поселение Шах-Сенгер с цитаделью и внешними стенами с башенными выступами.

Выявление памятников переходной от бронзы к железу

эпохи имеет большое значение. Во-первых, они еще раз подтверждают датировку каякентско-хороchoевской культуры, показывая, что она предшествовала высокоразвитым культурам Северного Кавказа, а не была им синхронной, как это было принято считать в широких кругах археологов-кавказоведов. Во-вторых, они показывают, что племена Северо-Восточного Кавказа на рубеже II—I тысячелетий до н. э. так же переживали расцвет позднебронзовой металлургии, как и племена Центрального и Западного Предкавказья. Поэтому те многочисленные случайные находки на территории Дагестана замечательных бронзовых изделий (мечи, кинжалы, наконечники копий различных форм, своеобразные массивные браслеты и фибулы, части антропоморфных и зооморфных статуэток) вполне могут быть отнесены к кругу изделий местных металлургов.

Хозяйство Переходный период характеризуется дальнейшим развитием хозяйства Северо-Восточного Кавказа. В это время на территории Дагестана и соседней Чечено-Ингушетии проживало оседлое население, занимавшееся в основном земледелием и скотоводством. Вспашку, видимо, производили как при помощи примитивного горского плуга, так и при помощи каменной мотыги. Урожай снимали составными серпами с кремневыми вкладышами. Последние обнаружены в Дагбаше и Мугергане.

Для молотьбы использовались молотильные доски, получившие распространение еще в предшествующую эпоху. Характерно, что многие памятники переходной эпохи располагались на естественных террасах (Дагбаш, Мугерган), которые вполне могли обрабатываться еще в глубокой древности.

Остеологический материал, обнаруженный при раскопках памятников этой эпохи, позволяет судить о развитии скотоводства. В стаде по-прежнему, как и в эпоху бронзового века, преобладал крупный рогатый скот, что, очевидно, связано с потребностью земледельцев в тягловой силе.

Резко увеличивается в переходную эпоху поголовье лошадей (Мугерган). Видимо, тогда же была выведена местная порода крупного рогатого скота (короткорогий бык с широким лбом), которая сохранилась в Дагестане и по сей день; значительно увеличилось количество свиней, что не только доказывает оседłość населения, но и свидетельствует о большой роли земледелия, так как на корм свиньям идут исключительно полевые и огородные культуры.

Остеологический материал рисует также картину уменьшения значения охоты, которая в эпоху железного века играла подсобную роль (Сигитма). На Нижнесигитминском поселении обнаружены остатки осетровых рыб и различные грузила, что свидетельствует о занятии рыболовством.

Бронзовая культовая статуэтка из нагорного Дагестана

Достижения народов Северо-Восточного Кавказа в ремесленном производстве наиболее ярко отразились в развитии металлургии и металлообработки. Освоение выплавки железной руды и изготовление орудий из железа, тогда самого прочного металла, являлось не единственным достижением местных мастеров. Блестящего расцвета в переходную эпоху достигла и бронзовая металлургия. Никогда в предшествующие периоды бронзового века местные мастера не делали столь различных изделий из бронзы. В эту переходную эпоху резко увеличивается добыча цветных металлов (меди, цинка, свинца, серебра), а также мышьяка. Широко распространяются различные сплавы меди (с мышьяком, свинцом, цинком, сурьмой и т. д.). Успешно решен был вопрос доставки олова, так как большинство бронзовых изделий содержит достаточно большое количество примесей олова. Таким образом повышалось качество бронзовых изделий.

Большинство бронзовых изделий — литые. Это предметы сложных очертаний — статуэтки людей и животных. Широко применялась также и ковка. Ковкой изготавливались различные пластинчатые браслеты, наконечники стрел. Иногда ковка применялась для окончательной отделки литых изделий.

Из бронзы изготавливались самые различные предметы: оружие, украшения, принадлежности туалета и предметы культа.

Наиболее распространенными видами оружия были кинжалы и наконечники стрел. Кинжалы представляли собой небольшие клинки плавных очертаний, с гранью посередине. В верхней части у них имелось отверстие для прикрепления рукоятки, вероятно, из дерева или рога. Наконечники стрел были плоские, треугольной формы, с черенком для закрепления в древке.

Украшения переходного периода представлены шейными гравнами, гладкими и витыми, с концами, прокованными и украшенными врезным орнаментом; бронзовыми браслетами различных форм; височными привесками, накосниками, нагрудными бляхами, подвесками-лунницами; предметы культа — зооморфными и антропоморфными привесками, а также статуэтками и т. д.

К этому времени относится и зарождение самого значительного и постоянно функционирующего очага дагестанской металлургии — Бежтинско-Дидойского. Из этих районов, прилегающих к Главному Кавказскому хребту, происходит большая серия высокохудожественных изделий малой пластики — зоо- и антропоморфных статуэток, часть которых выполнена в реалистической манере. Изготовленные посредством сложной технологии (полое литье), они датируются рубежом II и I тысячелетий до н. э.

Дальнейшее развитие наблюдается и в гончарном деле. Наряду с характерной для бронзового века «обмазанной» керамикой появляются новые формы керамики, и прежде всего различные кувшины. Увеличивается ассортимент изделий, в частности появляются небольшие ритуальные сосуды.

Наряду с изготовленными из плохо вымешанной грубой глины сосудами типа банок и горшков появляются тонкостенные сосуды из хорошо вымешанной глины. Большинство керамики данной эпохи обжигалось, видимо, в специальных ямах, а возможно, и в горнах, а не на костре, как это имело место в предшествующие эпохи.

Археологические материалы дают основание говорить о развитии обработки кости. Так, в Дагбашском могильнике встречаются костяная булава, выточенная из основания оленьего рога, принадлежности конской сбруи, колечки, а также отточенные клыки животных, употреблявшиеся как привески. Аналогичные находки костяных изделий известны из Мугерганского могильника.

Многочисленные каменные и глиняные прядильщицы во многих погребениях свидетельствуют о дальнейшем развитии ткачества, а бронзовые булавки больших размеров говорят о существовании верхней одежды типа бурки.

Учитывая сведения греко-римских источников о наличии своеобразной одежды типа бурок у каспийцев, можно полагать, что население Дагестана в ту пору уже было знакомо с выделкой войлока.

Религиозные представления

Религиозные представления переходного периода мало отличаются от аналогичных представлений предшествовавшей эпохи.

Сохраняется вера в загробную жизнь, обожествляются силы природы, небесные светила и т. д. Отголосками этих верований можно считать и до сих пор сохранившиеся в дагестанском языке выражения типа «чтоб тебя ударила луна» или «да поразит тебя звезда». В отличие от предшествующих эпох несколько усложняется и становится более выработанным ритуал. Особое значение, как и для всего Кавказа, приобретал культ предков, считавшихся покровителями домашнего очага.

Практиковались тризы по покойнику и устройство жертвенных мест около могил. На одном из таких мест (Мугерганский могильник) среди погребального инвентаря был найден череп быка, что свидетельствует о почитании животного как одного из символов плодородия. Аналогичное значение, видимо, имели и многочисленные зооморфные статуэтки, в большом количестве найденные в горном Дагестане. К этому времени относится и широкое распространение культа коня и особенно культа железа. Последнее проявилось не только вношении оружия (топора, сабли, ножа), которое по древним верованиям дагестанцев было в состоянии отогнать нечистые силы, но и в почитании самого железа в виде ядрищ — сидеритовых желваков. С этим же культом связано и особое почитание кузнецов, наделение представителей этой профессии сверхъестественной силой.

§ 2. ПЛЕМЕНА ДАГЕСТАНА В VII—IV вв. до н. э.

С эпохи широкого освоения железа (VII—IV вв. до н. э.) у народов, населявших территорию современного Дагестана, наблюдаются значительные сдвиги в хозяйственной, политической и культурной жизни. Эта эпоха характеризуется массовым и повсеместным распространением железных изделий (орудий труда и оружия).

Памятники этой эпохи представлены Аркасским (Буйнакский район) и Макинским (Докузпаринский район) поселениями; Макинским, Хабадинским (Гунибский район), Шаракунским (Касумкентский район) и Карабудахкентским могильниками, а также случайными находками из различных районов республики.

Эти памятники, также будучи связаны с каякентско-хороchoевской культурой рядом признаков, имеют и ряд новых черт, резко отличающих их от памятников предшествующей эпохи. Это прежде всего проявляется в широком распространении нового типа погребальных сооружений (гребенчатые, часто обложенные камнем могилы, кстати сказать, известные еще в Мугерганском могильнике), появлении иных предметов украшения и новых типов оружия. К последним относятся железные мечи и ножи, наконечники стрел. Совершенно новыми, ранее неизвестными видами являются предметы конской сбруи: удила, псалии и различные пряжки. Значительные изменения происходят и в керамическом материале. Господствующими становятся новые виды сосудов: кувшины с сливом, сферические крупные сосуды, миски с лощеной и ангобированной поверхностью.

Такое заметное по сравнению с предыдущей эпохой изменение в погребальном обряде и материальной культуре

Дагестана, видимо, было вызвано, с одной стороны, повсеместным освоением нового металла — железа, сыгравшего, по мнению Ф. Энгельса, «революционную роль в истории»². С другой стороны, изменения эти следуют объяснить усилением культурных, а возможно, и этнических связей с соседними, и прежде всего закавказскими, племенами. Можно уверенно говорить, что некоторые формы керамики Дагестана эпохи широкого распространения железа (кувшины с водосливными носиками) были выработаны не без влияния соответствующих закавказских форм.

Определенную роль здесь, возможно, сыграло и проникновение на территорию Дагестана иноязычных скифов во время их походов в Малую Азию через приморский Дагестан. Этим объясняются и находки типично скифских изделий (псалии, поделки в «зверином» стиле), найденные в Аркасе, Хабаде и других пунктах Дагестана.

Поселения и жилища В рассматриваемый период население Дагестана вело оседлый образ жизни, расселяясь на небольших, естественно укреплен-

ных местах (Аркас, Мака). Жилище с несколькими сообщающимися между собой прямоугольными помещениями возводили на каменном фундаменте. Стены возводились из скрепляемых глиняным раствором камней (Мака) или же были турлучными (Аркас). Перекрытие поконлось на деревянных жердях и палках. В помещении находились глинобитные, сложной конструкции печи для выпечки хлеба, известные еще в эпоху бронзового века и сходные с такими же печами современных народов Дагестана (Мака). Наряду с такими сложными печами существовали и открытые очаги. Интересны также устройства порогов с пяткочными камнями для закрепления дверного косяка и глинобитные полы, которые также пережиточно сохранились в горах в XIX — начале XX в. Одно из помещений, обнаруженных на Макинском поселении, было вымощено каменными плитами. Вымощенная же дорожка зафиксирована была у дверного проема. Такие дорожки и вымостка обнаружены и в синхронных памятниках Чечни; они также являются характерными для дворников поздних саклей горцев.

Можно предположить, что в отличие от домов, принадлежащих большим патриархальным семьям, некоторые жилища данной эпохи принадлежали индивидуальной семье. Таковыми можно считать жилища, выявленные в Макинском поселении. Следует отметить, что в эту эпоху формируются крупные поселения, ставшие впоследствии древними городами (Уртеки).

² Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, стр. 163.

Основным занятием Дагестана в эпоху широкого распространения железа по-прежнему оставалось земледелие. Его успехи определялись повсеместным распространением железных сельскохозяйственных орудий. Такие орудия, например серпы, были найдены на Аркасском поселении и в Хабадинском могильнике.

В железном веке улучшается освоение новых пахотных участков, развивается техника возведения террас, совершаются горские плуги типа «пурец» — «дуруц». Основными зерновыми культурами являлись двухрядный и особенно голозерный ячмень, твердая и мягкая пшеница, а возможно, и бобы. Зерна последних были обнаружены в одном из погребений Шаракунского могильника.

Обмолот зерна производился молотильными досками, у которых имелись специальные гнезда для вставок кремней. Почти на всех памятниках найдены зернотерки и терочки для размола и рушка зерна. Для хранения зерна использовались большие хозяйствственные сосуды, возможно, и деревянные лари — цагуры.

В эпоху раннего железа значительное развитие получило и садоводство, наличие которого документируется еще в эпоху бронзы. А на плоскости и в предгорье появляется виноградарство. Это подтверждается как находками виноградных косточек (Шаракун), так и особых сортов садовых ножей, по форме и размерам напоминающих современные (Аркас, Шаракун). Особо следует отметить, что в одном погребении Шаракунского могильника виноградная косточка была найдена вместе с садовым ножом.

Скотоводство в эпоху широкого распространения железа носило оседлый характер. В стаде по-прежнему преобладал крупный рогатый скот, хотя в горных районах с великолепными альпийскими пастбищами разводили овец, а в каменистых нагорьях — коз. На оседлый характер скотоводства указывают находки костей свиньи (Мугерган, Хабада, Мака). Возросшее количество поголовья в стадах было причиной появления особой породы собак, а именно кавказских пастушеских овчарок, которые повсеместно вытесняли использовавшихся ранее для охоты гончих.

В эпоху широкого освоения железа резко возросло конское поголовье и роль коневодства. Лошадь становится средством передвижения. Об этом свидетельствует исчезновение костей лошади в пищевых отбросах и появление захоронений целых конских костяков (Уртеки, Хабада) или конских голов (Хабада). Этот же факт подтверждается появлением конской сбруи (Аркас, Хабада). Судя по данным остеологии, в эту эпоху в Дагестане существовал местный вид толстоногой лошади, приспособленной для местных горных условий. Ло-

шади использовались для верховой езды, тягловой же силой по-прежнему служили быки. В качестве рабочего скота использовались также и ослы.

Ремесло Серьезные сдвиги произошли в гончарном и ремесленном производстве, ткацком деле и особенно в металлургии и металлообработке.

Гончары эпохи широкого распространения железа изготавливали разнообразную и разноцветную посуду: кувшины, корчаги, миски (часть которых изготавлялась на примитивном гончарном круге), светильники, чашки, пифосообразные сосуды, предназначенные для хранения зерна и жидкостей. Такие крупные сосуды в эту эпоху на Северном Кавказе пока еще известны только на территории Дагестана. Как правило, многие из них отличались выработанностью форм (Мака, Шаракун, Хабада) и хорошим обжигом.

Поверхность сосудов ангобировалась или же подвергалась лощению. Многие из сосудов украшены врезным и налепным орнаментом. Орнамент представлен заштрихованными треугольниками, спиралями, концентрическими кругами (Хабада), валиками с насечками, лунками, изображениями змей и т. д. Некоторые сосуды этой эпохи украшены зооморфными элементами.

Разнообразие форм глиняных сосудов свидетельствует не только о блестящих успехах местных мастеров, изготавливавших уже специализированную посуду, но и о развитом хозяйственном укладе местного населения.

Об известной специализации в гончарном производстве можно судить по имеющимся на отдельных сосудах своеобразным клеймам — знакам мастеров.

Занятие ткачеством по-прежнему оставалось уделом женщин. В каждой семье изготавливали необходимое количество пряжи, а затем из нее делали ткань. Пряжа в основном была шерстяная, на что указывают довольно большие размеры повсеместно встречаемых прядильщиков. Кроме чистошерстяных изготавливались и ткани из растительных волокон (Хабада) и шерсти, грубые ткани типа кавказского сукна, предназначавшиеся для изготовления верхней одежды, а также головных уборов, хозяйственных сумок-хурджинов, носков и т. д. В этой связи представляют интерес сообщения Геродота (V в. н. э.) об изготовлении в Западном Прикаспии шерстяных тканей. Он же сообщает об окраске этих тканей растительными красками. Дальнейшее развитие получило изготовление войлоков и бурок.

Бронзовые статуэтки людей этой эпохи дают некоторые представления о костюмах. Мужчины носили короткие кафтаны и головные уборы (меховые и шерстяные) конической формы. Женщины одевались в туникообразную рубаху, а также в широкие платья.

Археологические материалы указывают также на существование обработки кожи, кости, дерева.

Общий подъем хозяйства в железном веке стал возможным благодаря широкому внедрению железа в жизнь и быт населения. Вырос ассортимент и улучшилось качество железных изделий.

Данные Макинского и Хабадинского могильников показывают, что почти в каждом погребении находились железное оружие и орудия труда. В комплексах материалов, обнаруженных у Аркаса, найдены самые различные изделия из железа. Причем одни только ножи представлены несколькими типами, среди которых были как универсальные, так и специального назначения. Эти данные говорят о значительном производственном опыте и мастерстве местных ремесленников.

Особый интерес представляют остатки сыродутной печи или горна для выплавки железа (Аркас). Это была небольшая, диаметром в 1 м, яма со слегка углубленным скалистым основанием; сверху оно было обложено камнями и обмазано жароупорной глиной. В нижней части печи, видимо, было отверстие для доступа сырого (непрогретого) воздуха. Отсюда весь процесс назывался сыродутным. Подобные печи давали температуру гораздо более высокую, чем необходимо было для плавки железа. Конечным продуктом сыродутной плавки была тестообразная масса, которая затем проковывалась в горячем состоянии.

В Аркасе же на отдельных участках обнаружена масса железных шлаков, обломков сидеритовых желваков-конкремций, бракованные железные изделия и обломки глиняных сопел, что дало основание считать эти находки остатками мастерских местных металлургов.

Это же подтверждается отсутствием на подобных участках других орудий производства, которые бы свидетельствовали об иных, побочных занятиях данного населения. Можно также предположить, что металлообработка этого времени была уделом особых мастеров — металлургов-литейщиков, специализировавшихся в технике металлообработки.

Об известной специализации в металлообработке говорят также находки многочисленных бронзовых высокохудожественных изделий: поясных пряжек с зооморфным орнаментом, разнообразных фигурок людей и животных. Последние, как и некоторые украшения, изготавливались посредством сложных технических приемов (полое литье с сохранением формовочной массы), овладение которыми требует исключительно больших навыков и умения. Такая специализация уже свидетельствует о наметившемся процессе общественного разделения труда, а именно об отделении ремесла от земледелия и выделении его в особую отрасль хозяйства.

Внешние связи Значительно усиливаются в эпоху широкого освоения железа и внешние связи с соседними и более отдаленными странами и народами. Они уже

стали носить все более и более регулярный характер. Надежным и быстрым средством связи в эту пору становится конь. Связи эти выражаются в появлении на большой территории Северного Кавказа одинаковых форм погребального сооружения в виде грунтовой, иногда отмеченной камнями ямы с преобладанием вытянутых костяков; распространением на этой территории одинаковых типов оружия — мечей, наконечников копий и стрел; конской сбруи и т. п. Много общего и между украшениями, найденными как в Дагестане, так и в других районах Кавказа.

Наряду с новыми местными формами материальной культуры встречаются в большом количестве различные привозные изделия. Это прежде всего разноцветные пастовые и стеклянные бусы южного (сирийского и финикийского) происхождения. С югом связываются также находки многочисленных сердоликовых и сардеровых бус во всех могильниках Дагестана, относящихся к эпохе раннего железа и предшествующим периодам. Наряду с бусами широкое распространение в Дагестане, как и на всем Северном Кавказе, получили и своеобразные раковины каури, родиной которых является побережье Индийского океана, Персидский залив, а впоследствии также изделия из голубой египетской пасты. О тесных связях с Закавказьем свидетельствует появление среди керамического инвентаря новых, ранее не известных в Дагестане, но традиционных для Закавказья кувшинов самых различных форм и размеров, а также распространение ангобирования.

Особый интерес представляют находки на территории Дагестана типично скифских форм оружия и конской сбруи (Мака, Хабада, Аркас).

Раскопки последних лет позволяют говорить о влиянии, которое Дагестан в свою очередь оказывал на соседние области. Это прежде всего сказывается в появлении в соседних областях характерной только для Дагестана обмазанной керамики, встречающейся в одновременных памятниках Закавказья (Лагодехи, Северный Азербайджан, Апшерон) и Чечено-Ингушетии (Сержен-юрт).

Таким образом, культура населения Дагестана в эпоху раннего железа развивалась в тесной связи с культурой соседних областей. В то же время эта культура на всем протяжении эпохи раннего железа характеризуется рядом самобытных местных форм, которые и определяют ее облик. Это прежде всего сохранившиеся элементы предшествующей каякентско-хороchoевской культуры, сугубо локальной для Северо-Восточного Кавказа.

Бурное развитие производительных сил в эпоху железного века привело к глубоким изменениям в общественной жизни племен Северо-Восточного Кавказа. Судя по археологическим материалам, дающим богатые и бедные погребальные комплексы (Мугерган, Шаракун и др.), в обществе того времени все сильнее наблюдается усиление имущественной дифференциации, накопление богатства в руках отдельных семей, а не родов, как это было прежде, на более ранних этапах (эпоха бронзы). Именно таким, уже обособленным в обществе, семьям принадлежали жилища, обнаруженные на Нижнесигитминском и особенно на Макинском поселениях. Материалы поселений перекликаются с материалами могильников, которые также указывают на захоронения по семейному принципу. О дальнейших сдвигах в общественной жизни свидетельствуют также индивидуальные захоронения, характерные почти для всех могильников эпохи раннего железа, выявленных на территории Дагестана.

Хозяйственное обособление семей, ставших отдельными производственными единицами, и концентрация в их руках значительного богатства — не только движимого имущества, но, возможно, и недвижимого, в частности террасных полей, являвшихся с самого возникновения собственностью определенной семьи, — создавало предпосылки для использования рабского труда. Это в свою очередь способствовало дальнейшему разложению самой общинны. Привлечению рабочей силы способствовал и всеобщий хозяйственный подъем, которым отмечена вся эпоха железного века. «Непрекращающийся рост производства, а вместе с ним и производительности труда, — писал Ф. Энгельс, — повышал ценность рабочей силы человека, рабство, на предыдущей ступени развития только возниквшее и носившее спорадический характер, становится теперь существенной составной частью общественной системы; рабы перестают быть простыми подручными; их десятками гонят теперь работать на поля и в мастерские»³.

Уровень развития общества на Северо-Восточном Кавказе дает основание предполагать возможность появления в эту эпоху зависимых лиц в виде патриархальных рабов. Имеется ряд сообщений как ранних, так и поздних источников, позволяющих подтвердить существование рабства на Северном Кавказе. Это данные библейских текстов, а также сообщения античных авторов. Наконец, существование зависимых лиц подтверждается и археологическим материалом (Шаракунский могильник), где имеются захоронения отдельных

³ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, стр. 163.

черепов, обычно связанные с насильственно умерщвленными зависимыми лицами, возможно рабами.

Подобное явление, наблюдаемое и в более позднюю албano-сарматскую эпоху (Карабудахкент, Урцеки), было весьма характерным для эпохи раннего железа. Наличие рабского труда способствовало экономической мощи богатых семей и повышению их общественной значимости, т. е. их возвышению над бедными семьями.

С другой стороны, усилившийся в железном веке обмен также способствовал процессу усиления отдельных богатых семей, старейшин, родовой знати и т. д. Эти семьи отделились от основной массы общинников, присваивали себе наиболее плодородные земли, общественные привилегии, должности.

Итак, наблюдается интенсивный распад первобытнообщинного строя. Эта эпоха в истории получила название «войнной демократии», «военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждает жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей... Органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе... а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей»⁴.

Эти богатства добывались как в результате военных набегов на соседние области, о чем свидетельствует значительное количество явно недагестанских изделий, найденных при археологических раскопках, так и мирным путем, посредством обмена. Последний также в условиях существования частной собственности является верным средством обогащения отдельных лиц и семей.

Вследствие роста производительных сил, прочной оседлости основной массы населения и малоземелья в горах создаются предпосылки для частых столкновений племен из-за пашен и пастбищ. Повышается их военная активность. Постоянные войны, характерные для эпохи железного века, способствовали усилию родовой знати и возвышению военачальников, которые «становятся постоянными должностными лицами».

Активное развитие местного общества на Северо-Восточном Кавказе позволяет предположить появление здесь в эпоху раннего железа профессиональных военных дружин и военачальников, которые уже сами, силой оружия решали жизненные вопросы. Об этом свидетельствует не только ши-

⁴ Ф. Энгельс. *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, стр. 164—165

рокое распространение железного, тогда еще очень дорогостоящего оружия и предметов конского снаряжения (Хабада, Мака, Аркас, Шаракун), но и конские захоронения. В одном из погребений Хабадинского могильника был захоронен мужчина, при котором находились копья и наконечники стрел, несколько ножей, детали конской сбруи. Ему положена лучшая часть туши барана, а рядом устроена тризна с закланием коня и собаки. Впоследствии, например в Урцеках, также были выявлены конские захоронения, которые сопровождали человеческие кости. Весьма характерными являются и находки у Аркаса железных небольших культовых амулетов: миниатюрного боевого топорика и наконечника копья, свидетельствующих о культе оружия, о его сакральном значении, что явно отражало повышение авторитета дружинников и особенно военных вождей. Конские захоронения и культ оружия, существовавшие у различных племен юга СССР, были особенностью общества, основной формой своего управления имеющего военную демократию.

Усиление имущественного и социального неравенства, выделение и обособление из основной массы населения дружинников и племенной знати, их обогащение создали предпосылки для появления наследственной власти, каковая несомненно и возникла несколько позже, в эпоху создания албанской государственности. Становлению наследственной власти способствовали и войны, которые усиливают власть и авторитет верховного начальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, «которую сначала терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют»⁵.

Таких вождей, видимо, и имеют в виду античные авторы (Страбон), сообщая, что каждое из 26 племен до объединения их под властью албанского царя имело своего царя.

Скифы на Северо-Восточном Кавказе Скифы во время их походов в Малую Азию двигались в основном по Каспийскому проходу. Данные письменных источников по этому вопросу подтверждаются и топографией археологических находок — бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел. Большинство из обнаруженных наконечников, а также предметы, связанные со скифским миром, выявлены в приморском Дагестане вдоль древнейшего пути — Каспийского прохода (Кизляр, Бавтугай, Тарнаип, Махачкала, Тарки, Избербаш, Карабудахкент, район р. Самур).

В последнее время получены данные, позволяющие глуб-

⁵ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, стр. 164.

же осветить скифскую проблему на Северо-Восточном Кавказе. Так, в составе археологических комплексов, найденных близ сел. Аркас, имеются предметы явно скифского типа, говорящие о более тесных контактах населения предгорного Дагестана в эпоху раннего железа со скифами. Это типично скифского облика псалии и бляшки так называемого «звериного стиля», ворворки и фалары, несомненно связанные со скифским миром. К этой же категории вещей относятся и железные мечи, нагрудные бляхи и поясные пряжки, выявленные в основном также в приморском Дагестане.

Скифский облик имеют и материалы, найденные на Бавтугайском поселении (Кизилуртовский район). Это прежде всего керамика, напоминающая скифскую, и втульчатый трехлопастный наконечник стрелы скифского типа. Основываясь на этих фактах, можно говорить о появлении на Сулаке, в районе, удобном для переправы, поселения, жители которого контролировали один из участков мирового пути, связывающего Восточную Европу со странами Закавказья и Ближнего Востока. Движение скифов через приморский Дагестан не только повлияло на материальную культуру различных народов, но и послужило причиной активизации их политической деятельности. Не случайно именно после похода скифов отдельные племена, проживающие на Восточном Кавказе, принимают участие в греко-персидских войнах.

Каспии

Первое упоминание письменных источников о племенах, населявших современную территорию Дагестана, относится к каспием, входящим в одиннадцатую сатрапию Дария. Они же входили в состав войска Ксеркса. Вероятно, союз каспиев включал в себя не только собственно каспиев, но и другие племена Восточного Кавказа, в частности албан, утиев, легов и др.

Участие каспиев, а затем албан в греко-персидских войнах свидетельствует о значительном политическом опыте этих племен, о выходе их на арену мировой истории. Возвышение этих племен должно было способствовать также усилению значения Каспийского прохода, так как каспии и албаны проживали как раз в районах, которые контролировали этот путь. К сожалению, о каспиях мы располагаем крайне скучными сведениями письменных источников. Это были оседлые племена, занимающиеся земледелием, садоводством и скотоводством. Большое место в их жизни занимал морской промысел. Из домашних ремесел античные авторы упоминают валяние шерсти, прядение и ткачество. Одеты они были в шерстяные плащи типа бурок. В поход каспии ходили верхом, вооруженные мечами, луками и стрелами. Любопытны сообщения об умерщвлении ими стариков, а также об обряде вторичного захоронения покойников. Эти сведения письменных источников перекликаются с данными археологических

раскопок в Южном Дагестане. Так, при раскопках Шаракунского могильника были выявлены интересные факты, говорящие о высокоразвитом земледельческо-скотоводческом характере хозяйства местных племен. Древнее население Шаракунской долины занималось виноградарством, ткачеством и морским промыслом. Здесь же был зафиксирован обряд вторичного захоронения. Таким образом, мы можем составить некоторое представление о племени каспииев, которые в начале второй половины I тысячелетия до н. э. занимали ведущее положение в Прикаспии и, по-видимому, возглавляли военно-политический союз, куда входили и другие племена.

Но этот племенной союз был недолговечен, и каспии вскоре утратили бытую гегемонию, а затем и совсем исчезли с арены истории. Однако обстановка, сложившаяся на Восточном Кавказе, диктовала необходимость сплочения более мелких племен в мощный союз.

Это было вызвано как внешнеполитическими условиями (необходимость борьбы с нашествием сармат, римской и парфянской агрессией), так и внутренним развитием восточно-кавказских племен, переживавших бурный этап разложения общинного строя. На роль гегемона, пытавшегося объединить многочисленные племена Восточного Кавказа, стали претендовать албаны, упоминание о которых все чаще и чаще мелькает в греко-римской литературе. Им-то и удалось впоследствии выполнить историческую миссию, которая оказалась не под силу каспиям.

ГЛАВА V

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ

§ I. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Культурная и даже этническая близость Северо-Восточного Кавказа и Восточного Закавказья прослеживалась еще с эпохи бронзового века. В период же широкого распространения железа исторические судьбы племен, населявших Дагестан, теснейшим образом переплетаются с историческими судьбами древнейшего политического образования и культурного очага юга нашей страны — Кавказской Албании.

В исторической литературе, посвященной Кавказской Албании, существует много спорных положений и противоречивых мнений. Одним из дискуссионных вопросов является вопрос о северных границах Албании. Однако большинство ученых считает, что значительная часть Дагестана, в частности горного, входила в состав Кавказской Албании.

Вполне вероятно, что в отдельные периоды, знаменующиеся подъемом военно-политического могущества Албании, ее северные границы продвигались значительно выше левобережья р. Куры и Аракса. И, наоборот, в тяжелые времена персидской и римско-парфянской агрессии нашествия кочевников — сармат, алан, гуннов — ее территория занимала только небольшую область куро-аракского междуречья, известную в раннем средневековье как Арран.

Согласно данным античных авторов, Албания занимала значительную территорию между Каспийским морем, Аланью и Курой. С севера Албания граничила с Сарматией и проходила по северным отрогам Восточного Кавказа примерно по линии р. Сулак, т. е. включала значительные районы Дагестана.

Природные условия Албании, по данным античных авторов, были очень благоприятны для жизни человека. Земля ее отличалась плодородием и хорошо орошалась. Большую часть территории Албании составляли горы, где жило воин-

ственное население, прочно державшее под своим контролем перевалы Главного Кавказского хребта.

Наиболее значительными среди племен Албании были албаны, утии, проживающие по побережью Каспийского моря, а также гели, леги, гаргарейцы, диодуры, андаки, ильвы и др. Гораздо раньше были известны мики и каспии. Последние, по свидетельству Страбона, к I в. н. э. уже исчезли с исторической арены. Всего в Албании насчитывалось 26 племен. Эта этническая пестрота, а также упоминание таких племен, как леги, диодуры, андаки, рисует картину весьма близкую к этнографии современного Дагестана.

Утии (уды, удины) занимали, видимо, в основном приморскую часть Восточного Кавказа. Как свидетельствуют письменные источники, они расселились на обширной территории, вплоть до правобережья Куры. Некоторая часть утиев занимала предгорные районы.

Севернее утиев, занимая частично побережье Каспийского моря и горную часть Дагестана, проживали собственно албаны. Очевидно, под этим термином скрываются предки современных горных народов Дагестана.

Античные авторы, описывая албан, отмечают их высокий рост, светлые волосы и серые глаза. Таким именно представляется ученым-антропологам древнейший тип коренного кавказского населения — кавкасионский, широко представленный в настоящее время в горных районах Дагестана, Грузии и отчасти Азербайджана.

Видимо, несколько позднее на Восточный Кавказ проник другой (тоже достаточно здесь широко представленный антропологический тип), а именно каспийский, значительно отличающийся от кавкасионского.

Древние авторы разделяют албан на жителей гор и равнины. По культуре и быту албанские племена, заселявшие равнину, тяготеют к армянам и мидийцам. Напротив, албаны — жители гор близки по своим обычаям и особенно по вооружению к северным кочевникам.

Большой интерес представляют и сообщения письменных источников о языке албан. Так, Монсей Хоренский сообщает, что язык одного из значительных албанских племен — гаргарейцев — «богат горловыми звуками». Из этого можно заключить, что он напоминал языки коренных народов Дагестана, которые относятся к кавказской группе языков. Известно также, что язык одного из потомков албанских племен — современных удин — относится к лезгинской группе языков.

Только на базе дагестанских языков, а именно удинского, и стало возможным чтение албанских надписей, найденных при раскопках в Мингечауре. Дошедший до нас албанский алфавит по обилию согласных звуков также указывает на

связь этого алфавита с языками дагестанской группы. Особенno характерно наличие в этом алфавите четырех букв для обозначения латеральных звуков. Такое количество латеральных имеется только в дагестанских языках, в частности в аварском.

Термин «Албания» происходит от слова «Алп», или «Алб», означающего «горные районы», «горная страна». Этноним «Алб» до сих пор прочно сохраняется в горном Дагестане.

Данными дагестанских языков этимологизируются и имена албанских царей: Вачаган, Ваче. Имя царя Ороиза встречается в старинном аварском предании об Ираз-хане.

По данным Страбона и Плутарха, «выше», т. е. севернее албан, размещаются леки и гелы. Еще в III в. до н. э. горцы Северного Кавказа, в том числе и леки, согласно сообщению грузинских источников, принимали активное участие в важнейших военно-политических событиях Закавказья. Означал ли этноним «леки» определенную народность Дагестана — лезгин или лаков или же этим термином традиционно обозначались вообще дагестанцы, не ясно. Но факт политической активности народности явно дагестанского происхождения еще в середине III в. до н. э. наводит на мысль, что и в гораздо более раннее время отдельные племена, проживавшие на Северо-Восточном Кавказе, спорадически выходили на историческую арену.

Важные сведения о составе населения Албании в древности мы находим у Страбона, который, касаясь политических событий в Закавказье во II в. до н. э., упоминает такие племена, как утии, гаргары, абаны в правобережье Куры. Это обстоятельство наводит на мысль об этнической общности населения значительной территории Кавказской Албании в античную эпоху.

В конце I тысячелетия до н. э. на территорию равнинно-приморского Дагестана с Северного Прикаспия проникают другие этнические группы. Это ираноязычные сарматские племена, известные античным авторам под именами аорсов и сирakov. Они стремились контролировать важнейший караванный путь древности, проходящий по западному побережью Каспийского моря.

Следы проникновения сармат в Прикаспийскую равнину были обнаружены во многих районах равнинного Дагестана, но наиболее четко они выявлены при раскопках Таркинского могильника (окрестности Махачкалы). Это документируется наличием в Таркинском и других могильниках албано-сарматского времени, обнаруженных в приморском Дагестане, типично сарматских черт погребального обряда: грунтовые могилы, обложенные камнями, разбитые зеркала, посыпка покойников мелом, а также явно связанное с сарматским миром вооружение: длинные железные мечи всаднического

типа, железные втульчатые наконечники копий и железные трехлопастные черешковые стрелы. Прослеживается сарматское влияние и в керамическом материале (появление серого-шереной керамики). Значительно меньше сарматское влияние обнаруживается к югу от Тарков и совершенно отсутствует в памятниках первых веков нашей эры в горном Дагестане (Карабудахкент, Сергокала, Гоцатль и др.).

Смешанный характер культуры Таркинского могильника позволяет по-новому осветить состав населения приморского Дагестана в начале нашей эры. Археологические исследования показывают, что влияние сарматской культуры на культуру коренного населения постепенно исчезает. Исчезновение влияния сарматской культуры и оформление основных элементов дагестанской культуры, типичной для раннего средневековья, которая непосредственно связана с культурой современных народов Дагестана, прослеживается на материалах Большого Буйнакского кургана, Гапшиминского, Урадинского, Куюдинского, Галлинского и других могильников. Эти могильники занимают промежуточное положение между албано-сарматской эпохой и ранним средневековьем (III—VII вв. н. э.). К концу функционирования этих памятников полностью оформляются основные типы погребальных сооружений (каменные ящики, склепы и грунтовые могилы), ведущие формы материальной культуры, характерные для раннесредневекового Дагестана.

Таким образом, пришлые ираноязычные племена — сарматы, а затем аланы — быстро растворились среди коренного албанского населения, не оставив особого влияния на местное население.

Хотя проникновение ираноязычных племен на Северо-Восточный Кавказ, в частности в Дагестан, началось еще задолго до появления здесь сармат, оно, однако, не привело к сколько-нибудь заметной иранизации Северо-Восточного Кавказа, как это имело место в Центральном Предкавказье, где при сохранении местной кавказской культурной подосновы распространилась иранская речь (например, у осетин). Такая этническая стойкость является одной из особенностей исторического процесса на Северо-Восточном Кавказе на рубеже нашей эры.

§ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

Земледелие
и скотоводство

Основной отраслью хозяйства албан — как в равнинной части Албании, так и в горах — было земледелие.

По данным Страбона, албаны обрабатывали почву деревянным плугом, вероятно близким по конструкции к совре-

мениному горскому «пуруцу». Более поздний автор, Моисей Хоренский, сообщает о посевах ячменя — традиционной культуры, возделываемой в Дагестане еще с эпохи бронзы. Эти сведения письменных источников подтверждаются и археологическими данными. Так, в результате раскопок Урцекинского городища было обнаружено большое количество обуглившихся зерен пшеницы, ячменя и льна. Особый интерес вызывают находки обгорелых зерен пшеницы в городском некрополе среди вещей, имеющих отношение к тризне. Это наводит на мысль о существовании у местного населения земледельческого культа. О развитии земледелия говорят и хорошо сохранившиеся террасы, которые в албапское время возводились не только в горах, но и в нижнем предгорье (Уртеки). Следует отметить, что наиболее плодородные террасы в Дагестане издревле располагались в ее горнодолинной части и представляли собой мощные отложения речного ила. Эти наносы весьма благоприятны для разведения садов и особенно винограда, который культивировался уже в то время наряду с греческим орехом и гранатом.

О развитии земледелия и виноградарства в Албании свидетельствуют и находки больших глиняных сосудов, предназначенных для хранения зерна и вина, а также кувшинов для разлива вина (Тарки, Карабудахкент, Шаракун, Уртеки).

Другой ведущей отраслью албан было скотоводство. Развитию скотоводства способствовали хорошие альпийские пастбища в горной части Албании и заливные луга предгорий.

(В составе стада албан наряду с крупным рогатым скотом большой процент составлял и мелкий (овцы, козы, свиньи). Находки скелетов лошадей во многих могильниках (Тарки, Хабада, Ругуджа и Уртеки) свидетельствуют о возросшей роли лошади в быту албан. Огромная по тому времени конница албан (32 тыс. всадников) могла выставляться только при высоком уровне развития коневодства. Большую роль в жизни албан, согласно данным письменных источников, играли громадные албанские овчарки. Есть основания полагать, что именно в эту эпоху завершилось выведение новой породы собак — кавказских овчарок, игравших большую роль в жизни горцев, занятых животноводством.)

На высоком уровне стояла обработка продуктов животноводства, о чем говорит повсеместное распространение различной посуды специального назначения (для разлива и хранения молока и молочных продуктов, маслобойки, сосуды, употребляемые в сыроварении, и т. д.).

(Значительного развития на территории Албании достигло ремесленное производство. Появляются новые отрасли ремесла, такие, как производство стекла, рыбьего клея, мазей, обработка полудрагоценных камней и др. Сдвиги наметились

также в традиционных видах ремесла: ткачество, керамическом производстве и в обработке металлов.

В этот период изготавливались шерстяные, льняные, а возможно, и хлопчатобумажные ткани. Широкой известностью пользовалась мягкая ткань, изготавляемая из верблюжьей шерсти. На высоком уровне стояла окраска тканей — мареной, кошенилью и другими натуральными красками.

Многочисленные глиняные сосуды албанского времени, обнаруженные на территории Дагестана, отличаются высоким качеством обжига и выработанностью форм: изящные кувшины с водосливными носиками, маленькие ритуальные сосудики, кухонные горшки и огромные пифосообразные сосуды, предназначенные для хранения зерна и жидкостей, ангобировались и украшались резным и налепным орнаментом. По технологическим особенностям и форме ориентации эта керамика близка к аналогичной керамике Восточно-го Закавказья и свидетельствует о родстве материальной культуры различных районов Албании. Керамика албанского типа преобладает над серолощеной сарматской не только в таких памятниках местных культур, как Шаракун, Мугерган, Уртеки, Гапшима, Верхний Гоцатль, Галла, Мекеги, Нижнее Чугли, Верхний Дженгутай, но и в памятниках, где наиболее отчетливо прослеживается сарматское влияние (Тарки). К местной керамике относятся красноглиняные изящные одноручные кувшины с цилиндрическим горлом, биконические чаши, миски с загнутым внутрь краем, молочники-маслобойки, сосуды типа гусятниц и др. В памятниках первых веков нашей эры широко распространена красная и белая ангобированная керамика, столь характерная и для закавказских памятников этого времени.

В тот же период в Албании достигла расцвета металлообработка. Применяя сложный инвентарь, ремесленники Албании изготавливали различные наконечники копий и трехпредельные черешковые стрелы, ножи, тяжелые обоюдоострые кавалерийские мечи, а также различные орудия труда. Область применения металлов увеличивается. Известная специализация наблюдается и в ювелирном деле. В могильниках албанско-сарматского времени наряду с привозными золотыми изделиями (серьгами, браслетами) встречаются и изделия местных ювелиров. Таковыми являются золотые серьги с небольшими утолщениями на конце (Таркинский могильник), различные бронзовые, реже серебряные пряжки, бляшки, розетки, головные булавки с гвоздевидными и петлевидными шляпками, туалетные ложечки и петельные височные привески с расходящимися концами, обнаруженные в Таркинском, Хабадинском, Карабудахкентском, Уртекинском и других могильниках. При их изготовлении применялись такие технические приемы, как литье, ковка, клепка и т. д.

Есть основания полагать, что в ремесленном производстве широко применялся труд рабов. Особенно широко применялся труд зависимых и рабов при возведении громадных фортификационных сооружений, опоясывающих Урцекинское городище и другие крупные поселения городского типа, и в строительстве земледельческих террас.

В древней Албании существовали города — центры ремесла и торговли. Из них 29 перечислены Клавдием Птолемеем. Хотя в настоящее время на территории Дагестана и Азербайджана известны развалины городов албанского времени, тем не менее отождествление их с албанскими городами, о которых упоминают письменные источники, крайне затруднительно. Основная масса выявленных археологами городищ Дагестана албанского времени расположена в приморском предгорном Дагестане.

Известно, что главным городом Албании был город Кабалака, отождествляемый с современной Кабалой (Северный Азербайджан). Другие албанские города — Телеба, Гелда, Албана, — видимо, находились в приморской части Дагестана, между реками Самур и Сулак. Бакрия, Нига, Тагоде, Даглана располагались во внутренней части Албании.

В результате археологических исследований в Дагестане за последнее время выявлен ряд древних городов албанского времени, которые имеют облик античных городов. Наиболее известный из них — Уртеки. В албанское время это был город, по планировке соответствующий античным городам с их традиционными элементами — цитаделью, посадом и прилегающей окружной.

В строительных остатках оборонительных сооружений чувствуется влияние парфяно-сасанидской строительной техники. Массовый археологический материал — белая и красная ангобированная керамика, а также часть металлических изделий обнаруживает значительную близость к закавказской. Несмотря на то что в городе наряду с ремесленниками и торговым людом проживало и население, связанное с сельским хозяйством, весь облик памятника позволяет утверждать, что это был крупный торгово-ремесленный центр с преимущественным развитием керамического производства.

Наличие среди гончарных изделий больших групп однотипной керамики позволяет сделать вывод об известной специализации среди гончаров. Это подтверждается и многочисленными знаками на керамике — метками мастера, причем очень часто в качестве меток использовались знаки письменности. Все это свидетельствует о больших успехах древних и средневековых гончаров.

Города Албании были не только военно-административными пунктами и ремесленными центрами, но и важнейшими

Селевкидская монета, найденная в Южном Дагестане
(аверс и реверс)

торговыми базами на древних путях, ведущих с Ближнего Востока на север и с запада в Индию.

Страбон писал, что албаны «не имели склонности к торговле». Археологические материалы, напротив, рисуют картину оживленного обмена и усиления торговых связей на базе меновой торговли на территории Дагестана и Северного Азербайджана в первых веках нашей эры. Так, при раскопках Таркинского, Карабудахкентского и Урцекинского могильников были найдены изделия из разноцветного стекла, граната, коралла, а также голубой египетской пасты. Все эти предметы завезены из стран, прилегающих к Средиземному морю, — Сирии, Палестины, Египта.

Особый интерес представляет находка клада античных монет в окрестностях совхоза им. Герейханова (Касумкентский район). Здесь было найдено несколько десятков селевкидских монет. Эта находка свидетельствует о широком хождении античных монет на территории древней Албании.

На связи с севером указывают находки янтарных украшений: бус и пронизок, обнаруженных во время исследования Таркинского и Урцекинского могильников. В обмен были вовлечены не только районы равнинного Дагестана. Интенсивными были и связи горного Дагестана с близлежащими кавказскими и более отдаленными странами юга. Стеклянные и сердоликовые бусы, раковины из Индийского океана, а также изделия из перламутра были найдены и при раскопках Хабадинского и Шаракунского могильников, а изделия из

голубой египетской пасты — в Гапшиме (Сергокалинский район) и в Годатле (Хунзахский район).

В свою очередь из Албании, как отмечали еще античные авторы, вывозили в сопредельные и отдаленные страны рыбу, клей, ткани из верблюжьей шерсти. Последние пользовались широкой известностью за пределами Албании.

Археологические данные, полученные при раскопках в Дагестане за последние годы, указывают на постоянные связи с Поволжьем и Приуральем, где были найдены характерные только для Дагестана изделия — височные петлевидные привески с расходящимися концами. В свою очередь из Поволжья и Приуралья были привнесены на территорию древней Албании типично сарматские формы сосудов и некоторые типы оружия.

Оживление торговых связей, рост городов, а также римская агрессия и нашествие сармато-аланских племен способствовали объединению Албании, сближению племен и образованию государственной власти.

Процесс политического объединения Албании подмечен еще Страбоном, который пишет, что царь Албании «теперь один над всеми владычествует, а прежде над каждым (народом) со своим языком имелся свой царь». К I в. н. э. власть царя, очевидно, стала наследственной, так как источники наряду с царями в качестве командующих войсками упоминают и их братьев.

В этот же период наблюдается и политическая консолидация племен Кавказской Албании. В рамках этого объединения в I в. н. э. складывается молодое албанское государство, обладающее значительной политической и экономической мощью.

Государственная власть была настолько крепкой и сильной, что могла в минуты военной опасности мобилизовать колоссальные людские и материальные ресурсы. Это была эпоха наивысшего расцвета албанской державы.

§ 3. БОРЬБА С ВНЕШНИМИ ВРАГАМИ

Борьба с Римом и Парфией

На рубеже двух эр народы Кавказа вынуждены были вести тяжелые изнурительные войны с римлянами и парфянами, соперничавшими за гегемонию в Малой Азии и в Закавказье. Одновременно усилились и набеги северных кочевников — сармат и алан.

Основным событием описываемого времени, наложившим отпечаток на политическую жизнь Албании и всего Закавказья, были Митридатовы войны.

Стремясь контролировать важнейшие торговые пути и овладеть новыми рынками, Рим начал агрессию на Востоке. Наиболее опасными противниками Римской державы были Понт и его союзник Армения. Когда в 69 г. до н. э. легионы Лукулла вторглись в Армению, на помощь армянам пришли иберы, албаны и другие кавказские племена.

Вначале римляне одержали успех и даже с боем взяли Тигранакарт. Но вскоре армянам и их союзникам удалось оттеснить римлян, и Лукулл отступил в Киликию.

Недовольный сенат отозвал Лукулла и назначил на его место талантливого полководца Гнея Помпейя. Разбив армию Тиграна, Помпей начал продвигаться в глубь Закавказья. Над Албанией и Иберией нависла угроза подчинения Риму. В ответ на это была создана коалиция албан и иберов. Это, видимо, заставило римлян отложить поход в Албанию и стать на зимние квартиры около Куры. Албаны воспользовались этим и напали на римлян. Однако римская армия отразила атаку албан с большим уроном для последних. По предложению албанского царя было заключено перемирие.

Весною 65 г. до н. э. военные действия возобновились. Сначала Помпей предпринял удачный поход в Иберию, а затем двинулся против албан. Совершив длительный переход, он встретился с основными силами албан.

Хотя война и окончилась победой Рима, она не привела к подчинению Албании. Походы римлян продолжались и в последующие времена, причем завоеватели достигли побережья Каспийского моря, что не удалось в свое время Помпею. О пребывании римлян на берегу Каспия свидетельствует римская надпись I в. н. э., найденная в Азербайджане. Однако народы Закавказья пользовались малейшей возможностью, чтобы сбросить власть римлян, которая большей частью была номинальной. Это подтверждают и античные авторы, например Страбон, который пишет, что армяне, иберы и албаны «восстают тогда, когда римляне заняты другими делами».

Усиление Албании мешало проникновению римлян на Восток. Это побудило римского императора Нерона начать подготовку большого похода против албов. Со всех концов огромной Римской империи была собрана громадная армия. Однако смуты, начавшиеся в империи, заставили Нерона отказаться от этого замысла.

Борьба албан, иберов и армян против римской агрессии имела большое историческое значение и заметно повлияла на ход дальнейшего исторического развития Кавказа. Здесь фактически было не только приостановлено движение римлян, но и серьезно подорвана их политическая мощь, что в известной мере способствовало ускорению распада Римской державы.

Не менее яркие страницы в историю вписали кавказские народы и своей борьбой против усилившейся в I в. н. э. Парфии.

В 34 г. н. э. парфяне совершили поход в Армению. На помощь армянам пришли иберы и албаны во главе с царем Иберии Фарсманом. Они разгромили войско парфян, причем здесь большую роль сыграла иберийская и албанская пехота, состоящая из горцев. Об этой битве сохранились яркие свидетельства римского историка Тацита, описывающего военную доблесть и свободолюбие кавказских народов.

Война с Римом и Парфией требовала мобилизации всех ресурсов Албании и значительно истощала страну. К тому же страна страдала и от нашествия ираноязычных кочевников — сармат и алан. Обосновавшиеся в степях Предкавказья сарматы и аланы в первых веках нашей эры стали реальной силой и активно вмешивались в дела Закавказья.

Албания и Сасаниды Еще большую угрозу для Албании представлял усилившийся Иран.

В начале III в. н. э. в Иране воцарилась новая династия — Сасаниды. Упорядочив внутренние дела и укрепив власть на местах, они приступили к завоеванию соседних областей. Довольно быстро они подчинили себе обширные области Передней и Средней Азии, захватили Северный Иран. После этого для них открылся путь в Закавказье.

В Закавказье захватчики встретили упорное сопротивление армян, грузин и албан. Соединенные силы этих народов нередко брали верх над врагом. Так, например, армянский историк Ухтанес сообщает о победе, одержанной кавказскими народами над иранским шахом. После ожесточенной борьбы с упорно сопротивлявшимися армянами, грузинами и албанами Ирану удалось подчинить Закавказье.

Кавказ, особенно Восточный, представлял для Ирана огромный интерес не только своими природными богатствами, но и, что было особенно важно, своим стратегическим положением. Поэтому Сасаниды прилагали большие усилия, чтобы укрепиться здесь. Для этой цели они насильственно распространяли зороастризм, возводили громадные укрепления не только в районе прикаспийского пути (Дербент, Гильгигайская стена), но и старались брать под свой контроль горные перевалы Восточного Кавказа, в том числе и ведущие из Дагестана в Закавказье. Для построения этих укреплений использовался труд многотысячного населения. Кроме того, за счет народных масс происходило снабжение продовольствием иранского гарнизона. В укрепленных пунктах, а также в районе важнейших стратегических узлов размещались ираноязычные переселенцы, потомки которых известны ныне под названием татов.

Политика Сасанидов в Албании выражалась не только в массовых репрессиях и наложении на местное население. Они нередко вынуждены были заигрывать с предводителями отдельных политических образований и отдельными племенами, жалуя им подарками и пышными титулами. Так, некоторые правители Восточного Кавказа стали называться ширваншахом, фиран-шахом и т. п.

Политическая обстановка на Кавказе усложнялась происшествиями Рима, который начал активно вмешиваться в закавказские дела с целью подорвать здесь влияние Ирана. Между Римом и Ираном развернулись военные действия, от которых в первую очередь страдало население Армении, Иберии и Албании. В этой смутной обстановке Риму и Ирану удавалось разобщить кавказские народы, натравливая их друг против друга и делая политическими противниками.

Гунны в Дагестане В конце IV в. н. э. в Северный Дагестан вторглись многочисленные орды кочевников-гуннов. Они постепенно проникли и в приморский Дагестан, вплоть до Дербентского прохода. Обосновавшись в приморском Дагестане, гунны активно вмешивались в политические дела Закавказья. После утверждения гуннов в приморском Дагестане некоторые источники, в частности армянские, стали называть области, расположенные выше Дербента, «страной гуннов», а население приморского Дагестана — гуннами. Совершенно очевидно, что под названием гуннов скрывались и коренные дагестанские племена, временно попавшие в политическую зависимость от них. Это прежде всего относится к так называемым «белым гуннам», в которых следует усматривать коренное население Дагестана.

Вместе с гуннами часто упоминают и другое племя — савиры (по данным некоторых источников — гунно-савиры). Последние располагались севернее гуннов, в равнинном Дагестане. Южнее Дербентского прохода, также по соседству с гуннами, проживали маскуты — племя, видимо, сарматского происхождения. Савиры и маскуты часто выступали в союзе с гуннами в их многочисленных походах в Закавказье, чаще как союзники Рима.

О пребывании гуннов в приморском Дагестане имеются некоторые археологические данные. Здесь найдены типично гуннские захоронения, инвентарь которых составляли железные ножи, луки с костяными обкладками.

Гуннское нашествие на Дагестан несомненно замедлило социально-экономическое развитие равнинного Дагестана. Однако кочевники-гунны, в культурном отношении стоявшие на более низкой ступени, чем коренное население, не смогли оказать заметного влияния на развитие материальной и тем более духовной культуры народов Дагестана.

Доказательством этому служат многочисленные данные

археологии. Так, в III—IV вв. н. э. на территории Дагестана существовали многочисленные укрепленные поселения с развитым каменным домостроительством. К таким городам следует отнести Урцекинское городище, Топрахкала (у станции Белиджи), а также Сигитминское городище.

Особый интерес представляет городище Топрахкала площадью до 100 га. Крепость была окружена валом высотой свыше 25 м и глубоким рвом. В отдельных местах вала прослежены стены, сложенные из сырцового и обожженного кирпича. Сохранились также остатки цитадели и четырех ворот. Постройки внутри городской черты образуют правильные ряды, свидетельствующие о продуманности планировки. Совершенно очевидно, что подобные пункты не имели никакого отношения к кочевникам-гуннам и являлись типично дагестанскими городами.

Гуннское нашествие представляло серьезную угрозу и для населения горного Дагестана. Этим объясняется строительство многочисленных фортификационных сооружений, прикрывающих все более или менее важные пути, ведущие во внутренний Дагестан. Наиболее крупные из них располагались на важнейших стратегических путях и впоследствии превратились в средневековые города. Таково упомянутое выше Сигитминское городище, а также городище Шамшахар (Сергокалинский район).

Набеги сармат, алан, гуннов, политика Сасанидов ослабляли Албанию, приводили к нарушению связей между отдельными ее областями, а затем к выделению ряда областей в самостоятельные или зависимые от пришельцев политические объединения.

После политического ослабления Албании часть Юго-Восточного Дагестана продолжала оставаться в ее составе.

Албания долгое время сохраняла внутреннюю самостоятельность. В последней четверти IV в. Албания, воспользовавшись разделом Армении между Римом и Ираном, расширила свои владения, присоединив Арцах (Карабах) и Утик. Пределы Албании к V в. расширились. Однако в 461 г. албанский царь Ваче II был вынужден отказаться от престола. Кавказская Албания распалась, вернее, была включена в состав Ирана в качестве отдельного наместничества. Но название Албания (Агвания по армянским источникам) сохранилось. Под этим названием обычно подразумевали территорию, расположенную в куро-аракском междуречье. Таким образом, Агвания армянских источников соответствовала персидскому Аррану и арабскому Ширвану.

РАЗДЕЛ II

ФЕОДАЛИЗМ В ДАГЕСТАНЕ

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ГЛАВА VI

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДАГЕСТАНА В V—X вв.

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ДАГЕСТАНА V—X вв.

Территория Восточного Кавказа V—X вв. уже не представляется в виде единой многоплеменной Албании. Включение Кавказской Албании в состав Ирана в качестве отдельного наместничества с середины V в. и внутренние процессы, приведшие к дальнейшему усилению социального неравенства, сопровождались образованием на территории современного Дагестана ряда государственных объединений. Это Дербент, Лакз, Табасаран, Серир, Зирихгеран, Кайтаг (Хайдак), Гумик, «царство гуннов» и др. С VII в. положение этих государственных образований вырисовывается более четко, они приобретают определенный территориальный и этнический облик. Общая тенденция их развития выражалась в стремлении к созданию более или менее крупных государственных единиц, в рамках которых и сложились в основном народности Дагестана.

Дербент Район Дербента был в то время крупнейшим узловым пунктом, связывавшим Северный Кавказ с Закавказьем, со странами Ближнего Востока, участком важного экономического и стратегического значения («дарбенд» — персидское слово, букв.: «узел ворот»). Еще во второй половине I в. н. э. здесь уже существовали какие-то укрепления. Впоследствии, при иранских правителях, здесь был построен грандиозный комплекс оборонительных сооружений.

В истории Дербента V век может быть назван знаменательным. В это время Дербент выступает уже не только как укрепленный пункт, ограждавший Закавказье от набегов северных кочевых племен, но и как город, крупный политический и экономический центр на Восточном Кавказе, столица одного из наместничеств, вошедших в состав державы Сасанидов (после 461 г.).

Раннесредневековые армянские авторы называют этот район Чога или Чор (Джора). В середине V в. армянские авторы уже сообщают о правителе Джора и о Джорской стране. Соседствующие с Дербентом народы и поныне называют город именем, весьма сходным с Чор: у лакцев — Чуруль, у даргинцев — Чулли.

До нас дошли остатки одного из крупнейших в Дагестане городищ (к югу от Дербента), вокруг которого сохранились фрагменты стен с башнями и воротами. Городище было окружено глубоким рвом. Очевидно, оно и носило название Чога. Наместничество Чор в V — середине VI в. было одним из очагов христианства на Восточном Кавказе, здесь существовал епископат, однако в середине VI в. под написком хазар епископат был перенесен в город Партаев. Впоследствии, с ростом значения укреплений и самого города, получившего название Дербент, значение Чога падает и название полностью переносится на Дербент.

В VII—X вв. в связи с ростом каспийской торговли, экономическим процветанием земледельческих районов вокруг Дербента, а также усилением борьбы за овладение им город выдвигается на первый план. Теперь это крупнейший город Кавказа, резиденция иранских, затем арабских наместников, а впоследствии — местных правителей.

Владения Дербента были незначительны и простирались на несколько десятков километров к югу и юго-западу от города. Город существовал самостоятельно, но иногда подпадал под власть Ширвана, и тогда он становился своего рода периферийным центром. В третьей четверти IX в. здесь возникает династия Хашимидов (869—1066).

Табасаран Первое упоминание о Табасаране относится к IV в. У армянского автора кроме сообщения о войске таваспоров находим сведения о «всем корпусе Таваспорана». Армянская хроника Моисея Хоренского (новый список) также знает «народ тапатараны».

Табасаран занимал территорию к северо-западу от Дербента, в бассейне р. Рубас. Население здесь было этнически разнородным, хотя преобладающее место занимали местные жители — табасаранцы. Колонии персидских, а затем арабских поселенцев занимали ряд населенных пунктов.

Правитель владения носил титул Табасаран-шах. Земля табасаранцев раньше других подвергалась иноземным нашествиям, ибо находилась в непосредственной близости к Дербенту. Это была богатая и густонаселенная область, со множеством укрепленных населенных пунктов. Наиболее древними из них являются Дарвак, Ерси, Дювек, Марага и др. Вследствие непосредственной близости к Дербенту Табасаран часто подпадал под политическую зависимость от дербентских феодальных правителей. Еще при сасанидских правите-

лях отряды табасаранцев охраняли дербентские крепостные ворота, т. е. входили в число правительственные войск.

Серир Территория нагорного Дагестана, в частности аварские земли, известна уже в сирийской хронике VI в. Захария Митиленского под названием Бат-Даду. Автор представляет жителей Бат-Даду как народ, живущий в горных районах, оседлый, с высокой земледельческой культурой. Бат-Даду скорее всего можно идентифицировать с именем дидойцев, известных еще по древним текстам. Как сообщают грузинские источники, дидойцы еще в V в. выступают совместно с леками и дурдзуками на стороне грузинского царя. Однако Бат-Даду — понятие более широкое, чем собственно дидойские земли, — это нагорный Дагестан в целом, «горная страна», которую арабские авторы называли Сериром.

Дагестанские хроники никогда не называли территорию нагорного Дагестана Сериром. Они знают Аварию. Что касается названия Серир, то оно связано с персидско-арабской географической традицией. Арабские авторы называют территорию нагорного Дагестана землей «владетеля трона», т. е. «Сахиб ас-серир», связывая это название с легендой о золотом троне последнего представителя Сасанидов, будто отправленном в Дагестан самим неудачливым правителем. Однако более вероятно, что Серир — то же самое, что и грузинское «мтиулети», т. е. «страна гор» или «страна горцев». Произошло это название не от арабского «серир» (трон), а от иранского корня *səg*, т. е. «гора».

Первоначально Серир занимал территорию, населенную аварцами. В X в. границы Серира заметно расширились, включив также иноэтнические элементы. Восточная граница его проходила в двух фарсахах от Семендора, бывшей столицы хазар, возможно, иногда она вплотную примыкала к побережью Каспийского моря. Ибн Хаукалъ, арабский географ и путешественник X в., писал, что к Хазарскому морю прилегают «с запада — Арран, пределы Серира, земли хазар и часть пустыни Гузов». На севере и северо-западе Серир имел границу с аланами и хазарами. Границей между Сериром и Хазарией служила, по всей вероятности, река Сулак. Согласно источникам, правитель Серира жил в горах, а хазары — на равнине. Этим и нужно объяснить наличие системы оборонительных сооружений на правом берегу Сулака, близ станции Чир-юрт, у древней трассы, соединявшей северокавказские степи с восточнокавказскими горами. Западная граница примыкала к грузинским землям.

Анонимный автор X в. также оставляет свидетельство о значительной территории Серира: «Серир. Это область с очень большими богатствами, горная и степная... Хандан — город, где живут военачальники... царя».

Столицей Серира был город, названный в арабском историко-географическом сочинении Хумрадж. Арабская графика позволяет уверенно утверждать, что Хумрадж — ошибочное написание названия Хунзах, известной резиденции аварских феодальных правителей. Серир был крупнейшим политическим образованием в раннесредневековом Дагестане, сыгравшим важную роль в истории Восточного Кавказа.

Кайтаг

Сравнительно большую роль играл Кайтаг, или Хайдак. У арабских географов и историков эта земля иногда называлась Хамзин. До недавнего времени считалось, что наряду с Хайдаком в Восточном Дагестане существовало «царство» Джидан. Однако В. Ф. Минорский убедительно отождествил Джидан с Хайдаком. Еще в 1828 г. было обращено внимание на то обстоятельство, что Джидан — это ошибочное написание Хайдака, что можно объяснить особенностями арабской графики. Поэтому при описании Хайдака мы уверенно можем использовать сведения о Хамзине и Джидане. Руководствуясь текстом арабского географа и историка Х. в. Масуди, можно приблизительно определить, что Хайдак занимает территорию непосредственно вблизи Дербента и что в X в. ряд даргинских земель (в частности, Уркарах) еще не входит в состав хайдакских владений. Правитель Хайдака носит титул «салифан». С начала X в. Хайдак активно участвует в политической жизни Восточного Кавказа, неоднократно выступая на стороне Дербента в его столкновениях с правителями Ширвана. Первоначальной резиденцией хайдакских правителей был Калакорейш («крепость курейшитов»), древность которого засвидетельствована культовыми сооружениями — мечетью и надгробными плитами, а также исторической традицией. Здесь обнаружена надгробная плита, датируемая палеографически XI—XIII вв., с именем Хасбара сына Хиздана, «владельца Калакорейша». Только впоследствии, если верить преданию, центр Хайдака был перенесен в Уркарах, затем в Маджалис.

Лакз

Лакз был расположен в Южном Дагестане и охватывал в основном территорию, занимаемую сейчас народами лезгинской группы языков. Автор конца IX в. Балазури сообщает, что арабский полководец Мерван, после того как разбил хазар, поселил их между Самуром и Шабираном, «на равнине в области Лакз». Это говорит о том, что территория Лакза охватывала в X в. также земли южнее Самура, называемые ныне Мушкур, т. е. территорию бывшего Маската. Еще в сирийской хронике VI в. Маскат был известен под названием Базгун. «Базгун, — сообщает хроника, — земля со (своим) языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских».

Дагестан в X—XI вв. (по арабским источникам)

instituteofhistory.ru

Зирихгеран Это удивительная «страна», известная далеко за пределами Дагестана как родина первоклассных оружейников и мастеров ювелирного дела. На каком бы языке ни передавалось название главного аула «страны» — нынешних Кубачей, — на персидском ли — «Зирихгеран», тюркских — «Кубачи», оно передается словом «панцироделатели». Соседи называют аул — Арбуки, Ургабука, Зарбак, Урги.

Сасанидский правитель застал здесь в VI в. уже оформленную государственную единицу с местным правителем, которого он и оставил во главе страны. Значит, возникновение Зирихгерана как политического объединения относится к более раннему времени.

Когда писали о Зирихгеране, имели в виду не только один населенный пункт, современные Кубачи. Ни один из авторов IX—X вв., писавших о Дагестане и его политических образованиях, не дает сведений, позволяющих отождествлять Зирихгеран только с одним каким-либо населенным пунктом. Напротив, они обязательно имели в виду «страну» Зирихгеран.

В источниках Зарихгеран фигурирует всегда в одном ряду с такими «царствами», как Лакз, Табасаран, Серир и т. д. Масуди прямо указывает на «царство» Зирихгеран: «За Гумиком по направлению к горам и Сериру следует царство Зирикеран...».

Гумик Объединение Гумик, или Туман, было расположено в самом центре горного Дагестана — там, где ныне живут лакцы. И по сей день эта древнейшая область напоминает о себе названием самого крупного населенного пункта лаков — Кумуха (**Гумук**). Что касается названия Туман, то и поныне соседи (аварцы) называют лаков «туман» или «тумау». В самоназвании лаков («лак»), а также в терминологии соседей — «вулеги», «вулугуни», «вулекко», «лакбу» — сохранилась древняя грузинская (леки) и греко-латинская традиция, именовавшая всех генцев леги и гелы.

Среди дагестанских владений X в. начинают упоминать Карак, также Филан, Шандан. Владение Шандан (у Масуди — К.р.жд) лежало на запад от Хайдака, по направлению к Сериру. Ряд ученых предполагает, что Шандан — это территория, носившая впоследствии название Акуша-Дарго. Правитель Шандана носил титул марзубана, т. е. хранителя границы. Карак — современный Уркарах. В тексте «Истории Ширвана и Дербенда» упоминаются также селения Чишли и Дигбаша, что близ Уркараха. В X—XI вв. Уркарах играет активную роль в политической жизни Дагестана. Точная идентификация других политических объединений на данном этапе затруднительна из-за неясности источников.

§ 2. ОБРАЗОВАНИЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА

В середине V в. государство гуннов, раздираемое внутренними противоречиями, рухнуло. С его падением отдельные племенные союзы выделились в самостоятельные единицы, с самостоятельным политическим управлением. Однако влияние гуннов было настолько велико, что и после распада государства новые политические образования иногда получали у соседей название гуннских государств.

Так случилось и на территории Дагестана, на равнине к северу от Сулака и на узкой прибрежной полосе. Здесь в VI в. образовалось государство, получившее название «царство гуннов», хотя основу его составляло местное население. Гуны, пришедшие в IV в., подчинили местное население, но смешались с ним, сохранив свое имя в названии государства. В сирийской хронике VI в. к западу от Каспийских ворот названо тринацать племен, многие из которых входили в «царство гуннов».

Союз племен в Северном Дагестане только стал оформляться в стабильную политическую силу, ибо явно наметился переход кочевых племен к оседлой, вернее к полуоседлой жизни, к земледельческо-скотоводческому хозяйству. Это является свидетельством того, что пришлые кочевые гуннские племена подверглись огромному воздействию со стороны оседлого земледельческого населения, жившего как в горных, так и в северных равнинных районах Дагестана.

По сообщению «Армянской географии» (VII в.), государство гуннов расположено к северу от Дербента, и в нем находились города Варачан, Чунгарс, М.с.н.д.р (Семендер).

Сообщение о городах исключительно важно. Оно лишний раз подтверждает огромное влияние земледельческого быта дагестанцев на кочевые гуннские племена, лишь недавно не имевшие представления ни о земледелии, ни об оседлом быте.

Столица «царства гуннов» — Варачан, «великолепный город», как писал албанский историк VII в. Моисей Каанкатапи. По мнению дагестанских археологов, Варачан был расположен там, где в настоящее время находятся развалины раннесредневекового города, в местности Уртеки.

«Царство гуннов» превратилось впоследствии в составную часть Хазарского каганата.

Образование Хазарского каганата В середине VII в. в степях Северо-Восточного Кавказа сложилось Хазарское государство, сыгравшее значительную роль в политической и экономической жизни Кавказа, Азово-Каспийского междуречья, Поволжья.

Первые упоминания о хазарах имеются в армянских исторических сочинениях и отнесены к концу II — началу

III в. Однако сообщения эти являются позднейшими вставками в древние тексты. С VI в. сведения о хазарах становятся определеннее.

Хазары не сразу заняли господствующее положение в государстве. Еще во второй половине V в. степные просторы между Азовским и Каспийским морями, включая прибрежную полосу Каспия вплоть до Дербента, были заняты воинственным кочевым племенем савиров. Этнически не отличаясь существенным образом от гуннов, они очень быстро смешались с остатками последних в Восточной Европе и по большей части поглотили их. Поэтому раннесредневековые авторы часто не делают различия между гуннами и савирами.

В состав этого непрочного военно-политического гунно-савирского объединения входили и хазары, которые заняли впоследствии, в VI в., господствующее положение в Северном Дагестане, включив тем самым савир в число подвластного населения.

Во второй половине VI в. хазары, как и многие народы Северного Кавказа, попали в подчинение Тюркскому каганату (туркюты), сложившемуся в середине VI в. в Центральной Азии. Тюркский каганат был могущественным объединением, принимавшим активное участие в политической и военной жизни тех времен и воевавшим с кочевыми племенами. Дружбы с ним добивались Иран и Византия.

Тюркский каганат сыграл значительную роль в истории хазар: он способствовал консолидации хазар и объединению их с родственными племенами. Хазары слились с туркютами в одно военно-политическое объединение, а также участвовали в грабительских походах в Закавказье.

Распад Тюркского каганата положил начало самостоятельному существованию Хазарского каганата. Сложившись на развалинах военно-политического объединения савир и Тюркского каганата в самостоятельное государство, Хазарский каганат включил в себя не только племена, жившие на их территории (хазары, савиры, барсилы, беленджер, группы болгар, туркюты и т. д.), но также унаследовал от них систему управления, военную организацию, государственные традиции.

Существует легенда об образовании Хазарского каганата. В хронике Михаила Сирийского (1126—1199) сообщается о том, что в конце VI в. из внутренней Скифии вышли три брата, которые дошли вместе до р. Танаис. Отсюда один из братьев — Булгар — отправился на запад и получил от римского императора земли близ Дуная. Племя его стало называться булгарами. «Два других брата пришли в страну алан, называемую Берсилия, в которой римлянами были построены города Каспия, называвшиеся вратами Тичауе... Когда над страной (Берсилией) стал господствовать чужой народ, они

были названы хазарами по имени того старшего брата, которого имя было Хазарик. Это был сильный и широко распространенный народ».

В этой легенде интересны два обстоятельства. Во-первых, территория, занятая хазарами, Берсилия, локализуется в Северном Дагестане. По мнению известного немецкого востоковеда Маркварта, территория Берсилии простиралась на юге до Дербента, а на севере — до равнины при Сулаке и Тереке. Во-вторых, легенда сравнительно точно определяет время самостоятельного существования Хазарского каганата.

К 70-м годам VII в. хазары обеспечили себе политическое господство на Северном Кавказе. Хазарской власти подчинилось не только Азовско-Каспийское междуречье, но также Северное Причерноморье.

Примерно к IX в. границы Хазарского каганата выглядели следующим образом: южная граница проходила по р. Сулак и по линии дербентских укреплений; на западе каганат включал Керченский пролив и большую часть Крыма; левый берег Дона, где в 835 г. был построен Саркел, составлял границу с мадьярами, кочевавшими между Доном и Днепром. На востоке, на Янке, соседями хазар были печенеги, за которыми располагались огузы.

Столицей Хазарского каганата был город Семендер. Это был крупный город, выросший на торговой трассе, соединявшей Поволжье и юго-восточные степи с Закавказьем, Ближним Востоком. Первое упоминание о Семенdere относится к VII в. — это «гуннский» город М. с. н. д. р.

Где находился древний Семендер, точно не установлено. Многие ученые склонны считать, что Семендер и Тарки — это различные названия одного и того же города. Семендер оставался столицей хазар до 30-х годов VIII в., когда под написком арабов хазарский правитель вынужден был перенести столицу на север, в город Итиль на Волге. Однако значения своего Семендер не утратил. Он оставался торговым центром, значение которого росло вместе с ростом каспийской торговли. Во второй половине X в. под ударами русов Семендер был разрушен и долгое время не восстанавливался.

Те взаимоотношения между различными слоями населения, та социальная дифференциация, которая наблюдается у «гуннских» племен, сохранились после образования Хазарского каганата не только у «гуннов», но и у других подвластных хазарам племен.

У племен, вошедших в состав Хазарии, переход к оседлости и земледелию в VIII в. был уже совершившимся фактом. В X в. источники отмечают уже большее число городов в Хазарии: Хамидж, Баланджар, Байда, Савгар, Х.т.л.г, Л.к.н, Сур, Матмада — города «с крепкими стенами, богатые».

Основную статью дохода и обогащения хазарской знати составляли продукты животноводства, торговля пленными и торговая пошлина. Торговая пошлина взималась со всех купцов, проходивших Итиль и Каспий. Выгодное географическое положение и все возрастающие торговые операции на Волге и Каспийском море создавали благоприятные условия для усиления хазарской знати.

Немаловажную роль в этом играли также на заре каганата нападения на соседние области, особенно на плодородные земли Закавказья. 662, 664, 684, 730, 762, 764 годы — это далеко не полный перечень лет, когда богатые и цветущие закавказские города и села утопали в крови, не будучи в состоянии спастись от урагана хазарских нашествий.

Конечно, цель хазарских походов не сводилась только к разорению и уничтожению. Грабеж богатств, скота, захват людей, установление дани, политическое господство — вопросы эти стали в центре военных и внешнеполитических акций, феодализирующейся хазарской знати, хазарских правителей.

Взимание дани, натуральных поставок с покоренных земель практиковалось в каганате повсеместно. Платили ее в VII в. и албанские правители. Платили все земли, подвластные хазарам.

Социальное расслоение в хазарском обществе выражено очень ярко. Номинальным главой государства был хакан, личность которого была окружена исключительным почетом и ореолом святости. Реальная власть сосредоточивалась в руках царя (он же ища, бак, малик, каган-бек и т. д.). Он управлял государством, предводительствовал войском, вел внешние дела, определял наказания. Среди сановников, близких к хакану, называют кендеркагана и чаушиара. Интересы привилегированной верхушки защищала регулярная армия, освобожденная от всяких податей.

Большие сдвиги в экономической и социальной жизни tolkali правящую верхушку хазарского общества к принятию монотеистической религии в целях идеологического оправдания социального неравенства. Началась «борьба за религию», которая в идеологической сфере отражала изменения в социально-экономической структуре каганата.

Наиболее распространены в Хазарии были домонотеистические религиозные верования и культуры. Однако к концу VIII в. хакан и правящая верхушка принимают иудаизм, а в середине X в. — ислам. Хотя иудаизм был возведен в ранг государственной религии, иудеи даже в X в. составляли лишь небольшую часть населения каганата. Доминирующее положение среди монотеистических религий принадлежало исламу и христианству. Христианское и мусульманское население наряду с иудейским зафиксировано в середине X в. в бывшей столице Хазарии — Семендере.

Таким образом, в каганате прослеживается сосуществование трех монотеистических религий и первобытных религиозных представлений, что объясняется не только «веротерпимостью» хазар, но и сложившейся обстановкой, когда культурные, политические, торговые связи были установлены со странами, где господствовали монотеистические религии.

§ 3. СОЦИАЛЬНЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДАГЕСТАНА В V—X вв.

Середина и конец I тысячелетия н. э. — эпоха зарождения и развития феодальных производственных отношений — важнейший этап в истории дагестанских народов.

Огромные сдвиги в области социальных отношений на базе дальнейшего роста производительных сил; развитие ремесла, появление раннесредневековых городов и крупных населенных пунктов; усиление классовой борьбы; упрочение связей с соседями, с Юго-Восточной Европой и Ближним Востоком; складывание устойчивых этнических массивов — вот далеко не полный перечень факторов, характеризующих экономическую и социальную жизнь раннесредневекового Дагестана. Политическая история отмечена борьбой с многочисленными внешними завоевателями, не прекращавшейся с раннего средневековья до позднейших его этапов.

Развитие земледелия и скотоводства Экономическое развитие Дагестана в V—Х вв. характеризуется дальнейшими успехами в земледелии и скотоводстве. В области земледелия это выражалось в четкой отраслевой специализации — полеводстве, садоводстве, виноградарстве. В связи с широким использованием железных орудий расширяется площадь, занятая под основными полевыми культурами — пшеницей, ячменем, овсом, просом. Усовершенствуются орудия и культура земледельческого труда.

На поселениях V—X вв. обнаружено большое число каменных зернотерок, железных серпов и других орудий земледельческого быта, сосудов для хранения зерна, свидетельствующих о месте земледелия в хозяйственной жизни дагестанцев. Исключительное значение земледелия в процессе хозяйственной деятельности подчеркнуто в характере дани, которой были обложены раннефеодальные владения арабскими завоевателями в VIII в.: Серир давал 100 тыс. мер зерна, Зирихгеран — 10 тыс., Кайтаг — 30 тыс., Гумик — 20 тыс.

Арабские источники дают ценные данные о развитии земледелия в Дагестане, особенно на плоскости. В районе Дербента «было много поместий и возделанных земель». Здесь же имелись обширные посевы зерновых. Процветало мареноподство, а марена, которую поставляли близлежащие Дер-

бенту селения, была известна далеко за пределами Кавказа, вплоть до Индии. Широкое распространение получило искусственное орошение полей. В конце VIII в. здесь был прорыт канал из р. Рубас. Росло число садов, пашен, огородов. Имеются сведения о строительстве мельниц.

В горных же районах широкое распространение получило террасное земледелие. Террасовая культура была выработана столетиями в итоге упорного труда по обработке земли и отражала многовековой агротехнический опыт горцев в области земледелия.

Наряду с зерновыми культурами широко развивалось садоводство и виноградарство. В Семендере, по сведениям арабского географа и астронома ал-Балхи (ок. 850—934), было много садов, несколько тысяч виноградных кустов, причем сады и виноградники простирались до границ Серира.

С усилением роли полеводства связано также увеличение количества крупного (плоскость) и мелкого (высокогорные районы) рогатого скота. В X в. бараны уже входят в число товаров, вывозимых из Серира в другие страны через Дербент. Разведение мелкого рогатого скота во все возрастающих масштабах означало освоение новых пастбищных земель.

Для V—X вв. характерна также большая населенность Дагестана. Об этом убедительно свидетельствуют археологические данные. Так, на участке р. Сулак протяжением в 15 км обнаружено 15 раннесредневековых поселений (VI—X вв.), многие из которых функционировали продолжительное время. Во многих районах Дагестана найдены многочисленные раннесредневековые поселения, расположенные вокруг современных аулов, а культурный слой на них достигает в ряде случаев мощности в 2 м. Арабские авторы особо подчеркивали густонаселенность Дагестана. По их сообщениям, у «царя» Серира было 12 тыс. селений. Это были мелкие поселения, объединявшиеся впоследствии в крупные населенные пункты.

Ремесло Особенный подъем наблюдается в ремесле, в частности в его ведущей отрасли — металлообработке, а также в гончарном производстве. В V—X вв. достигают высокого уровня различные виды ремесел — гончарного, кузнечного, ювелирного, литейного, строительно-го дела. В области гончарного производства характерно массовое изготовление изделий на гончарном круге. Была известна техника поливной керамики.

Широкий размах приняло ткачество, развивавшееся не только в интересах внутренней, но и внешней торговли. Полотнищие одежды из Дербента и других дагестанских центров часто поступали в Закавказье, так как ни в Армении, ни в Азербайджане, ни в Аппаране они не производились.

Керамические и металлические изделия из раннесредневековых могильников
и поселений

Ремесленное производство в городах находилось на такой стадии развития, когда ремесленники из экономических и политических соображений стали создавать в ряде случаев корпорации по роду ремесла, наподобие цеховых организаций. Так, в X в. в Дербенте существовала организация дубильщиков во главе с райсом.

Место и роль ремесла, огромное значение обработки металла в хозяйственной жизни Дагестана отразились на прочно утвердившемся в средневековые культе металла у всех кавказских народов. Железу приписывается магическая сила, оно охраняет от болезней, отводит дурной глаз, приносит счастье, помогает при рождении детей. Поэтому и окружено особым ореолом имя кузнеца в сказках, легендах. Даже адыты вынуждены учесть особое положение мастера-кузнеца. Кузнецы, как и лица, занимавшие общественные должности, не опускались к присяге. Во всех дагестанских языках имеются местные названия слова «кузнец», причем оно связано или с железом, или же с кузницей.

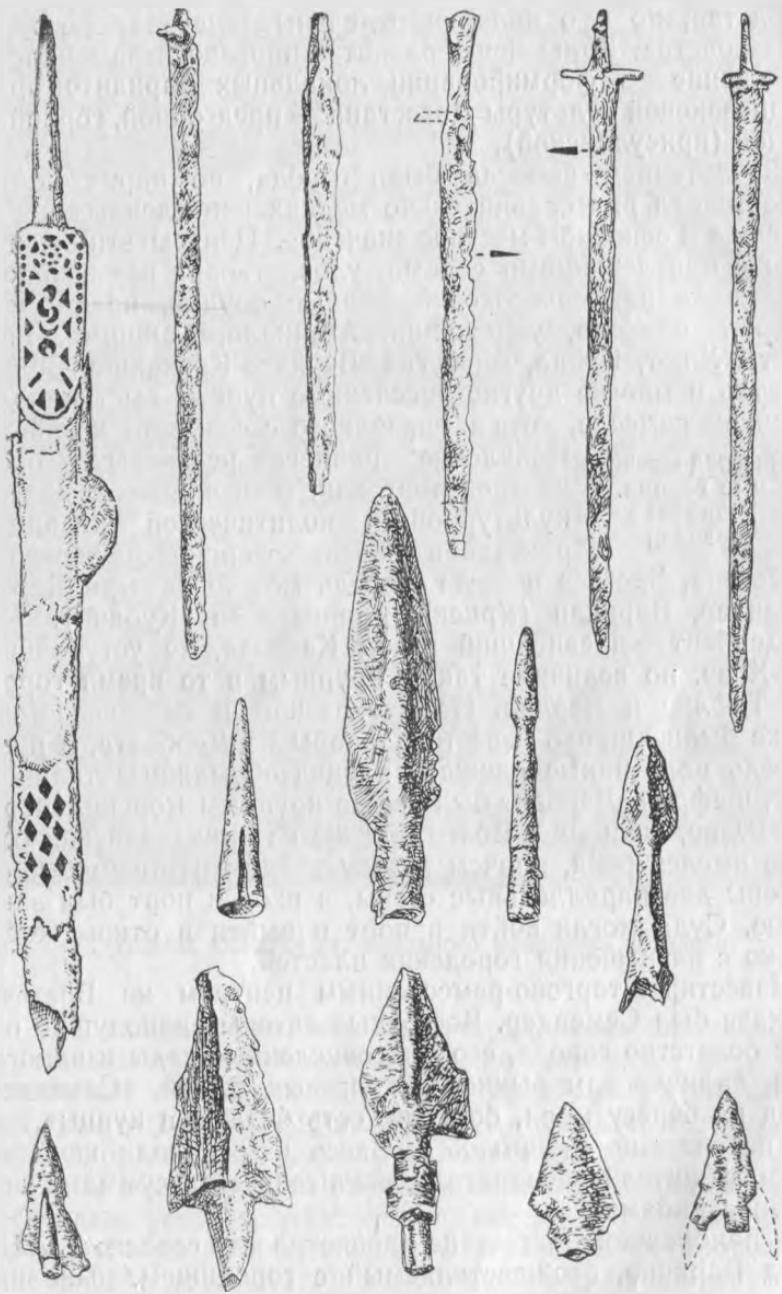
Особое значение кузничного ремесла подчеркивается тем, что ряд собственных имен связан с металлом — Къебед («кузнец»), Похъутла («медник»), Чаран («сталь»), Меседу («золото»), Пулад («литая сталь»).

О высоком уровне ремесленного производства дает представление материал раннесредневековых могильников и поселений (Верхний Чир-юрт, Верхний Карапай, Агачкала, Хлют, Галла, Бежта, Дуранги, Куяда и др.). Значительно возрастает ассортимент украшений и предметов туалета, оружия, керамических изделий.

Для VIII—X вв. характерно широкое распространение предметов вооружения — железных сабель, копий, наконечников стрел, топоров.

Успехи металлообработки выражались в уже установившейся отраслевой специализации технического производства — кузнично-литейное и ювелирное дело выступают как отделившиеся друг от друга области ремесла. Анализ погребального инвентаря — украшений (височные привески, бронзовые браслеты, серьги, шейные гривны, бусы и т. д.), принадлежностей туалета (фибулы, головные булавки, зеркала, поясные пряжки), предметов вооружения (наконечники стрел, наконечники копий, топоры, кинжалы), орудий труда (железные ножи, шилья, прядлица и т. д.) — показывает, что все больший вес приобретает ремесло, отделенное от сельского хозяйства, хотя господствующим остается производство для собственных нужд.

Изучение инвентаря археологических памятников нагорного Дагестана V—X вв. показало, что он отличается значительной однородностью и характеризуется распространением определенных видов изделий. Это свидетельствует не только

Оружие из Бежтинского могильника (VIII—X вв.)

о местном характере металлообработки и керамического производства, но и о наличии отдельных очагов ремесленного производства. Дальнейшее развитие производства нашло свое выражение в формировании локальных вариантов раннесредневековой культуры Дагестана — предгорной, горной и северной (присулакской).

Средоточием ремесла были города, но наряду с ними существовал ряд сравнительно мелких ремесленных центров, имевших в основном местное значение. Центры эти были связаны с близлежащими селами, удовлетворяя все возрастающий спрос на сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода, украшения. Агачкала, Гапшима, Галла, Бежта, Хлют, Куяда, Бавтугай, Верхнее Казанище, Большой Гоцатль и многие другие населенные пункты выступали средоточием ремесла, хотя и связанного с сельским хозяйством.

Раннесредневековые города. Появление раннесредневековых городов, центров торговли, ремесла, экономической, культурной и политической жизни — характерная особенность раннесредневекового Дагестана. Здесь в первую очередь можно назвать Дербент, Семендер, Варачан (Уртеки), Зирихгеран (Кубачи).

Дербент — древнейший город Кавказа, не уступавший в IX—X вв. по величине таким крупным в то время городам, как Тифлис и Бердаа. На кавказском и ближневосточном рынке были широко известны товары из Дербента, в первую очередь полотняные одежды, хлопчатобумажные ткани, марена, шафран. Дербент был также крупным морским портом. Для судов, шедших с Волги или же из прикаспийских стран, здесь имелся рейд, причем между рейдом и морем были выстроены две параллельные стены, а вход в порт был закрыт цепью. Суда могли войти в порт и выйти в открытые море только с разрешения городских властей.

Известным торговыми-ремесленным центром на Восточном Кавказе был Семендер. Восточные авторы единодушно отмечали богатство города, его многочисленные сады и виноградники, наличие там рынков и торговых людей. «Семендер — город на берегу моря, богатый, есть базары и купцы», — писал персидский аноним X в. Здесь изготавливали шерстяные ткани, а жители располагали значительными суммами денег, а также рабами.

В прибрежном Дагестане процветал (до середины VIII в.) город Варачан, отождествляемый с городищем, ныне называемым Уртеки. Городище было расположено на небольшой возвышенности, развалины его занимают площадь около 100 га. На вершине холма находилась цитадель, окруженная стеной с 11 башнями, служившая резиденцией местного правителя и его приближенных. За стенами цитадели были постройки и усадьбы простых горожан. Уртекинская долина там,

Урцеки. Остатки строительного комплекса цитадели.

где она лишена естественных преград, была защищена оборонительными сооружениями в виде широких (до 4—6 м в основании) и длинных (0,5—1 км) крепостных стен. Ближние подступы к городу защищались тремя стенами. К городу вело несколько широких, хорошо охраняемых дорог.

Город был не только крупным административным, но и ремесленным центром. Археологические раскопки показали, что здесь было развито кузнечное и керамическое производство и ювелирное дело. Мастера изготавливали разнообразную посуду, хозяйственно-бытовой инвентарь, предметы военного снаряжения и туалета. Они в совершенстве владели такими техническими приемами, как литье, ковка, чеканка, тиснение, волочение, инкрустация.

К числу раннесредневековых городов принадлежит крупный ремесленный центр Зирихгеран (Кубачи). Его жители

были известны в Дагестане и за его пределами как мастера кольчуг, стремян, удил, мечей и других ремесленных изделий. Уровень развития ремесла здесь был настолько высок, что уже к X в. можно говорить об окончательном отделении ремесла от земледелия.

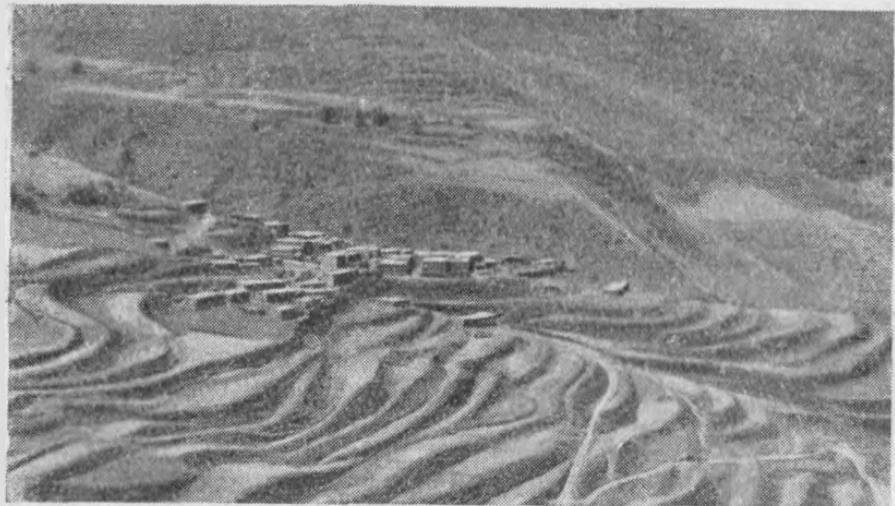
Успехи земледелия, скотоводства и ремесла неразрывно были связаны с успехами торговли. Отдельные города и населенные пункты были связаны между собой, а процесс отделения ремесла от земледелия и возникновение очагов ремесленного производства стимулировали дальнейшее развитие торгового обмена.

В международной торговле Дагестан также принимал участие. Правда, в V—VI вв. территория Дагестана была в стороне от главных международных трасс, в частности от знаменитого «шелкового пути», связывавшего Китай с ближневосточными странами. Набеги кочевых племен, связанные с «великим переселением народов», также неблагоприятно сказывались на развитии торговых связей. Тем не менее археологический материал (из могильников близ Гапшимы, Верхнего Чир-юрта и других пунктов) указывает на торговые и культурные связи Дагестана со странами Ближнего Востока, Северного Кавказа и даже с Крымом.

Заметные сдвиги в развитии торговых связей наметились, однако, в VII—VIII вв., когда важные торговые пути, соединявшие страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой, Нижним Поволжьем и Северным Кавказом, переместились в бассейн Каспийского моря. Это было время расцвета «арабской» торговли. В VIII в. эта торговля настолько расширилась, в частности в Закавказье, что почти во всех местных монетных кладах преобладает арабская монета. В торговлю втягиваются не только приморские, но и внутренние районы Дагестана. По сообщению арабских путешественников IX—X вв., Дербент служил своего рода складочным пунктом для товаров Хазарии, Серира, Кайтага, Табасарана и других областей, поставлявших свои ремесленные изделия и продукты животноводства. Подобную же роль, хотя и в меньшей мере, играл Семендер.

Расширение торговли в свою очередь приводит к значительному оживлению хозяйственной жизни Дагестана, в частности к дальнейшему развитию ремесленного производства и скотоводства. Процесс этот был характерен для всего «мусульманского» Востока, когда широкое развитие товарно-денежных отношений в раннем средневековье привело здесь к исключительной заинтересованности земледелия в торговых операциях. Надо отметить, что торговля оставалась меновой, несмотря на распространение денежной единицы.

У средневековых авторов, писавших о путях, проходивших по западному побережью Каспия или по Каспийскому

Древние террасы близ аула Шири

пути, обязательно отмечаются Дербент и Семендер, что свидетельствует об активном участии Дагестана в международной торговле.

Судя по описаниям путешественников и археологическим данным, Дагестан был связан сухопутным или морским торговыми путями с Северным Кавказом, Закавказьем, Доном, Булгарам, Хорезмом, Византией, Ближним Востоком.

Социальный строй в V—X вв. Развитие производительных сил неумолимо вело к ломке старых производственных отношений и возникновению новых, стимулирующих дальнейшее развитие хозяйства.

Земельные отношения Становление феодальных отношений было неизбежным.

Разложение родовой общины, начавшееся в эпоху бронзы, привело к образованию территориальной, соседской общины, которая господствовала в Дагестане уже в начале нашей эры.

Археологический и этнографический материал свидетельствует о том, что основу общественной структуры в Дагестане в V—X вв. составляла малая семья. Поэтому однокамерные жилища, принадлежащие патриархальной семье, уступают место многокамерным. Процесс этот ранее всего произошел в районах террасного (и вообще горного) земледелия, где в настоящее время трудно найти следы существования большой семьи. Большая семья уступила место малой, но в ряде областей еще долгое время продолжала существовать бок о бок с последней.

Отмеченный выше процесс развития скотоводства также толкал к узурпации прав на земельные участки, в частности

на пастбищные земли. Постепенно выделяются представители общинной верхушки, владеющие значительным поголовьем скота и фактически установившие собственность на значительную часть пастбищных участков.

Рост производительных сил, дальнейшее совершенствование орудий труда, расширение торговли и товарообмена сопровождались дальнейшей имущественной и социальной дифференциацией.

Археологические материалы из самых различных районов Дагестана ярко документируют процесс далеко зашедшой имущественной дифференциации. В Агачкалинском могильнике (VII—X вв.) это отразилось в особенностях погребального обряда: встречаются различные формы погребальных сооружений — каменные склепы и грунтовые могилы вокруг них, причем иногда последние разрушались в угоду склепам. Резко выраженную картину имущественного неравенства раскрывает Бежтинский могильник (VIII—X вв.), где наряду с исключительно богатыми погребениями имеются и бедные погребения с незначительным инвентарем или же вовсе без него.

К IV—V вв. относятся первые сообщения о «царях», подтверждающие далеко зашедший процесс социального неравенства. Армянские авторы сообщают об «одиннадцати царях» горцев, выступавших против сасанидского Ирана, и о Шергире, «царе леков». К VI в. подобные сообщения о «царях» на территории Дагестана становятся более подробными. Арабский историк IX в. Балазури говорит, например, о правителях Серира, Филана, Лакза, Маската, Лирана, Ширвана, Зирихгерана и других «царств», утвержденных в своих владениях сасанидским царем Хосровом Ануширваном (531—579). Интересно то, что Ануширван застал в Дагестане в VI в. местных правителей, власть которых над местным населением он сохранил.

Указанные выше изменения в политической карте Восточного Кавказа V—X вв., т. е. образование ряда мелких «царств», явились результатом огромных сдвигов в экономической и социальной жизни общества.

Резкая социальная дифференциация, наличие феодализирующейся верхушки прослеживаются также в сословной иерархии, в выделении определенного привилегированного сословия, верхушки приближенного к «царю» слоя: «в земле Лакз (имеется слой) свободных, известных под именем ал-хамаши-ра, а над ними (т. е. управляют ими) — малики, а ниже — ал-мишак, а затем пахари (акара) и слуги или ремесленники (муххан)», — сообщает арабский ученый-энциклопедист Пакут (ок. 1179—1229), использовав сведения X в.

«Свободные» — это независимые крестьяне, в противоположность зависимому податному сословию крестьянства —

«ал-мишак». В Армении и Грузии термин «мшак», или «мушак», был уже известен и обозначал (в частности, в Армении) работника частновладельческого хозяйства, кем бы он ни был — свободным ли общинником, издольщиком или рабом. Слово «малик» обычно переводится «царь», но в данном контексте предпочтительнее употреблять термин «правитель» или «владетель ряда населенных пунктов».

Интересен также встречающийся в тексте термин «акара». Он сходен с термином из древнеармянских и древнегрузинских текстов в форме «агарак» или «агара», означающим тип земельных владений, в частности — частновладельческую землю, частновладельческое хозяйство, усадьбу с пахотными полями, имения, поместья, а позже поселения. В основе своей «агарак» восходит к шумеро-аккадскому «агар» («акар») — в значении «посев, пахотное поле, луг».

Однако в Дагестане, как и во многих странах Востока, под этим термином следует понимать издольщиков, арендовавших земли у земельной аристократии или у представителей арабской администрации.

Таким образом, социальное расслоение и общественное разделение труда подчеркивается автором четко: правящая верхушка («малики»); свободное население; податное сословие крестьян; акара — разорившиеся общинники, имевшие участки на правах частного владения; ремесленники, выделившиеся из общей массы сельского земледельческого населения.

Социальная дифференциация наблюдается и в других раннефеодальных владениях Дагестана. Правитель Серира также обладал огромной властью. Привилегированную верхушку общества составляли прежде всего сипехсалары (военачальники). Правитель Серира имел, по словам Гардизи (персидского историка XI в.), два трона — золотой и серебряный, причем на золотом сидел он сам, а на серебряном — его придворные. Здесь уже имеется целая система органов государственной власти и тех социальных сил, которые служили спорой государства. Опираясь на дружину, на феодальную верхушку, правитель устанавливает личную, внеэкономическую зависимость населения, жестоко эксплуатирует чужой труд.

Наиболее четко сословное деление прослеживается в Дербенте (Баб ал-абваб арабских источников). Как уже указывалось, во второй половине IX в. городом управляли арабские правители. Впоследствии (с 869 г.) управлять городом стали представители династии Хашимидов (амиры), власть которых была наследственной. Тем не менее власть хашимидских амирдов не была неограниченной. Феодальная верхушка, окружившая амира, его политические советники, начальники войск, городская администрация, сборщики налогов, разбо-

гатевшие в многочисленных войнах «за веру», на эксплуатации городского и соседнего сельского населения, уже представляет внушительную силу, способную противопоставить себя дербентскому правителю и его «газиям» («воителям за веру») и гулямам (страже или телохранителям).

Центробежные тенденции феодальной верхушки с каждым годом возрастали, и правитель не мог с этим не считаться. Так, первый амир Дербента (Баб ал-абваба) Хашим бен Сурака решал дела, «только посоветовавшись с мудрыми стариками («укала») и начальниками («раисами»).

Раисы, выступавшие в качестве посредников между правительской администрацией и местным населением, занимали особое положение. В Аппане и Ширване они выступали главами городских гильдий. В Дербенте был известен «раис дубильщиков». Раисы имели отряды собственных гулямов. В более тесной, чем раисы, связи с амирами была знать пограничных областей, или «айн ас-суфуф». В последних можно было усмотреть среднее сословие, именитых купцов из торговых рядов. Они выступали на стороне амира, так как интересы торговли требовали установления сильной власти.

Вся правящая верхушка (амир, раисы, аристократы). купцы и торговцы обогащались на торговле, средоточием которой в течение столетий был Дербент.

Правящая верхушка дагестанских раннефеодальных владений резко противопоставляет себя основной массе непосредственных производителей материальных благ. Они окончательно отделились от своих соплеменников, создав своеобразную недоступную касту. Правитель Серира вместе с дружиной обосновался в крепости. Дербентский правитель жил в цитадели, а раисы, окружавшие его, построили «серединную стену», которая должна была слить их с цитаделью и отделить от «черни». Ремесленный люд, городская чернь жили в рабатах — предместьях города. Раскопки Урцевов и средневекового города Аркаса выявили ту же картину — сильно укрепленная цитадель и неукрепленные посады вокруг нее. Феодальные замки-укрепления были рассеяны по всему раннесредневековому Дагестану. Они были центрами политической и экономической жизни, местопребыванием феодальных правителей и феодальной знати.

Феодальные правители нередко сплачивались в борьбе против соседей или же зависимого крестьянского сословия, поддерживали контакты, устанавливали родственные связи.

Политика правителя Серира здесь наиболее показательна и предусмотрительна: он в союзе с аланами: его дочь — жена арабского наместника Армении. Правитель Дербента также женат на дочери «царя» Серира.

Исключительно трудно на базе ныне доступных источников проследить хотя бы в общих чертах процесс установления феодальной собственности на основное средство производства — землю. Только самые общие рассуждения о компетенциях местных правителей (сбор дани, сбор войска, получение земельных участков) позволяют предположить, что дагестанские раннефеодальные государства были верховными собственниками земли. Феодальная верхушка владела «поместьями» (дийя). «Поместья» упоминаются на территории Лакза, в Табасаране, Серире.

Активную роль в процессе феодализации дагестанских обществ играла политика внешних завоевателей, в частности персидских и арабских. Персидские цари нередко создавали на окраинах государства колонии из иранских переселенцев, наделяя им земельные участки. Охрана границ поручалась своим войскам, а также отрядам из завоеванных стран. Они также получали земельные участки за несение пограничной службы. В Дагестане, в районе Дербента, наделы на правах условного держания имели персидский гарнизон и табасаранские наемники, охранявшие дербентские укрепления.

Арабские завоевания в еще большей степени способствовали укреплению власти местных феодальных правителей в Дагестане.

Как известно, земельная политика арабов в завоеванных странах привела к перераспределению земельного фонда. Большинство завоеванных земель не распылялось и становилось государственной собственностью. Часть же земель оставалась в собственности отдельных лиц. Последние назывались мульками. Таким образом, государственная феодальная собственность на землю и воду и земельная собственность отдельных феодалов в халифате существовали одновременно, но господствующей формой была государственная. Институт мулька предполагал полную земельную собственность, права собственника распоряжаться земельным участком. В этом смысле как форма землевладения он соответствовал западноевропейскому аллоду. Дальнейшее развитие социальных отношений в халифате привело к возникновению новой, условной формы феодальной собственности, икта (арабск. «надел»), означавшей первоначально временное и пожизненное пожалование земель под условием несения вассальной службы. Коллективный феодал — государство отдавало земельные участки военным лицам за несение службы с правом взимания феодальной ренты, а затем с правом распоряжаться землей. Икта как форма феодального землевладения соответствовала на определенном этапе западноевропейской бенефиции.

Сведения об аграрной политике арабов в Дагестане говорят о том, что практика раздачи захваченных земель и

здесь получила широкое распространение. В начале VIII в. были наделены землей те воины, которые обосновались в новых пунктах близ Баб ал-абваба — Камахе, ал-Мухаммадие, Баб-ваке.

Феодально-зависимые отношения складывались при активном вмешательстве правительской власти. В середине IX в. халиф Мутаваккил пожаловал правителю Армении, Азербайджана и Аррана Мухаммеду бен Халилу в качестве лена город Баб ал-абваб с зависящими от него землями. Ширваншах Хайсам (вторая половина IX в.) перевел несколько деревень на «благочестивые дела» (вакуф).

Таким образом, в раннесредневековом Дагестане имеются следующие формы земельной собственности: государственные земли, земли крупных и мелких феодалов (дийа, икта), вакуфные земли, частновладельческие земли (мюльки) и общинные земли.

Все приведенные выше сведения свидетельствуют о том, что в течение V—X вв. в Дагестане утвердились раннефеодальные отношения. Класс феодалов и класс непосредственных производителей материальных благ противостоят друг другу. Раннефеодальные отношения, сложившиеся в Дагестане, носят, однако, специфический характер, объясняемый рядом социально-экономических и политических обстоятельств.

Прежде всего следует отметить, что раннефеодальные отношения в Дагестане носили особенно устойчивый характер. Сыграв положительную роль в процессе установления частной собственности, террасное земледелие превратилось впоследствии в силу, способствовавшую консервации производственных отношений. С этим фактом тесно связана и роль сельской общины.

Устойчивость сельской общины наложила особый отпечаток на процесс развития феодализма, надолго сохранив патриархально-феодальный характер отношений и относительную свободу рядовых общинников. Поэтому процесс дальнейшей феодализации, т. е. переход Дагестана в стадию развитого феодализма, затянулся.

Это обстоятельство, а также рост значения скотоводства привели еще к одной характерной особенности развития социальных отношений в Дагестане. Если в равнинных частях феодальные отношения укреплялись за счет захвата пахотных земель, то в горных районах преимущественно устанавливалась собственность на пастбищные земли, а пахотные участки, как правило, оставались в собственности отдельных семей.

Ни на равнине, ни в горных районах феодалы не вели собственного хозяйства, и потому сдача земли в аренду получила особое распространение.

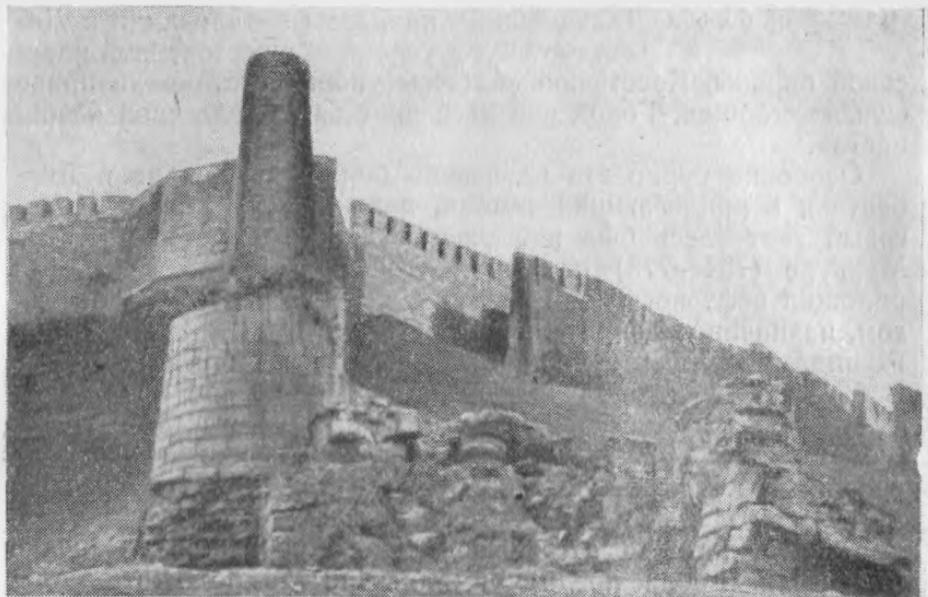
Классовая борьба Дальнейший процесс феодализации в Дагестане шел в условиях ожесточенной классовой борьбы. Крестьянские массы упорно отстаивали право сельских общин. Городское население защищало свои «вольности».

Особенно бурно эта классовая борьба протекала в Дербенте и в прилегающих землях, подчиненных городу. Налоговый гнет здесь был наиболее невыносимым. При халифе Мансуре (754—775) правитель Дербента Иазид ас-Сулами обложил нефтеносные источники и солеварни Ширвана налогом, назначив надзирателя над ними. Ставленник Харуна ар-Рашида в Дербенте собирал подати с окрестных жителей. В 898 г. Дербент получил фирман от халифа с правом собирать доходы с нефтяных источников и соляных промыслов. Доходы эти собирались ежегодно и шли большей частью на содержание воинов. Соседние земли также подчинялись городу, и доходы, поступавшие из этих селений, составляли значительную долю богатств феодальной верхушки. Нередко правители города предпринимали попытки обложить налогами часть населения, свободного от податей.

Недовольство горожан, а также крестьян в соседних районах все больше росло. Еще в 777 г. многие жители вынуждены были оставить город из-за притеснений правителя. А в середине X в., как сообщает дагестанская историческая хроника «Дербенд-наме», когда «в Дербенте появились беззаконие, смуты, интриги», жители «соседних земель» восстали против Дербента, но восстание было жестоко подавлено.

В 944 г. восстали против амира жители Дербента. Тот был вынужден бежать. Жители города пригласили ширваншаха, который вскоре также был изгнан. Раисам удалось, опираясь на горожан, захватить власть в свои руки, а правитель города был выведен из цитадели и заключен в резиденции в нижнем городе. Была начата работа по разрушению средней (поперечной) стены, отделявшей город от цитадели — вернее, предназначенней защитить цитадель от горожан и ремесленников, и это было, по-видимому, уступкой беспокойной «черни».

Эти бурные события свидетельствуют о том, что политическая жизнь Дербента в X в. полностью находилась в руках раисов. Им удалось использовать выступления горожан и жителей окрестных селений. Правитель города был марионеткой в руках раисов, и они приглашали в Дербент то одного, то другого правителя соседних областей (Ширвана, Табасарана, Лакза), смещали и вновь приглашали их по своему усмотрению: Будучи противниками центральной власти, они старались организовать все центробежные силы и в этой борьбе использовали естественное недовольство городского и земледельческого населения.

Дербент. Цитадель

Классовая борьба в этот период происходила не только в Дербенте и близлежащих населенных пунктах. К сожалению, за отсутствием источников мы не можем говорить о классовой борьбе более определенно. Однако ряд фактов, в частности участвовавшие военные походы отдельных правителей на соседние земли, свидетельствует об усилении классовых противоречий. Когда дербентские воители за веру делали военные вылазки далеко в глубь гор или же когда владетели Серира выступали против Ширвана или Дербента, целью этих акций был не только захват добычи и пленных. Отвлечь недовольные слои крестьян или горожан от активной классовой борьбы — вот вторая цель походов.

§ 4. БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ИРАНСКОЙ АГРЕССИИ В V—VII вв.

В V в. сасанидские правители сосредоточили в Албании, Армении и Иберии значительные гарнизоны для упрочения здесь своего положения и для «защиты» этих стран от северных кочевников.

Народы Закавказья неоднократно отвечали восстаниями на политику иноземных завоевателей, натравливавших народы друг на друга и насильственно насаждавших зороастризм.

Одно из крупных восстаний армян, иберов и албан вспыхнуло в середине V в. Его возглавлял спарапет Вардан Мамиконян, который погиб в 451 г. в сражении на Аварайском поле.

Некоторые дагестанские племена выступали при указанных событиях на стороне Ирана. Так, в борьбе против восставших армян участвовали, как сообщает армянский историк, «весь корпус Таваспорана» и «вспомогательные войска катешов, гуннов, гелов».

Однако в последующих событиях, как показывают исторические источники, даже те дагестанские племена, которые раньше выступали на стороне Ирана, вливаются в ряды активных борцов против иранской агрессии.

Через шесть лет в Албании опять вспыхнуло восстание против Сасанидов. Воспользовавшись усилением внутренних противоречий в Иране после смерти Иездегерда II в 457 г., правитель Албании Ваче II собрал значительное войско и совместно с «царями горских племен», т. е. дагестанцами, выступил против Сасанидов.

Как сообщает армянский историк Елише (Егише), Ваче отказался подчиниться персидской власти, пропустил через проходы Чора маскутские войска и, объединившись с одиннадцатью «царями» горных племен, нанес поражение персидским войскам.

Сасанидский царь предпринял несколько попыток начать переговоры с восставшими, но они закончились неудачей. Тогда он призвал на помощь племя хонов, которое, прорвавшись через Аланские ворота, произвело страшные опустошения на территории Албании. Это ослабило восставших, но не сломило их воли к сопротивлению. Моисей Каганкатваци писал, что «хотя войска Ваче уменьшились и рассеялись, но покорить его не могли», т. е. разрозненные отряды восставших начали партизанскую борьбу против персидских войск. Тем не менее по не совсем понятным причинам Ваче II отказался от албанского престола (461 г.).

481—484 годы также отмечены восстаниями закавказских народов против Сасанидов, усиливших налоговый гнет в связи с борьбой с восточными соседями.

Решительная борьба народов Закавказья и неудачная война с соседями на восточных границах государства заставили персидского царя Валарша (485—488) пойти на значительные уступки. Были восстановлены привилегии армянской знати, прекратилось преследование христиан и язычников. Более того, «Валаршак, царь персидский, — как писал Моисей Каганкатваци, — дал повеление, чтобы каждый твердо хранил свою веру, по желанию своему, и никого насилиственным, но не обращать в религию магов». Были сокращены размеры повинностей и податей.

Эти уступки при сложившейся ситуации диктовались усилившимися в V—VI вв. набегами кочевых племен «гуннов», а затем хазар на державу Сасанидов, в связи с чем охрана северных ее границ приобретала первостепенное значение. Укрепление кавказских проходов стало одной из важнейших задач сасанидских правителей. Главное внимание было обращено на обеспечение безопасности границ со стороны Дербентского прохода.

На территории Восточного Кавказа было построено несколько линий оборонительных стен. Самая южная и первая по счету — это стена в проходе у вершины Беш-Бармак, построенная при Иездегерде II. Затем идет вторая линия оборонительных сооружений вдоль р. Гильгинчай (Ширванская стена). Сохранились до сих пор также следы оборонительной стены севернее р. Самур. Но самыми грандиозными были дербентские укрепления, строительство которых было завершено в 567 г.

Дербентские стены не только закрывали Дербентский проход, но и обеспечивали безопасность с северо-запада, со стороны горных проходов. Возведение стен Дербентской крепости дало возможность намного сократить численность персидского гарнизона, непосредственно контролировавшего проход. Балазури писал по этому поводу, что Ануширван повесил у входа стены железные ворота, поручив охрану их ставадникам, тогда как раньше для охраны этого места требовалось 5—10 тыс. воинов. Еще раньше, по сообщению дагестанской исторической хроники «Дербенд-наме», в Дербент было переселено из внутренних районов Ирана 3 тыс. семейств, служивших опорой сасанидских властей в самом городе и окрестных селениях. Все это привело в середине VI в. к окончательному закреплению района Чога, включавшего земли вдоль Самура до Дербентского прохода, в составе Ирана.

Строительство оборонительных сооружений по берегу Каспийского моря требовало колоссальных финансовых затрат и было возможно только при использовании труда многих тысяч крестьян и рабов, насильственно сгоняемых из многих восточных стран. Основная же тяжесть строительства — изнурительный труд, резкое увеличение налогов в связи со строительством — пала на плечи кавказских народов. Моисей Каганкатваци писал, что сасанидские правители при строительстве дербентских стен «изнурили нашу страну, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания». Огромных материальных затрат требовала и продолжавшаяся война Ирана с Византией. Перепись населения и новая система обложения, проведенная при Ануширване I, также увеличивали налоговое бремя.

Положение народов Кавказа все более ухудшалось. Усиливался феодальный гнет. В проведении своей политики Сасаниды опирались на местных феодальных правителей, за которыми Хосров Ануширван сохранил власть и богатства. Балазури писал: «...и выбрал Ануширван царем и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью». В их числе названы правители Серира (с титулом вахарзаншах), Филана (филаншах), Табасарана, Лакза (джурджаншах), Маската, Лирана, Ширвана, Бухха, Зирихгерана. Все это привело к общему взрыву — восстанию албан, армян и иберов в 571—572 гг.

Местная историческая хроника «Ахты-наме» сохранила отголоски борьбы против Ануширвана в Дагестане. В селении Ахты до сих пор бытует предание о том, что Ануширван построил в Ахты крепость для защиты своих войск от нападения горцев. Рассказывают, что астрологи предложили Ануширвану покинуть крепость, ибо жителей Ахты невозможно было подчинить. Ночью жители селения напали на крепость, сожгли ее и уничтожили находившиеся там иранские войска.

Дагестанские племена приняли активное участие в событиях, происходивших после строительства фортификационных сооружений на Восточном Кавказе. Как сообщает грузинская летопись «Картлис-Цховреба», при армянском царе Хосрове армяне, грузины, оссы, леки и хазары совместно выступают против царя Ануширвана и проникают в Иран. Там же упоминается, что грузинский царь Гурам (570—600) «приглашает оссов, дурдзуков и дидойцев и идет против персов».

Выступления подчиненных областей, а также война с Византией, продолжавшаяся 20 лет, заставили Сасанидов пойти на уступки закавказским и дагестанским феодалам и предоставить им значительные права во внутреннем самоуправлении.

§ 5. БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ АРАБСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Образование халифата

В VII в. на Аравийском полуострове произошли события, положившие начало новой странице в истории народов стран Средиземноморья, Передней и Средней Азии. Здесь был завершен процесс объединения мелких союзов племен в единое централизованное государство. Становление классовых отношений и политическое объединение Аравии сопровождалось возникновением новой монотеистической религии — ислама, заменившего постепенно языческие культуры земледельческих и скотоводческих племен. Под знаменем ислама шла борьба не только за объединение, за создание централизованного араб-

ского государства, но также велась захватническая война за овладение богатейшими землями на севере, западе, востоке от Аравийского полуострова. Был создан Арабский халифат, в состав которого вошли страны, стоявшие на различном уровне социальной и экономической жизни, с различным этническим составом.

Арабский халифат создавался в ожесточенной войне с местным населением, оказывавшим завоевателям упорное сопротивление. В середине VII в. была сломлена мощь сасанидского Ирана, что открыло арабам дорогу в Среднюю Азию и Закавказье. Народы этих областей с оружием в руках отстаивали свою независимость. Народы Дагестана также поднялись против иноземных захватчиков.

Угроза арабского нашествия поставила вопрос о совместном выступлении кавказских владений, однако условия политического и экономического развития Закавказья и Дагестана не способствовали реализации этих стремлений. Правда, антиарабские союзы заключались, но они распадались, не успев окрепнуть.

Начало арабских завоеваний в Дагестане

Территория Дагестана не случайно привлекала внимание арабов. Это был важнейший стратегический участок. В районе Дербента проходила северная граница халифата, и охране этого района всегда придавалось очень большое значение.

Однако главное заключалось в том, что территория Восточного Кавказа имела важное экономическое значение. По ней проходил путь, соединявший Восточную Европу со странами Востока. Усилившиеся связи Поволжья, Дона, Восточной Европы со Средней Азией и ближневосточными странами подогревали желание арабов укрепиться в бассейне Каспийского моря, овладеть, в частности, торговым путем, проходившим вдоль западных берегов Каспийского моря.

Упрочение власти арабов на Восточном Кавказе привело бы не только к захвату важнейшего торгового пути, перспективы развития которого были все более обнадеживающими. Это означало бы также создание таких условий, которые позволили бы арабам спокойно эксплуатировать богатые районы Закавказья и Ближнего Востока.

Таким образом, территория Дагестана приобретала важное экономическое и стратегическое значение.

Этим объясняется ожесточенный характер столкновения интересов двух крупных, экономически растущих государств — халифата и Хазарии — на территории Дагестана. Этим можно объяснить также ту поддержку, которую неоднократно оказывала Византия Хазарии, боровшейся с Арабским халифатом, главным конкурентом Византии на пути к политической и экономической гегемонии на Ближнем Востоке. Таким

образом, указанные обстоятельства послужили причиной, побудившей арабов так систематически, настойчиво, упорно начиная с середины VII в. и до начала IX в., т. е. в течение ста пятидесяти лет, стремиться укрепиться в Дагестане.

В середине VII в., подчинив своей власти Восточное Закавказье, арабские войска двинулись к Дагестану.

Арабский военачальник Салман, пишет Балазури, перевалился через Куру, занял Кабалу и заключил с владельцем Шаккана мир с условием платить подать. Такой же мир был заключен с Хайзаном, Ширваном, Маскатом, Дербентом, Лакзом, Табасараном. Салман сохранил за владельцами их земли, определив ежегодную подать. Но эта зависимость была временной, и правители Лакза, Табасарана и Дербента отказались вскоре от условий арабов.

Жители Дербента при первом же походе выступили совместно с хазарами против арабов, захвативших город. Арабский отряд в 4 тыс. воинов был разбит в 652—653 гг. Но в 685—686 гг. Дербент был захвачен арабами.

Усиление арабской экспансии Начало VIII в. характеризуется усилением арабской экспансии на западном побережье Каспийского моря. Начинается этап завоеваний, длившийся почти сто лет.

Горцам пришлось иметь дело с хорошо вооруженной и многочисленной армией. Арабские войска состояли из конницы и пехоты. Они обладали большой подвижностью, хорошо налаженной постоянной связью с отдельными частями. Была выработана своеобразная тактика — в бою воины старались охватить противника с флангов.

Одним из стимулов завоеваний арабов был захват добычи. Добыча, захваченная на войне, должна была распределяться следующим образом: пятая часть — в казну, точнее пророку, его роду, вдовам и сиротам, а остальное делилось между воинами из расчета, что всадник получает втрое больше пешего. Впоследствии выработалось учение о джихаде — «священной войне», — ставшей одной из обязанностей мусульманина. Убитые на войне за веру окружались ореолом «мучеников», и им ислам уготовил вечное пребывание в раю.

Крупные выступления арабов, направленные на захват Дагестана, были связаны с именем Джерраха, который в 722/723 г. в ответ на хазарский набег в Закавказье вступил в Дагестан.

Преследуя хазар, Джеррах ворвался в Дербент и послал свою конницу против областей, соседствующих с городом. Им были захвачены крепости Хусайн, Яргу и Беленджер.

Сопротивление хазар и дагестанцев было упорным и длительным. Жители крепости Яргу (Тарки) сопротивлялись в течение пяти дней, после чего были вынуждены сдаться.

Упорное сопротивление арабам оказали и другие народы Дагестана. С их помощью хазарам удалось отвоевать Дербент у арабов. Разгневанный Джеррах отправляет для наказания жителей 2 тыс. всадников в Кайтаг и столько же в Табасаран, которые вернулись из похода с огромной добычей, тут же поделенной между воинами. Но все эти попытки не привели к покорению Дагестана. Поэтому в VIII в. было предпринято еще несколько походов на территорию внутреннего Дагестана. Наиболее крупные из них были осуществлены под водительством Масламы и Мервана.

Маслама сын Абд ал-Малика, брат халифа Хишама, был известным арабским завоевателем. В 725/726 г. он был назначен правителем Армении и Азербайджана и начал упорную борьбу за захват Восточного Кавказа.

С «царями гор», правителями Ширвана, Лирана, Табасарана, Лакза, Филана, Маската был заключен мир. Открылась дорога на Дербент, где укрылась тысяча хазарских семейств. Только после того как Маслама забросал падалью источник воды, питавший крепость, осажденные вынуждены были оставить ее. Захватив город, Маслама предпринял ряд серьезных мер по укреплению его как плацдарма для дальнейших захватов. Он переселил в город 24 тыс. воинов из Сирии, построил амбары для провизии и склад для оружия, восстановил разрушенные части крепости.

Упорное сопротивление горцев

Обосновавшись в Дербенте, арабы решили упрочиться и в других районах Дагестана. Они ворвались во внутренний Дагестан, в земли табасаранцев, кайтагов, лаков.

Даже мусульманские хроники вынуждены были отметить вооруженное выступление дагестанских народов. Так, согласно дагестанской исторической хронике «Дербенд-наме», погибло большое число жителей Кайтага, не захотевших подчиниться и принять ислам. Потребовалось несколько сражений, чтобы покорить лаков. Табасаранцы также не подчинились, но вынуждены были временно принять ислам после того, как многие из них были истреблены или взяты в плен. Затем Маслама направился в Серир. И, наконец, он обложил всех жителей Дагестана податью, которую приказал доставлять ежегодно правителю Дербента.

Казалось, весь Дагестан был захвачен, но подчинение Дагестана арабской власти было очень недолгим, о чем наглядно говорят последующие события, когда объединенные силы дагестанцев и хазар заставили арабов отступить вплоть до Дербента. Арабский историк Ибн ал-Асир (1160—1234) писал по этому поводу, что Маслама «приказал своим войскам развести огонь, а потом, бросив палатки и обоз, пустился обратно в путь со своими войсками без всего. При этом Маслама послал вперед слабых, а храбрых оставил позади. И прошли

они множество „станций“, делая по две станции вместо одной, пока не дошли, еле живые, до ал-Баб ал-абваба».

Ряд последующих арабских походов, совершенных в 30-х годах VIII в., был возглавлен Мерваном ибн Мухаммедом ибн Мерваном, двоюродным братом халифа, правителем ал-Джазиры, Азербайджана и Армении. Под его руководством с 732/3 по 739 г. было совершено по крайней мере шесть походов в различные районы Дагестана.

В первом крупном выступлении участвовало большое число войск, шедших на Дагестан с двух сторон — севера, от аланских ворот, и с юга. Хазары вынуждены были отступить, хакан «принял ислам», а Мерван оставил за ним власть «в его области».

Отступление хазарского войска и заключение перемирия между арабами и хазарами значительно ухудшило положение горцев. Теперь уже приходилось надеяться только на свои собственные силы. Тем не менее арабы столкнулись с упорным сопротивлением горского населения.

Вскоре арабские войска опять ворвались во внутренние районы Дагестана. После неоднократных схваток Мервану удалось в 739 г. заключить выгодные договоры с правителями Серира, Тумана, Зирихгерана, Кайтага, Табасарана, Лакза, Филана и обязать их вносить ежегодные подати.

В VIII в. арабская экспансия, как уже указывалось, усиливается. Борьба за Восточный Кавказ принимает все более ожесточенный характер. Один поход следует за другим. И это не случайно. Исключительный интерес к западному побережью Каспийского моря объясняется тем особым значением, которое приобретала в это время каспийская торговля. Прекращение торговых отношений халифата с Византией и перемещение международной торговли в бассейн р. Куры в связи с развитием международной торговли с Юго-Восточной Европой влекло за собой усиление роли Восточного Кавказа и каспийской торговли.

Усилиению торговых операций в странах, входивших в состав халифата, значительно способствовала также монетная реформа, проведенная при халифе Абд ал-Малике и положившая конец путанице в монетном обращении. Были запрещены сасанидские и византийские монеты, изъяты из обращения фальшивые. Была введена единая арабская монетная система. Все это упорядочило финансы, упрочило казну и способствовало установлению более близких связей между торговыми центрами.

В этой обстановке изо дня в день растет значение Дербента. Теперь это уже не только торговый город, но и крупный ремесленный центр, связанный с другими торговыми-ремесленными очагами Ближнего и Среднего Востока, Нижнего Поволжья. В начале VIII в. здесь уже чеканят монеты.

Еще в первые годы завоеваний арабы извлекали огромные доходы из оборотов каспийских портов. По распоряжению халифа Омара (634—644) иностранные купцы, доставлявшие товары в Дербент, платили десятипроцентную пошлину, а купцы-зиммии (немусульмане, подданные халифата) — пятипроцентную. Кто владел Дербентом, тот контролировал волжско-каспийскую торговую линию. Поэтому становятся понятны те отчаянные попытки, которые были предприняты арабами для захвата города. В результате почти вековой борьбы арабам удалось наконец укрепиться в районе Дербента. В то же время внутренние районы Дагестана оставались фактически независимыми. Этому способствовало то обстоятельство, что арабам приходилось распылять свои силы на подавление восстаний, то и дело вспыхивавших в Средней Азии, Закавказье, Сирии и других областях обширного халифата. В 40-х годах VIII в. эти выступления приняли особенный размах.

Усиление борьбы против арабов при Аббасидах В 750 г. была свергнута династия Омейядов и власть в халифате перешла к Аббасидам. Новая династия халифов вначале пользовалась широкой поддержкой масс крестьян и ремесленного люда, которое связывали с ней мечту об освобождении от социального гнета, усилившегося при Омейядах. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Напротив, налоговое бремя еще больше увеличилось. Народные массы стали выступать против власти Аббасидов.

Именно в аббасидский период по всему халифату прокатилась волна крестьянских движений, особенно мощная в его восточных областях (восстание Муканы в Средней Азии, Бабека в Азербайджане). Эти движения имели освободительный, антифеодальный характер.

Усиливается борьба и в Дагестане. Многотысячная арабская армия была разбита хазарами в районе Дербента, и халиф вынужден был принять исключительные меры для восстановления своих позиций. По его распоряжению из тюрем было выпущено семь тысяч заключенных, которые пополнили отряды воинов, спешно собранных в разных областях и отправленных в Дагестан. Был предпринят ряд других мер для того, чтобы прочно обосноваться в районе Дербента.

Из различных областей халифата, в частности из Сирии и Месопотамии, около 7 тыс. мусульманских семей было поселено близ Дербента. Кроме того, были возведены крепости в таких пунктах близ Дербента, как Рукал, Кала-Сувар, Митаги, Бильгади. В Табасаране были также построены опорные пункты, сохранившиеся до наших дней — Камах (совр. Камах), ал-Мухаммадия (совр. Химейди), Баб-Вак (совр. Дарвак).

В конце VIII — начале IX в. борьба против арабской власти на Кавказе становится еще более острой. Частые выступ-

ления в Закавказье и неудачи арабских войск приводят к тому, что халиф Харун ар-Рашид (786—809) вынужден смешать одного за другим своих наместников в Закавказье.

Был смешен и наместник Дербента. Воспользовавшись смутами в городе, в Закавказье ворвались хазары. Только после больших усилий новому наместнику Азербайджана и Армении Йазиду ибн Мазъяду удалось с помощью феодальной верхушки закавказских владений вернуть Дербент. Это было последней акцией арабских войск в Дагестане.

Конец арабских завоеваний С начала IX в. уже нет известий ни о походах арабов, ни о выступлениях хазар. Только до второй половины IX в. аббасидский халифат сохранял по крайней мере внешний вид единого государства, а с начала X в. политический распад халифата становится совершившимся фактом. В Египте, Иране, Тунисе, Марокко, Алжире, Средней Азии, Закавказье уже сложились самостоятельные государства, независимые от центральной власти.

Это было следствием развития феодальных отношений и связанного с ним усиления сепаратистских, центробежных устремлений местных феодалов и феодальных правителей. Народные восстания расшатали мощь халифата. Серьезную роль в этом сыграли крупнейшие восстания крестьян и ремесленников в Средней Азии, в Азербайджане, Месопотамии, Сирии, Иране, Армении, Хорасане и других областях.

Что касается Восточного Кавказа, в частности Ширвана и Дербента, то эти области оказались во власти династии арабского происхождения. В Дербенте правила династия Хашимидов, подчинявшаяся Ширвану, но иногда проводившая самостоятельную политику.

Остальные области Дагестана в IX—X вв. уже были вполне независимы.

Арабские завоевания оказали огромное влияние на все области жизни дагестанцев.

Эти завоевания нанесли огромный ущерб экономике народов Дагестана. Многочисленные походы в район приморья, а также в горные районы повлекли за собой разрушение производительных сил в массовом масштабе; военные операции, массовый угон в плен населения приводили к тому, что сельское хозяйство приходило в упадок, ремесла хирели, дороги приходили в негодность. Отдельные части Дагестана теряли связь между собой. Постой арабских гарнизонов и ряд повинностей, связанных со снабжением войска, тяжелым временем ложились на трудящихся.

Районы, где прошли завоеватели, подвергались колоссальным разрушениям. Почти каждый поход арабов сопровождался разрушением городов, аулов, крепостей, захватом огромной добычи, убийствами.

Как известно, мусульманская теория различает области, подчинившиеся арабским войскам без боя, и области, завоеванные силой. Области, подчинившиеся власти арабов, получали гарантии жизни и собственности жителей при условии уплаты поголовной подати (джизья) наряду с поземельным налогом — хараджем. Напротив, завоеванные области считались добычей победителей, а жители — рабами халифата в целом. Поэтому в Дагестане, где население оказалось ожесточенное сопротивление, походы сопровождались массовыми грабежами, угоном скота. Так, после набега на деревни Кайтага Джаррах возвратился, как сообщает «Дербенд-наме», с добычей в 12 тыс. голов рогатого скота и овец, а в Табасаране было захвачено 40 тыс. голов лошадей, рогатого скота и овец. Со слов Ибн ал-Асира, арабы, силой овладев замком Йаргук (Тарки), «захватили в раби'а все, что было в нем, так что каждому всаднику досталось до триста динаров, а их было более тридцати тысяч».

Одним из существующих стимулов завоевательных войн арабов был захват рабов. Еще в начале VIII в. рабовладельческий уклад в социально-экономической жизни феодализирующегося халифата играл огромную роль и приобретению значительных масс рабов придавалось немаловажное значение. Так, со слов арабского историка Табари (838—923), наместник Хорасана Кутайба увез из Хорезма в 711/712 г. 100 тыс. рабов.

Некоторые представители высшей знати имели по нескольку тысяч рабов, работавших на земле и в ремесленном производстве. Огромные массы рабов использовались в омейядской армии в качестве вспомогательной силы. Поэтому источники полны сведений о взятии большого числа пленных почти во всех завоеванных областях, в частности в Дагестане. Джаппах в Табасаране захватил 2 тыс. пленных, в Кайтаге — 700 и обязал вносить ежегодную «подать» — от Серира — тысячу пятьсот юношей и пятьсот девушек, от Тумана — сто пятьдесят девушек и пятьдесят юношей, от Зирихгера — пятьдесят юношей и т. д.

Налоговая политика арабов Налоговая политика арабов в завоеванных странах выражалась во взимании поземельного налога и подушной подати, а также в организации многочисленных натуральных повинностей. При этом в завоеванных землях арабы распространяли ту податную систему, которая существовала в государстве Сасанидов.

Поземельный налог, харадж, вносился покоренным населением на условиях договора, формы оплаты его были различны — натурой в виде части урожая, деньгами или же натурой и деньгами вместе.

Подушная подать, т. е. джизья, — это своего рода вознаграждение завоевателям за их веротерпимость. Покоренное

население могло сохранить свою религию, но на условиях уплаты подушной подати, т. е. джизьи. Освобождались от джизьи только женщины, дети и старики, т. е. те, «с которыми нельзя сражаться», монахи и священники.

Наиболее систематический характер налоговая система при арабах приняла в Дагестане после похода Мервана. Характерно, что Мерван обложил земли, подчиненные путем договора, податью, взыскиваемой ежегодно, т. е. была предпринята попытка регулярно взыскивать харадж. Известно, что поземельный налог взыскивался обычно не с отдельных лиц, а с определенного района, с комплекса земельных угодий. Так было и в Дагестане. Когда Балазури пишет, что в первой половине VIII в. арабский полководец Мерван заключил договоры с владельцами гор, заставив согласиться владельца Серира поставлять ежегодно в зернохранилище Дербента сто тысяч мер зерна, жителей Тумана — доставлять ежегодно двадцать тысяч мер зерна, Зирихгерана — десять тысяч мер, Хамзина — тридцать тысяч, Лакза — двадцать тысяч, — мы имеем дело не с чем иным, как с хараджем.

Взаимоотношения арабов с местными правителями В завоеванных землях арабы придерживались своеобразных взаимоотношений с местными правителями. По отношению к местным династиям, в общем, арабы держались единой политики: в подчиненных областях они ставили своих правителей, которые распоряжались военной властью и финансами; национальные династии обычно сохраняли свое существование и удерживали за собой гражданскую власть. В Дагестане, однако, это правило нашло своеобразное применение. Здесь политика арабов была рассчитана не на замену местных правителей новыми, арабскими, а на использование большинства местных правителей в интересах укрепления своей власти.

Смена местных правителей была явлением исключительным (например, в Дербенте), связанным с отказом подчиниться, принять ислам, платить подати. Вспомним хотя бы описание похода Мервана в глубь дагестанских гор, данное Балазури: он пишет о походе в Серир, Туман, Хамзин, Табасаран, Фilan, Лакз. Нигде нет сообщения о замене одного правителя другим, напротив, все местные правители остаются на местах, принимают условия, предложенные завоевателями; более того, под водительством местных правителей войска, составленные из зинмииев, играли существенную роль в арабской армии, принимали участие в военных акциях на правах самостоятельных боевых единиц.

Такая практика находила широкое применение как на Кавказе, так и в Средней Азии.

В дореволюционной историографии Дагестана утвердилась концепция об иноземном происхождении государственной

власти, об арабском (или иранском) истоках государственности в дагестанских владениях. Местные исторические хроники («Тарихи Дагестан», «Асари Дагестан») связывали происхождение дагестанских феодальных правителей — майсумов, уцмиев и шамхалов с именем арабского полководца Абу Муслима: подчинив Дагестан, он назначил в захваченные области своих ставленников. Амир Гамза был назначен правителем Кайтага (его наследники стали называться уцмиями); майсум — в Табасаран (наследники власти — майсумы); шамхал, «потомок Аббаса, дяди пророка», — правителем всего Дагестана с резиденцией в Кумухе. Более того, некоторые хроники связывают с арабами происхождение не только правителей феодальных образований, но и владетелей отдельных населенных пунктов. Одна из таких хроник, известная под названием «История Абу Муслима», так характеризует процесс образования феодальной верхушки в отдельных селениях: Абу Муслим, распространив ислам в ряде районов Дагестана, ушел к себе на родину после семилетнего пребывания в Дагестане. Внуки его стали управлять отдельными селениями. Потомки этих правителей также обосновались в различных селениях, а затем часть их перешла в Кубу, в Ширван, в Табасаран, в селения Аварии, в Кумух, Кайтаг, Кубачи, Хушни, Шиназ, Цудахар.

Цель подобного рода интерпретации происхождения государственной власти сводилась к тому, чтобы в угоду правящей верхушке феодалов освятить близостью к пророку и его сподвижникам власть феодалов и феодальных правителей. В действительности же ни в одном из источников, датируемых VIII—XII вв., ни разу не упоминаются шамхалы, уцмии, майсумы. Ни один из арабских авторов не пишет о них; более того, никто из них не пишет о назначении арабских правителей в дагестанские владения или отдельные селения (за редкими исключениями). Напротив, судя по сообщениям представителей арабской историко-географической литературы, о которых уже говорилось, арабы застают уже местных правителей, «царей», воевавших с арабами, вступивших с ними в военно-политические союзы или подчинявшихся им.

Что же касается терминов «уцмий», «шамхал», «майсум» и т. д., то с арабскими завоеваниями они никак не связаны, хотя их раннее происхождение и возможно. Впервые эти термины встречаются в текстах XIII—XIV вв.

**Распространение
ислама
в Дагестане
(первый этап)**

не могли базироваться на таком идеологическом фундаменте, как языческая религия, господствовавшая в Дагестане в

Складывавшиеся в Дагестане классовые отношения, гнет феодализирующейся верхушки должны были найти идеологическое оправдание. Новые социальные отношения

это время. Нужна была монотеистическая религия, которая, утверждая единобожие, тем самым утверждала бы незыблность власти феодальных правителей.

В. И. Ленин писал: «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «существенность» таких перспектив) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость»¹.

Распространению ислама способствовала наивная вера угнетенных народов в избавление от растущего феодального гнета. Лозунг о «равенстве» всех мусульман перед Аллахом воспринимался как признание необходимости социального равенства. Кроме того, за пределами полуострова арабы первоначально не навязывали христианскому, еврейскому или «языческому» населению свою религию насильственными методами.

Давление шло по линии экономической. Арабы предлагали или принять ислам (в этом случае им обещалось равенство прав и обязанностей с завоевателями), или подчиниться мусульманской власти и платить дань. За населением сохранялось право придерживаться старой религии при условии уплаты хараджа, т. е. поземельного налога, и джизы (подушная подать).

Народы Дагестана, как указано выше, оказали упорное сопротивление арабским войскам, однако прибрежная полоса с городами Дербент и Семендер уже с середины VIII в. оказалась под властью завоевателей. Поэтому население Дербента и Семендера и было вынуждено в первую очередь принять ислам.

Более того, с этого времени одним из основных очагов мусульманства выступает Дербент и его окрестности с арабскими колонистами. Колонистов этих, по-видимому, немало, ибо по приказу правителя Армении Йазида ас-Сулами в середине VIII в. в город вместе с войсками были направлены рабочие для строительства опорных пунктов близ Дербента.

Со слов Йакуби, благодаря вышеупомянутым мерам «мусульмане усилились и страна успокоилась». В Джидане и Табасаране в середине X в. правители были мусульманами. В се-

¹ В. И. Ленин, *Крах II Интернационала*, — Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 237.

редине X в. в силу сложившихся обстоятельств ислам приняла также часть лезгин и табасаранцев.

Однако основная часть населения Дагестана к середине X в. придерживалась старых религиозных верований. Сообщения ряда местных исторических хроник и утверждения представителей духовенства о повсеместном принятии ислама в Дагестане еще в VIII в. не имеют ничего общего с исторической правдой.

Действительно, если взять любую область Дагестана, исключая прибрежную полосу, то мы столкнемся с фактом господства в X в. первобытных верований (исключая отдельные районы с сильным влиянием христианства).

Господство первобытных религиозных представлений среди горцев в VII—X вв. документируется многочисленными данными археологических памятников средневекового Дагестана. В раннесредневековых могильниках зафиксированы явные признаки немусульманского и нехристианского обряда захоронения — ориентация костяка, наличие сопровождающего инвентаря рядом с покойником и т. д.

§ 6. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА С НАРОДАМИ КАВКАЗА И К ГО-ЮГОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В VI—X вв.

Народы Кавказа издавна установили между собой экономические, культурные и военные контакты и нередко совместно выступали против иноземных завоевателей, вели борьбу с социальным гнетом. Общность исторических судеб народов Кавказа наглядно выявляется при ближайшем изучении истории их взаимоотношений.

На первый взгляд может показаться, что история взаимоотношений между отдельными народами, в частности народами Кавказа, — это история постоянных столкновений между ними. Дело в том, что письменные источники, как правило, фиксировали не то, что постоянно имело место в обыденной жизни, а лишь те события, которые считались из ряда военных выходящими и оставляли глубокий след в памяти народа, — крупные военные столкновения, которые наряду с эпидемическими заболеваниями, стихийными бедствиями и наносили серьезный ущерб хозяйственной деятельности населения.

Действительно, многие хроники посвящены описанию военных столкновений, землетрясений, эпидемий чумы и т. д.

Разумеется, военные столкновения имели место и были даже частыми, но не они определяли характер связей между

народами. Политические взаимоотношения протекали и в иной плоскости, а экономические и культурные связи вообще возможны лишь на основе мирных отношений. Так обстояло дело и во взаимоотношениях народов Дагестана с другими народами Кавказа.

Ширван и Дагестан в VI—X вв. Исторические судьбы Ширвана и Дагестана так тесно переплетались, связи их были так неразрывны, что совершенно немыслимо изучить их историю изолированно друг от друга.

Связи Ширвана и Дагестана развивались как по линии экономической, так и по линии военно-политической и культурной. Ширван временами включал в себя не только современный Северный Азербайджан, но также Дербент и часть районов Дагестана.

О Ширване (вернее, ширваншахе) средневековые авторы впервые упоминают в связи с событиями VI в. По данным арабского историка и филолога Х в. Хамзы ал-Исфахани, царь Ирана Ануширван (531—579) построил Дербент, а в соседние области назначил «предводителей», которым подчинил определенную часть войска, предоставив их сыновьям в наследственное пользование земельные участки. Каждого из предводителей он одарил почетными одеждами, сшитыми искусными мастерами.

По рисунку на одежде получали свои титулы и правители: баграншах («царь кабана»), филашах («царь слона»), ширваншах («царь льва»). Первый ширваншах, не довольствуясь порученной ему областью, расширил свои владения, присоединив к ним Дербент.

В середине VII в. Ширван подпал под власть арабов, а Дербент стал резиденцией арабских наместников наряду с Шемахой.

В середине IX в. один из представителей новой, арабской по происхождению, династии (Мухаммед ибн Халид) получил от халифа в качестве лена икта — город Дербент (Баб ал-абваб) с зависящими от него землями.

В Дербенте вскоре обосновалась новая династия, просуществовавшая более двухсот лет. Основатель новой династии Хашим произвел в Дербенте восстановительные работы, восстановил разрушенные места, крепости, башни, продовольственный склад. Доходы с нефти и соли в Баку шли на укрепление Дербента. Ширван всячески поддерживал в это время Дербент с его газиями, одаривал жителей города деньгами и пр.

В середине X в. значительно возрастает влияние Ширвана на соседние, в частности дагестанские земли. Усиление Ширвана связано с именем правителя Ширвана Мухаммеда ибн Иазида.

Экономическое и политическое усиление Ширвана приве-

ло к тому, что некоторые дагестанские земли оказались подвластны ширваншаху. В ряде случаев сыновья ширваншаха назначались правителями соседних, но подчиненных Ширвану владений. Один из них, Хайсам, стал правителем Табасарана, который непосредственно граничил с Ширваном.

Усиление Ширвана и попытки его феодальных правителей расширить свое влияние привели к усилению столкновений с дербентскими правителями. В этой сложной обстановке оба государства старались использовать в своих интересах традиционные связи с соседними дагестанскими владениями.

Дербентские правители использовали то обстоятельство, что в ряде владений, в частности в Лакзе, имелись силы, настроенные против Ширвана, и приложили немало усилий к тому, чтобы привлечь их на свою сторону. Так, например, когда жители Дербента в 953 г. отказались от представителя дома ширваншахов, на его место стал «царь» страны Лакз Хашрама Ахмад ибн Мунабби. Правитель Табасарана (и временами Дербента) Хайтам, добивавшийся самостоятельности, нашел убежище в Лакзе.

В развернувшейся борьбе на стороне Дербента часто выступал также Табасаран. Поэтому в трудных обстоятельствах правители города прибегали к услугам жителей Табасарана.

В то же время взаимоотношения Ширвана с Сериром и рядом других владений были еще не урегулированы. Для правителей Ширвана было особенно важно наладить добрососедские и союзнические отношения с Сериром, чрезмерно усилившимся в X в. и принимавшим активное участие в политической жизни Восточного Кавказа.

Еще со второй половины IX в. взаимоотношения Ширвана и Дербента, с одной стороны, и Серира — с другой, были явно враждебны. По сообщению «Истории Ширвана и Дербенда», написанной местным автором в конце XI в., начиная с 861 г., т. е. со времени создания независимой династии, правители Ширвана неоднократно совершали походы в Дагестан против «неверных» и чаще всего против «неверных» Серира. Правитель Серира также совершил ряд нападений на Ширван и Дербент. В X в. отношения двух сильнейших государств — Ширвана и Серира — оставались враждебными, причем нередко и Дербент выступал союзником Ширвана. В 909 (или 912) г. дербентский правитель вместе с ширваншахом организовал «исламский набег» на Шандан, по шанданцы, сериры и хазары отразили это нападение, мусульмане были разбиты — и оба эмира попали в плен. Впоследствии, в 938 г., правитель Дербента повторил набег, но теперь уже совместно с кайтагцами, причем было убито «много знатных лиц Шандана».

Как видим, политические взаимоотношения Ширвана и Дагестана в IX—X вв. были напряженными. И Ширван и Дербент делали неоднократные попытки использовать дагестанские владения в своих политических интересах. Однако во многих событиях дагестанские владения играют самостоятельную роль и стараются использовать противоречия Ширвана и Дербента. С XI в. характер связей Ширвана и дагестанских владений резко меняется. Культурные и экономические факторы выступают на первый план.

Армения и Дагестан в V—X вв. Взаимоотношения народов Дагестана с народами Армении имеют глубокие корни и прослеживаются на протяжении многих веков, начиная с древнейших времен. В раннем средневековье эти связи хорошо отражены в области идеологической, в процессе распространения в Дагестане христианства.

Как известно, в IV в. господствующей религией в Армении было христианство, причем вплоть до середины VI в. армянская григорианская церковь находилась под непосредственным влиянием византийской церкви.

В Албании также господствовало христианство, и албанская церковь находилась в зависимости от армянского католикоса. Армянская церковь прилагала немало усилий, чтобы насадить христианство в соседних районах, часто преследуя при этом политические цели.

Первые попытки армянской церкви распространить христианство в районе Дербента относятся к IV в. По сведениям Фавстоса Бузанда, автора «Истории Армении», охватывающей события 315—390 гг., в стан «царя маскутов, имя которого было Санесан», был отправлен молодой епископ Григорис, который «представился маскутскому царю, повелителю многочисленных войск гуннов», и стал проповедовать христианство.

Эта попытка насадить христианство в районе Дербента не увенчалась успехом. Между тем племена северокавказских степей продолжали разорительные набеги на Закавказье, а война с Ираном требовала не только охраны северных границ, но и поддержки дагестанцев. Все это обусловливало активизацию деятельности христианских миссионеров.

Одним из факторов, благоприятствовавших деятельности миссионеров в Дагестане, было усиление политического влияния армянских царей на Южный Дагестан. Армянские князья, как пишет Егише Вардалет, охраняли от гуннов «северные врата дербентские».

Поддержка Ираном армянской церкви вызывалась политическими соображениями. Война Ирана с Византией требовала поддержки на самом Кавказе, и поэтому персидские правители стали всячески поощрять армян-монофизитов, выступавших за полное отделение от византийской церкви.

К этому времени и был создан очаг христианства в Чоге, т. е. в районе Дербента. Сведений о времени создания здесь епископата мы не имеем, но источники указывают дату его перенесения из Чоги в Партау (552 г.). Возможно, что Чога не переставал быть рассадником христианства и после перенесения епископата в Партау. Недаром католикос Виро и после указанных событий подписывается: «я, католикос Агванский, Любинский и Чоги».

Следы христианства в районе Чоги сохранились и в последующее время, вплоть до наших дней. В районе Белиджи сохранилось «армянское кладбище», остатки надгробных плит с изображением крестов и обломки крестов.

К середине VI в. относятся также попытки насаждения христианства в Северном Дагестане, в «царстве гуннов», со столицей в Варачане. Большие сдвиги в хозяйственной жизни, тяга «гуннов» к оседлой жизни были удачно учтены христианскими миссионерами. «Гуннские» племена постепенно стали втягиваться в сферу византийской политики, направленной против Сасанидов. В первой половине VI в. к ним прибыло два посольства — из Аррана и Армении — с целью склонить их на сторону Византии.

Первое посольство, возглавляемое арранским епископом Кардостом, состояло из семи священников и направилось в 537 г. к византийским пленным, находившимся у «гуннов». Послы прошли в «землю гуннов» через Южный Дагестан мимо Дербента, по горам. Через несколько лет сюда же прибыло посольство от византийского императора, «чтобы купить воинов для войны с [языческими] народами». Посол императора поддержал деятельность арранского епископа.

Впоследствии к «гуннам» прибыл армянский епископ Маркар, который построил «храм и каменное здание в их стране... совершил знамения и многих крестил». В это же время Византия отправила к «гуннам» «тридцать муллов с пшеницей, вином, маслом, льном, другими плодами и священной утварью».

В 684 г. в связи с участившимися набегами кочевых племен и в целях организации антиарабского союза на совете при албанском князе Вараз-Трдате (669—699) было решено отправить в Варачан посольство во главе с епископом Исраилем. В феврале 685 г. послы прибыли в Варачан.

В результате деятельности послов «гуннский князь» и его «лагерь» приняли христианство. Затем христианство приняли все «гунны». Были срублены священные деревья, и из них был построен огромный крест в Варачане. Были также уничтожены все капища «и погибли скверные кожи жертвенных чучел».

О дальнейшей судьбе христианства в Северном Дагестане мы не имеем сведений, однако попытки армянской церкви не

прошли бесследно. Даже в IX—X вв., при господстве домонголо-татарских верований, в Дагестане христианство mestами сохранилось. В Семендере еще в X в. был христианский храм наряду с мечетью и синагогой, причем значительная часть жителей Семендера была христианской. Христианские элементы сохранились в Кайтаге и Зирихгеране. Так, правитель Кайтага по имени Адзернарсе исповедовал все три религии: «в пятницу он молился с мусульманами, в субботу — с евреями, а в воскресенье — с христианами». В «царстве» была группа христиан, которая открыто могла заниматься проповедью.

В связи с приведенными выше сведениями из области армяно-дагестанских связей большую ценность приобретают подтверждающие их данные топонимики, а также предания, связывающие с именем армян происхождение отдельных населенных пунктов, уроцищ. В Дагестане известно значительное число раннесредневековых поселений под названием «Армянское селение», «Армянский город» или «Армянская крепость». Встречаются также «Армянская дорога», «Армянские города» и т. д.

Лингвистический материал также приводит нас в область армяно-дагестанских связей. В армянском и дагестанском языках имеется ряд общих слов, а в аварском, армянском, грузинском встречаются общие архитектурные термины.

Грузия
и Дагестан

В истории грузино-дагестанских связей можно выделить два крупных этапа: V—X вв. и XI—XV вв. На первом этапе преобладают связи военно-политические, когда в общей борьбе против иноземных завоевателей нередко приходилось объединять усилия многих кавказских народов. На втором же этапе доминируют контакты торгово-экономические и культурные.

Связи грузинского и дагестанского народов развивались и крепли в совместной борьбе со многими внешними врагами.

Со времени борьбы против Сасанидов совместные выступления грузинского и дагестанского народов носят более устойчивый характер. Народы Дагестана принимали участие вместе с грузинами и в крупном антииранском восстании, а царь Грузии Аспагур совместно с леками и овсами (осетины) поднимает мятеж против иранской власти. По призыву грузинского царя «леки» вместе с овсами и хазарами присоединились к армянскому царю в его борьбе против Хосрова Ануширвана. Впоследствии грузинский царь Гурам (570—600) выступает против персов вместе «с овсами, дурдзуками и дидойцами».

Таким образом, совместные выступления дагестанцев и других кавказских народов носят уже постоянный характер, что впоследствии способствовало развитию торгово-экономи-

ческих и культурных связей. Следует отметить, что мнение о постоянных набегах «леков» на грузинские земли в раннем средневековье лишено исторической почвы. Дагестанские археологи обнаружили на территории Дагестана, в частности горного, значительное число фортификационных сооружений — мощных укреплений и крепостей, а также укрепленных населенных пунктов, наличие которых не только обеспечивало политическую независимость населения Дагестана, но в значительной степени предотвращало набеги кочевников на плодородные закавказские земли.

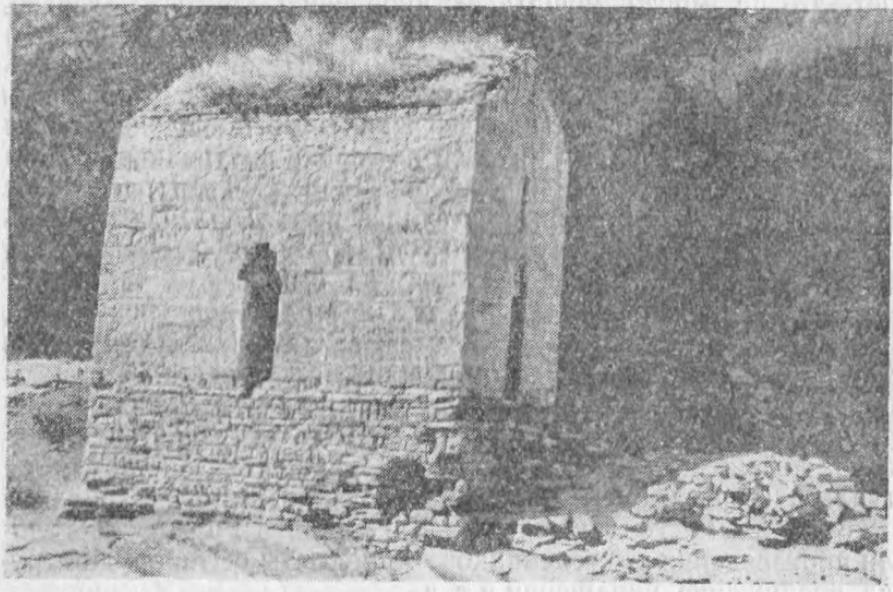
С другой стороны, борьба закавказских народов — армян, грузин, албан — против внешних завоевателей сыграла огромную роль в сохранении фактической независимости многих дагестанских владений. Хроники сохранили много ценных сообщений о совместных выступлениях народов Грузии и Дагестана против арабской экспансии. Так, в середине IX в., когда брат грузинского царя Гурам и эристав Армении обратились к горцам с просьбой не пропускать арабов, те немедленно выступили против арабского отряда и разгромили его. С другой стороны, как сообщает хроника «Дербенд-наме», аварский правитель, теснимый арабами, находит убежище в Тушетии.

Следует отметить также практику установления родственных связей между дагестанскими и грузинскими правителями, особенно заметную в IX—X вв. Обычно цель таких контактов везде однотипна: они рассчитаны на укрепление политических связей, на установление союзнических отношений не только в борьбе с внешними врагами, но и с эксплуатируемыми массами внутри собственного государства.

Как известно, в VI—Х вв. ни Дагестан, ни Грузия не знали территориального единства, оставаясь разделенными на ряд феодальных княжеств. Политическая раздробленность ограничивала политические контакты, но не могла прекратить их.

Широкие политические связи и стремление установить свою власть в западных районах Дагестана толкали грузинских феодалов к попыткам утвердить здесь христианство. Развернулась широкая миссионерская деятельность в западных районах Дагестана. В идеологической области, в частности в распространении христианства, Грузия стала играть в западных районах Дагестана такую же роль, какую играла Армения в V—VII вв. в Южном и Северном Дагестане. Царь Арчил (668—718) насиливо обращал в христианство «язычников», в том числе тушин и хунзов, т. е. аварцев. В Цукети, т. е. в Цахурском участке, им была выстроена «церковь Касри», в связи с чем активизировалась и деятельность проповедников.

В последующие века связи с Грузией усиливались. В Аварии обнаружено большое число христианских памятников —

Христианский храм X—XI вв. (Датуна, Советский район)

могильников, датируемых VIII—X вв. (близ селений Урада, Тидиб, Хунзах, Галла, Тинди, Кванада, Ругуджа). Христианские храмы обнаружены также в долине Аварского Койсу. Здесь и до настоящего времени сохранился христианский храм Датуна, датируемый концом X—первой половиной XI в.

В аварских селениях найдено также большое число крестов или их изображений на камне. Сохранились остатки «церквей». Влияние Грузии и Армении на христианизацию Дагестана действительно было огромным, и, возможно, этим объясняется, что слово «крест» почти во всех дагестанских языках обозначено армяно-грузинским *хач* (*хати*), а также наличие большого числа грузинских имен среди аварцев — Илг_Иай, Тамарой, Гъеркек_Или (Ираклий), Гандуник_И (Андроник), Кушк_Иант_И (Константин), Харит_Ион, Илишу (Елисей), Георги, Бежан и др.

Нередко грузинское население переходило на территорию Дагестана и обретало здесь вторую родину. Оседали также посаженные на землю грузинские военнопленные (к примеру, тухум «гергилал», т. е. «грузинский», — в ряде аулов). Но это не было односторонним процессом. Дагестанские народы, в частности группы аварцев, цахуров и рутулов, также находили пристанище в Восточной Грузии.

С установлением политических контактов тесно связано развитие торговых связей между двумя соседними народами. Хотя Грузию и Дагестан разделял Главный Кавказский хре-

бет, это не могло мешать установлению торговых связей. Множество перевальных путей, и прежде всего Кодорский и Бантлашенский, сближали оба народа. Немаловажную роль в экономических взаимоотношениях Дагестана и Закавказья играл приморский путь, вдоль Каспийского побережья, через Дербент связывавший с Грузией не только внутренние районы Дагестана, но и Северный Кавказ, Поволжье, Древнерусское государство. В IX—X вв. повысилась роль Дербента в торговых сношениях Древнерусского государства и Северного Кавказа с народами Закавказья.

Грузия экспорттировала в соседние области шелк, шерсть, одежду, керамические и ремесленные изделия, зерно, соль и другие товары. Многие из них попадали в Дагестан, главным образом зерно, соль, изделия ремесленников. В раннесредневековых могильниках Дагестана нередко встречается инвентарь грузинского происхождения — украшения и предметы туалета (серьги, бусы, бляхи, бронзовые и железные булавки с коралловыми головками). Из Дагестана в Грузию поступали произведения ремесленников — предметы быта, орудия труда, вооружение, украшения и т. д.

Хазарский каганат и Дагестан Взаимоотношения Хазарского каганата и раннефеодальных политических образований Дагестана не были до сих пор исследованы прежде всего потому, что доступный исследователям материал не давал возможности подробно остановиться на этом вопросе. Сохранились лишь самые отрывочные сведения о связях, которые несомненно имели место в очень больших масштабах.

Выше уже было указано, что Хазарский каганат включил в себя дагестанское «царство гуннов», а столица каганата была расположена на месте, откуда легко было установить связи с внутренним Дагестаном. Что касается территории горного Дагестана, то она, не входя в состав каганата, имела тем не менее большое значение в его экономической жизни, так как по этой территории шел один из путей, соединявших хазар с Закавказьем.

Взаимоотношения между Хазарией и дагестанскими владениями складывались, как правило, на основе взаимного признания независимости. Обзор политических событий VII—X вв. на Восточном Кавказе позволяет говорить о том, что раннефеодальные политические образования в Дагестане все более усиливались и в большинстве своем вели самостоятельную политику.

Имеется одно любопытное известие о взаимоотношениях каганата и дагестанских владений, в частности о податях,носимых последними хазарскому хакану. Хазарский хакан Иосиф в своем ответном письме Хасдаю ибн Шафруту, еврейскому сановнику при дворе испанских халифов, писал в

Х в.: «...с южной стороны живут 15 народов многочисленных и сильных, которым нет счета, до Баб ал-абваба. Они проживают в горах. Все жители Баса и Т.н.т до (самого) моря Константина, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань».

Пространная редакция этого письма среди городов и стран, плативших хакану дань, называет также Семендер, Сриди (отождествляемый с Сериром) и др.

Никаких других сведений, подтверждающих эту версию, пока еще неизвестно. Ни одна из дагестанских хроник, ни один из арабских авторов, насколько нам известно, не сообщает о дани, которую горцы вносили хазарскому правительству в X в. Поэтому указанное сообщение можно расценить как один из приемов, подсказанных стремлением возвеличить каганат в глазах испанского единоверца, или как анахронизм, связанный хронологически со временем возникновения Хазарского каганата, когда влияние хазар было более сильным, чем в X в.

В подтверждение можно привести сообщение грузинской хроники «Картлис-Цховреба», относящееся ко времени возникновения каганата: «...хазары, став могущественными, стали воевать против племен Лек и Кавказ, с их правителем Дурдзуком, сыном Тирета», который «платил дань царю хазар». Последующие же события подсказывают, что дагестанские владения добились полной независимости от хазар, то вступая с ними в мирные связи и военно-политические союзы, то небезуспешно воюя с ними.

Хазарам нередко приходилось сталкиваться со своими непосредственными соседями, что нашло отражение в письме неизвестного хазарского еврея X в. (Кембриджский аноним), называвшего Баб ал-абваб среди «народов», «воевавших с ними». Об этом же говорит сообщение Исхака ибн ал-Хусейна, автора географического комpendиума «Книга холмов из кораллов», о том, что хазары воюют с тюрками, а жители Серира нападают на них.

Помимо сообщений грузинских хроник о столкновении «левков», т. е. дагестанцев, с хазарами (примерно в VII в.) рассказывают также и местные хроники, рисующие ожесточенную борьбу против хазарской агрессии. Местная хроника «Ахты-наме» констатирует, что хазары, будучи в Ширване, поселили своего военачальника Самсама в южнодагестанском селении Микрах у р. Самур, построив также новый город на этой же реке. Отсюда хазары двинулись в глубь гор и дошли до крупного, укрепленного аула Ахты. Осада аула длилась десять лет. Здесь хазары потерпели поражение от объединенных войск «эмиров Тарсы, Рутула, Джиныха и Руфука».

Названные здесь аулы долгое время оставались в союзе, помогая друг другу в борьбе с внешними врагами. Когда че-

рез 15 лет после описанных событий, продолжает хроника, хазары возобновили поход в глубь гор, захватили «города Тарсы», учинив расправу над населением, правитель аула Ахты обращается за помощью к дербентскому правителью. Последний, добавляет другая местная хроника, известная под названием «История Абу Муслима», направил в помощь лезгинским аулам своего военачальника Сейф ад-Дина, который вынудил хазарского ставленника бежать из Микраха вместе со своими приближенными.

Эти сведения о борьбе против хазарской власти взяты из двух местных исторических хроник, дошедших до нас в поздней и отрывочной передаче. Вполне возможно поэтому наличие здесь фактических неточностей, вымыщенных имен, поздних вставок. Однако ряд сведений указанных хроник находит подтверждение в других источниках, в частности, перекликается с описаниями арабских авторов, рассказывающих о хазарах и их действиях на Кавказе. Так, сведения «Ахтынаме» о хазарах на р. Самур находят в известной степени подтверждение в сообщении Балазури о том, что арабский полководец Мерван разбил хазар, а затем поселил часть их «между Самуром и Шабираном, на равнине в области Лакз».

Однако столкновения между каганатом и дагестанскими владениями не были обычным явлением. В их взаимоотношениях не меньшее место занимали связи мирные или союзнические. В войне с арабами дагестанцы, как правило, стояли на стороне хазар, и этим отчасти объясняется стремление ряда дореволюционных и современных авторов изобразить события VII—IX вв. на Восточном Кавказе как столкновения только хазар и арабов. Обычным стал даже термин «арабо-хазарская война». Часто дагестанцы, выступавшие против арабов, подпадали под этот общий термин. Роль хазар в борьбе с арабской агрессией огромна, и совместные выступления против арабских войск отвечали интересам как Хазарии, так и дагестанских владений.

Известно, что Хазарский каганат покровительствовал торговле, так как государственная казна во многом зависела от торговых пошлин. Хазарские правители «создали упорядоченную обстановку в нижнем течении Волги, и для евреев, христиан и мусульман открылись возможности поселяться в стране по своему усмотрению... Арабские купцы завязывали регулярные связи с районами к северу от Каспийского моря, и Итиль, столица хазар, лежащая в устье Волги, стала общей целью их морских и сухопутных караванов», — писал Хейд, автор капитальной монографии о восточной торговле. В эту обширную торговлю был втянут и Дагестан. Внутренние районы Дагестана, по сведениям арабов, были связаны торговыми операциями со многими странами, причем Дербент служил складочным пунктом для их товаров. Наиболее широкие

возможности в торговле Дагестана с хазарами открылись в IX — первой половине X в., когда арабская экспансия была остановлена, а со многими дагестанскими феодальными владениями (в частности, Сериром, Гумиком) были заключены каганом мирные соглашения.

Связи Дагестана с Хазарией привлекают внимание еще в одном аспекте. При изучении вопроса об иудаизации хазарской социальной верхушки нельзя не иметь в виду горских евреев, издавна живущих на Кавказе, в частности в Дагестане. Если обратимся к упоминавшейся выше еврейско-хазарской переписке X в., то найдем там косвенное подтверждение этому в сообщении о том, что место, где жили раньше хазарские евреи, называлось «гора Сеир».

Народы Дагестана и аланы Ираноязычные аланские племена, теснимые гуннскими полчищами, проникли на Кавказ еще в первых веках нашей эры и сыграли значительную роль в генезисе ряда северокавказских племен, в их исторических судьбах. Значение аланских элементов в формировании культуры северокавказских племен было настолько значительным, что раннесредневековая культура племен Северного Кавказа именуется аланской. Хронологически аланская культура охватывает IV—XIII вв., т. е. период от нашествия гуннов до похода татаро-монгольских войск в 1223 г. На территории аланской культуры впоследствии сложились национальные культуры осетин, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, ингушей, чеченцев.

Находясь в непосредственном соседстве с дагестанскими племенами, аланы поддерживали с ними политические и экономические контакты. Взаимоотношения между аланским миром и Дагестаном были обычно добрососедскими. В X в. уже имеют место династические связи. Царь алан, один из наиболее сильных владетелей Кавказа, вошел в родство с царем Серира, женившись на его дочери. Усиление этих связей к IX—X вв. связано с ростом значения знаменитого северокавказского торгового пути, по которому осуществлялись регулярные связи между многими странами.

Путь этот проходил от Севастополиса (Сухуми) через Клухорский перевал и р. Кубань в глубь Кавказа — к Центральному Кавказу и Каспийскому морю. Известно, что аланские купцы развернули обширную торговую деятельность и были известны не только в Крыму и на Кавказе, но также и в различных странах восточного мира — в Хорезме и Египте.

Культурное и этническое взаимовлияние нашло отражение в ряде археологических памятников, обнаруженных на территории Дагестана, точнее равнинного Дагестана. Известно, что аланские племена были носителями так называемой катакомбной культуры. Подобные памятники обнаружены и в Дагестане. Близ Дербента, на плато Паласа-Сырт, расположено

огромный курганный могильник с катакомбными захоронениями. Катакомбы датируются IV—VII вв. Многочисленные катакомбы обнаружены также в числе погребений Верхнечиртовского могильника, относящегося к V—VII вв. В ряде могильников прослеживается деформация черепа, т. е. искусственное удлинение головы человека в младенческом возрасте, — обычай, существовавший у соседних аланских племен. В Бавтугае, на р. Сулак и близ Аркаса (Буйнакский район) также обнаружены катакомбы.

В некоторых деталях погребального обряда (употребление в погребениях в качестве подсыпки мела или древесного угля, захоронение частей конской туши), в формах керамики и погребального инвентаря также прослеживается аланская влияние. Таким образом, на полосе, примыкающей к Каспийскому морю, найдено три памятника, и в предгорье — один, в которых нашло отражение влияние аланских племен.

Указанные памятники свидетельствуют о проникновении носителей аланской культуры в Дагестан, в частности в раннесредневековые города, для которых пестрый этнический состав был характерным явлением.

Древнерусское государство и Дагестан

Взаимоотношения народов Дагестана с русами, с Древнерусским государством — одна из интересных и сложных страниц истории внешних связей Восточного Кавказа.

Русско-дагестанские отношения имеют многовековую историю и восходят к периоду образования Древнерусского государства. Самое раннее известие о славянах (саклабах) в восточной литературе относится к концу VII в., — это короткое упоминание в известной «Книге песен» о наружности славян. С конца VII в. славянское население известно в Сирии. В Хазарии славянское население было не малочисленным, если учесть, что ряд восточнославянских племен платил в свое время дань хазарскому хакану. В результате похода Мервана (737 г.) большое число славян было насильственно переселено с Нижнего Поволжья на Кавказ. Проникновение славянских элементов на Северный Кавказ продолжалось и в последующее время. «В горах также есть племя славян», — писал в X в. Хамадани, арабский географ и историк.

Славянское население Юго-Восточной Европы несомненно было связано торговлей с западным побережьем Каспийского моря, значение которого начиная с VII в. росло все более и более.

Торговые сношения славян с Востоком уже с конца VII в. принимают более или менее регулярный характер. На территории России найдено значительное число монетных кладов, и их расположение характеризует пути, по которым шла торговля Восточной Европы со странами Ближнего Востока. Археологические работы в прибалтийских районах показали,

что в VII в. связи этих районов шли только в сторону бассейна Волги и Каспийского моря, с Византией же и Черным морем никаких контактов не было. Западное побережье Каспийского моря с двумя замечательными портовыми городами — Дербентом и Семендером — было, таким образом, средоточием оживленной торговой жизни.

Уже к концу IX в. русы-купцы были хорошо известны не только на берегах Каспийского моря, но даже в столице халифата, где их с товарами ожидали как дорогих заморских гостей.

В Хазарию из Булгарии, Руси, Киева попадали хлеб, мед, воск; Азербайджан, Джурджан, Табаристан доставляли ткани; богатые материи для знати и багряницы для халифа шли из Константинополя; кольчуги, каски и вооружение получали, вероятно, из Кубачей. Ближний Восток доставлял шелковые, шерстяные и бумажные товары, вино, плоды и пряности. От славян же на Кавказ, в восточные страны шли дорогие меха, рогатый скот, мед, воск, дерево, зерно, цветные металлы, мечи, латы, стрелы. Особую статью дохода русских купцов составляли невольники и невольницы. Все эти товары шли через Дербент.

Автор составленного в конце X в. библиографического труда «Фихрист» Ибн Исхак ан-Недим рассказывает о после, отправленном к «королю русских одним из кавказских владетелей». Так как дагестанские владения в X в. были одними из наиболее значительных на Восточном Кавказе, наиболее близкими территориально, более всех из горных районов связанными экономически с Восточной Европой, то можно предположить, что «одним из кавказских владетелей» является дагестанский правитель. Местная хроника «Тарихи Дагестан» дает сведения, возможно несколько преувеличенные, которые позволяют говорить о политических контактах. Когда жители Дагестана, пишет хроника, узнали о наступлении арабов, «то все их неверные собрались вместе, сопровождаемые войсками Рус, которые всегда поровну делили с ними добро и зло».

Таким образом, торгово-экономические, военно-политические связи имели к концу IX — началу X в., т. е. ко времени известных походов русов на западное побережье Каспийского моря, свою историю. Судя по тому, с какой легкостью предпринимали древние русы свои неоднократные походы в далекие прикаспийские страны, надо полагать, что они еще и до этих походов были знакомы с Северным Кавказом.

Как известно, монеты, выпускаемые халифами и амирами, как правило, имели хождение только в продолжение правления того властителя, от имени которого они чеканились. Новый правитель немедленно переплавлял монеты своего предшественника. Монеты эти могут, следовательно, точно дати-

ровать периоды оживления, падения или же прекращения торговых операций. На территории бывшего Болгарского княжества были найдены в 1840 г. около 460 куфических монет, и ни одна из них не была чеканена после похода русов на Кавказ в 913 г. Если древнейшая из найденных в России монет чеканена в конце VII в., то позднейшая относится к самому началу XI в. «Европейско-азиатская торговля» в начале XI в. прекратилась. Это было следствием «серебряного кризиса», охватившего весь Ближний Восток.

Взаимоотношения славян с восточнокавказским миром в X в. приняли иную форму. Экономические и культурные связи отступили на второй план. Военный фактор стал преобладающим.

В X—XI вв. русы стали играть активную роль в жизни Восточного Кавказа. Известен ряд походов на южное побережье Каспия в конце IX—начале X в. Наиболее известны походы 913 и 943 гг. В походе 913 г. русы грабили имущество, уничтожали и жгли дома в Южном Прикаспии и Азербайджане. Поход 943 г. отличен по своему характеру от предыдущего. Здесь русы выступали с требованием признания их власти. В походе 943—944 гг. на Бердаа принимали участие дагестанские племена. В сирийской хронике XIII в. они названы «лезги». Русы пошли вдоль побережья Каспийского моря, овладели Дербентом, ворвались в Азербайджан.

Древнерусское государство представляло в X в. внушительную силу, и хазарский каган писал, что он охраняет устье Волги и не пускает русов «идти на исмаильян, и (точно так же) всех врагов (их) на суще приходить к „Воротам“, потому что в противном случае они уничтожили бы всю страну исмаильян до Багдада». Опасностью со стороны русов объясняется укрепление дербентского мола в X в.

Древнерусское государство сыграло решающую роль в разгроме Хазарского каганата. В 965 г. русы захватили Саркел (Белую Вежу), Итиль и Семендер и разрушили их до основания. Жители рассеялись, основная часть их ушла на юг, в район Дербента. Жизнь в самом Семендере захирела, и о нем мы уже не имеем больше сведений. «Если там был виноградник, то плоды его сделались милостыней для бедных, разве что бог там позволил снова расцвести (голому) стволу... Все это погибло вместе с городом», — писал в X в. Ибн Хаукалъ в своей «Книге путей и стран».

После разгрома Хазарского каганата отдельные группы русов, вероятно, оставались в Северном Дагестане долгое время, и эта территория служила трамплином для их походов или связей со странами Восточного Кавказа, с соседними дагестанскими владениями. В 987 г. русы опять вмешались в дела Дербента. Правитель города, вступив в конфликт с городской знатью (раисы), тайно связался с русами, кото-

рые не преминули подплыть к городу. Однако жители Дербента перебили тех, кто высадился, и суда вынуждены были уйти к устью Куры. В 989 г. этот же эмир имел своего рода дружины или отряд телохранителей из русов, значительный по количеству.

Таким образом, после разгрома Хазарского каганата русы стали принимать активное участие в политической жизни Восточного Кавказа. Военное вмешательство происходило, как правило, в районе Дербента и Ширвана. Цель похода — захват добычи, хотя и бывали случаи вмешательства во внутренние распри по просьбе правителя или той или иной группировки. Взаимоотношения с внутренними районами Дагестана не носили характера острых конфликтов, что видно из факта участия «лезгин» в походе 943 г. или же участия алан в выступлении 1033 г.

С разгромом Хазарского каганата для восточных стран открылись перспективы непосредственных контактов с Древнерусским государством, дальнейшего развития торговли с Русью. Однако захват половцами южнорусских степей и нашестье сельджуков, а затем монгольских орд на Русь и Закавказье задержали этот процесс.

ГЛАВА VII

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (XI—XV вв.)

§ 1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА

Земледелие и скотоводство В экономической жизни Дагестана описываемого периода ведущее место продолжают занимать земледелие и скотоводство.

В прибрежном и Северном Дагестане, а также во многих районах внутреннего Дагестана были наиболее благоприятные условия для развития полеводства и садоводства. К числу особенно распространенных сельскохозяйственных культур принадлежали пшеница, ячмень, рис. Широко было представлено виноградарство, мареноводство, шелководство, овощные культуры.

Из садовых культур наиболее распространены яблоки, вишня, айва, абрикос, груша, слива, грецкий орех. На равнинах, а также частично в горах, применялось искусственное орошение. Более широкое применение получила водяная мельница.

Будучи одним из очагов древнейшего высокогорного земледелия, существующего здесь много столетий и характеризующегося особыми эндемическими сортами ячменя, пшеницы, льна и бобов, Дагестан дал преимущественно неполивные культуры. Голозерные крупноколосные, крупнозерные ячмени горного Дагестана отличаются своими высокими качествами и продуктивностью. Столетия упорного труда по обработке земли, по выведению в различных высокогорных очагах земледелия местных сортов выработали оригинальный и поучительный агротехнический опыт, в частности создали интенсивную террасовую культуру, которая сочеталась с идеальным использованием рельефа, с обработкой каждого клоука, пригодного для земледелия.

В XI—XV вв. прослеживаются существенные изменения в хозяйственной деятельности населения. В горных районах Дагестана значительно усиливается животноводческое направ-

ление. Равнинные и предгорные районы специализируются на производстве зерна. В горных районах в связи с акцентированием внимания на развитии животноводства, в частности тварного, население оставляет многочисленные горные террасы, пашенное земледелие отступает на задний план.

Развитие ремесла, специализация производств Вместе с земледелием и скотоводством дальнейшее развитие получило ремесло, в частности такие его отрасли, как обработка металла, оружейное и кузнечное дело, медночеканное производство, ковроделие, войлочное и бурочное производство. На этой базе происходит процесс огромной важности — специализация производств в отдельных районах и аулах. В этот период быстро развиваются художественные промыслы, в связи с чем такие населенные пункты, как даргинские селения Кубачи, Харбук, лезгинские селения Микрах, Испик, лакские — Кумух, Балхар, аварские — Гоцатль, Хунзах, кумыкское — Эндрей, превращаются в большие промысловые центры.

В ряде аварских районов широкое распространение получило производство безворсовых ковров и сумахов. Многие аварские и лакские селения (Гоцатль и др.) славились медночеканным производством, а также выделкой оружия и ювелирными изделиями. Аварцы и лакцы изготавливали медную чеканную утварь почти для всех народов Дагестана. Лакское селение Балхар давало превосходную керамику, а лезгины — столовую поливную керамику. Даргинцы славились выделкой оружия. Кубачинское оружие, литые котлы и светильники были известны далеко за пределами Дагестана. Многие южно-дагестанские селения специализировались на изготовлении ковров и сумахов. Когда дагестанская хроника «Тарихи Дагестан» (XIV в.) указывает, что в пользу шамхала ежегодно взималось с жителей деревни Аиди 8 штук шерстяной ткани, а с жителей Кубачей «30(мер) пороху» и т. д., — в этом можно усмотреть отражение огромных сдвигов в сторону специализации производства.

Ряд аулов специализировался на производстве военного снаряжения, пользовавшегося в условиях борьбы Дагестана с внешними силами исключительным спросом. Еще в XII в., со слов путешественника Абу Хамида ал-Гарнати, «жители двух аулов, называемые зирихгеран, изготавливают все виды военного снаряжения: панцири, латы, шлемы, мечи, копья, луки, стрелы, кинжалы и различные виды медных изделий»; по данным арабского космографа XIII в. ал-Казвини — жители рутульского селения Шиназ были искусны в изготовлении «панцирей разного рода и других видов оружия». Очевидно, существовали и другие центры производства военного снаряжения.

Успехи в ремесле хорошо прослеживаются в строитель-

Аул Кубачи

ном деле. Надписи рассматриваемого периода, строительная терминология свидетельствуют о том, что указанное время характеризуется оживлением строительного дела, ростом профессионального мастерства строителей. Большое число датированных и недатированных строительных надписей и обязательное упоминание имени того, кто «построил здание», а также того, кто «написал» текст, дают право говорить о наличии в XI—XV вв. профессиональных мастеров-зодчих и мастеров архитектурно-декоративных работ.

Для надписей выработался обычный трафарет: сообщения о строительстве мечети, здания, крепости, имя строителя, имя того, кто приказал строить, имя резчика-калиграфа. Однако обычно текст редко содержит все эти шесть элементов.

Дальнейшее развитие ремесленного производства, его усовершенствование привели к окончательному отделению ремесла от земледелия. Ал-Гарнати так и пишет о жителях Зирихгерана: «Жёны их, дети их, дочери их, слуги и служанки их — все они заняты в производстве этих изделий, и нет у них обрабатываемых земель (пашен) и садов». Отделение ремесла от земледелия дало дальнейший толчок развитию ремесленного производства.

Как мы видим, ремесленное производство было присуще не только городам в полном смысле слова. В силу господства натурального хозяйства каждый дагестанский аул знал ремесленное производство, а центры политических образований или крупные аулы в союзах сельских общин превращались постепенно в центры экономической жизни. Такие древние аулы, как Хунзах, Караб, Урада, Цахур, Рутул, Ахты, Тпиг, Ку-

Арабская строительная надпись XII—XIII вв.

мух, Калакорейш, Харбук, Аиди, Хучни, Чирах и др., стали центрами торговой и хозяйственной жизни.

Образование крупных населенных пунктов и развитие торговли Сдвиги в экономической жизни народов Дагестана нашли также отражение в процессе образования крупных населенных пунктов.

У всех дагестанских народов сохранились предания относительно отдельных крупных населенных пунктов, образовавшихся при слиянии пяти-семи аулов.

Объединение ряда мелких аулов вокруг одного, т. е. образование крупных населенных пунктов, — процесс огромной важности. Складывается центр, вокруг которого ориентировались другие населенные пункты. Объединение нескольких населенных пунктов вокруг одного еще более возвышало значение территориальности общины. Укрепление населенных пунктов имело место как в феодальных образованиях, так и в союзах сельских общин. При этом в союзах сельских общин немаловажную роль играл военный фактор и стремление оградить общину от притязаний феодальных правителей.

Усилившийся процесс специализации производства привел к значительному оживлению рыночных связей. Во многих населенных пунктах возникают рынки, работавшие регулярно. Дагестанские селения поддерживали между собой постоянные торговые контакты. Еще в XIV в. балхарские гончары поставляли свои изделия почти во все дагестанские аулы и в Северный Азербайджан. Остатки характерных балхарских чаш XIII—XIV вв. найдены близ Дербента и сел. Испик Ку-

бинского района, а лезгинская бирюзовая керамика XIII—XIV вв. получила широкое распространение в нагорном Дагестане. Образцы этой керамики найдены в старых крепостях Аркас, Капчугай, у Ботлиха, в аварских селениях Кудали, Чох, Ругуджа, в лакском селении Балхар, даргинских селениях Кубачи, Калакорейш.

О развитии регулярных торговых связей между отдельными районами Дагестана свидетельствует также наличие твердо установленных мер длины и сыпучих тел у всех народов Дагестана. Внутренняя торговля осуществлялась в основном путем обмена.

В экономической жизни Дагестана большое значение имели и внешние торговые связи с Северным Кавказом, Восточной Европой, странами Ближнего Востока и Закавказья. Связи дагестанцев со своими ближайшими соседями — азербайджанцами, армянами, грузинами, чеченцами, ингушами, кабардинцами и др. — были уже регулярными. Многочисленные находки монет и монетных кладов в районе Дербента — свидетельство оживленных торговых связей Дагестана с соседними странами, в частности с Ширваном и Ираном.

В истории Дербента XV в. мы сталкиваемся с интересным фактом: еще свежи следы монгольских разрушений, население города сократилось чамного, и все же торговое значение города не падает. Амвросий Контарини (XV в.) писал, что «со стороны моря все почти здания разрушены», что «едва ли шестая часть всякого пространства, находящегося под горою, по направлению к цитадели, населена»; и в то же время дербентские купцы едут в Цитрахань с сорочинским пшеном, шелковыми тканями и другими мелкими товарами для «промена оных русским и татарам на меха и иные предметы, требуемые в Дербенте». В городе имелись владельцы судов, идущих в Цитрахань. Рыбий жир, приготовлявшийся в городе и употреблявшийся для освещения, а также для натирания верблюдов, развозили в большом количестве «по всем окрестным землям». Сохранение торгового значения при огромных разрушениях и сокращении числа жителей города объясняется усилением волжско-каспийской торговли и исключительно земледельческим характером хозяйства, способного к быстрому восстановлению.

Кроме торгового пути через Дербент (по Каспийскому морю и прибрежной полосе) торговля осуществлялась в значительной степени и через внутренний Дагестан. Здесь проходил важнейший стратегического и торгового значения путь по линии р. Самур — Курах — Кумух — Чох — Гидатль — р. Андийское Койсу — Чечня. Этот путь, метко названный «великим путем народов», имел огромное значение в хозяйственной жизни внутреннего Дагестана. По нему горцы поддерживали регулярные связи с Северным Кавказом и Азер-

байджаном. Связи же с Грузией осуществлялись через Ванташенский и Кодорский перевалы. Путь через Аварию был хорошо известен, и им пользовались в международной практике в тех случаях, когда проход через Дербент был недоступен по тем или иным политическим причинам.

Дагестан был втянут, таким образом, в круговорот широкоразвитых товарных отношений. Земледельческие и скотоводческие районы горцев несомненно оказались заинтересованными в торговых операциях, и это в свою очередь не могло не влиять на хозяйственную жизнь дагестанских владений и обществ.

§ 2. ФЕОДАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ДАГЕСТАНА

В XI—XV вв. продолжается процесс дальнейшего укрепления ряда феодальных владений на территории Дагестана. Теперь государственные и этнические границы в ряде случаев уже не совпадают, как это имело место в предыдущий период. Дербент включал в свои владения также лезгинские аулы, Кумух — кумыкские, Кайтаг — кумыкские и лезгинские. Общая тенденция этого процесса заключалась в неравномерности политического развития этих маленьких «государств». Ряд феодальных владений заметно усилился. К XV в. наиболее влиятельными и сильными владениями в Дагестане стали Казикумухское шамхальство, Аварское ханство, Кайтагское уцмийство и Дербентский эмирят. К этому времени усиливается Табасаран, появляется Цахурское султанство. В то же время лезгинские земли, Зирихгеран (впоследствии Кубачи) значительно ослабевают, а Шандан, Фilan, Караг еще с XI—XII вв. теряют свою самостоятельность. Централизация политической власти в одних владениях сопровождается политической раздробленностью других.

Дербентский эмирят Дербент и прилегающие к нему земли, т. е. небольшая часть Юго-Восточного Дагестана, до середины XII в. находились сначала в составе Ширвана, а затем — в вассальной зависимости от сельджуков Ирана. С середины XII и до начала XIII в. Дербент существовал как самостоятельное владение, независимый эмирят.

Дербентский эмирят сыграл немаловажную роль в политической и экономической жизни Дагестана.

Границы Дербентского эмирата на севере и западе не выходили за пределы города, а к югу он простирался на несколько десятков километров, охватывая часть земель Ширвана. Однако Дербентский эмирят просуществовал недолго: в 1239 г. он вошел в состав Золотой Орды, а с образованием государства Хулагидов продолжал, очевидно, оставаться в

его составе вплоть до его распада на отдельные феодальные владения в середине XIV в.

С образованием четвертой, так называемой Дербентской, династии правителей (1382—1550), начавшейся с правления шейха Ибрахима I Дербенди, значение города усилилось, он стал наряду с Шемахой центром Ширвана. Преемники Ибрахима I Дербенди добиваются полной самостоятельности и чеканят свою собственную монету.

В XVI в. Дербент оказался в руках персидских войск, кызылбашей и стал подчиняться непосредственно сефевидскому наместнику Ширвана. Вместе с окружающими его землями он составлял один из семи «улька» Ширвана. Город управлялся хакимом, назначенным шахом. Правителям Дербента подчинялось много близлежащих селений.

**Аварское
нуцальство** Территория Серира значительно расширилась. Если авторы IX в. понимали под наименованием Серир территорию современной Аварии, то арабские и арабоязычные историки и географы, писавшие в X—XIII вв., под этим названием начинают подразумевать территорию, превышающую размеры собственно Аварии.

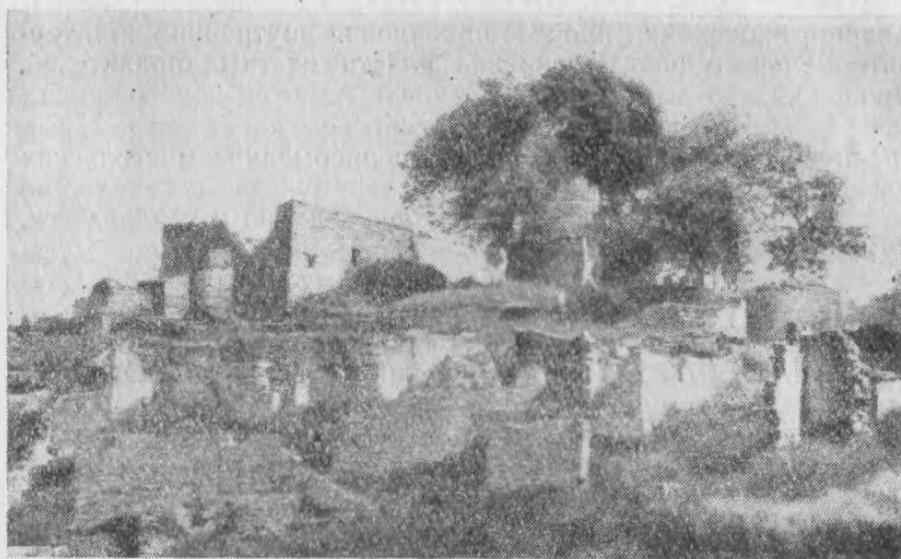
Авария активно вмешивается во внутреннюю жизнь Дербента, Ширвана, заключает соглашения с другими кавказскими владениями; усиливается власть правителя Аварии. Он вступает в родственные связи со многими правителями Кавказа. В XI—XII вв. среди дагестанских владений Серир и Кайтаг выступают как наиболее активная сила.

Один из значительных населенных пунктов Дагестана, Хунзах, становится главным центром Аварии. Этим и можно объяснить попытку этимологизировать Хунзах через «Хан-забах» («место пребывания ханов»).

Не случайно поэтому дагестанские хроники часто упоминают Хунзах. В одной из них, под 654 г. (1256) записано, что после смерти Абдул-Муслима, «имама Аварии», «на его место стал амир Хунзаха из рода Сураката, и в руках его остался султанат, и был многочисленным его род... Все амиры Хунзаха из рода Сураката...».

В XIV—XV вв. Аварское нуцальство (в позднейших документах — ханство) еще более усиливается.

Обнаруженное недавно «Завещание Андуника», датируемое 1485 г., дает очень наглядное представление о границах Аварии: «Обрати внимание на границы земель, которыми владели твои предки, и управляй так, как они управляли. Первая граница со стороны запада — это Миясугатан («часовня Миясу»), вторая — со стороны Востока, из средины аула Гоцатль, третья — со стороны юга, от Хучада до Голотлинского моста, четвертая — со стороны севера от Салагоры до Таргу».

Развалины Калакорейша, столицы Кайтагского уцмийства

**Казикумухское
шамхальство
и Кайтагское
уцмийство**

Усиливается также Казикумухское шамхальство с сел. Кумух, или Казикумух, и Кайтагское уцмийство.

В обоих этих феодальных владениях происходит процесс накопления внутренних сил, рост территории, усиление власти местных правителей.

Столицей уцмийства было селение Калакорейш. Здесь сохранилось «уцмийское кладбище», а внутри мечети расположена могила Ах.с.б.р., сына Хиздана, «владельца Калакорейша», палеографически относимая к XI—XIII вв. Это самое раннее известие о калакорейских правителях; возможно, имеется в виду предок кайтагских уцмииев. К XIII в. Кайтагское уцмийство усиливается, расширяется его территория за счет Шандана и Уркараха.

Время наибольшего расцвета Кайтагского уцмийства — XIV—XV вв. Согласно сведениям, извлеченным из коллекции кайтагских рукописей, потомки уцмия Султан-Мухаммед-хана управляли крепостями в Докуз-паре, Табасаране и находились в родственных связях с правителями Ширвана. Одно время правитель Кайтага распоряжался землями вплоть до Тарков. К концу XIV в., после похода Тимура, под влияние Кайтага подпал и Зирихгеран.

Резиденция уцмииев, находившаяся в Калакорейше, а затем в Уркарахе, в XIV в. переносится в Маджалис, подчеркивая тем самым претензии кайтагских уцмииев на равнинные земли.

В Казикумухском шамхальстве так же, как в Кайтаге и Аварии, происходил процесс накопления внутренних сил, территориального роста, усиления власти местных правителей. Продолжалось это до 1240 г., когда монгольские полчища разгромили Кумух, столицу владения, истребили род местных правителей, заменив его новым. Но пребывание монгольских войск было кратковременным, и Казикумухское шамхальство не только восстанавливает свое положение, но и усиливается. Кумух становится не только политическим и экономическим центром шамхальства, но и форпостом мусульманства в лакских и соседних землях, в частности аварских.

В конце XIV в. власть казикумухских владетелей еще более усиливается. Шамхал казикумухский поддерживал «грозного завоевателя» Тимура во время его похода в Дагестан. Тимур богато одарил его, сохранил за ним власть и владения, а казикумухские феодалы закрепили за собою земельные участки.

В XV в. влияние шамхальства на политическую жизнь соседних земель, особенно южнодагестанских, возрастает. В обнаруженной недавно так называемой «Хронике Абд ал-Хайя» дается довольно подробное описание взаимоотношений селений Хурюг, Рутул, Ахты и той роли, которую сыграл шамхал в улаживании конфликта между аулами. Особенно характерно то, что в документе шамхал назван «вали Дагестана».

Прибрежная полоса, занятая кумыками, также оказалась под властью казикумухских и кайтагских феодалов. В раннесредневековых источниках нет никаких сведений о кумыках, хотя к XIII в. сложилось основное ядро кумыкского народа и устанавливается экономическая, политическая и языковая общность на территории Кумыкской равнины.

Отсутствие сведений о кумыках можно объяснить отчасти тем, что территория эта, постоянно подвергавшаяся иноземному нашествию, была в сфере политического влияния Дешт-и Кипчак, а затем Золотой Орды. Таким образом, кумыки, сложившись в народность, не успели создать самостоятельную государственность. Прослеживается это и в последующее время, т. е. в XIV—XVI вв., когда два сравнительно крупных феодальных образования — Казикумухское шамхальство и Кайтагское уцмийство включили кумыков в рамки своих государств.

Зирихгеран Если в IX—X вв. Зирихгеран называют «царством», то в XII в. это уже просто «селение», по описанию ал-Гарнати. Это можно объяснить или тем, что часть земель Зирихгерана была захвачена другими владельцами (например, правителем Кайтага), или же процессом слияния отдельных населенных пунктов в более крупные. Для XI—XIII вв. наиболее приемлемо второе положение, ибо самостоятельное существование Зирихгерана про-

Сел. Рича. Остатки мечети, разрушенной монголами в XIII в.
(минарет реставрирован в XVII в.)

слеживается еще в конце XIV в. Зирихгеран представлял еще сильную политическую единицу: в середине XII в. жители Зирихгерана оказали достойное сопротивление правителю Дербента, с большим войском задумавшего подчинить Зирихгеран. В конце XIV — начале XV в. Зирихгеран подпал под влияние Кайтага.

Лакз, Табасаран У арабских авторов под названием «Лакз» подразумевается, как и раньше, район расселения представителей лезгинской группы языков (кроме табасаранцев). Йакут о Лакзе оставил следующее характерное описание: «...страна ал-Лакз, они народ многочисленный... (у них) деревни благоустроенные и районы многочисленные».

Создается впечатление, что Лакз был единой территорией с единым центром. Однако привлечение эпиграфического материала показывает, что в XIII—XV вв. Южный Дагестан уже не знает политического единства. В итоге политической раздробленности территории Лакза такие населенные пункты, как Ахты, Цахур, Рутул, Курах, Хив, Тпиг, Хнов, стали центрами самостоятельных союзов сельских общин.

Среди «главных городов» Лакза в XIII в. называется сел. Цахур. В конце XV в. значение Цахура усиливается. Он становится центром Цахурского султанства, включившего ряд цахурских и азербайджанских сел и принимавшего деятельное участие в политической жизни Дагестана и Азербайджана.

На примере Цахура можно наглядно проследить, как союз сельских общин постепенно теряет свою самостоятельность и превращается в феодальное владение. В середине XIII в. о Цахуре записано, что «нет главаря» у них. Проходит более века, процесс феодализации отражается в источниках уже более отчетливо. В Цахур, согласно преданию, в XV в. прибыли «беки или дворяне» из сел. Хоца, из которых был избран цахурский правитель. Последний стал укреплять свою власть за счет захвата общинных земель.

Табасаран в источниках XII—XIII вв. упоминается уже редко.

Значение его резко падает. Йакут писал, что «Табасаран — (одна) из областей Эрмений, и она незначительная область». Ал-Гарнати (XII в.) сообщает, что страна была разделена на 24 рустака. Это были признаки политического упадка раннефеодального владения. Очевидно, в начале XIII в. Табасаран потерял свою самостоятельность под ударами монгольских орд. Этим и можно объяснить, что при описании событий XIII—XIV вв. он совершенно не упоминается. Однако в XV в. Табасаран неожиданно вновь усиливается, приобретает самостоятельность, начинает принимать активное участие в политической жизни Дагестана.

§ 3. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ДАГЕСТАНА В XI—XV вв.

Дальнейший процесс феодализации

Хозяйственные успехи дагестанцев, значительные сдвиги в области земледелия, скотоводства, ремесла и торговли не могли не повлечь за собой усиления имущественной и, следовательно, социальной дифференциации. Изучение немногочисленных имеющихся источников позволяет говорить о дальнейшем процессе феодализации.

Характерные особенности усилившегося процесса феодального развития Дагестана в XI—XV вв.—это централизация политической и экономической власти феодалов и рост феодальной собственности в одних владениях и процесс феодальной раздробленности и политической децентрализации—в других. Правда, феодальная раздробленность характерна лишь для нескольких владений, но это была тенденция, которая в последующие периоды проявилась и в других районах. Возникает большое число союзов сельских общин, значение их усиливается.

Положение это хорошо иллюстрируется на примере Табасарана. Вот что пишет ал-Гарнати в своей книге «Подарок умам и выборки диковинок» (1162 г.) о социальной жизни Табасарана: «Там двадцать четыре рустака, в каждом из которых находится сарханг наподобие эмиру...».

Рустаки, о которых здесь идет речь, это не отдельные населенные пункты, а группа деревень, волость, как неоднократно объяснял значение этого слова В. В. Бартольд. Слово же «сарханг» в данном контексте переводится академиком Б. А. Дорном как «старшина» или «начальник».

Известие ал-Гарнати приобретает особую ценность, так как указывает на наличие групп селений (рустаков), объединенных под властью одного правителя. Сарханги сравниваются с эмирами, т. е. феодальными правителями.

Децентрализация власти к XIII—XV вв. была совершившимся фактом и в Лакзе, где выделилось несколько мелких союзов, объединивших примерно до 10—15 аулов. Можно предположить, что и в Аварии к XV в. выделилось несколько «вольных обществ», добивавшихся полной независимости.

В тех районах, где наблюдается процесс укрепления политической власти феодальных правителей, предполагается процесс дальнейшего увеличения феодальной собственности на пастбищные и пахотные земли и рост условного землевладения.

Большую роль в социальном развитии Дагестана сыграло рабство, оказав важное влияние на весь ход развития феодальных отношений.

Продажа рабов была одной из основных статей дохода местных правителей. Поэтому в XI—начале XIII в. в связи

с оживлением работорговли в странах Ближнего Востока учащаются попытки к захвату рабов. Средоточием работорговли был Дербент, так как он лежал на пути в Восточный Кавказ, куда приводились рабы греческие, печенежские, хазарские. Среди товаров Дербента автор XIII в. называет «рабов и очень красивых девушек-рабынь». Товары Серира также включают «рабов, девушек-рабынь». «Худуд ал-алам» пишет о многочисленных пленниках, которые попадали в мусульманские страны из областей Алан и Серир. Дагестанские феодальные владетели совершают целую серию взаимных военных нападений с целью захвата добычи и пленных.

Арабский автор XIII в. Ибн ал-Асир приводит сведения, позволяющие говорить о значительной роли работорговли в последующее время, в частности в XII–XIII вв. После того как кипчаки были разбиты монголами в северокавказских степях, пишет он, они пробрались в Южный Дагестан, где столкнулись с объединенными силами ширванцев, лакзов и грузин (курджи), которые «уничтожили их, убили, грабили и захватили в плен, так что кипчакский раб (мамлюк) продавался в Дербент-Ширване по (самой) низкой цене». Последняя фраза говорит и о значительности и о регулярности работорговли на Восточном Кавказе.

Рабский труд широко использовался в домашнем хозяйстве, ремесле, при строительстве оборонительных сооружений. Большое число рабов было в середине X в. в Семендере. В Зирихгеране же «рабы и служанки» заняты в XII в. исключительно в производстве металлических изделий. Рабский труд находил применение во всех феодальных владениях.

Отголоски рабства сохранились в топонимике Дагестана и в позднейшие времена. Во многих дагестанских аулах сохранились кварталы «рабов». Почти в каждом ауле можно было встретить тухум «лагал» — тухум «рабов».

Однако основой производственных отношений рабство не стало. В Дагестане оно не приняло формы классического рабства. В местных условиях, где небольшие земельные участки давно обрабатывались на правах собственности отдельных семей, труд общинника был более производителен, чем труд раба. Способствуя феодализации дагестанского общества, рабство оставалось в рамках патриархальных.

В ходе усиления феодализации дагестанских обществ особенно остро встал вопрос об охране частной собственности.

Исторические памятники изучаемого периода не дошли до нас, но в некоторой степени этот пробел восполняется эпиграфическими и топонимическими данными. В многочисленных надписях, относящихся преимущественно к XIII–XV вв., отдельные личности противопоставляют себя сельскому обществу, присваивают себе право называться « владельцами» дома или крепости, т. е. подчеркивают собствен-

Сел. Кахиб. Старая часть

ность на крепость, недвижимое имущество (таковы надписи из Рутула, Цахура, Гальмела, Ахтов).

В ряде случаев «владетель» наделен особой титулатурой, свойственной восточным правителям и феодалам. Значительная надпись XIII в. из Рича так восхваляет и возвеличивает правителя: «...амир славнейший, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира и религии Адам сын Абд ал-Малика сына Мухаммеда, да продлит Аллах славу его...».

Надписи на камне не упоминают о главном критерии феодального общества — о собственности феодалов на основное средство производства — землю, но они свидетельствуют о факторах, сопутствующих усилению процесса феодализации.

К таким факторам относятся, в частности, войны между отдельными обществами. Общества воевали друг с другом, привлекали соседей к борьбе против наиболее опасного противника, заключали между собой военные союзы и т. д.

Рост имущественного и социального неравенства и жажда новой наживы еще более стимулировали феодальных правителей к совершению набегов, к организации грабежей соседних селений. Вот почему каждый средневековый аул — это отдельная цитадель, целая система оборонительных сооружений. Аулы строились на вершинах гор, на труднодоступных скалах, на крутых берегах рек с целью создания естественных преград. Редко можно найти аул (за исключением цент-

ров политических образований), который строился бы на равнине, в долине. Строительство крепостей и оборонительных башен становится обычным явлением.

Из эпиграфических памятников мы узнаем о строительстве крепостей в Рутуле (1284 г.), Тпиге (XII—XIII вв.), Ахтах (XI—XIII вв.). Остатки крепостей сохранились до наших дней во многих дагестанских аулах (Кули, Кумух, Гапшима).

Сельская община Дальнейшее развитие феодальных отношений происходило путем экспроприации общинных земель. Сельская община (джамат) охватывала все селение и подразделялась на тухумы, причем, как писал М. Ковалевский, «...дагестанский тухум, подобно германскому и кельтскому роду, с самого начала имел характер имущественного союза, другими словами — земельной общины».

Сельская община давно уже не носила характера кровнородственного союза. Господство сельской общины означало, что на смену обществу, основанному на кровнородственных связях, пришло «...новое общество, организованное в государство, низшими объединениями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения,— общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности, в котором отныне свободно развертываются классовые противоречия...»¹. В рамках одного селения, образовавшегося в ряде случаев в результате объединения различных родовых или мелких территориальных групп, исчезает родовое начало.

Если первоначально каждый тухум занимал отдельный квартал, то теперь в одном квартале живет несколько тухумов или же представители одного тухума живут в различных кварталах.

В большинстве же случаев кварталы уже не связаны с тухумной организацией, они отражают топографию (верхний, нижний, средний кварталы), социальный и этнический элемент (*къулияр* — «рабы» и т. д.), занятие населения и т. д.

Отличительной особенностью социальной жизни народов Дагестана, наложившей отпечаток на своеобразие и степень развития феодальных отношений, является исключительная сплоченность сельской общины, всегда (самостоятельно или в союзе с другими общинами) выступавшей против притязаний феодальных правителей. Устойчивость сельской территориальной общины — вот ключ к пониманию многих вопросов общественно-экономической жизни Дагестана.

Устойчивость земледельческой общины обусловила тот уровень социальных отношений, который характеризуется как

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, стр. 11.

раннефеодальные или патриархально-феодальные. Феодальные отношения сплошь и рядом были опутаны сетью патриархально-родовых отношений, хотя, конечно, в описываемый период не может быть и речи о господстве последних.

Земельная община не оставалась самодовлеющей, независимой формой общественных отношений. Внутренние процессы, постепенно ведущие к феодализации, дополнялись и ускорялись факторами внешними.

Активную роль в узурпации и монополизации общинных пастбищных и сенокосных участков играло феодальное государство, политическая власть. В истории феодальных отношений известны случаи, когда отдельные земельные угодья под самыми различными предлогами объявлялись «запретными». Это было одним из путей перехода этих земель в собственность феодалов.

В Дагестане процесс захвата общинных земель происходил аналогичным путем. Организация «запретных» участков приняла довольно значительные размеры, что нашло отражение и в дагестанских языках.

Попытки феодалов подчинить сельские общества встречали упорное сопротивление сельских общин или их союзов. Надпись из сел. Тпиг, связанная со строительством крепости и палеографически датируемая XII—XIII вв., представляет в этом отношении наибольший интерес: «Вот поднялись против нас все мусульмане. И вот было разрушено это селение и была построена эта крепость». Текст составлен от имени тех, кто вынужден был построить крепость после нападения «всех мусульман». Под «всеми мусульманами» подразумеваются, очевидно, жители селений, находившихся в политической зависимости от Тпига. Речь идет именно о зависимом населении, чем только можно объяснить выражение «поднялись против нас».

Усиление феодальной эксплуатации Кайтагские, аварские, лакские и другие правители прибегали к захвату соседних владений, разрешая тем самым две задачи: расширяли рамки своего феодального владения и в то же время давали выход энергии недовольного элемента, крестьянства.

Интересны в этом отношении сведения о ежегодных податях шамхалу, аварскому хану, кайтагскому уцмию, вносимых селениями с различным этническим составом населения.

По данным «Тарихи Дагестан», относящимся к XIV в., шамхал казикумухский собирал подать с большого числа населенных пунктов и обществ — Карака, Чамалала, Тиндала, Аргу, Анди, Кадара, Аркаса, Тумала, Губдена, Акуши, Усиши, Сюрхе, Цудахара, Кубачей, Ирганая, Цахура, Кюры и т. д. В их числе — лезгинские, даргинские, аварские селения.

Феодальные правители Кумуха, очевидно, рассматривали соседние земли как свою собственность, а подать — как своеобразную форму ренты: «...Присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли»². Шамхалы и выступают как верховные собственники.

Аварский хан также «получал доход со всех владений и подати со всех обитателей Дагестана». Ежегодно доход его составлял: чистыми деньгами — с каждого дома по три серебряных дирхема; зерном — с каждого дома кали; баранами — одного барана со ста; крупным скотом — с каждого ста домов по одному быку; тканями — с каждого купца по две штуки шелковой материи; фруктами — по корзине виноградных кистей. В его же пользу шел штраф или компенсация за убийство или воровство.

В упомянутом выше «Завещании Андуника» названы земли, на которые особенно претендовали аварские правители: это земли алигиличицев, дженгутаевых владетелей, гумбетовских владетелей, андийцев, каратинцев, бактлухлинцев, хучадинцев и «Семиземелья».

В описываемый период средневековья уже твердо устанавливается регулярность и строгий порядок взимания дани. Подать взимается с местного населения, согласно той же хронике, ежегодно и подымно («на общество Хибилал каждые четыре года положено было по овце с дыма»; «на жителей Тумал по барану и по мере пшеницы с каждого дыма... на жителей селения Иргана с каждого дыма по одной мере...»).

Ширван (через представителей дома кайтагских правителей, бежавших туда) в конце XIV — начале XV в. также подчиняет своему влиянию ряд крупных населенных пунктов Южного Дагестана: сын кайтагского уцмия Мухаммед-бек в конце XIV или в начале XV в. получил, согласно грамоте Ибрахима I Дербенди, правителя Ширвана, «в управление» селения Ахты, Мискинджи, Докузпара, Микрах, Кюре, крепость Хакуль, Мака, Хиналук, ал-Фий, ал-Маха.

Сведения эти принадлежат автору XIV в. Мухаммеду Хиналукскому. Далее он пишет, что впоследствии потомки Мухаммед-бека, вассала Ширвана, продолжали управлять указанной выше территорией, а также Курахом и Табасараном.

Политическое влияние Ширвана вело к усилению социального гнета. В лице правителей кайтагского происхождения мы видим не только исполнителей административных функций, но и феодалов, пользовавшихся наследственной властью.

² К. Маркс, *Капитал, т. III*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 183.

«Я даю управление над этим магалом ему и его потомкам от утробы до утробы, от рода в род», — написано в одном из фирманс шаха цахурскому правителю.

Лезгинские селения также рассматривались правителями как собственность, отданная им в пользование с правом наследования, т. е. что-то вроде условного феодального держания, наследственного лена. В одном из фирмансов, выданных в 1466 г. вместе с пожалованием Мухаммед-беку «Хариза, Докуз-пары и Махол-Ахтов», было предъявлено требование, чтобы «старшины и весь народ» этих обществ признали его «своим хакимом», а все подати и прочие сборы передавали назначенным им лицам. Бросается в глаза титулatura этих правителей — бек, хан, султан, амир. Это титулы, присваиваемые исключительно представителям правящей, феодальной верхушки.

Известно, что в условиях особого значения пастбищного скотоводства основой феодальной эксплуатации была феодальная собственность на пастбищные земли. Во взимании феодальной ренты это право на пастбищные земли в нагорном Дагестане играло большую роль. Мухаммед Рафи акцентирует внимание именно на эту сторону ренты при перечислении податей Казикумухского шамхала: на общество Караб наложен был ежегодный платеж — 500 овец, Цахур и Голода были его собственностью, а с горы, примыкающей к нему, он получал ежегодно 50 овец, с общества Ришкор и Мисрак — 70 баранов и т. д.

К концу описываемого периода уже четко противостоят друг другу основные классы феодального общества. На одном полюсе этого общества стояли феодалы, на другом — эксплуатируемое крестьянство.

На вершине феодальной лестницы в дагестанских владениях стояли нуцалы, позже — ханы (Авария), уцмии (Кайтаг), шамхалы (Казикумух), хакими и наибы (Дербент), майсумы и кадии (Табасаран), султаны (Цахур). Они владели большими участками пахотных и пастбищных земель, множеством скота и в ряде случаев установили наследственную власть. В своих феодальных владениях они были верховными правителями. За феодальными правителями следовали по своему положению и экономическому состоянию беки — близкие потомки феодального правителя. Вслед за ними класс феодалов представляли чапки и верхушка мусульманского духовенства.

Класс эксплуатируемых крестьян разделялся на две основные категории — узденей и райат.

Узденi в свою очередь подразделялись на несколько групп: 1) крестьяне, владевшие средствами производства и имевшие в личной собственности пахотные и покосные земли (мюльки). В союзах сельских общин узденей этой категории

было большинство. Владея землей на правах личной, свободно отчуждаемой собственности, формально считаясь свободными, эти уздени в то же время находились в различной степени зависимости от класса феодалов; 2) уздени, владевшие мюльком, но находившиеся в феодально-зависимом состоянии. Эта группа узденей в основном была сосредоточена в феодальных владениях.

Категорию крестьян, не имевших собственности на основное средство производства — землю — и находившихся на земле феодалов, составляли раяты — основное податное сословие крестьян. Крестьяне, посаженные на земли, назывались чагарами. Они не имели прав на землю и были лично зависимыми.

Немногочисленный слой населения, кулы и караваши (рабы и рабыни), был лишен всяких гражданских прав — личных, семейных, имущественных.

Формы земельной собственности Основными формами земельной собственности были: 1) земли феодалов, 2) мюльки, 3) общественные земли, 4) вакуфные земли.

Крупные и мелкие феодалы владели феодальными имениями. Рента с этих земель шла в их пользу.

Основной формой земельной собственности были мюльковые земли — пахотные и сенокосные угодья, сады, считавшиеся отчуждаемой собственностью отдельных семей. Расчистка горного участка под паюту требовала титанического труда, и каждый завоеванный таким образом клочок земли становился собственностью отдельной семьи, двора. В нагорных районах с развитым животноводством основные пахотные земли составляли собственность владельцев мюльков, но наиболее важные в этих районах земли — пастищные — принадлежали, как правило, феодалам.

Что касается лесов, многих летних и зимних пастищ, выгонов, частично сенокосов и пахотных земель, то они находились в общем владении джамаата, составляя земельную собственность сельских обществ.

Юридически все члены общин имели право пользоваться общественной земельной собственностью, но фактически эти земли были в распоряжении владельцев скота. Сельская беднота была, таким образом, лишена права пользования своей земельной собственностью.

Особую категорию составляли вакуфные земли, возникновение которых связано с распространением ислама в Дагестане. Вакуфные земли принадлежали мечетям и образовались в результате дарений в «благочестивых» целях и присвоения выморочных земель. Как правило, вакуфные земли не продавались и не дарились. В процессе дальнейшего развития эта категория земель укреплялась и расширялась.

Хотя права на общинные земли охранялись адатом, фео-

далы систематически присваивали общинные земли, в частности зимние и летние пастбища.

Разумеется, стремление феодалов подчинить общинные земли везде сталкивалось с упорным сопротивлением сельских общин, и в ряде случаев претензии их оставались безуспешными.

Согласно грузинской хронике, в начале XIV в. некий Чолага, владелец большого числа скота, травил пастбища и притеснял местных жителей. Поэтому крестьяне восстали против него и изгнали из Дагестана.

Усиление противоречий между классом феодалов, с одной стороны, и непосредственными производителями материальных благ — с другой, толкало правящую верхушку закононодательно закрепить за собой права, принять меры к ограждению феодальной собственности, идеологически обосновать феодальную эксплуатацию основных масс крестьянства. Для этой цели было предпринято два важных шага — были зафиксированы и утверждены адаты — нормы обычного права, с особой заботливостью охраняющие право частной собственности; были предприняты меры к окончательной исламизации всех районов Дагестана.

§ 4. УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ИСЛАМА В ДАГЕСТАНЕ (Х—XV вв.)

С X в. создается ряд условий, внешних и внутренних, предопределивших усиление темпов исламизации Дагестана. Сравнительно быстрый рост производительных сил, успехи хозяйства и связанное с этим усиление имущественного и социального неравенства толкали правящую верхушку на использование идеологического оружия в целях укрепления и сохранения своих позиций. Факторами, ускорившими исламизацию, служили также политика завоевателей и рост связей с мусульманским Востоком.

Начиная с X в. Дербент выступает как активная сила по насаждению ислама в соседних районах. К этому времени и относится известие о том, что одни из северных ворот Дербента носят название «Баб ал-джихад», т. е. «ворота борьбы за веру». С именем «шахидов» — борцов, павших в борьбе за веру, связан также могильник в Дербенте, известный под тюркским названием «Кирхляр».

Позиции ислама в городе со временем все более укрепляются. По словам ал-Казвини, в XIII в. здесь «имелись железные ворота и много башен; а на каждой башне — мечеть для тех, кто поблизости, и для тех, кто занят религиозными науками». В XV в. Контарини отмечает, что в «Дербенте находится много гробниц» и что «все жители Дербента магометане».

Заметную роль в исламизации земель, прилегающих к Дербенту, играл тюркский элемент, который в лице кипчаков и сельджуков находил пристанище в восточной части Дагестана, особенно в районе Дербента. До первой половины XII в. Дербент и его правитель находились в зависимости от сельджукского султана. Тюрок входили в состав войска дербентского правителя, организовавшего в середине XII в. поход против жителей Зирихгерана, еще не принявших ислам. В эпоху монгольских завоеваний тюркский элемент еще более усилился.

В лезгинских районах в середине X в. также усиливаются темпы проникновения ислама. Один из списков «Истории Абу Муслима» датирует принятие ислама лезгинами временем «после 300 года хиджры», т. е. после 913 г. Хроника эта рассказывает о некоем Абу Муслиме, прибывшем из Дамаска в Дагестан и построившем мечети в Ахтах, Риче и Маке.

Наблюдается исламизация и других южнодагестанских районов. Во многих аулах строятся мечети. В рутульском селении Ихрек имеется мечеть, реставрированная в 1016—1017 гг. К XI—XII вв. относятся также мечети, которые сохранились и поныне в селениях Рича (Агульский район) и Карап-Кюре (Ахтынский район). Тем не менее немусульманский элемент к началу XIII в. еще силен, в арабских надписях XI—начала XIII в. встречается значительное число немусульманских имен. По сообщению арабского историка Ибн ал-Асира, даже в первой четверти XIII в. часть населения Южного Дагестана («лакз») еще не приняла ислама.

В XIII—XV вв. позиции ислама в Южном Дагестане заметно укрепляются. Надпись XIII—XV вв. свидетельствует о широком размахе исламизации Южного Дагестана, в первую очередь рутульских и цахурских селений: о строительстве минарета в Рутуле (XII—XIII вв.), о реставрации минарета в Мишлеше (1422 г.), мечети в Риче (XIII в.). Уже в XIII в. ал-Казвини писал, что жители Цахура — все мусульмане шафиитского толка. Цахур был одним из основных центров приверженцев ислама, способствуя расширению сферы его влияния в юго-западной части Дагестана.

Позиции ислама в Южном Дагестане были особенно прочными. В XIII—XV вв. представители высшего мусульманского духовенства за пределами Дагестана — в Сарае, Бухаре, в Хунлике (Северный Азербайджан, совр. Хиналук) имеют нисбу «ал-Лакзи», т. е. «дагестанский».

Один из списков местной хроники «Тарихи Дагестан» относит исламизацию Кумуха к началу XII в. и связывает это событие с именем некоего Калантара, распространителя ислама, захватившего Кумух и силой заставившего жителей принять ислам.

Это сообщение хронологически перекликается со сведе-

Сел. Тинди. Старая часть

ниями автора начала XII в., курда Масуда ибн Намдара, который приводит письмо ширваншаха Ферибурза «к жителям неграничной области Гумик», пожелавшим принять ислам. Письмо написано в конце XI в. Оно свидетельствует о том, что Ширван принимает ряд мер, чтобы упрочить свое влияние в Кумухе путем распространения здесь ислама при содействии лезгинских селений, зависимых от него.

Трудно сказать, приняли ли ислам вместе с Кумухом жители других селений «области Гумик». Но очаг ислама уже был создан и территория, охваченная новой религией, расширялась.

Время монгольских завоеваний характеризуется ослаблением позиций ислама в Дагестане. Не будучи мусульманами, монголы, естественно, не поддерживали эту религию и нередко разрушали мечети. Это особенно ярко сказалось в Риче и Кумухе, подвергшихся страшному разрушению со стороны монгольских полчищ в 1239 и 1240 гг.

Однако со второй половины XIII в. отношение самих монголов к исламу меняется.

В борьбе с государством ильханов золотоордынские ханы используют теперь религиозный момент в целях ослабления позиций своего противника и привлечения мусульман на свою сторону. Представители власти (Берке, Тудаменгу, Узбек) выступают в роли ярых сторонников ислама. В такой обстановке мусульманское духовенство Дагестана не только

нашло поддержку со стороны правящей верхушки Золотой Орды, но в лице своих отдельных представителей обрело покровительство в самой столице Золотой Орды — Саре.

В свете изложенного можно предположить, что и в Кумухе, вернее среди лаков вообще, ислам находит все большее число сторонников. Можно считать, что именно к XII—XIII вв. жители Кумуха превратились в «гази» — «воителей за веру», а Кумух стал называться «Газихумухом» (Казикумухом). Ислам в XIV в. уже не только был господствующей религией среди лаков, не только служил орудием эксплуатации в руках феодальной верхушки, но и стал знаменем в борьбе казикумухского шамхала с «неверными» соседних областей. Из сообщения Низам ад-Дина Шами, писавшего в начале XIII в., видно, что к концу XIV в., т. е. ко времени похода Тимура на Ускуджан (Акуша), борьба казикумухцев и «аухарцев» с «неверными» соседями уже стала традицией, ибо «у области Гази Кумуклук и войска Аухара был обычай, что они каждый год и месяц сражались с неверными». Тимур богато одарил феодальную верхушку казикумухцев и поставил перед ними условие с прежним рвением вести «священную войну с неверными».

В XIV в. в результате политики Тимура, ревностного поборника ислама, среди лаков эта религия утвердилась окончательно. На могильных камнях XV—XVI вв. встречаются почти только мусульманские имена и формулы. Походы Тимура сыграли также значительную роль в исламизации жителей Акуши, Кубачей и других даргинских селений.

Особенно интересен процесс распространения ислама в Аварии. В XI—XIII вв. наблюдается своеобразное явление — одновременное проникновение в Дагестан двух религий — ислама и христианства. С юга упорно проникает ислам, с запада, при активном участии Грузии, идет процесс проникновения христианства. Столкновение интересов христианства и ислама приняло в аварских районах весьма ожесточенный характер.

Одно из первых письменных известий о мусульманских элементах Аварии относится к концу XIV в., ко времени похода Тимура на «Ускуджан». Правитель Хунзаха в конце XIV в., как и правитель Кумуха, предстает перед нами не только в качестве ярого мусульманина, но и активного проводника новой религии, причем политика «войны с неверными за веру» и здесь стала уже традицией.

Количество приверженцев ислама должно быть немалое, если судить по численности войска (3 тыс.), имевшегося в распоряжении правителей Казикумуха и аварцев. Из всех этих фактов мы можем заключить, что в Хунзахе и прилегающих селениях в конце XIV в. наблюдается уже расцвет мусульманства.

Большой интерес представляет сообщение одной из местных хроник, которая приурочивает исламизацию Аварии к XII в.

Согласно этой хроники, некий Абд ал-Муслим распространял ислам от Кара-Кайтага до Чир-юрта, затем вступил в схватку с Суракатом, правителем Аварии, убил его и стал в 1256 г. имамом Дагестана. Следует отметить, что все выше-сказанное относится не ко всей Аварии, а в основном к Хунзаху и прилегающим к нему землям. К приходу войск Тимура жители остальной части Аварии были «неверными» и отчасти христианами.

Грузинская летопись сохранила сведения, касающиеся деятельности Тимура в аварских районах и проливающие свет на методы обращения аварцев в новую религию. По сообщению этой летописи, Тимур, покорив аварцев, обратил их в ислам и назначил им мулл, которых обязал учить детей арабскому письму. Однако окончательно ислам в Аварии еще не утвердился. Надписи на камнях связывают акт принятия ислама в ряде районов Аварии с началом или серединой XV в., а не с походами Тимура. Во многих селениях Аварии можно встретить надписи, сообщения о том, что в Гидатле ислам принят в 880/1475 г. В некоторых сочинениях местных арабистов указывается также имя распространителя ислама — Хаджи-Удурат из аула Мачада. Карагцы и цунтинцы, согласно преданиям, приняли ислам немного раньше — в 1435 г.

Гидатлинский союз после принятия ислама в свою очередь становится одним из очагов распространения новой религии в других частях Аварии, в бассейне Аварского и Андийского Койсу.

Таким образом, к XV в. ислам в общем приняли все дагестанские владения и общества. Ислам стал официальной религией. Однако пережитки доисламских религиозных верований также бытовали еще весьма широко. Сохранилось много домусульманских личных имен.

Утверждение новой религии протекало в ожесточенной борьбе с местным населением, не желавшим отказываться от своих прежних верований. В устном народном творчестве сохранилось много преданий, отражающих длительное сопротивление горцев насильтственному нааждению новой религии.

Аварское предание повествует об Абу Муслиме, распространявшем ислам в нагорном Дагестане и погибшем от стрелы, пущенной гидатлинцем. О жителях лезгинского селения Микрах говорят, что они в течение семи лет отказывались принимать ислам. Сохранилась замечательная кумыкская легенда о борьбе нарта и дива. Схватка длилась долго, без заметного перевеса, но вот див обращается за помощью к солнцу, а нарт — к Аллаху и побеждает противника.

Итак, мы видим, что ислам в Дагестане распространялся

ся очень медленно, в течение веков, встречая сопротивление местного населения. Почти у всех завоевателей, пришедших в Дагестан после VII в., ислам служил идеологическим оправданием захватнических войн, знаменем борьбы против «неверных». Лозунгом «священной войны» оперировали и арабские завоеватели, и монгольские ханы, и полчища Тимура. Кроме того, религия оправдывала борьбу местных «гази» («борцов за веру») против своих соседей — горцев.

§ 5. БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ВНЕШНЕЙ АГРЕССИИ в XI—XV вв.

Борьба с сельджуками

В середине XI в. образовалось сельджукское государство, ставшее крупнейшей политической силой Передней Азии. Сельджуки — это ветвь кочевых тюрков-огузов, переселившихся из Средней Азии. Государство сельджуков включало в себя огромные земли — Среднюю Азию, Иран, Ирак и ряд других земель. В 1055 г. была захвачена столица Арабского халифата — Багдад, а глава сельджуков Тогрул-бек был объявлен султаном — главой политической власти во всем халифате. Столицей сельджукской империи был город Мерв, затем Рей и Исфахан.

Среди земель, захваченных сельджуками, была также часть Юго-Восточного Дагестана с городом Дербентом. Первый поход с целью подчинить Дербент относится к 1067 г., когда сельджукский султан Алп-Арслан «послал своего хаджиба Сай-Тегина с отрядом регулярных войск в ал-Баб. Вместе с ним он послал раиса ал-Баба Аглаба бен Али, который был пленен ширваншахом, но освобожден султаном». Сельджуки вошли в город, захватили цитадель. Оставив Аглаба бен Али в городе своим заместителем, сельджукский предводитель «вернулся домой к султану».

Но положение сельджукского ставленника не было устойчивым. Выступления горожан, поддерживавших противников сельджукского ставленника, привели к тому, что город освободился из-под власти тюрков и подчинился Ширвану, выступавшему против сельджуков.

В 1071 г. началась вторая оккупация Дербента. «Тюрок Йагма, слуга (гулям) сельджукского султана Алп-Арслана, двинулся в пограничные области ал-Баба как эмир от имени султана».

Тем не менее положение оставалось напряженным. В сложный водоворот событий были втянуты Ширван, Аран, дербентский правитель и дербентские раисы, правитель Кайтага. Попыткам ширваншаха воспрепятствовать установлению сельджукской власти в районе Дербента был положен

конец, когда в 1075 г. «пограничная область была пожалована султаном одному из предводителей» и имя последнего стало читаться «в хутбе после имени султана с кафедр (мечетей) пограничной области».

Однако власть сельджуков в Дербенте, так же как и в других завоеванных землях, была недолговечной.

В захваченных странах сельджукские султаны раздавали представителям военно-кочевой знати огромные земельные массивы, целые города и села, иногда с областями. Широкое распространение в подвластных сельджукам землях получила икта — владение землей на условии несения военной и гражданской службы. Феодальная знать кочевых племен жестоко эксплуатировала местное оседлое население, обложив его поземельным налогом и массой разнообразных податей.

Земельная политика сельджукских султанов, массовая раздача государственных и мюльковых земель в икта, привели к росту сепаратистских тенденций, к экономической, а затем политической самостоятельности отдельных областей, входивших в состав империи. Рост производительных сил и многочисленные восстания эксплуатируемого населения привели на рубеже XII—XIII вв. к распаду сельджукской державы, представлявшей собой типичное феодальное государство, конгломерат стран и народностей, объединенных завоевателями.

Ослабление и окончательный распад государства сельджуков, раздираемого феодальными распрями, протекал на фоне объединительных процессов в ряде владений. Это как бы две стороны одного и того же явления. В Азербайджане, например, ширваншахи с середины XII в. усилили борьбу за объединение азербайджанских земель. В Грузии царь Давид (1089—1125) возглавил борьбу за объединение грузинских земель и за освобождение от сельджукского ига.

Воспользовавшись помощью огромной армии наемных кипчаков, грузинский царь совместно с ширванцами выступил против сельджуков, разбил их, освободив затем, в 1122 г., Тбилиси, ставший столицей Грузии.

Еще в 1121 г. грузинские войска захватили Дербент. Впоследствии, когда в 1123 г. сельджуки напали на Ширван, на помощь пришли грузины. Вместе с грузинскими войсками за освобождение Ширвана боролись и дагестанцы, которых грузинский царь Давид Строитель отблагодарил «почестями и добром».

Таким образом, совместная борьба грузинского, азербайджанского и дагестанского народов, вливвшись в мощную волну освободительного движения угнетенных сельджуками народов, ускорила падение державы сельджуков.

Дагестан не подвергся тому страшному разорению, которое испытали в ходе сельджукской агрессии страны Закавказья, так как только незначительная часть Дагестана, рай-

он Дербента с примыкающими к нему землями, вошла в состав державы сельджуков. Однако установление власти сельджуков в Закавказье не замедлило крайне отрицательно сказаться на экономике Дагестана, неразрывно связанного с Азербайджаном и Грузией, что послужило одним из стимулов участия дагестанцев в освободительной борьбе.

Борьба с татаро-монгольскими завоевателями В начале XIII в. в Центральной Азии развернулись события, которым суждено было сыграть огромную роль в истории народов Азии и Европы,— образовалось Монгольское государство, а затем и Монгольская империя.

В 1213—1221 гг. Чингисхан огнем и мечом покорил Восточный Туркестан, Среднюю Азию, Восточный Иран (Хорасан). Огромная дисциплинированная и подвижная армия монголов в своем стремлении к захвату богатой добычи не признавала никаких преград и продвигалась вперед, сравнивая с землей цветущие города, сметая все на своем пути.

По словам К. Маркса, монголы «...совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»³.

Успех монгольских завоеваний объясняется, конечно, не более высоким по сравнению со Средней Азией уровнем развития общества. Одной из причин их успехов было то, что к началу XIII в. страны Средней и Передней Азии переживали глубокий общественный кризис и не могли поэтому организовать сопротивление монгольским ордам.

В 1220 г. армия, руководимая монгольскими полководцами Джебе и Субудаем, вторглась в Азербайджан. Несмотря на упорное сопротивление местных жителей, были захвачены один за другим города Нахичевань, Серав, Ардебиль, Байлакан, Гянджа. Далее монголы пошли на север. «Они (монголы) направились к Дербенту Ширванскому, по пути они захватили осадою Шемаху, учинили там поголовное избиение и увезли с собою множество пленных. Так как пройти через Дербент было невозможно, они послали ширваншаху сказать: „Ты пришли несколько человек, чтобы мы заключили мир!“ Он прислал 10 человек из вельмож (акабир) своего народа; (одного) из них (монголы) убили, а другим сказали: „Если вы покажете нам путь через Дербент, мы вас пощадим, в противном случае мы вас тоже убьем!“ Они из страха за свою жизнь указали путь, и те прошли». Так описываются эти события в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина. Хотя источники ограничиваются лаконичной фразой: «они хотели перейти Дербенд, но не смогли это сделать», за этими словами скрывается указание на упорное сопротивление

³ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, 1938, стр. 221.

жителей города монгольскому нашествию. Киракос Гандзакеци — армянский историк, так и пишет, что «таджики (т. е. мусульмане), владевшие Дербентом, не пропустили их. Тогда татары по местам неприступным перешли Кавказские горы, заваливая пропасти деревом, камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военные снаряды, и таким образом прошли в свою родину».

Татары, стало быть, избрали иной путь, мимо Дербента, по горам, т. е. по территории внутреннего Дагестана. Горцы также выступили против завоевателей, за что подверглись жестокой расправе со стороны последних. И. П. Петрушевский, давая оценку татарским завоеваниям, писал: «...при чингизовских завоеваниях мы видим уже не стихийные жестокости и разрушения, а организованные приемы массового истребления мирного населения, опустошение целых районов, применявшиеся чингизовыми полководцами. Это была целая система террора, проводившаяся сверху и имевшая целью организованное истребление способных к сопротивлению элементов населения, запугивание мирных жителей и создание масовой паники в завоеванных районах».

Хотя монголам и удалось проникнуть во внутренний Дагестан и выйти в северокавказские степи, все же Дагестан не был подчинен в результате этого похода. Даже Дербент в этот период продолжает вести самостоятельную политику. Именно к его правителю Рашиду обратились за помощью в 1222 г. кипчаки, бежавшие после поражения, нанесенного им монголами на Северном Кавказе. «Татары,— говорили они,— захватили нашу страну и разграбили наше имущество; мы пришли к тебе, чтобы расположиться в твоей стране. Мы твои рабы, и мы тебе завоюем области, и ты наш султан».

В 1231 г. начался второй поход монгольских войск в сторону Кавказа. В 1231—1239 гг. был покорен Южный и Северный Азербайджан, в 1239 г., несмотря на упорное сопротивление, монголы захватили Дербент.

Феодальные распри, не прекращавшиеся даже в этот период, усугубляли и без того тяжелое положение Дагестана. Вот как описывает это время «Тарихи Дагестан», хроника, в которой впервые четко выражена концепция политического единства дагестанских народов: «...зеркало согласия между князьями Кумуха и Кайтага разбито было усилиями сатаны, который есть самый зловредный из врагов; так они разъединены были друг от друга злобою, ибо добродетель покинула край, а коварство, вражда и порок распространились повсюду; и это разногласие было такого рода, что не обещало ничего хорошего и не давало надежды на согласие». Кайтагские власти потерпели поражение, остатки их «нашли убежище у повелителей Аварии и обязались клятвою быть их союзниками и делить с ними добро и зло во всех случаях и обязанностях.

Тут произошли между ними и князьями кумухскими страшные войны и адские распри, которые продолжались много лет».

В дальнейшем аварский правитель, продолжает свое сообщение автор «Тарихи Дагестан», обратился за помощью к «султану Каутер-шаху» из «страны турок», т. е. монгол. «Каутер-шах» не замедлил выступить против мусульманского Кумуха, и объединенные войска Каутер-шаха, Саратана и «князей кайтагских» совершают нападение на Кумух.

Путь монгольских войск из Дербента в Кумух лежал через Табасаран — Касумкент — Хив (или Курах) — Ричу — Чираг — Кумух. Всюду монголы встречали упорное сопротивление, о чем говорят дошедшие до нас сведения.

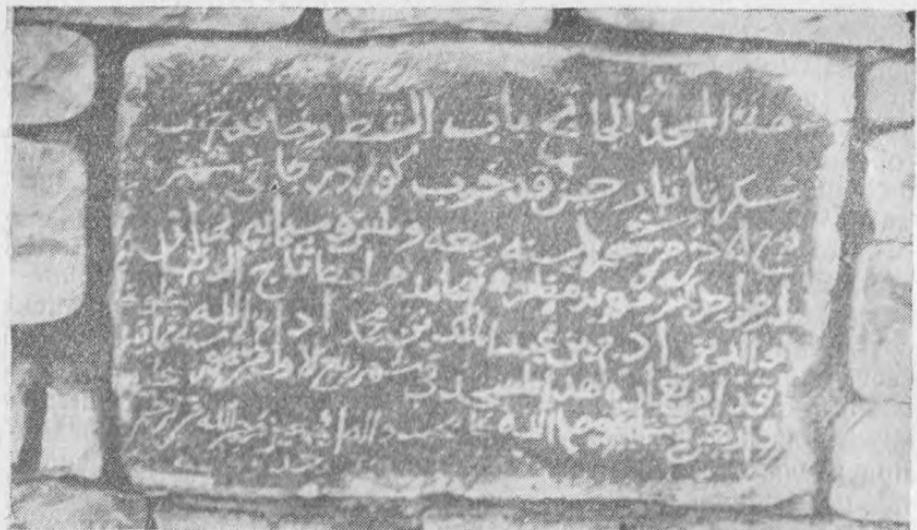
В сел. Рича сохранилась запись на камне об упорных боях местного населения против завоевателей: «...Пришло войско татар... в Баб ал-Кист Рича, когда оставалось от месяца раби^й ал-аввал десять дней. И сражались с ними жители Рича до середины (месяца) раби'ал-ахир в шестьсот тридцать седьмом году».

Таким образом, в течение 25 дней, с 20 октября по 14 ноября 1239 г., горцы сражались с монгольскими завоевателями. Очевидно, в этом сражении участвовали представители многих дагестанских аулов, ибо только своими силами жители сел. Рича вряд ли могли бы так долго противостоять крагу.

Монголы оставались в Риче до весны 1240 г.; только к этому времени относится сообщение источников о приходе татарских войск в Кумух, который, несмотря на упорное сопротивление кумухцев, был захвачен и разрушен. «Тарихи Дагестан» оставил красочную картину борьбы жителей Кумуха: «Они сражались с великим мужеством, и семьдесят юношей пали мучениками. Они заняли укрепление выше мечети (называемое) Кекели, и обязали себя клятвой сражаться и пожертвовать своим имуществом, жизнью и телами. Когда эти юноши исполнили свой долг в укреплении (т. е. были все убиты), оба князя, Сартан и Каутер, опустошили Кумух в субботу месяца сафар».

Пребывание монгольских войск во внутреннем Дагестане было кратковременным. Власть монголов в горах (за исключением узкой прибрежной полосы), как мы видим, не утвердились. Об этом лишний раз свидетельствует сообщение Гильома де Рубрука: аланы и черкесы борются против татар, и «некие сарацины, именуемые лесгами (имеются в виду дагестанцы), равным образом не подчинены татарам».

В середине XIII в. единная Монгольская империя распалась на ряд фактически независимых государств — улусов. Отдельные районы Дагестана входили в сферу влияния государства ильханов — Хулагидов (с юга) — и Золотой Орды (с севера). ТERRитория Дагестана служила ареной ожесточенных

Надпись из сел. Рича о сражении жителей селения
с монгольскими войсками

схваток между этими враждебными государствами. Пограничным пунктом был Дербент. Значение города в этот период еще более усиливалось в связи с политикой золотоордынских ханов, заинтересованных в восточной торговле и поэтому всемерно поддерживавших ее.

Поэтому укреплению северных границ государства ильханов, т. е. укреплению территории между Дербентом и Ширваном, придавалось особое значение. Еще ильхан Абака-хан (1256—1282) послал своего брата «в Дербент, Ширван и Муган до Алтана, чтобы он охранял те пределы от врага». Укрепление северных границ осуществлялось не только чисто военными мероприятиями. Воинам и местным феодалам щедро раздавались земельные участки, что должно было привести, по мнению ильханов, к укреплению границ государства.

Все же войска Золотой Орды проникали в Закавказье через Дербентский проход. С середины XIII до начала XIV в., почти в течение 80 лет, Дербент и прилегающая к морю полоса служили как бы мостом, через который проходили войска Золотой Орды и Хулагидов. Иногда войска проникали и во внутренние районы Дагестана.

Все это самым пагубным образом отражалось на состоянии хозяйства Дагестана, в особенности его прибрежных районов. В результате длительных нашествий на завоеванных монголами землях тормозился рост производительных сил, пахотные и пастбищные земли приходили в запустение. Известно, что большой вред хозяйству приносили охоты в захва-

ченных землях, устраиваемые с целью грабежа и обучения войска. Во время таких охот затаптывались пашни и пастища, у местного населения отбирался скот.

Податное сословие — ряты, т. е. крестьяне и низшие слои горожан, несли тяжелое бремя огромных податных сборов и повинностей, установленных монгольскими ханами — преемниками Чингисхана.

Между тем местная феодальная знать, подчинившись монгольским завоевателям и найдя с ними общий язык, добивалась различных льгот и привилегий для себя и становилась соучастником завоевателей в организации ограбления низов своего народа. Многие дагестанские феодалы использовали поход монголов для достижения своих целей. Так, кайтагские правители «снова вступили в свои владения». Аварский правитель, очевидно, также сохранил за собой власть и укрепил свои владения.

В свою очередь монгольские завоеватели также стремились заручиться поддержкой местной феодальной знати. «Каутар-шах», предводитель монгольских войск, вступил, если верить «Тарихи Дагестан», в родственный союз с аварским правителем. Известно, что в 1727 г. аварский хан являлся в русский лагерь с прошением покровительства и привозил с собой письмо, будто данное одному из его предков Батыем на ханство Аварское. Наличие подобной грамоты — одно из самых веских свидетельств поддержки монголами местных феодальных правителей.

В руководящих слоях монгольских завоевателей имело место два направления — два метода эксплуатации крестьянства завоеванных стран. Представители первого направления были поклонниками кочевых традиций, сторонниками неограниченной хищнической эксплуатации оседлых крестьян и городских низов. Второе направление считало необходимым сближение ханской власти с феодальной верхушкой покоренных стран, покровительство городам, купцам и торговле, восстановление сельского хозяйства и точную фиксацию податей и повинностей.

В государстве ильханов (1256—1353), в состав которого входила также часть Южного Дагестана, победило второе направление при Газан-хане (1295—1301), проведшем ряд реформ. Реформы эти имели целью восстановление сельского хозяйства и усиление платежеспособности крестьян в покоренных странах.

Ильханы щедро раздавали земельные участки воинам и местным феодалам, что приводило к укреплению феодальных владений. Широкое применение получила икта. Так, Газан-хан назначил в горные проходы и малодоступные пограничные области «тазикские войска и всех снабдил одеждой и раздал им икта».

Эти обстоятельства способствовали некоторому развитию производительных сил в ряде районов Дагестана в конце XIII — начале XV в., как и во всех других частях государства ильханов, а также усилению процесса феодализации и исламизации Дагестана.

Борьба с полчищами Тимура

Во второй половине XIV в. в Средней Азии на место выдыхавшихся монгольских улусов в условиях, когда ясно проявилась тенденция к созданию сильного, единого, централизованного государства, сложилось государство Тимура. Уже в первые годы власти Тимур стал совершать в соседние области походы, носившие чисто грабительский характер. Тимур, политика которого «заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей...»⁴, задумал план обширных завоеваний — подчинить Золотую Орду, где был ханом Тохтамыш, захватить Иран, Закавказье. Интересы Тимура и Тохтамыши столкнулись именно на Восточном Кавказе, на стыке их владений.

Тохтамыш неоднократно совершал через территорию Дагестана набеги на Закавказье. Так было в 1386 г., когда 90-тысячная армия Тохтамыша прошла Дагестан, Ширван, разрушила Нахичевань, Тебриз, Марагу, захватила огромное количество рабов. Вслед за этим в Азербайджан ворвался Тимур. Ширваншах Ибрахим I Дербенди удачно использовал сложившуюся обстановку, выступил на стороне Тимура и тем самым спас Ширван и Дербент от разорения. После этого Тимур закрепил за Ибрахимом управление Ширваном.

В конце XIV в. войска Тимура и Тохтамыша сталкивались неоднократно. В 1395—1396 гг. Тимур в ответ на поход Тохтамыша прошел Дербент и, преследуя войска соперника, ворвался на территорию Дагестана. Здесь он встретил упорное сопротивление жителей Кайтага, выступивших в этой борьбе на стороне Тохтамыша. Они мужественно сражались, но под напором превосходящих сил вынуждены были отступить. Область и близлежащие земли были подвергнуты Тимуром страшному разорению. Множество аулов было ограблено и сожжено.

В том же 1395 г. на Тереке Тимур окончательно разбил Тохтамыша, тем самым навсегда покончив с претензиями наиболее сильного противника. Тимур вернулся обратно. Путь его в Азербайджан лежал через Северный Кавказ, почти все население которого выступило против Тимура. Здесь войска Тимура «много сражались с врагами веры и взяли бесчисленную добычу из имущества неверных». Были захвачены после упорных усилий «область Иркувун», Кулу и Таус. Захватив Акушу и разорив ее, Тимур расположился здесь

* Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI, стр. 185.

Сигнальная башня у Аварского Койсу

лагерем и «разослал в разные стороны войска, чтобы делать набеги» и ограбить окрестное население. Тогда Казикумух и Авария выступили с большим войском на помощь Акуше, но потерпели поражение. Земли эти были захвачены войсками Тимура. Затем были покорены крепость Деркелу, Зирихгеран, Кайтаг. В аварских, лакских, даргинских землях была захвачена огромная добыча, с которой Тимур вернулся в Закавказье.

Местная историческая хроника сохранила подробности о борьбе горцев с Тимуром во внутренних районах Дагестана. Тимур, покорив силой кумыков, живших между Тереком и Сулаком, отправился в Салатавию по дороге, которая и ныне называется «дорога Тимура», и осадил несколько укреплений. Салатавцы храбро защищались, но все-таки не смогли устоять против силы и искусства Тимура. Тимур разрушил эти укрепления, а жителей переселил «в низменные места».

В борьбе с местным населением Дагестана Тимур опирался на феодальную знать, на местных правителей. По словам придворного историографа Тимура Шараф ад-Дина Иезди, «старшины (калантары) казикумухские и аухарские вместе с тамошними казиями и вельможами» прибыли с повинной к Тимуру, тот богато одарил их, дал им наставление «всегда воевать с врагами веры и держать обнаженным меч для утверждения ислама», а затем утвердил за ними область и дал им ярлыки.

Тимур неуклонно следовал политике укрепления феодализма. При нем широкое распространение получила «восточная форма лена» — сюргал, под которым подразумевали тогда передачу в наследственное владение определенных земель с правом взимания с их жителей государственных налогов и податей.

И в Дагестане Тимур был верен своей политике. В Аварии, Казикумухе он не отобрал у владельцев земли, а оставил, возможно, на правах сюргала, тем самым превратив местных феодалов в своих вассалов.

Так же поступает Тимур на территории кумыков. Согласно преданию, одного из кумыкских предводителей по имени Губден Тимур назначил владельцем всех земель и угодий, приписав их к селению Губден и тем самым основав большое селение.

Надо сказать, что политика Тимура в Дагестане была весьма дальновидной и рассчитанной на укрепление его позиций и ослабление позиций противника — Тохтамыша. Немаловажную роль в этой борьбе играл фактор религиозный. Тохтамыш преследовал мусульман, а в 1386 г. уничтожал мечети и медресе в городах. Тимур же поддерживал мусульман и каждый факт принятия ислама или упрочения его рассматривал с точки зрения усиления своих позиций: утверждение за местными правителями земель должно было увеличить число сторонников ислама и укрепить его власть.

Таким образом, Тимур выступает как последовательный проводник классических форм феодальных отношений и важнейшего идеологического оружия в руках феодалов.

Борьба с Сефевидами В середине XV в. народам Дагестана пришлось столкнуться с новой политической силой, с государством Сефевидов, образовавшимся на территории современного Азербайджана и Ирана.

Военной опорой Сефевидов служили тюркоязычные племена — зулькадары, афшары, каджары, шамлу, румлу и другие, получившие впоследствии название «кызылбashi».

В течение 1500—1503 гг. преемнику сефевидских шейхов Исмаилу удалось подчинить Ширван, Баку, значительную часть территории Ак-Койюнлу. К 1510 г. государство Сефевидов охватывало земли от Аму-Дарьи до Евфрата. Столицей нового государства был Тебриз.

Первые захватнические войны на территории Дагестана связаны с именем известных сефевидских шейхов — Джунейда (1447—1460) и Хейдара (1460—1488). И Джунейд и Хейдар под лозунгом «войны за веру» совершали постоянные грабительские набеги на Грузию и Дагестан, уводя оттуда множество пленников, которых затем продавали на невольническом рынке.

Походы шейха Джунейда в Дагестан («в страну черкесов») ставили под угрозу и независимость Ширвана.

Когда Джунейд, собрав многочисленное войско, направился на Ширван и Дагестан для ведения «священной войны», правитель Ширвана Халилуллах I, заключив союз с Джакхан-шахом Кара-Койюнлу, выступил против Джунейда. На берегу Самура в 1460 г. произошла решительная битва, в которой шейх Джунейд и его дервиши и газии потерпели поражение и вынуждены были отступить.

Шейх Хейдар по примеру отца не жалел сил для захвата Ширвана и Дагестана. В результате трех походов в Дагестан (1483, 1487, 1488 гг.) он захватил там 6 тыс. пленных.

Искендер Мюнши, один из замечательных авторов XVII в., так описывал подготовку шейха Хейдара к третьему походу: «Султан Хейдар, посоветовавшись с начальниками суфияев и приверженцами династии Сефевидов, решил выступить в поход в сторону Дагестана, жители которого были далеки от правильного пути и следовали путем невежества и темноты, с объявлением газавата черкесским гяуром».

Битва состоялась на территории Табасарана летом 1488 г. «Враждебные войска... — пишет Мюнши, — начали такой бой, от пламени которого жизнь многих друзей и врагов сгорела». Сефевиды потерпели поражение, шейх Хейдар был убит и похоронен в Табасаране.

Так окончилась попытка Сефевидов подчинить земли Восточного Кавказа. Это было началом длительной и упорной борьбы, которую впоследствии народам Кавказа пришлось вести против сефевидского Ирана.

§ 6. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА С НАРОДАМИ КАВКАЗА В XI—XV вв.

Ширван и Дагестан

Как уже было отмечено, исторические судьбы Ширвана и Дагестана тесно переплетались. Военные, политические, культурно-экономические связи никогда не прекращались, но в силу сложившихся исторических условий до X в. военный фактор был преобладающим. На всем протяжении X в. и позже, в XI в., взаимоотношения Ширвана и Дагестана были напряженными. Основными конкурентами в развернувшейся борьбе были Дербент и Ширван, и оба государства старались использовать дагестанские владения в своих политических интересах. Дагестанские владения, в первую очередь Кайтаг, Серир, Лакз, были втянуты в орбиту сложных и бурных политических событий и нередко играли в них важную роль.

Ширван, как правило, ориентировался на Лакз, а Дербент — на Кайтаг и Табасаран. Владетель Серира удачно

использовал внешнеполитическую конъюнктуру и выступал с учетом обстоятельств то сторонником Дербента, то его противником. Значительную роль во взаимоотношениях Дагестана и Ширвана стал играть в XI в. Кайтаг. Участие Кайтага во многих событиях XI в. показывает, что к этому времени он вырос в сильное феодальное владение, обычно стоящее на стороне Дербента. В 1064 г. кайтагцы помогают амиру Дербента в борьбе против раисов, а через год, когда жители Дербента и Серира потерпели поражение в Ширване, дербентский правитель нашел убежище в Кайтаге. Через три года (в 1068 г.) кайтагцы вместе с жителями Дербента выступили против Ширвана, выдвинувшего своего ставленника на пост правителя Дербента. В конце концов Ширвану удалось установить свою власть на территории до Дербента.

Правящая верхушка Ширвана неоднократно предпринимала попытки подчинить себе и другие дагестанские селения. Хотя попытки эти встречали упорное сопротивление, тем не менее влияние Ширвана все более усиливалось. К 1074 г. Ширван занял земли Лакза и «собирал харадж с его жителей» после ожесточенных схваток с ними в течение 467/1074—75 г. Представители правящего дома, стараясь усилить свое экономическое положение, имели в собственности значительное число земельных участков в районе Дербента, в Табасаране.

Ширван конца XI—XII в. представлял собой экономически и политически сильное государство, с высоко развитой культурой.

В середине XII в. здесь процветало искусство, особенно литература, представленная именами Низами, Фелеки, Хакани. Целый ряд ученых и поэтов — выходцев из Ширвана играл в XII—XIII вв. значительную роль в развитии научной мысли не только в Ширване, но и во многих странах Ближнего Востока. Не меньшую роль в усилении Ширвана, в расцвете искусства и литературы сыграло ослабление зависимости Ширвана от власти сельджукских правителей в начале XII в.

Положение Ширвана позволяло ему расширять экономические и культурные связи со своими соседями. Так, в конце XI — начале XII в. Ширван имел довольно широкие мирные связи с некоторыми лезгинскими селениями, оказывая на них влияние и поддерживая через них связи с кумухцами.

В конце XI в. ширваншах обращается «К жителям некоторых областей Лакза» с письмом: «...что касается того, что упомянули вы относительно жителей Гумика... мы уже послали к ним посла и ответили им как можно хорошо, и мы предлагаем вам, чтобы вы взялись решительнее за это дело... и чтобы отряд из них отправился в Кува и чтобы они за

ключили с вами договор на верность и поклялись, чтобы тогда мы послали сына эмира Адуда в одеянии чести, подарков, почестей и редкостей и, чтобы мы вернули им залог их... Нет (у нас) ни жажды к хараджу их, ни надежды на помочь их... Пошлите к ним послов, обратитесь с ними весьма любезно, обещайте им от нас всякого рода выгод (удач), великой славы...».

Письмо это отразило один из моментов, когда Ширван играл активную роль в исламизации лакских районов, привлекая к этому население, уже принявшее ислам. В этом отношении представляет интерес факт строительства в 1162 г. в Баку мечети, получившей наименование «лезгинской», а также то, что в связи с бурными событиями первой половины XIII в. часть культурных сил Ширвана нашла убежище в горах Дагестана.

Связи между Дагестаном и Ширваном не прекратились и после похода монголов в 1220 г., ибо в период господства Джелал ад-Дина (до 1231 г.) Ширван не переживал того тяжелого и бедственного положения, в котором очутились соседние страны, в особенности Грузия.

Не удивительно поэтому, что в ряде случаев ширванцы обнаруживали хорошее знакомство с Дагестаном. Именно ширванский правовед факих Юсуф ибн Мухаммед Ганджинский сообщил Закарийе ал-Казвини важные и довольно подробные сведения о селениях Цахур и Шиназ, о хозяйстве и культурной жизни их жителей.

Экономические и культурные связи с Ширваном подкрепились связями политическими; население Ширвана и Аррана, поддерживаемое грузинами и дагестанцами, выступило против кипчаков, прорвавшихся в Закавказье после поражения, нанесенного им монголами. Совместная борьба жителей Ширвана и Дагестана привела к тому, что в течение примерно десяти лет территория эта оставалась независимой.

Связи Ширвана с Дагестаном особенно усилились в конце XIV — начале XVI в., когда Ширваном правила новая, дербентская династия (1382—1538).

Ширван занимал в это время территорию, которая долгое время служила объектом столкновения двух сильных завоевателей — Тохтамыша и Тимура. Так как собственными силами государство не могло оказать ощутимое сопротивление ни одному из этих грозных союзников, судьба Ширвана зависела от той политики, которой придерживается ширваншах. Первый ширваншах новой династии, Ибрахим ад-Дербенди (1382—1417), оказался на высоте положения, проявив себя как гибкий политик. Он сумел удачно использовать противоречия своих противников и сохранить фактическую независимость Ширвана и Дербента.

История ширвано-дагестанских отношений этого времени

освещается в сочинении Мухаммеда Хиналугского, написанном в 1456 г. Большое место в сочинении уделено деятельности Ибрахима ад-Дербенди. По совету сына кайтагского уцмия он добровольно подчинился Тимуру, чем и сохранил все свои владения.

Селения и общества в районе долины Самура в конце XIV — начале XV в. находились в политической зависимости от Ширвана. Согласно грамоте Ибрахима I Дербенди, Мухаммед-бек получил «в управление» Ахты, Мискинджи, Докуз-пара, Мукрах, Кюре, крепость Хакуль-Мака, Хиналук, ал-Фий, ал-Маза. Зависимость лезгинских селений от Ширвана и в последующее время подтверждается тем, что ими управляют потомки Мухаммед-бека.

Политическое влияние Ширвана наблюдалось не только при шейхе Ибрахиме ад-Дербенди и Халиуллахе I (1417—1462), но и при Фаррух-Иассаре (1462—1500), при котором Ширван достигает наибольшего расцвета и могущества.

Дербент и прилегающие к нему земли входили в состав Ширвана. Поэтому-то правитель Ширвана и обращается «к шурину своему Адильбегу, Кайтагскому князю» с предложением вернуть пленных и товары, награбленные «кайтагами» при вынужденной остановке русского путешественника Афанасия Никитина близ Тарков.

Хотя Ширван в конце XV — начале XVI в. представлял собой фактически независимое государство, однако это были последние дни ширваншахов. Известно, что Ибрахим II Шейх-шах, утвердившись на ширванском престоле (1502 г.), отказался платить дань сефевидскому шаху Исмаилу. Последний предпринял второй поход в Ширван (1509 г.). При этом он захватил Баку и дошел до Дербента. Наместник Дербента оказал сильное сопротивление, но в конце концов вынужден был сдать город. Был покорен также Табасаран.

Связи между Ширваном и Дагестаном не прерывались и в последующее время и носили не только политический, но культурный и экономический характер. Культурные связи шли по линии взаимозаметствования культурных ценностей, в частности сочинений на арабском языке, в передаче традиций (особенно это заметно в архитектуре). Жители Ширвана нередко переселялись в Дагестан. Переход из Ширвана в Дагестан был связан с преодолением многочисленных перевалов и чреват опасностями. Зимой узкие горные тропы становятся непроходимыми. Тем не менее связи Северного Азербайджана и Дагестана не прекращались. Постоянно функционировал путь Шемаха — Дербент, о чем свидетельствуют сохранившиеся на этом пути многочисленные караван-сараи. Кратчайшим же был путь через перевалы. Очевидно, в XIII в. Ганджу и Цахур соединяла действующая дорога, чем и объясняется сообщение ал-Казвини о том, что

Цахур расположен в шести переходах от Ганджи. Имелись также пути местного значения, и они использовались более или менее регулярно.

Грузия и Дагестан В XI—XV вв. наступает новый этап в гру-
зино-дагестанских отношениях, связанный с значительным ростом торгово-экономических и культурных связей. Внутреннее положение обеих стран также способствовало развитию этих контактов. В XI—XV вв. Дагестан, правда, оставался разделенным на несколько частей, терри-
ториальная раздробленность сохранялась, но оформились крупные государственные образования. Грузия же XI—на-
чала XIII в. представляла собой единое централизованное государство. Феодальная Грузия в этот период достигает наи-
большего политического и экономического подъема, стано-
вится одним из ведущих государств Кавказа и играет зна-
чительную роль в политической жизни соседних стран, осо-
бенно северокавказских. Под властью грузинского царя были объединены не только чисто грузинские княжества, но в от-
дельных случаях ряд других закавказских земель. Большую роль в объединительной политике играл грузинский царь Давид Строитель (1089—1125). При нем в состав Грузии был включен Дербент.

Однако североазербайджанские земли и Дербент находи-
лись в составе Грузии очень короткое время, и потому полити-
ческое влияние Грузии было здесь незначительным. Но в западных районах (в частности, у дидойцев) это влияние было более длительным и ощутимым.

Политическое влияние Грузии приводило к усилению эко-
номических и культурных взаимосвязей. Оживляются торго-
вые связи: среди монет XII—XIII вв., найденных в Дагеста-
не, встречается большое число грузинских. В то же время монета дербентской чеканки была распространена в закав-
казских городах.

Важную роль в усилении связей Грузии и Дагестана игра-
ли и экономические факторы — усилившаяся в Дагестане спе-
циализация производства, в значительной степени способство-
вавшая оживлению торговых операций.

Политическое влияние и экономические связи дополнялись и подкреплялись идеологическим воздействием. Грузинские правители в своей деятельности огромное внимание уделяют религиозному фактору. Предпринимаются новые попытки на-
садить в районах Дагестана христианство, усиливается мис-
сионерская деятельность, строятся памятники христианского культа. В XI—XII вв. христианские храмы были «в Антцухе, Тенухи», у «народа Хундзи». Активная деятельность христи-
янской церкви в Дагестане связана с именем царицы Тамары, в правление которой предпринимались неоднократные попытки христианизировать северокавказские народы.

С процессом христианизации, а также с культурными контактами связано распространение грузинского письма в Дагестане. Здесь найдено семнадцать грузинских надписей. Как правило, текст надписей канонический. Некоторые из них представляют собой биллингвы на грузинском и аварском языках.

Искусствоведческий материал также приводит нас в область грузино-дагестанских связей. Дагестанские строители, в частности мастера архитектурного декора, поддерживали профессиональные связи со строителями Грузии и Армении. Возможно, с этим и связано то, что в Табасаране особое развитие получил ленточный орнамент, характерный для «христианской» архитектуры.

Дагестано-грузинские контакты в области экономики, культуры и в быту в значительной степени нашли отражение в дагестанских и грузинских языках, и в частности, наложили отпечаток на топонимику. Так, в Западном Дагестане топонимические данные дают ряд наименований, грузинское происхождение которых находится вне всякого сомнения. С грузинами легенды связывают также происхождение некоторых дагестанских аулов или же тухумов. В то же время в древней топонимике и этнографии северных горных областей как Кахетии, так и Картлии обнаружены многочисленные параллели с северокавказским миром.

Известны случаи, когда грузинские правители переселяли горцев за пределы Дагестана, а некоторые грузинские княжеские фамилии возводят свой род к дагестанским князьям-чанкам, переселившимся в Грузию из Дагестана.

§ 7. КУЛЬТУРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В V—XV вв.

В V—XV вв. культура Дагестана развивалась на базе складывания и укрепления феодальных отношений. Активное участие Дагестана в политических событиях, его регулярные связи с внешним миром способствовали тому, что многие достижения мировой культуры того времени становились достоянием и народов Дагестана.

Крест из Хунзаха с грузинскими и аварскими надписями

В эту эпоху определилось этническое лицо Дагестана, в основном горного, где уже окончательно сложились основные формы материальной культуры. Именно в это время формируется ряд крупных горных аулов современного типа с развитым каменным домостроительством, оформлением основных видов монументальной горской архитектуры и широким распространением типично кавказских костюмов, оружия и орудий производства.

Последние века описываемого периода характеризуются распространением в Дагестане грузинской и арабской письменности, о чем свидетельствуют письменные памятники, в том числе и местные хронографы. Высокого мастерства достигают художественные ремесла: резьба по камню, дереву, ювелирное искусство и т. п.

О культурных памятниках описываемого периода мы можем судить как по дошедшим до нас письменным источникам, так и, в значительной степени (особенно для V—X вв.), по археологическим данным, полученным в результате широких исследований, проводимых за последние годы в республике.

Среди изученных археологических памятников большой интерес представляют как культовые памятники-могильники (Галлинский, Ураллинский, Верхнечирюртовский, Агачкалинский, Хлютский, Ботлихский, Бежтинский, Аркасский, Узунталинский, Кулинский, Дегвинский и др.), так и бытовые (Верхнечирюртовское, Урцекинское, Аркасское городища и др.).

Архитектура Основная масса населения в описываемый период проживала в небольших укрепленных поселениях. Остатки таких поселений существуют почти у каждого крупного современного аула.

Они располагались на гребнях возвышенности, занимая частично солнечные склоны этих возвышенностей (Чиннаб, Ботлих, Ирганай и др.) или же перевалов. Часто место для поселений выбиралось у реки, но и при этом оборонительные факторы учитывались прежде всего.

В XI—XV вв. увеличивается количество крупных населенных пунктов, образованных в результате слияния нескольких мелких поселений. Слияние происходило как мирным путем, так и в результате военных столкновений. Аул разрастался, причем, как правило, укрепленную (возвышенную) часть аула занимали победители. Часто аул строили на совершенно новом месте. Аулы нового типа обычно имеют специально отведенные места — гадеканы (площадь, майдан), игравшие важную роль в общественной жизни горцев. Здесь решались важнейшие вопросы политического и хозяйственного значения.

Жилища на плоскости строились из сырцового кирпича, но были и турлучные. Некоторые дома крылись остроконеч-

Дербент. Северные ворота крепости

ными крышами. Наряду с надземными существовали и подземные жилища. В предгорье и горах основным типом жилища была двух- и трехкамерная сакля с каменными стенами и плоской земляной крышей.

Если для V—X вв. характерны жилые камеры с очагами в центре дома или же пристенными, то в позднейший период повсеместно распространялись пристенные камины различных конструкций, иногда украшенные налепным орнаментом на глиняной обмазке. Неотъемлемой частью интерьера являлась лежанка. Часто она представляла собой обработанный скальный выступ. Существовали также специально пристроенные лежанки. Иногда под лежанкой проходил дымоход. Подобные дома со сложными дымоходами были выявлены при раскопках Миатлинского поселения. Очаг и очажная конструкция, а также отдельные детали интерьера, например центральные столбы, обычно богато орнаментированные, носили культовый характер. С культом, видимо, связан и переносный очаг.

Экономическое и политическое положение Дагестана в описываемую эпоху привело к бурному росту городов.

Первоначально это, как правило, оборонительные сооружения. Возведенные на стратегически важных путях, они впоследствии становились центрами экономической жизни района. Так, многие из них постепенно превращались в типично средневековые города с ярко выраженными архитектурными элементами: цитаделью, городским ядром и посадом.

Наиболее ярким памятником раннего средневековья является система дербентских укреплений, возведенных на месте еще более ранних оборонительных сооружений, построенных из сырцового кирпича.

Начало возведения этих укреплений следует отнести скорее всего к VI в. Дербентские фортификационные сооружения состоят из двух параллельных стен, наглоу запирающих узкий проход по морскому побережью. Общая протяженность их составляет 6 км, максимальная высота 19 м. Стены сделаны из хорошо отесанных плит (размером 1 м × 70 см × 35 см). Каждые две продольные плиты чередуются с плитой, положенной на ребро. По единодушному свидетельству средневековых авторов, блоки, из которых построены стены, скреплялись железными скобами и заливались свинцом. Пространство между панцирными плитами было заполнено забутовой на растворе.

В каждой из стен имелось по трое ворот. Одним концом стены уходили в море, где они образовывали удобную гавань, защищенную большой цепью. С запада к этим стенам примыкает цитадель Нарынкала, построенная несколько позже, в X в. От Нарынкалы древние стены простираются на север, уходя в горы на 40 км и защищая пути, ведущие в обход города через горные перевалы.

Примером высокого развития архитектуры у народов Дагестана являются также развалины средневековых городищ: Урцекинского, Аркасского и Верхнечирюртовского. Поражает умение местного населения использовать военно-топографические преимущества того или иного района.

К концу рассматриваемого периода можно говорить о создании в Дагестане, как и на всем Кавказе, своеобразного вида монументального зодчества — каменных многоэтажных башен. Такие башни сохранились в различных районах Дагестана. Большинство из них в плане четырехугольной формы и имеет до пяти-шести этажей. Наиболее интересны башни, сохранившиеся в сел. Тидиб (Советский район), Рича (Агульский район) и в Кубачах. Развалины их найдены и в Хунзахском районе (поселение Чинна). Круглая башня сохранилась в сел. Ицари (близ Кубачей). Башни встречаются разных типов: жилые, оборонительные и наблюдательные. Сохранились остатки целой системы сигнальных (наблюдательных) башен, расположенных вдоль Аварского Койсу.

Все башни имели входы, расположенные на втором или третьем этаже. Сообщение осуществлялось приставными лестницами, которые убирались в минуты опасности. Первые этажи использовались в качестве хранилища. В стенах башен имелись бойницы, а также специальные козырьки, защищавшие осажденных от стрел противника. Башни построены в основном по единому плану и в единой строительной тех-

Средневековый замок у сел. Гоор (Советский район)

нике, что свидетельствует о значительном опыте дагестанских средневековых строителей.

Поражает тщательность обработки и укладки камня, на растворе и без него. Особо следует отметить, что отдельные башни возводились на растворе из яичного белка с примесью пшеничной муки (башня в сел. Мусрух Советского района и др.).

В средние века в связи с проникновением монотеистических религий (христианства и ислама) развернулись работы по строительству культовых сооружений — храмов и мечетей.

До настоящего времени у сел. Датуна (Советский район) сохранился христианский храм IX—XI вв. Он представляет собой одннефную базилику с купольным сводом, которая переходит снаружи в двускатный коробовый свод. Перекрытие покоятся на двух подпружных арках, расположенных крестообразно. Крыша храма была облицована великолепной глазурованной черепицей. Остатки подобных церквей сохранились также у аулов Хунзах, Хини, Тидиб и др.

Не менее интересны и раннемусульманские культовые мечети. К XI—XIV вв. относятся мечети в сел. Ихрек (Рутульский район) и в сел. Рича. Они датируются куфическими надписями на камнях, уложенных в кладке их стен. К этому же периоду относится и Каракюринская мечеть (Ахтынский район). Ее характерная особенность — три нефа, образуемые двумя рядами подпорных колонн, которые покоялись на че-

тырехугольных базах, покрытых стуковым орнаментом и куфическими надписями по стику. Столбы, в плане круглой формы, также орнаментированы. Хотя мечеть была разрушена при пожаре, тем не менее она сохранила первоначальный план и частично древнюю кладку. Аналогичные сооружения сохранились в Хиве, Хунзахе, Кумухе и других аулах. Особо следует отметить две небольшие мечети конца XIV в., исследованные на Аркасском городище.

Это были небольшие одно- и двухэтажные строения с михрабами в южной стене. К восточной стороне примыкало небольшое здание, предназначеннное, видимо, для хранения припасов. До нас дошли архитектурные детали: капители, базы колонн, детали культовых и жилых парадных помещений XI—XV вв. Как правило, все эти архитектурные элементы покрыты великолепной сюжетной резьбой.

Резьба по дереву и камню Резьба по дереву и камню достигла значительного расцвета в описываемый период, особенно в его последние века. Эти виды художественного ремесла развивались в тесной связи со строительным делом.

В декоративном искусстве Дагестана раннесредневекового периода наблюдается определенная эволюция. Если в начальные века средневековья в декоративном искусстве господствовали сюжетно-реалистические начала, то впоследствии они отчасти вытесняются орнаментально-декоративными формами.

Этот процесс сопровождается усложнением сюжета, дроблением композиции и канонизацией отдельных элементов декора. Появляется плетенчатый орнамент, а затем и орнамент в виде арабской вязи, связанные с проникновением в горный Дагестан христианства и ислама.

Резьба по дереву была развита во многих районах горного Дагестана. Резьбой украшались важнейшие детали помещения: двери, окна, опорные столбы, а также посуда и мебель. Это искусство имело много общего с исконным народным дагестанским орнаментом. Так, например, в Табасаране, где исстари была развита резьба по дереву, орнаментальные мотивы резного дерева перекликались с ковровым орнаментом.

Выдающимся памятником искусства этого периода являются деревянные резные ворота из сел. Калакорейш (XII—XIII вв.), а также деревянные детали дома Хаду Гитинова из Тидиба.

Не уступают этим шедеврам и опорные столбы ричинской мечети XII—XIII вв., сплошь покрытые сложным и изысканным орнаментом. Характер орнамента гармонично сочетается с конструкцией опорного столба и деревянных деталей в мечетях Тпига, Хучни и других аулов.

Резной камень с арабской надписью (аул Кубачи)

Есть все основания полагать, что в обработке дерева широко применялся токарный станок, появившийся еще в предыдущую эпоху.

Почти по всей территории Дагестана встречаются камни, покрытые великолепной тонкой резьбой. Они знакомят нас с бытовыми и военными сценами и религиозными представлениями горцев. Особенно часто встречаются растительные завитки, магические знаки (лабиринты, вавилоны, кресты, свастики), изображения игр, охоты, единоборства и т. д.

Наиболее интересны так называемые «албанские рельефы» из Кубачей и памятники Гидатлинской долины. Техника резьбы по камню самая разнообразная, а изображение настолько искусно выполнено, что можно говорить о сложившейся школе резчиков по камню.

По мнению специалистов, резьба по камню в Дагестане находится «в глубокой связи с художественными традициями не только соседних областей Кавказа, но и Средиземноморья». Особо следует отметить развитие некоторых форм монументально-декоративного искусства, выявленных за последние годы. В селениях Калакорейш, Луткун, а также в Дербенте обнаружены замечательные памятники стуко, близкие по орнаментальным мотивам стуковой резьбе Азербайджана и Средней Азии.

Резьба по стику. Михраб мечети сел. Калакорейп

Художественная керамика

Уже в начальные века раннего средневековья в керамическом производстве наблюдается переход к гончарному кругу. Керамика Галлинского, Верхнечирортовского могильников и Урцекинского городища частично является кружальной.

Раннесредневековые соуды, известные из многочисленных памятников, ангобировались, подвергались лощению и украшались различным орнаментом в виде налепов или геометрическим, врезным.

Особый интерес представляет серия сосудов из раскопок Урцекинского городища, украшенных традиционным для Ближнего Востока сюжетом «древа жизни» и оленями в «адорирующей позе». Со временем этот сюжет становится основным компонентом дагестанского национального орнамента «тутта», «мурк», «клибикъ-араб накъи».

В XI—XV вв. качество гончарных изделий резко повышается. Это объясняется широким распространением гончарного круга, улучшением техники отмучки глины, а также появлением усовершенствованных гончарных печей. В рассматриваемую эпоху почти полностью исчезает грубая кухонная посуда типа горшков. Последние заменяются металлическими изделиями. Основными типами гончарных изделий являлись изящные, богато орнаментированные одноручные и двуручные кувшины безупречных форм и пропорций, тарелки, солонки, а также светильники — чирахи.

Большой интерес представляет крашеная керамика, выявленная при раскопках города в Аркасе, Бектинского могильника, в районе Хуизаха, Верхнего Чирюрта и в других районах Дагестана.

Найденные здесь сосуды и их обломки украшены красной и белой краской — ангобом. Фактура теста, формы керамики, а также цветовое сочетание и узоры не оставляют сомнения в том, что эта керамика непосредственно предшествовала прославленной балхарской.

В X—XIII вв. в Дагестане исключительно широкое распространение получила поливная керамика. Она выявлена повсеместно в горах и на равнине. Сначала использовалась

Рельефная маска на камне
(аул Ицари)

примитивная полива, внутреннее смоление, с X в. появляется уже глазурь. Часть керамики, обнаруженная в горном Дагестане, по своим технологическим особенностям и методам декоровки перекликается с аналогичной поливной керамикой Кахетии и Азербайджана. Другую часть, особенно из Южного Дагестана (керамика, покрытая бирюзовой глазурью, обнаруженная у лезгинских селений Кала и Испиг), можно считать изделиями местного производства.

Художественная обработка металла Металлообработка являлась ведущей отраслью средневекового ремесла. Крупными очагами металлообработки были не только средневековые города — Дербент, Зирихгеран, Уртеки, Аркас, но и ряд горских аулов и поселений.

Новые данные, полученные при раскопках Аркасского и других могильников, позволяют утверждать, что металлообрабатывающая традиция таких аулов, как Гоцатль, Казикумух и др., имела свою богатую предысторию. Уже в раннем средневековье получили распространение небольшие поделки с растительным, иногда черненым орнаментом, в которых можно усмотреть орнаментальные мотивы, характерные для развитого дагестанского декоративно-прикладного искусства.

Прекрасными образцами мастерства дагестанских умельцев в раннем средневековье считаются многочисленные предметы утвари. Большинство из них выполнено в форме зверей и найдено в горном Дагестане. Это своеобразные бронзовые блюда, кувшины, водолеи и курильницы, хранящиеся в различных музеях нашей страны. Они украшены различными инкрустациями: пастой, металлом, врезным и чеканным орнаментом. Изучение этих предметов позволило уверенно говорить о создании в Дагестане различных художественных школ по обработке металла.

Дагестанские мастера были знакомы еще в начале раннесредневекового периода с такими сложными техническими приемами, как инкрустация, зернение, фигурная ковка, художественное литье.

Впоследствии эти технические и художественные традиции не были утрачены и получили дальнейшее развитие с расцветом на Кавказе и Ближнем Востоке так называемого «позднесасанидского искусства», в формировании которого активное участие принимали и народы Дагестана.

Примером развития ремесла и художественных промыслов в горном Дагестане служит Бежтинский могильник (VIII—X вв.), давший исключительно богатый металлический инвентарь. В окрестностях этого могильника, а также в Цунтинском районе, административным центром которого является Бежта, найдены и разнообразные высокохудожественные бронзовые статуэтки и массивные зооморфные пряжки, хра-

нящиеся во многих музеях страны и за ее пределами. Изучение их дало основание говорить о местном изготовлении этих изделий еще в первой половине I тысячелетия до н. э.

Раскопочные данные свидетельствуют о длительном существовании этого древнего очага металлообработки, сырьевой базой которого служили многочисленные рудопроявления, расположенные в непосредственной близости к могильнику. Данные Бежтинского могильника говорят также и об отраслевой специализации, о самостоятельном существовании кузнечного, ювелирного и литейного дела.

Средневековые кузнецы изготавливали мечи, палаши, сабли, шашки, ножи, кинжалы, наконечники стрел и копий, а также шлемы-шишаки. Найденное оружие поражает совершенной техникой изготовления. Кузнецы свободно владели ковкой (в том числе и фигурной), знали также паяние, сварку, волочение (калибровку), а ювелиры-чеканщики — тиснение, резьбу и пуансон. Особенно великолепны железные цельнокованые шлемы с двумя декоративными отверстиями, прикрываемыми железными дисками, обитыми чеканными медными листами. Поверхность шлема украшена также медными шляпками, радиально расходящимися от пломажной втулки. Эти уникальные шлемы созвучны с бронзовой статуэткой из Дидо, на голове которой ясно различается аналогичный шлем. Не уступают шлемам по пышности отделки и два железных палаша, ножны которых обложены медными пластинками, покрытыми геометрическим орнаментом.

Наиболее ярко технологическое мастерство и художественная культура бежтинских мастеров проявилась при создании замечательных шедевров художественного литья: массивных ажурных зооморфных бронзовых пряжек. Сложная многосюжетная композиция составлена очень умело и свидетельствует о большом художественном вкусе ее создателей. Не уступают этим пряжкам по художественной ценности и многочисленные крупные поясные пряжки, найденные в Аркасе, с концами, оформленными в виде голов драконов.

Наряду с изготовлением этих пряжек и других высокихудожественных изделий, несомненно предназначенных для определенного круга постоянных заказчиков, в производстве этого времени наблюдается тенденция к массовому выпуску продукции: широко используется штамп, появляются устойчивые литейные формы, ложная зернь.

В последующие века средневековья (X—XV) искусство бронзового литья принимало все более совершенные формы. Путем литья изготавливались кольца, серьги, браслеты, а также различные фигурки животных, используемые в качестве амулетов. Особенно следует отметить знаменитые бронзовые кубачинские котлы с рельефным изображением людей, животных и птиц.

В этот период значительно изменился ассортимент ювелирных изделий. Вместо массивных изделий (браслеты, привески, прижки и т. д.) появились изящные серьги, пластинчатые браслеты, лунницы и другие украшения. Широкое распространение получают зернение и чеканка.

С XIV—XV вв. чаще встречаются серебряные и позолоченные изделия. Успешно осваиваются новые технологические приемы: чеканка по меди и серебру, инкрустация золотом и полудрагоценными камнями и чернение серебра. Серебряные изделия с чернью, сканью и зернением стали предметом вывоза во все районы Кавказа и более отдаленные области.

Религиозные верования В V—Х вв. в Дагестан, как указывалось выше, проникли христианство и ислам. На-

ряду с ними была широко распространена и языческая религия. По-прежнему бытовала вера в загробную жизнь, о чем свидетельствует погребальный инвентарь многочисленных могильников средневековой эпохи. Этот инвентарь состоял из посуды для заупокойной пищи и питья, оружия, предметов вооружения, орудий труда, украшений, принадлежностей туалета, а также предметов культа. Сопровождение покойника этими предметами, а также тризна, которая устраивалась около могилы, не только имели целью обеспечить покойника в загробной жизни всеми необходимыми предметами, но являлись также попыткой задобрить дух покойника, наделенного сверхъестественными силами и способного активно вмешиваться в земную жизнь. Именно об этих верованиях, видимо, идет речь в описании погребальных обрядов царства Серир арабским путешественником Х. в. ибн Русте. Он пишет: «Когда кто-нибудь из них умирает, они кладут его на носилки и выносят его на открытое место, где оставляют на три дня на носилках. Затем жители города садятся на коней и облачаются в панцири и кольчуги. Они едут на край названного места и со своими конями устремляются на мертвое тело, но не пронзают его. Местные жители объяснили эти церемонии следующим образом: „Был у нас один человек, он умер и был похоронен, а через три дня закричал из своей могилы. Поэтому мы оставляем наших умерших на три дня, а на четвертый пугаем его нашим оружием, чтобы дух его, если он вознесся, вернулся бы в свое тело“». Далее ибн Русте сообщает, что этот обычай существует у них свыше 300 лет.

Интересные космогонические представления горцев (вера в священного быка, поддерживающего на рогах земной шар), а также понятие их о небесной тверди и космическом пространстве. Впоследствии эти представления тесно переплетались с исламскими догмами и мусульманское духовенство развивало самую активную деятельность с целью придать религиозную окраску различным истинно народным празднествам и обрядам, связанным с трудовой деятельностью гор-

цев, с целью приспособления их для укрепления авторитета ислама.

В раннем средневековье почти полностью исчезают характерные для более древнего периода обычай захоронения в сидячем и скорченном положении. Господствуют вытянутые захоронения в грунтовых ямах, склепах и каменных ящиках, т. е. в устройстве погребальных сооружений и в их ориентации наблюдается весьма определенная стандартизация. Развитие погребальных сооружений идет в сторону их упрощения. В некоторых местах они принимают формы, близкие к современным. Даже в равнинном Дагестане, где в V—VII и VIII—X вв. характерным был катакомбный обряд, на рубеже I—II тысячелетий н. э. появляется новый обряд захоронения: обложенные камнями и перекрытые плахами грунтовые ямы.

Унификация погребального обряда связана с изменениями, характеризующими определенный этап в формировании этнической общности дагестанцев. Хронологически он совпадает с проникновением и утверждением в Дагестане mono-теистических религий — христианства и ислама.

Сокращение погребального инвентаря и некоторое ухудшение качества погребальных сооружений, наблюдавшиеся в конце раннесредневекового периода, обычно связываются с усилением имущественной дифференциации и обнищанием основной массы рядовых членов общества, т. е. с дальнейшими социальными сдвигами в местном обществе. Этому же способствовало проникновение монотеистических религий, которые исключают древние ритуалы, связанные с привнесением заупокойной пищи и питья, и лучше обслуживаются укрепляющейся класс феодалов. Это предположение подтверждается письменными источниками Масуди, ибн Русте, «Тарих ал-Баб», сообщающими о развитии экономической и социальной жизни в Дагестане на рубеже I—II тысячелетий н. э.

К широко распространенным культам в средневековом Дагестане следует отнести земледельческие культуры. Они восходят к глубокой старине. Таков, например, наиболее популярный в Дагестане весенний праздник — «День первой борозды», или «Праздник первого плуга».

Не менее оригинальны и другие домусульманские культовые праздники, например «Праздник черешни», «Праздник цветов», ныне возрожденные с новым содержанием в Южном Дагестане, и кайтагский праздник, связанный с прополкой. Все эти праздники связаны с народным тщательно разработанным сельскохозяйственным календарем, существовавшим у всех народов Дагестана.

Из всех сезонов года наибольшее число народных праздников приходится на весну, как наиболее ответственный период хозяйственного года.

Во всех дагестанских районах отмечены «запретные дни», когда рекомендуется прекратить сев во избежание гибели урожая. Только по истечении этих «запретных дней» можно возобновить полевые работы.

У горцев особо выделяют середину лета, называемую почти везде «турши» — ответственная пора полевых работ. Наступление «турши» определяется как по счету от начала лета, так и по одноименной звезде. Звезде Турши приписывается чудодейственная сила, способная убивать людей или же предотвращать болезни.

Письменность Вопрос о времени появления и характере ранней письменности у дагестанцев наукой окончательно не решен.

Однако совершенно очевидно, что уже с эпохи античного албанского государства необходимость в письменности была велика. Возможно, что в начале нашей эры существовал особый албанский алфавит, который впоследствии был вытеснен азбукой, созданной Месропом Маштоцом (V в. н. э.). Видимо, остатки этого алфавита дошли до нас в виде буквенных знаков, использованных в качестве меток гончарами Урцекинского городища.

Остатки письменности, созданной в V в. н. э., в виде лапидарных надписей найдены пока в Северном Азербайджане (Мингечаур). Расшифровка этих надписей показала, что албанский алфавит обслуживал один из языков дагестанской группы, а именно удинский. Впоследствии в силу сложных политических и этнических процессов, происходивших на Восточном Кавказе, албанская национальная письменность была утеряна. Тем не менее албанский алфавит, вероятно, широко применялся в Дагестане, где находился религиозный центр Албании — город Чога.

В Южном Дагестане получила распространение и пехлевийская письменность. Об этом свидетельствуют пехлевийские надписи из Дербента. Они выполнены на крупных блоках, из которых сложена городская стена, с большим искусством, что позволяет считать пехлевийскую грамоту доступной не только духовным лицам, но и мастерам-резчикам.

К X в. н. э. относятся арабские надписи из Южного Дагестана (Дербент, Ихрек, Гельхен), указывающие на знакомство части местного населения Южного Дагестана с арабской письменностью.

В X—XV вв. в Дагестане широкое распространение получили грузинское и арабское письмо.

Грузинским письмом в основном пользовались в Северо-Западном Дагестане (в основном в Аварии). Именно здесь найдено наибольшее число из всех найденных на Северном Кавказе древнегрузинских надписей. В основном это кресты вотивного характера, а также довольно крупные стен-

ные блоки, на которых выгравированы грузинские слова. Большинство надписей сделаны заглавными уставными буквами «мгловани», хотя встречаются и тексты, написанные скорописью. Особый интерес представляют двуязычные тексты-билингвы на грузинском и аварском языках. Они свидетельствуют о попытках, и весьма удачных, использовать грузинский алфавит для создания аварской письменности. Сведения письменных источников, археологические материалы, а также данные этнографии показывают, что христианство в горах не в пример другим районам Северного Кавказа пустило достаточно глубокие корни. В распространении грамоты в горах большую роль играли школы, в которых грузинские миссионеры обучали грузинскому языку и письму. Возможно, грамотность коснулась не всех слоев населения, но грузинские надписи и памятники христианства во многих районах Северо-Западного Дагестана свидетельствуют о довольно большом ареале распространения грузинского письма.

С X в. н. э. наблюдается интенсивное проникновение ислама сначала в южные, а затем в остальные районы Дагестана. Одновременно усиливается и значение арабского языка, который довольно скоро распространился среди духовенства и знати, а затем и среди некоторой части остального населения, главным образом ремесленников. О довольно широком распространении арабского языка и грамоты свидетельствуют многочисленные (несколько десятков) куфические надписи, найденные в основном в Южном Дагестане. Так, надписи XI в. были выявлены в Дербенте и других пунктах, а XII—XV вв. — в Ахтах, Рутуле, Тпиге, Лучеке, Цахуре, Курехе, Хунзахе, Кумухе и других пунктах. Большинство из них строительного характера, хотя отдельные надписи повествуют о событиях политического, даже социального характера. Так, надписи из сел. Рича сообщают о монгольском нашествии, а надпись из Тпига гласит о восстании жителей соседних аулов.

Большой интерес представляют также эпиграфические памятники из Цахура, где сообщается о битве местного населения с «турками и рутульскими феодалами» (XV в.).

Наука К концу рассматриваемой эпохи в Дагестане распространились арабские книги, в основном богословского и философского содержания. В XIII в. в Цахуре, по сведениям Казвина, были распространены книги, посвященные толкованию шафиитского учения,— «Китаб ал-имам ал-Шафии» («Книги имама Шафии») и «Мухтасар ал-Музани фи фуруй ал-Шафия» («Компендиум Музани по отделам шафийского учения»).

Помимо книг богословского содержания в Дагестане, видимо, ходили и светские, такие, как «Космография» Казвина, представляющая собой своего рода энциклопедию естествен-

ных наук (начало XIII в.). По словам И. Ю. Крачковского, «Космография» была «крупнейшим систематическим произведением этого рода, получившим широкое распространение во всех литературах мусульманского Востока».

В том же Цахуре существовала арабская школа для обучения подростков.

В указанное время произведения на арабском языке писали и местные ученые. Это были в основном хронографы, отражающие важнейшие для своего края события и факты (войны, стихийные бедствия, эпидемии и т. д.). Эти летописи имелись почти в каждом ауле и дошли до нас в различных списках и редакциях. Они переписывались и дополнялись новыми фактами, но сохраняли свою сюжетную канву. Широкое распространение подобных произведений знаменует появление в Дагестане особого жанра — региональной историографии, — составившего основу сводных исторических работ. Последние дошли до нас только в единичных экземплярах.

Выдающимся произведением подобного рода являлась «Тарих ал-Баб» («История Дербента»), посвященная событиям IX—XI вв. в Дагестане и Ширване. Оригинал «Истории» утерян, неизвестно и имя автора. Однако и сохранившаяся в краткой редакции, которая дошла до нас в многотомном сочинении турецкого историка Ахмеда ибн-Лутфуллаха, часть «Тарих ал-Баб» имеет исключительное значение для истории Восточного Кавказа рубежа I—II тысячелетий н. э.

Огромной популярностью в горах пользовалась историческая рукопись «Дербенд-наме», которая в многочисленных списках и вариантах сохранилась в горах. Она посвящена нашествию арабов на Дагестан. Рукопись имеется на арабском, персидском, азербайджанском и джагатайском языках. Хотя этот труд тенденциозен и носит компилятивный характер, тем не менее в нем есть некоторые сведения, которые не приводятся в арабских источниках. Не уступает в популярности «Дербенд-наме» и другая рукопись, а именно «Тарихи Дагестан» («История Дагестана») — вероятно, XIV в., — посвященная той же тематике. Она переведена и на местные языки и также содержит много интересных сведений по средневековой истории Дагестана.

К XIII в. относится появление ряда локальных историй, отражающих события отдельных аулов и обществ. К таковым относятся «Ахты-наме», «История села Куркли», «Цахур-наме» и «История Абу-Муслима».

В указанное время в Дагестане выросла плеяда ученых-арабистов, которые пользовались известностью далеко за пределами страны. Ибн-Батутта, известный ученый и путешественник (умер в 1377 г.), сообщает о том, что в столице Золотой Орды Сарае подвизался шафиитский ученый «до-

стойный имам Садредин Сулейман ал-Лакзи, один из отличнейших людей».

Еще раньше, в XII в., как сообщает Насир Хосров, автор широко известной книги «Сафар-наме», писал о дербентском философе Абдул-Хадле Халифе ибн Али. Знаменитый арабский ученый Йакут в книге «Словарь стран» сообщает о видном ученом Хакиме ал-Лакзи ал-Хунлихе (Хунлих — населенный пункт близ Дербента) как о превосходном шафийском хакиме, ученике и последователе знаменитого восточного ученого ал-Газали (середина XII в.). Йакут же сообщает об ученом Мусе ибн Юсуфе ибн Хусейне ал-Лакзи, выходце из Южного Дагестана.

В раннесредневековом периоде была сделана первая попытка перевода на цахурский язык «Комpendия Музани» и «Книги имама аш-Шафии». Переводчик этих книг Низам ал-Мулк ал-Хасан ибн Исхак (XIII в.) основал в Цахуре школу, «где имелись учитель и факихи».

Было бы неправильно считать, что средневековые дагестанские ученые-арабисты занимались только изучением богословия и схоластики. Они интересовались грамматикой, логикой, географией и другими светскими науками. Особенно важно их историческое наследие — бесценный источник по истории Дагестана.

Можно полагать, что в XI—XIII вв. в Дагестане получили развитие некоторые точные науки: астрономия, геодезия, математика. Концом XIV — началом XV в. можно датировать мечети раннесредневековой эпохи, исследованные на Аркасском городище. Их раскопки позволили выявить особенности, указывающие на знакомство строителей с астрономией. Так, например, они умели вычислять долготу и широту, местное время, знали разницу между географическим меридианом и линией Кибла.

Есть все основания считать, что в XI—XV вв. в Дагестане было налажено производство бумаги и чернил. До нас дошло большое количество книг, написанных именно на бумаге местного производства (бумага делалась из льна), а также различные рецепты изготовления бумаги и чернил.

ГЛАВА VIII

УГЛУБЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XVI—XVII вв.)

§ 1. ХОЗЯЙСТВО В XVI—XVII вв.

В XVI—XVII вв. продолжают развиваться и укрепляться экономические процессы, начавшиеся в предшествующие века. Процессы эти были обусловлены как развитием производительных сил и общественных отношений в Дагестане, так и изменениями во внешнеполитической обстановке. Одним из основных факторов, влиявших на дальнейшее развитие экономической жизни Дагестана в этот период, можно считать уже окончательное дифференцирование хозяйства по географическим зонам.

Как и в предыдущие эпохи, земледелие и оседлое скотоводство составляли основу хозяйства Дагестана. Естественно, в равнинной и нижнепредгорной части, где были более благоприятные условия, хозяйство, и особенно земледелие в его наиболее интенсивных формах (садоводство, виноградарство и т. д.), было более развито. В XVI—XVII вв. здесь уже стала складываться общедагестанская хлебная житница. В то же время в горной части, где удобной для пахоты земли было очень мало, земледелие было сопряжено с огромными трудностями, требовало вложения слишком больших средств и труда. В связи с этим в горах увеличивается вес животноводства и домашних промыслов.

В горных долинах, в местах, где возможно было орошение, развивается садоводство и виноградарство, в нагорье же сохраняется земледелие, частично земли используются под покосы и пастбища. Таким образом, выделяется еще одна естественноисторическая зона — горнодолинная.

Еще одной зоной, которая приобретает к этому времени определенную хозяйственную специфику, становится высокогорье, где наибольшее развитие получает скотоводство, в особенности овцеводство.

Таким образом, в XVI—XVII вв. происходит дальнейший процесс размежевания между отдельными местными центрами производства и складывания довольно четкого географического разделения труда уже не только между крупными зонами, но и внутри их.

К концу XVII в. этот процесс в целом завершается, и дальнейшее хозяйственное развитие происходит на базе уже почти полностью сложившегося разделения труда. Интенсивный рост производительных сил приводит к освоению новых земель, начинается процесс обратного освоения заброшенных ранее земель и террас, но уже с более специализированным уклоном. С этим освоением земель связан и процесс образования отселков чисто территориального характера, появление многих микрозон хозяйственного и торгово-обменного характера и процессы политической децентрализации и феодального раздробления крупных политических объединений.

Земледелие и скотоводство Основными занятиями населения Дагестана в этот период были земледелие, скотоводство.

Плоскость и нижнее предгорье характеризуются развитым земледелием. Кроме зерновых здесь практикуются посевы хлопка, бобовых, производят шелк. Большое значение имеет здесь и животноводство, в особенности разведение крупного рогатого скота и лошадей.

Для верхнего предгорья и горной части характерно скотоводческо-земледельческое хозяйство. Сравнительная неразвитость обмена и оторванность отдельных районов способствовали тому, что здесь в описываемый период было еще немало микрорайонов с полунатуральным скотоводческо-земледельческим или земледельческо-скотоводческим хозяйством. Среди производимых продуктов здесь можно видеть зерно, бобовые, лен, масло, сыр, мясо, шерсть и др.

В горных долинах сочетается разведение садов внизу с использованием склонов гор выше для террасного богарного земледелия и скотоводства.

С развитием обмена к концу XVII в. намечается упадок богарного земледелия с использованием заброшенных террас под покосы и пастбища и интенсификацией приречного садоводства.

Главными продуктами здесь являются фрукты, животноводческие продукты, зернобобовые и пр.

Высокогорье, отличающееся обилием альпийских и субальпийских пастбищ, с началом складывания местной специализации стало районом развитого овцеводства. При этом нередко овцеводческими становились и селения, не располагавшиеся в высокогорье, но имеющие высокогорные пастбища в пределах своих земель.

Однако, несмотря на географическое разделение труда,

земледелие и скотоводство развивалось во всех зонах, только в разных соотношениях. Особенно заметна была эта тенденция в горной зоне, где крестьяне, даже став по преимуществу скотоводами, тем не менее стремились иметь клочок собственной пашни, наличие которого символизировало как бы определенное благополучие семьи.

Наиболее развито было земледелие, как мы указывали, на плоскости. Хозяйство здесь было более мощным и многоотраслевым. В земледелии здесь господствовало трехполье, применялся как черный пар, так и зябь, однако достаточно часто встречается и переложная система, сохранению которой способствовало изобилие земли. В отличие от горной части здесь, где распахивались большие массивы земель, уже получил широкое распространение деревянный колесный плуг, в который впрягали несколько пар быков.

В горной зоне также были сильны земледельческие традиции, и техника земледелия здесь была не ниже, чем на плоскости, а в некоторых отношениях, в частности в отношении эффективности и интенсификации, даже выше. Трехполье, пары, зябь и прочее были известны и здесь, не говоря уже о развитом террасостроительстве и орошении. Но здесь земледелие не имело возможностей бесконечного расширения и развития.

Для горного Дагестана вообще были характерны две системы скотоводства: горно-стационарное и отгонное. Для высокогорья больше характерно отгонное, для горных долин и верхнего предгорья — стационарное, базирующееся на использовании пастбищ, пригревов и стернин. Естественно, что последнее характерно для районов с относительноенным развитым земледелием и садоводством. Поэтому в здешнем стаде велик и процент крупного рогатого скота, дополняющего земледелие (рабочий скот, удобрения) и в то же время получающего от него фураж.

Чем глубже становится разделение труда между зонами, тем большие размеры принимает разведение скота в высокогорной зоне и части селений горной зоны, обладающих высокогорными пастбищами. Это и понятно, так как растущие возможности обмена, избыток поголовья скота и животноводческих продуктов стимулировали массовое разведение скота. При этом для обеих систем животноводства — отгонной и стационарной — свойственны и разные формы количественного и качественного состава стада. В стационарном скотоводстве ведущая роль принадлежит крупному рогатому скоту и непрерывного воспроизводства стада не наблюдается. Приплод каждого года и некачественный скот обмениваются каждую осень на другие товары. Такая практика объясняется также и составом стада, так как крупный рогатый скот менее приспособлен к перегонам, чем мелкий. Ха-

рактерно, что стационарным содержанием скота, с преобладанием крупного рогатого скота, занимаются и в тех микрозонах, где имеется достаточно летних пастбищ, но по какимлибо причинам нет возможностей отгонять скот на зимние пастбища.

В отгонном же животноводстве доминирует овцеводство, так как овцы лучше переносят перегон, предвесенне бескормье, численный рост стада здесь не ограничивается. Разумеется, речь идет о таких районах, где имеется много летних пастбищ. Практикуется и арендование зимних пастбищ.

Совершенно иной характер носит скотоводство на плоскости и в предгорье. Здесь оно являлось дополнением и поддержкой земледелию, поэтому хозяйство плоскости можно назвать земледельческо-скотоводческим. Однако в отличие от горного стационарного скотоводства, где рабочего скота мало, на плоскости рабочий скот составляет в стаде очень большой процент, что объясняется масштабом земледельческих работ.

Садоводство и виноградарство были более развиты на плоскости и в предгорье, особенно около Дербента и резиденций крупных феодалов. Однако в горах сады — результат огромного труда по сооружению террас, подведению воды, созданию защитных средств и т. д., вложенного с расчетом на выгодный обмен. С XVII в. садоводство приобретает здесь сугубо обменный характер. На плоскости сады нередко носят потребительский характер, экономическое благополучие крестьянина от них не зависит. Наиболее распространенными плодовыми культурами были груши, яблоки, абрикосы, сливы, айва, персики и др.

Домашние промыслы и отходничество Немаловажное место в хозяйственной деятельности дагестанцев в XVI—XVII вв. занимали домашние промыслы. Географическое разделение труда, складывавшееся на базе развития обмена, способствовало дальнейшему развитию промыслов, которые, сложившись, в свою очередь содействовали развитию обмена и закреплению разделения труда. Развитию промыслов способствовала и общая бедность горного Дагестана, недостаток земли и жизненных средств, получаемых от земледелия и животноводства, что при нарастающем увеличении внутреннего и внешнего обмена, при наличии богатых соседних областей с емким рынком стимулировало поиски источников новых доходов, в частности и путем домашнего ремесленничества.

Из общих причин следует указать и на неблагоприятные природно-климатические условия, порождавшие вынужденное безделье крестьянина в зимние месяцы. В горном Дагестане это расхождение усугублялось безземельем, маломощностью хозяйства, что создавало дополнительную осно-

ву для освобождения рабочих рук. И не случайно наибольшее развитие промыслы получили в горной части Дагестана.

На плоскости было развито производство шерстяных, хлопчатобумажных и шелковых тканей, вышивание, ковроткачество, обработка дерева и металла, но большинство этих промыслов носило потребительский характер, что объяснялось небольшим количеством продукции, так как местное население имело меньше избыточного времени, сырья и наименьшую экономическую заинтересованность в промысловой деятельности.

Предгорье характеризуется уже гораздо большим развитием промыслов. Здесь сосредоточны главные центры ковроткачества (лезгины, Табасаран), производства орудий труда и изделий из дерева (Кайтаг), льняных тканей, шерстяных чувалов, обуви, выделки овчин и кож.

Район наиболее высокого развития промыслов — это горы. Главными промыслами, имеющими общедагестанское значение, здесь являются обработка металла и шерсти. В металлообработке здесь имеется и производство орудий (Харбук, Куйда, Тлях и др.), и особенно оружия (Кубачи, Амуги, Харбук, Икра, В. Казанищи, Гоцатль, Араканы). Из шерсти в горах производили сукна, особенно в селениях Карагата, Согратль, Ругельда, Сомода, Тлондода, Тинди, Акуша, Цудахар, Хаджальмахи, Мекеги, Муги, Кая, Вихли, Цовкра, Чукни и др.; бурки — Анди, Ансалта, Гагатль, Риквани; ковры — Микрах, Ахты, Рутул, Курах; шерстяные узорчатые носки — Ахты, Кубачи, Дибо. Развита здесь была и обработка дерева (Гидатль, Дибо, Усиша, Унцукуль), производство кож (Корода, Салта, Гонода, Тебек и др.), обуви (лакцы, даргинцы), гончарных изделий (Балхар, Испик, Джгули), обработка камня (Сутбук, Ругуджа и др.). Такое развитие промыслов, производящих изделия в значительной степени и для обмена, усиливается в XVI—XVII вв., с завершением определения границ отдельных естственноисторических зон, что было обусловлено развивающимся обменом в условиях общей бедности края и маломощности хозяйства, наличия излишков рабочих рук и различных видов сырья.

Следует отметить, что в XVI—XVII вв. становится довольно ощутимым начавшийся ранее процесс превращения некоторых селений с развитым промыслом в центры ремесла и торговли. Наряду с Кубачами, где этот процесс начинается раньше, можно указать несколько селений, где промысел работает почти полностью на рынок и становится основной статьей дохода, т. е. превращается в ремесленное производство. Это — Балхар, Сулевкент, Кумух, Анди, Харбук и др.

Еще больше было селений, где ремесленничество было одной из главных отраслей хозяйства (Сутбук, Амуги,

Хулелая, Гоцатль, Карата, Испик, Джули и многие другие) наравне с земледелием, садоводством или скотоводством.

Своеобразным промыслом, связанным с бедностью горцев и постоянным излишком рабочих рук, является отходничество. Как и в промыслах, в отходничестве заметно разграничение по зонам. В XVI—XVII вв., с усилением классового расслоения, оно становится не столько зональным, сколько социальным явлением. Формы отходничества были самые разнообразные: уход горцев к крупным земледельцам плоскости, богатым скотоводам, садоводам; отходники работали и как поденные слуги, и как использующие на запаханной ими пустоши на плоскости, и как ремесленники (лудильщики, сажожники, шапочники и др.).

Торговля Уже само географическое разделение труда, складывающееся на основе развития

обмена, является в дальнейшем одной из главных предпосылок и стимулов обмена между населением зон, микрозон и селений. С этого же времени можно предполагать и начало складывания большинства дагестанских базаров ярмарочного типа, многие из которых отличались довольно большими оборотами. Во внутреннем обмене главным товаром плоскости и нижнего предгорья было зерно, которое шло в горную часть, и в Дербент, и на север, в русские крепости и города.

Характерно, что плоскость и вообще селения, имеющие зерно для обмена, чувствуют себя обеспеченными основным необходимым продуктом и поэтому держатся независимо в обменных отношениях. Владелец зерна почти никогда не беспокоился о сбыте его, в лучшем случае он отвозил его на ближайший базар. А горцы ходили со своими товарами за зерном на самые отдаленные от них базары. Эту особенность подметил и И. Г. Гербер, говоря о Кайтаге, замечает: «Пшеницею и ячменем удовольствуют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюда приезжают». Он же подметил другой интересный факт: горцы, традиционно потребляющие зерно определенной области (в частности, горцы Южного Дагестана, обменивающие свои товары на зерно кубинцев), никогда не допускают нападений на эту область или враждебных отношений с ее населением, «чтоб через то не потерять пшена и пшеницу тамо доставать и менять».

Кроме зерна с плоскости и нижнего предгорья шли на продажу скот, виноград, рыба, соль, нефть, шелк-сырец, ма-rena и другие «красильные коренья». В обмен плоскость получала лес, орудия из металла, оружие, сукно, овчины, деревянную утварь и орудия и др.

Предгорье имело для обмена скот, лес и лесоматериалы, лесные ягоды и фрукты, сельскохозяйственные орудия и утварь из дерева, льняные ткани, ковры. Ввозили жители пред-

горья зерно, соль, нефть, рыбу, шелк-сырец, сукно, железные сельскохозяйственные орудия, оружие, украшения, гончарную посуду и пр.

Наиболее заинтересованной в обмене зоной была горная часть. Горцы сбывали скот, шерсть, овчины, сыр, масло, фрукты (из долин), железные сельскохозяйственные орудия, оружие, украшения, сукно, бурки, музыкальные инструменты, мелкую деревянную утварь, гончарную посуду и т. п.

Главным предметом ввоза горцев было зерно, вся хозяйственная и промысловая деятельность их во многом была подчинена обеспечению себя зерном. Кроме зерна горцы получали в обмен соль, нефть, фрукты, лес, деревянную утварь, орудия и пр.

Кроме обмена зонального характера существовал и внутренний обмен, как между микрозонами, так и между отдельными селениями. Так, сюргинцы сбывали скот, а акушинцы и лакцы — шерсть цудахарцам, те в свою очередь сбывали им фрукты и высококачественные сукна; многие плоскостные селения сбывали виноград и фрукты, а, скажем, Губден или Карабудахкент постоянно получали их из горных долин; были в горах и такие селения, которые сбывали излишки зерна (Харахи, Гергебиль, Урада, Ругуджа, Кума и др.).

Разумеется, этот обмен еще нельзя считать развитой торговлей. Беглого взгляда на основные занятия и главные статьи обмена зон и микрозон достаточно, чтобы понять, что хозяйство дагестанцев во многом являлось еще натуральным и обмен осуществлялся в основном в рамках натурального и полунаатурального хозяйства. Об этом свидетельствует и то важное обстоятельство, что в Дагестане (исключая Дербент) не было своей денежной единицы, что видно, например, по памятникам обычного права XVI—XVII вв., в которых в качестве эквивалента при компенсациях фигурируют скот, дотканое полотно, иногда котлы.

Положение в обмене несколько изменилось с XVII в., чему в большой степени способствовал выход России к Каспию и оживление транзитной торговли через Дагестан. В это время оживаются и традиционные торговые сношения Дагестана с Азербайджаном, Грузией, Персией, Кабардой, Арменией и значительно увеличивается торговля с Россией.

В целом, характеризуя хозяйственную деятельность народов Дагестана в XVI—XVII вв., следует отметить оживление, связанное с ростом обмена и местной специализацией (географическое разделение труда), общим подъемом производительных сил; но хозяйство в этот период остается еще полунаатуральным.

§ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Класс феодалов В XVI—XVII вв. в соответствии с дальнейшим развитием феодальных отношений еще больше усиливается процесс деления общества на два противоположных класса: господствующий класс феодалов и класс феодально-зависимого сельского населения. По-прежнему высшую ступень иерархической лестницы занимали владельцы феодальных владений — шамхалы, уцмии, майсумы, ханы. Они являлись собственниками крупных земельных угодий, как пахотных, так и пастбищ, покосов и лесов. Вслед за ними шло бекское сословие.

В дагестанских владениях в XVI—XVII вв. различались две категории беков: владельческие и личные (служилые).

Владельческие беки были крупными землевладельцами и являлись сторонниками феодальной децентрализации. Имея в своем распоряжении значительную военную силу, в вопросах внешней политики они выступали как самостоятельная сила и очень часто во имя своих личных корыстных целей становились в оппозицию к центральной власти. В некоторых селениях шамхальства — Карабудахкенте, Губдене, Эрпели, Каранае, Ишкарты — были и потомственные беки, не связанные с ханским родом и называвшиеся в Кумыкии карачи-беки или карачи-бии, в Кайтаге — гимринские беки. Они являлись потомками старинной местной знати, когда-то знаменитой, но униженной влиянием шамхала. Сила и мощь этой группы базировалась не только на том, что они сосредоточили в руках земли и скот, но и на большом ополчении, используемом ими в своих интересах.

Служилые беки в виде пожалования получали земельные угодья и доходы с крестьян. В этом случае пожалованная земля принадлежала ханскому дому.

Но в связи с ослаблением центральной власти и обострением межфеодальных войн уже наблюдаются тенденции к закреплению пожалованных земель в пожизненное пользование. Служилые беки составляли основное руководящее ядро феодального ополчения.

К господствующему классу Дагестана относились и представители мусульманского духовенства. Центральная власть, действуя в своих интересах, стремилась поднять престиж духовных лиц, предоставляя им большие права и привилегии в своих владениях, привлекая верхушку духовенства на различные должности.

Со второй половины XVI в. наблюдается дальнейшее оформление феодальной иерархии. Появляется другая группа феодального класса, известная под названием чанки-беки и сала-уздени. Чанками назывались дети владельцев, рожденные от неравного брака и не имевшие права на наследование.

ние земли. Подобно бекам, они также несли вассальную службу у ханов, шамхалов и уцмиев. Начавшийся задолго до описываемого периода процесс имущественной дифференциации привел к выделению категории разбогатевшего узденства, стоявшего уже ближе к феодальному классу. На Кумыкской плоскости эти потомственные уздени назывались сала-узденями. В южной части Тарковского шамхальства утвердились название уллу-узденъ (большой узденъ), в русских источниках XVII в. они известны под названием первостепенных узденей. Узденство владений нагорного Дагестана тоже не было однородно. Однако в связи с тем, что процесс дифференциации происходил здесь медленнее, разбогатевшая узденская верхушка по своему положению, хотя и близко стояла к крестьянам, по-прежнему именовалась узденями.

**Феодально-
зависимое
население**

Основная масса крестьянства состояла из лично свободных — узденей. Однако, за исключением первостепенных, разбогатевших или родовитых узденей, значительно боль-

шая часть узденства Дагестана находилась в различной степени зависимости от феодалов. Часть узденей обязана была выплачивать подати и нести повинности за пользование феодальными пастищами землями или по внеэкономическому феодальному принуждению, а другая часть продолжала еще сохранять свою личную независимость. Но все узденство феодальных владетелей Дагестана обязано было нести обязательные повинности: по указанию главы владения участвовать в войнах, содержать ханские отряды во время их поста в данном селении, строить крепости и другие оборонительные сооружения, выставлять по требованию ханов и беков рабочий скот для перевозки тяжестей. Обязательными являлись и всевозможные подношения ханам и бекам в праздники, при рождении детей и т. д., а также всевозможные подношения в пользу мечети ко дню религиозных мусульманских праздников и т. д.

На положении крепостных находились раяты, сидевшие на частновладельческих землях или же на землях, пожалованных в условное владение бекам и служилому узденству.

В XVI—XVII вв. во владениях Дагестана имелись целые раятские села — такие, как Амишта, Текита, Мосшул, Хин — в Аварии; Тулизма, Хури и др. — в Казикумухском ханстве; Терекеме — в Кайтаге.

Данные источников XVI—XVII вв. не дают полной картины правового положения раят в их отношении к личности феодального владельца. Например, беки имели право на взимание податей и других поборов с раят и право управления над ними, как над лично зависимыми людьми, прикрепленными к земле.

В XVI—XVII вв. в Дагестане наряду с трудом зависимого крестьянства применялся труд лагов, или рабов. Как и раньше, число патриархальных рабов пополнялось в основном за счет пленных. Рабы свободно продавались. Крупными невольничими рынками в то время являлись Дербент, Эндрей и др.

В правовом отношении рабы были более принижены, чем другие группы зависимого населения. Убивший раба не подлежал кровной мести со стороны его хозяина или родственников, цена его крови компенсировалась в форме натуральных взысканий.

Рабы имели право на выкуп. При этом имущество, нажитое рабом, переходило в собственность владельца. Освобожденные рабы получали определенные участки земли от их владельцев на владельческих правах, за что они обязаны были нести натуральные повинности в пользу феодалов.

Однако и после освобождения их относили к сословию лагов, и поэтому сохранялись ограничения в правах, в частности в вопросах бракосочетания, если даже они или их потомки приобретали богатство.

Сельская община в XVI—XVII вв. В XVI—XVII вв. в Дагестане существовало две формы сельской общины: земледельческая община и община марка. Характерным признаком «земледельческой общины», как указывал К. Маркс, является то обстоятельство, что в ней пахотная земля — неотчуждаемая и общая собственность — периодически переделяется между членами земледельческой общины, так что каждый собственными силами обрабатывает отведенные ему поля и урожай присваивает единолично.

Такая община существовала в приморском и предгорном Дагестане. Однако первоначальный порядок равного дележа общественных пахотных участков к XVI—XVII вв. был коренным образом видоизменен. Феодалы закрепили за собой право первого выбора переделываемых участков и при этом присваивали себе по нескольку наделов. Характерно, что периодическим переделам подвергались в основном поливные земли, а богарные участки находились в наследственном пользовании отдельных семей.

Сельские общины в приморском и предгорном Дагестане находились в разной степени феодальной зависимости, начиная от крепостного состояния до простого обязательства нести некоторые повинности в пользу феодалов.

По своему характеру сельские общины, находящиеся под властью феодальных правителей, несколько отличались от общин приморского Дагестана. Здесь уже не существовало института периодических переделов пахотных участков. Земля задолго до рассматриваемого времени стала частной соб-

ственностью, что является характерным признаком общин: типа западноевропейской марки. Община этого типа уже потеряла свою независимость, стала феодально-зависимой.

Иной была сельская община в нагорном Дагестане. Это наиболее четко прослеживается в земельных отношениях в общинах союзов сельских обществ. Известно, что купля-продажа земли в общинах нагорного Дагестана в XVI—XVII вв. практиковалась относительно широко, и это хорошо иллюстрируют нормы обычного права. Однако наряду с этим в тех же азатах встречается целый ряд пунктов, ограничивающих продажу дома, пахотного участка, сада и т. д. Рядовые общинники пытались отстоять свою землю от захватов феодализирующейся знати, которые участились к XVI—XVII вв. с использованием, в частности, таких институтов, как право предпочтительной покупки, выкупа. Не случайно поэтому в дагестанских азатах встречается целый ряд пунктов, свидетельствующих о возможных притязаниях родственников, а иногда и соседей на продаваемую недвижимость.

Институтом предпочтительной покупки пользовались не только члены одной родственной группы или одной сельской общины. В некоторых случаях союз сельских обществ, разрешая куплю-продажу земли внутри союза, категорически запрещает продажу земли чужаку вне своего общества. Институт предпочтения свидетельствует о начавшейся концентрации пахотных участков в руках общинной верхушки, которая была заинтересована в запрещении продажи земли вне общины.

Итак, мы видим, что общинник в значительной степени был ограничен в праве распоряжения своей недвижимостью. Более того, сельская община до мелочей регламентировала порядок пользования пахотными участками. В некоторых сельских общинах нагорного Дагестана существовала коллективная собственность на пахотные участки. Но, разумеется, не они определяли характер землевладения в общинах нагорного Дагестана. Периодически передаваемые участки служили дополнением к индивидуальному наследственному наделу. Участки пахотных земель, которые находились в коллективной собственности общины, осваивались совместными усилиями всей общины или захватывались у другой, менее сильной общины. Совместные усилия всех членов единого коллектива определяли общую собственность на вновь освоенную землю. До определенного времени она реализуется с помощью института периодических переделов.

Чрезвычайно интересна форма реализации общинных пахотных участков в некоторых союзах сельских общин. Так, в Акушинском союзе сельских общин общинную землю сначала делили на количество родственных групп в данной об-

щине, а потом каждая группа (в данном случае тухум) в свою очередь распределяла полученную от общины долю пахоты между входящими в нее малыми семьями. Аналогичные порядки существовали в Андийском и других союзах сельских общин. Такая форма реализации общей собственности в союзах показывает, что здесь отдельный общинник не выступает как самостоятельное юридическое лицо перед общиной. Только принадлежность к определенному тухуму обеспечивала рядового общинника долей в общем пахотном и покосном участке. Реализация общинной земли через тухумы является одной из основных причин сохранения обособленного положения отдельных родственных групп, которые как единое целое входили в состав сельской территориальной общины.

Историческая топография пахотных полей любой дагестанской общины показывает, что пахотные участки отдельных общинников в составе тухумных земель были разбросаны чересполосно в различных местах общинных земель. Поэтому не удивительно, что в общинах существует принудительный севооборот, строгая регламентация всех сельскохозяйственных работ, которая нашла прекрасное отражение в дагестанских адатах. «Если кто пойдет засевать свой пахотный участок раньше, чем другие односельчане, с того взыскивается штраф в размере одной овцы», — записано в адатах келебских селений.

Такие нормы адатов были характерны для всех дагестанских народов. Начало и конец сельскохозяйственных работ было принято объявлять криком эла. Без разрешения общинной администрации общинник не имел права убирать урожай, хотя он и поспел. Так, в адатах Кахибского общества говорится: «Кто снял урожай ранее объявления дня урожая, без разрешения судей, тот должен платить штраф и отвезти урожай обратно в поле». После уборки урожая пахотные земли и сепокосные участки поступали в распоряжение общины и на этих участках можно было пасти общественный скот. Такая практика возможна только при принудительном севообороте и системе открытых полей.

В таких условиях все общинники были в равной степени заинтересованы в надлежащей обработке всех пахотных участков общинников. Эта заинтересованность выражалась в требовании вывезти в поле определенное количество навоза и прочих удобрений, в том, что засеянные поля поступали под охрану общинной администрации.

Одной из основных характерных черт союзов сельских обществ Дагестана является наличие у них общей альменды, т. е. неподеленных угодий, которые находились в совместном пользовании всего общества или основного ядра его. Примером в этом отношении может служить Гидатлинское об-

щество. Ядром этого общества были шесть селений: Урада, Гинта, Гидиб, Хотода, Гоор и Кашиб, которые совместно владели город под названием Ахвах му'урул, землями при Большой речке и землями сел. Хучада. Эти земли «являлись общими, поровну между шестью селениями, составлявшими Гидатлинское общество», — сказано в архивах этого союза.

Такие же неподеленные угодья имело и Урахинское общество. Крупные горные пастбища находились в совместном владении Акушинского и других союзов сельских обществ Дагестана.

В сложной внешнеполитической обстановке XVI—XVII вв., когда феодальные правители Дагестана стремились к территориальному округлению своих владений, союзы сельских обществ путем выделения части общей альменды соседним общинам привлекали их на свою сторону. Так, Гидатлинское общество выделяло часть общей альменды обществу Батлух, чтобы последнее присоединилось к Гидатлинскому обществу. Для этих же целей были выделены крупные массивы и урибцам. В случае выхода из Гидатлинского союза общинны теряли права на эти земли, которые возвращались обратно Гидатлинскому обществу. В качестве союзника Гидатлинского общества могла выступать любая близлежащая община, которая нуждалась в общественных угодьях. В данном случае можно отметить то обстоятельство, что общая альменда всегда обеспечивала Гидатлинское общество союзниками, что она была гарантией существования союза как такового.

Наличие общей альменды наряду с другими пережитками патриархально-родового строя сыграло значительную роль в консервации общинных порядков в союзах сельских обществ Дагестана. Нормы обычного права этих обществ в основном знают только две социальные категории: свободный общинник — узденъ и раб. Однако это не значит, что в экономическом отношении свободные общинники были однородной массой. Наиболее состоятельная часть общинников уже узурпировала права сельского схода. И не случайно поэтому в это время отчетливо проявляется тенденция к закреплению за состоятельными членами общины общинных должностей и превращению их в наследственные. Люди, «достойные доверия», «хорошие», «мудрые», которые фигурируют в дагестанских архивах, в основном регулировали внутреннюю жизнь общин в своих интересах.

Наиболее крупные общины нагорного Дагестана в XVI—XVII вв. коллективно эксплуатировали слабые общины. Принадлежность к господствующей общине обеспечивала рядового общинника долей дохода с эксплуатируемой общиной. В этом отношении характерна форма эксплуатации зависимых общин в Ахтыпаринском союзе сельских общин. Следует подчеркнуть, что общины, зависимые от Ахтынской, были

в основном переселенцами из других мест. Кроме того, зависимыми могли быть общины рабского происхождения и общины-поселенцы на землях господствующей общины, выступившей в качестве коллективного эксплуататора. Согласно существующему обычаю, жители одиннадцати общин, зависимых от Ахтынской, обязаны были нести так называемую пахту. Сущность ее заключалась в том, что все ахтынцы имели право на «кормление» по разу в году во всех зависимых селениях и при этом получали сверх того еще одну овцу. Обычно ахтынцы отправлялись на кормление партиями от 100 до 500 человек. Такой же порядок существовал и в Рутульском союзе сельских общин. Гидатлинское общество коллективно эксплуатировало общество Телетл. Некоторые крупные общины брали под свою защиту относительно слабые, за что последние обязаны были принимать самое активное участие в мероприятиях своего патрона. Впоследствии эти патронатные отношения могли перейти в зависимые. Однако эта зависимость была завуалирована патриархально-родовыми пережитками и не получила в силу ряда причин своего дальнейшего развития.

Совершенно иная картина наблюдалась на территории дагестанских феодальных правителей. В социальном отношении общества дагестанских феодальных владений представляли собой типично феодальные общества, где относительно четко прослеживается социальная дифференциация и иерархическая организация, о чем было сказано в предыдущих разделах.

Правда, и в этих феодальных обществах все еще живучи патриархально-родовые пережитки, но не они в конечном счете являются определяющими.

В общинах этого типа пахотные участки задолго до рассматриваемого времени перешли в частную собственность при коллективной собственности на неподеленные угодья. В силу этого община, находящаяся в сфере влияния дагестанских ханств, к XVI—XVII вв. в основном потеряла свою независимость и стала феодально-зависимой. Наиболее четко этот процесс прослеживается в организации суда в этих общинах. Если в общинах «вольных обществ» суд является функцией общины, то в этих общинах право суда переходит в основном к беку или другим феодальным владельцам. Если в общинах «вольных обществ» наказание носит частный характер — кровная месть и частное возмещение убытков, то в общинах дагестанских ханств кровная месть ограничена, и штрафы идут в пользу бека или центральной власти. Отсюда вытекает, что сельские общины на территории дагестанских ханств в отличие от общин «вольных обществ» потеряли свою независимость и оказались под контролем беков и прочих феодальных категорий. Более того, долж-

цостные лица, так называемые «начальники» общин, назначаются центральной властью, а не выбираются, как в «вольных обществах».

Классовая борьба классовая борьба в Дагестане, что явилось прямым следствием усиления феодальной эксплуатации и прямого грабежа крестьян со стороны феодалов. Классовая борьба выражалась в отказе от несения феодальных повинностей, в поджоге домов и хозяйственных застроек феодалов, в ломке и порче орудий производства, в отказе от участия в походах феодалов и т. д. Нередко феодально-зависимые крестьяне в знак протesta против все усилившегося феодального гнета покидали свои насиженные места и совершали побеги из одних владений в другие или на Северный Кавказ, где они оседали в русских городских слободах, в казачьих станицах и т. д.

Нередко феодально- зависимые крестьяне от глухого протesta переходили к активным действиям. Так, в 1553 г. крестьяне агульского селения Тпиг отказались нести феодальные повинности в пользу казикумухского шамхала. В результате твердой позиции, занятой крестьянами Агула в этом вопросе, Улхай-шамхал вынужден был уступить.

В конце XVI в. крупные волнения зависимых крестьян происходили на другом конце Казикумухского шамхальства, в сел. Кунди, и в других феодальных владениях Дагестана.

В начале XVII в. в Табасаране феодальная эксплуатация была настолько тяжелой, что у крестьян, по словам местной хроники, «иссякло всякое терпение по причине злодейств» феодалов и поэтому феодально- зависимые крестьяне объединенными силами восстали против своих угнетателей. В результате этого восстания много феодалов было убито.

Тем не менее плодами этого восстания воспользовалась другая группа феодалов, добивавшаяся только устранения руками восставших крестьян враждебных им феодалов. После восстания правителем Табасарана стал майсум Герей-хан Джарахский.

Наиболее ожесточенной была борьба между крестьянами Цахура и местными беками. В результате этой борьбы местные беки и их семьи были полностью истреблены.

Не менее острой была классовая борьба в Кайтаге. В 80-х годах XVI в., при уцмии Гасан-Али, здесь вспыхнуло восстание раят, закончившееся выселением беков в Янгикент.

При уцмии Ахмед-хане восстали крестьяне сел. Башлы. В конце XVI в. неоднократно восставали крестьяне Урджемильского магала. Однако каждое восстание зависимых крестьян жестоко подавлялось.

Аналогичные формы классовой борьбы наблюдались и в Аварии. Союзы сельских обществ Хиндалал, Гидатль, Ка-

та, Анди и ряд других неоднократно поднимали восстания против аварских ханов. В этой затянувшейся борьбе против феодального закабаления сельских общин крестьяне Гидатлинского союза сельских общин выдвинули из своей среды легендарного Хочбара, который в течение ряда лет успешно возглавлял борьбу крестьян Гидатля против аварских ханов.

Ожесточенную борьбу против аварских феодалов вели и андийцы. Аварские феодалы постоянно стремились к феодальному закабалению Андийского союза сельских общин. Однако андийцы успешно отражали все попытки аварских феодалов заставить их нести феодальные поборы. Более того, в одном из сражений был убит аварский феодал Турлав.

§ 3. УГЛУБЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

В начале XVI в. в Дагестане имелись относительно крупные феодальные владения: шамхальство, ханство Аварское, уцмийство Кайтагское, майсумство Табасарана и целый ряд союзов сельских обществ.

Распад шамхальства и образование новых феодальных владений В шамхальство до середины XVI в. входили земли, населенные кумыками, лакцами, даргинцами и другими народами Дагестана. Резиденция шамхальства находилась в Каизкумухе. Однако отсутствие тесных экономических связей между отдельными частями, неравномерность развития феодально-производственных отношений, феодальные раздоры и междоусобицы, децентрализация аппарата и этническая пестрота обусловили распад шамхальства и образование ряда новых феодальных владений. Особенно этот процесс усилился во второй половине XVI в., в период правления Чопан-шамхала (ум. в 1577 г.). Шамхальство раздробилось на ряд уделов, где укрепились родственные между собой ветви феодальных владетелей, которые не всегда подчинялись центральной власти, нередко вступали даже в борьбу с шамхалом. Власть в уделах сосредоточивалась в руках одной семьи или группы родственников.

После смерти Чопан-шамхала сыновья его Эльдар, Магомед, Анди и Гирей попытались лишить наследства своего брата Султан-Мута, рожденного от кабардинки из рода Анзоровых. Тогда Султан-Мут отправился в Кабарду и с помощью родственников по матери собрал вооруженный отряд и силой утвердился в засулакской Кумыкии. Владение Султан-Мута стало называться Эндреевским (по названию главного селения). Со временем Эндреевское владение в свою очередь распадается на три части: само Эндреевское владение, Аксаевское и Костековское. Одновременно образовались также полу-

независимые от центральной власти уделы: Карагачское, Кумторкалинское, Кафыркумухское, Какашуринское, Эрпелинское, Карабудахкентское, Бойнакское и др. В XVI в. на территории засулакской Кумыкии образовалось Тюменское владение Мамай Агишева, основным населением которого были ногайцы и тюменские татары, жившие у урочища Бурунчук. Однако со строительством русской крепости Терки это владение прекратило свое существование, а население в основном расселилось по засулакской Кумыкии.

Вся централизаторская политика престарелого Сурхай-шамхала, пришедшего на смену Чопан-шамхалу, не привела к упрочению пошатнувшегося положения шамхальства и разбивалась о сепаратистские тенденции удельных правителей.

Сепаратистские устремления удельных правителей особенно усилились к концу жизни Сурхай-шамхала в связи с обострением классовых противоречий и усилением вмешательства во внутренние дела Дагестана турецких и персидских захватчиков. И хотя термины «шамхальство» или «Шевкальская земля» еще употреблялись в XVI в., объединенного государства уже не существовало. Напротив, шел интенсивный процесс дальнейшего распада, сопровождавшийся бесконечными междоусобицами.

Одной из главных причин феодальных войн и столкновений был порядок замещения шамхальского престола. В это время достоинство шамхала не было наследственным по прямой линии и не закреплялось за каким-либо уделом. Шамхалов выбирали из старших членов шамхальского рода. Одновременно утверждался и крым-шамхал — будущий шамхал. Но, как правило, передача шамхальского достоинства, так же как и достоинства владетеля удела, происходила в жестокой борьбе между претендентами.

В начале XVII в., когда умер шамхал Сурхай, за престол шамхала разгорелась ожесточенная борьба между крым-шамхалом Андием и тарковским Гиреем. В эту борьбу были втянуты и другие владетели Дагестана. На стороне Андия были эндреевский, кайтагский и аварский владетели, а на помощь Гирею по его просьбе прибыл русский отряд войск.

В первой половине XVII в. неоднократно разгоралась борьба за престол шамхала между тарковским и эндреевским владетелями. Усобицы происходили также между владельцами уделов нагорного Дагестана и шамхалом. В начале 1616 г. шамхалом был избран кафыркумухский владетель Андий (ум. в 1621 г.), вслед за тем престол перешел к Ильдару Тарковскому (ум. в 1634 г.). После смерти его шамхалом должен был стать эндреевский Султан-Магмут, но он отказался от престола в пользу сына Айдемира. В 1641 г. шамхал Айдемир погиб в неудачном походе на Кабарду. Шамхалом стал Сурхай Тарковский, племянник шамхала Ильдара.

Но бывали времена, когда феодальные междоусобицы в силу ряда обстоятельств прекращались. Внешняя опасность ставила феодалов перед необходимостью урегулировать свои взаимоотношения, для чего созывались съезды, на которых устанавливали «одиначество» (феодальные договоры). Предпринимались безуспешные попытки установить преемственность престола шамхала. Но и эти съезды и «одиначества» не могли приостановить закономерности исторического развития. Не успевали владетели вернуться в свои владения, как между ними вновь возникали междоусобицы.

В результате этих междоусобиц отдельные уделы шамхальства превращались в самостоятельные владения, лишь名义ально входившие в шамхальство.

В начале XVII в. шамхалы основной резиденцией сделали Тарки и Бойнак, а в Казикумух приезжали лишь в летнее время. К этому времени в Казикумухе образовалась сильная партия, стремившаяся освободиться из-под власти шамхалов. В 40-х годах XVII в. казикумухцы подняли восстание и изгнали прибывшего на лето шамхала. Освободившись от власти шамхалов, казикумухцы добились смены правителей, назначавшихся шамхалами, правителями, выбираемыми на собрании феодальной знати. Это собрание получило название «къатI» и ввело новый титул правителя Казикумуха — халклавчи *. Первым казикумухским халклавчи являлся Алибек, который принадлежал к побочной ветви шамхальской фамилии, оставшейся в Кумухе.

Кумухский къатI, в котором руководящая роль принадлежала феодальной знати, становится хозяином в Кумухе. Главной же обязанностью халклавчи являлся сбор ополчения и предводительство им во время военных действий, а также некоторые функции исполнительной власти. Особого содержания халклавчи не имел, пользовался он только доходами с пастбищных гор и пашен, получал часть податей, взыскивавшихся преимущественно баранами и хлебом с Варкун-Даргуга и Арчи, и определенную часть военной добычи.

Примерно в этот же период от шамхальства отделились верхнедаргинцы и образовали независимый союз сельских обществ Акуша-Дарго. Самостоятельными стали Цахурское владение, Рутульский, Агульский и другие союзы сельских обществ Южного Дагестана. В начале XVII в. резиденция цахурских владетелей была перенесена в сел. Элису, а само владение преобразовано в Элисуйское султанство. В связи с распадом шамхальства достоинство шамхала окончательно утвердилось за владетелями Тарков, т. е. сложилось новое самостоятельное владение, шамхальство Тарковское.

* «Халклавчи» образовано от слов *халк* — «надзор» и *лавай* — «высший, превосходный».

С распадом шамхальства в XVII в. образовалось и Мехтүлинское ханство. Согласно преданиям, основателем ханства был один из отпрысков шамхальского рода по имени Мехти, который еще в первой половине XVII в. являлся удельным правителем шамхальства в сел. Дургели. После распада шамхальства под его власть попало население аулов Большой и Малый Дженигутай, Апши, Ахкент, Оглы, Кулецма, Чоглы, Ка-ка-Шура, Урма, Параул.

Табасаран В XVI в. вся территория, населенная тавасарантами, объединилась в самостоятельное владение — майсумство.

В начале XVII в. Табасаранская майсумство подчинило своей власти ряд пограничных лезгинских селений. Майсумство особенно усилилось в период правления Зихарова и его сыновей Ак-Майсум-хана и Хусен-хана Майсума в середине XVII в. Однако и в Табасаране усиливаются центробежные силы.

В южной части Табасарана укрепляется власть кадиев, которые, воспользовавшись внутренними неурядицами, со временем образовали полунезависимое владение кадиев Табасарана.

Кайтагское уцмийство Одним из влиятельных владений Дагестана в XVI—XVII вв. было Кайтагское уцмийство.

По неполным данным, в подданстве уцмия находилось от 40 до 60 тыс. населения. Этнически это население не было однородным.

В Кайтаге власть уцмия, так же как и в шамхальстве власть шамхала, не передавалась по прямой линии. Достоинство уцмия получал один из старших в роде. Этот порядок передачи престола в условиях XVI—XVII вв. часто приводил к столкновениям между претендентами на престол.

В 40-е годы XVII в. в Кайтаге начались феодальные междоусобицы, в которые были втянуты и другие феодальные владения. Этим воспользовались персидские шахи и возвели на престол своего ставленника — уцмия Амир-хан-Султана. Кровавые столкновения за власть в Кайтаге происходили и во второй половине XVII в.

В итоге дом уцмииев разделяется на две партии, одна из которых укрепилась в Маджалисе, а другая — в Великенте. Старшие из этих партий становились уцмиями и имели резиденцию в сел. Башлы. Однако недовольная порядком престолонаследования великтенская партия напала на Маджалис и истребила всех претендентов на уцмийство, исключая малолетнего Гусейн-хана, увезенного к шамхалу. По достижении совершеннолетия Гусейн-хан обосновался в Иране, где разбогател и приобрел известность в правящих кругах. Назначенный владетелем кубинским Гусейн-хан пытался овладеть уцмийским престолом. В 1689 г. Гусейн-хан вторгся в Кайтаг

и захватил Башлы, но уцмий Али-Султан с помощью собранных в горах войск вытеснил его. Сын Гусейн-хана Ахмед-хан, ведя борьбу за престол уцмия с помощью кубинцев, овладел резиденцией Кайтага, сел. Башлы, уцмий же Амир Гамза бежал в нагорный Кайтаг, где и умер. Его сын собрал войско и вытеснил Ахмед-хана из Башлов в Маджалис, где тот вскоре был убит своими приверженцами. Уцмием стал сын Амира Гамзы Ахмед-хан. Таким образом, уцмиям Кайтага, несмотря на все усилившиеся центробежные силы, удалось сохранить единство владения. Лишь в конце XVII в. на границе с Тарковским шамхальством образовалось полунезависимое от власти уцмия султанство Утамышское.

Дербентское владение В XVI—XVII вв. Дербент представлял собой незначительное по территории владение.

В его состав входил ряд близлежащих лезгинских селений. Дербент к этому времени потерял свою самостоятельность и входил в состав Ирана в качестве отдельного «улка». Правителями города стали хакими, а затем султаны, назначавшиеся иранскими властями.

В конце XVI в. правителем Дербента был Хаджа-Мухаммед, изъявивший покорность шаху в 1606 г., в 1622—1623 гг. шахским султаном в Дербенте являлся Бархудар-султан.

В 1628 г. хакимом Дербента и начальником местного ополчения, состоявшего из газиев, был Фаррух-султан, из высжившихся шахских гулямов. Последующие правители с титулом султана разделяли власть с наибами из местной знати. Дербент служил для шаха опорной базой для наступления на Дагестан, поэтому шах систематически поддерживал дербентский гарнизон людьми и вооружением, а правящую верхушку одаривал земельными участками.

Аварское ханство Аварское ханство в XVI—XVII вв. было одним из сильных феодальных владений Дагестана. В отличие от шамхальства, в Аварии происходило укрепление ханской власти. Наметилась тенденция передачи достоинства нуцала наследнику по прямой линии и централизации аппарата. Ханы Аварии в XVI—XVII вв. прилагали все силы для того, чтобы подчинить своей власти соседние территории. Воспользовавшись убийством гумбетовского и арагунского беков из дома Турулавов, аварские владетели захватили нижнюю часть Мичихче (Чеченшали, Гермек-чукаши, Атагу и прочие населенные пункты).

Границы ханства расширялись и в периоды правления Нуцал-хана (ум. в 1568 г.), и Умма-хана (ум. в 1634 г.), и Мухаммеда (ум. в 1668 г.), и Дагруннуцала (ум. в 1699 г.). К концу XVII в. Аварское ханство объединило уже не только земли, расположенные вдоль Аварского Койсу, но и распространило свою власть на андодидойский участок и Джаро-Белоканы.

Административное управление феодальных владений

Политический строй феодальных владений Дагестана соответствовал уровню их социально-экономического развития и был тесно связан с процессом феодальной раздробленности, с цепью вассальных, служебных обязательств.

Шамхалы, ханы, уцмии, майсумы являлись полновластными хозяевами в своих владениях. Они имели права сбора налогов и верховного суда, разбора всевозможных конфликтов между обществами или же частными лицами, взимания таможенных пошлин, объявления войны и заключения мира, регулирования торговых и политических связей. Формально шамхалы, ханы, уцмии выбирались на высшем совете представителей патриархально-феодальной знати из числа правящей фамилии по принципу старшинства. Однако, как мы видели выше, этот принцип часто нарушался, и замещение престола правителей происходило в обостренной обстановке междоусобных столкновений и войн.

Владетели — шамхалы, ханы, уцмии, майсумы осуществляли свою власть при помощи везиров, казначеев, приказчиков, нукеров. Везиры являлись предводителями военных отрядов и играли значительную роль в управлении государством. Приказчики несли службу при дворе и выполняли обязанности приставов.

В связи с установлением и развитием торгово-экономических и политических связей с соседними государствами появляется должность абыза — переводчика. Влияльное положение при дворе владельца занимали муфтии, шейхи, кадии и другие лица местного мусульманского духовенства.

Очень часто во время переговоров правители использовали своих атальков (дядек-воспитателей) и молочных братьев — имальышей. В дагестанских феодальных владениях атальчество и связанное с ним молочное родство было весьма распространено и имело определенный классовый характер. Важное значение при решении вопросов войны и мира и определении отношения к тому или иному соседнему государству придавалось обычая куначества. В целях регулирования добрососедских отношений феодальные правители стремились сблизиться между собой, заключая брачные союзы. Так, сыновья шамхалов были женаты на дочерях аварских ханов. Шамхалы и аварские ханы для этой цели вступали в брачные союзы с кумыкскими правителями, а кумыкские правители имели связи с кайтагскими.

Во время конфликта правителей с каким-либо обществом других народов очень часто привлекались представители общинной знати различных селений. Так, например, для решения разбора иска, предъявленного шамхалом жителям лез-

тинского селения Зулар, были привлечены представители различных обществ и народов: агульских селений Худхул и Дулдуг, рутульского селения Курдал, лезгинского селения Араг, лакских селений Кайя и Кумух и др.

В целом административный аппарат не был сложным. Административное устройство в удельных владениях было еще проще и примитивнее. Здесь отсутствовали специальные административные должности и всеми хозяйственными и политическими делами занимались беки. Находившиеся в их распоряжении нукеры, набиравшиеся из среды влиятельного узденства, несли некоторые полицейские функции: участвовали в сборе податей, приводили в исполнение судебные решения, несли службу по охране границ в сторожевых башнях и крепостях. Во время войн нукеры являлись ядром феодального ополчения. Ханы, шамхалы, уцмии, майсумы стояли не только во главе своего военного отряда, но и всех военных сил, выставляемых подвластным населением.

При решении многих вопросов внутренней жизни большое значение придавалось собранию, превратившемуся к этому времени в сход военных начальников, беков, кадиев и новой нарождавшейся общинной знати.

Власть на местах осуществляли сельские старшины, которые у кумыков и даргинцев назывались къарт, у аварцев — чухби, у лакцев — куначу, у табасаранцев — кевха. Сельские старшины выбирались на сельских сходах — джамаатах.

На должность старшины выбирали наиболее почетного человека; кроме того, во многих джамаатах эту должность занимали одни и те же лица в продолжение ряда лет. Нередки были случаи, когда феодальные владетели сами назначали сельских старшин.

Старшины занимались решением всех вопросов хозяйственной и общественной жизни джамаата, руководствуясь существующими адатно-правовыми нормами. Феодальные правители поручали старшинам сбор податей и обязывали их следить за выполнением членами общества феодальных повинностей.

К администрации джамаата относились также тургаки, чаushi, мангушки, выбираемые также на собраниях джамаата ежегодно в количестве от одного до четырех человек, в зависимости от величины аула. Чашши приводили в исполнение приказания старшин и кадиев, решения джамаата, наблюдали за порядком, следили за охраной земель.

В XVI—XVII вв. в Дагестане существовал целый ряд аварских, даргинских и лезгинских союзов сельских обществ. Однако происходящие в них социально-экономические изменения привели к преобразованию общинного управления, хотя оно все еще продолжало сохранять элементы па-

триархально-родового строя. Такие черты былого демократизма, как выборность должностных лиц общины, контроль со стороны общинников за их деятельностью и т. д., постепенно сходили на нет. Общинная верхушка, ближайшее окружение кадиев союзов сельских обществ, эти «мудрые» и «достойные» люди, которые фигурируют в архивах XVII в., настолько укрепились в общинах, настолько обособились от рядовой части общинников, что практически сумели узурпировать права сельского схода при решении важнейших вопросов. Такая практика привела к тому, что в некоторых союзах сельских обществ былие выборные должности постепенно становятся наследственными.

Высшим органом управления союзов сельских обществ Дагестана в XVI—XVII вв. оставался сход представителей всех сельских общин, входящих в данное общество, собираемый в определенном месте. Фактически в сходе союзов сельских обществ принимало участие определенное число представителей сельской знати и мусульманского духовенства, которые от имени всего народа принимали решения, исполнение которых было обязательным для всего союза сельских обществ. Таким образом, сход союзов сельских обществ Дагестана в XVI—XVII вв. стал уже органом, представляющим интересы сельской знати.

На сходах обсуждались важнейшие вопросы внутреннего управления, мира и войны, взаимоотношения с феодальными правителями Дагестана и другими союзами сельских обществ. Кроме того, на сельских сходах принимались новые адатные нормы, которые становились обязательными для всех жителей данного союза сельских обществ.

В некоторых вольных обществах Дагестана (Ахты-пара) все важнейшие вопросы, касающиеся всего вольного общества в целом, решались не сходом представителей сельских общин, входящих в данное вольное общество, а так называемым советом аксакалов. В данном случае права всех одиннадцати сельских общин, составлявших Ахтыпаринское вольное общество, были узурпированы ахтынцами в лице совета аксакалов, численностью в 40 человек по одному от каждого тухума сел. Ахты. Ахтынцы составляли как бы привилегированное сословие в обществе и выступали в качестве коллективного феодала, о чем было сказано выше. Сложившийся социально-экономический строй в Ахтыпаринском вольном обществе привел к тому, что вся власть вольного общества была сосредоточена в центре этого общества, т. е. в Ахтах. Совет аксакалов назначал исполнителей, чаушей, и с их помощью управлял обществом. Правда, кандидатуры чаушей, предложенные аксакалами, должны были быть одобрены джамаатом Ахтов. Аналогичные порядки существовали и в Рутульском вольном обществе.

Дальнейшая эволюция общинного управления в вольных обществах Дагестана в сторону феодализации отдельных институтов его наиболее четко прослеживается в Акушинском вольном обществе. Если в других вольных обществах Дагестана сход все еще продолжал оставаться высшим органом власти вольного общества, то в Акуша-Дарго параллельно со сходом имеется высшее должностное лицо общества — кадий.

Низовой административно-политической единицей вольных обществ Дагестана являлась сельская территориальная община — джамаат, который имел свое собственное управление. В джамаатах все еще довольно велико было значение сельского схода. Однако к XVII в. и местные общинные органы в основном были направлены на защиту общинной верхушки, о чем говорят многочисленные адаты XVII в. Сельская община управлялась советом старейшин, который избирался на сельском сходе, опять-таки из числа сельской знати. Количество старейшин находилось в прямой зависимости от количества тухумов или кварталов в каждом ауле.

Совет старейшин занимался вопросами повседневной хозяйственной и политической жизни аула. Он следил за правильным использованием общинных угодий, порядком сева, уборки и прочих сельскохозяйственных работ, за благоустройством села, исправностью дорог, мостов и т. д. И в распоряжении совета находилось определенное количество исполнителей полицейских функций. В некоторых вольных обществах (Акуша-Дарго) деятельность старейшин контролировали сельские суды. Последние в случае необходимости могли собирать сельский сход и поставить вопрос о снятии с должности старейшины. Этот порядок являлся отголоском былого демократизма, когда народ контролировал деятельность старейшин. В каждом джамаате имелся один глашатай, мангуш, который доводил до сведения членов джамаата решения старейшин.

Духовные дела в джамаатах разбирались кадиями селений или будунами.

Итак, мы видим, что общинное управление в союзах сельских обществ Дагестана в XVI—XVII вв. еще продолжает сохранять черты былого демократизма. Но в то же время уже четко прослеживается характерная для всех вольных обществ тенденция перехода власти сельских общин в руки феодализирующейся знати. Последняя была заинтересована в сохранении старых форм власти, но, разумеется, с изменением их действительной сущности. В то же время власть отдельных кадиев, сельских старшин имеет тенденцию к наследственности. Одно это обстоятельство говорит о далеко зашедшем процессе превращения административных лиц общинны «из слуг... в господ над ними».

Основными источниками действующего права у народов Дагестана являлись аадат, т. е. совокупность норм обычного права, и шариат — свод мусульманских религиозных законов. Обычное право определяло нормы поведения в обществе, регулировало внутреннюю жизнь общин и их взаимоотношения, регламентировало деятельность центральных и местных учреждений.

Несмотря на упорное стремление мусульманского духовенства, шариату не удалось вытеснить существовавшее в Дагестане обычное право. По шариату разбирались в основном дела по семейному праву, а также касавшиеся духовных завещаний, опеки, продажи рабов.

Нормы аадата имели преобладающее значение, так как закостеневшие законы шариата, не подлежащие изменениям, были непригодны для проведения в жизнь в конкретных социально-экономических условиях края. Классовая сущность шариата выражалась в утверждении и обосновании естественности и незыблемости феодальных порядков. Проповедуя учение о предопределении человеческой судьбы, шариат внедрял в сознание народных масс необходимость смирения и покорности, полного повиновения власти. Органически связанный с догмами религии, шариат культивировал темноту и невежество, поддерживал и консервировал силу реакционных предрассудков и привычек.

Между аадатом и шариатом, взаимно противоположными по своему существу, в рассматриваемый период не было резких проявлений антагонизма.

Такое положение обусловливалось тем, что аадат и шариат выполняли единую социальную функцию и служили господствующему классу надежным орудием для эксплуатации народных масс.

Светские феодалы, осуществляя судебные функции, получали немалые доходы за разбирательство дел и поэтому всячески поддерживали аадат. Стремясь к расширению области применения шариата, духовенство в свою очередь рассчитывало на извлечение материальных выгод при решении споров по шариату.

К периоду XVI—XVII вв. аадат подвергся определенному влиянию шариата, некоторые правила шариата стали нормами действующего местного права, в особенности семейного и наследственного. Однако аадат как самостоятельная система права с присущими ей особенностями в это время и в последующий период сохранял весьма прочные позиции.

В обстановке усиления классовых противоречий в обществе социальные верхи стремились нормировать почти все проявления общественной жизни горцев. Добиваясь установ-

ления и закрепления угодного ей административно-правового режима джамаатов, местная знать устанавливалась штрафы и взыскания за отступление от определенных правил, имевших силу местных законов — адатов.

Общинные формы организации хозяйства и быта вызвали к жизни специфические адаты, регулирующие взаимоотношения членов сельской общины в процессе хозяйственно-трудовой деятельности.

Дагестанские джамааты, несмотря на то что кровнородственный принцип расселения изжил себя задолго до XVI—XVII вв., оставались по-прежнему крайне замкнутыми объединениями со своим внутренним самоуправлением. В ряде сельских обществ устанавливался запрет на проживание чужесельца; за предоставление приюта с нарушителем за каждый день проживания взыскивался штраф. Во многих селениях предусматривалась ответственность тех, кто, выдав дочь или сестру замуж за иносельца, оставлял ее в своем джамаате. Без согласия сельской администрации и кадия не разрешалось посыпать жителя другого аула к своему односельчанину для сватания, развода или примирения.

В XVI—XVII вв. в Дагестане повсеместно развертывается острые классовая борьба. С углублением и расширением процесса феодализации господствующая знать нуждалась в пересмотре норм обычного права и закреплении тех из них, которые наиболее четко отражали власть и привилегии социальной верхушки. В этих целях, а также в интересах укрепления центральной феодальной власти и ограничения внутреннего самоуправления сельских общин в XVI—XVII вв. возникают судебники официального происхождения. До нас дошли три судебника — «Постановления кайтагского уцмия Рустемхана», «Кодекс Умма-хана Аварского (Справедливого)», «Гидатлинские адаты».

В источниках, в частности в местной исторической хронике «Асари Дагестан», принадлежащей перу дагестанского просветителя Гасан-Эфенди Алкадари, имеется указание на существование до этих судебников, возникших в начале XVII в., законодательного памятника кайтагского уцмия Султан-Ахмеда, жившего в XVI в. По его указанию были записаны обычай и распоряжения, одобренные прежними уцмиями и касающиеся управления делами населения. Этот сборник, переданный, по словам Алкадари, главному кадию магала, должен был служить руководством в судах при решении народных дел. Нововведения Султан-Ахмеда, в частности сборник права, были установлены, по его выражению, в соответствии с обстоятельствами. Суть этих обстоятельств, по мнению издателя хроники, сына Гасана-Эфенди Алкадари, заключалась в изменении соотношения сил в бекско-райтских районах Кайтага в пользу беков.

Есть все основания полагать, что такой сборник существовал в действительности.

Самобытные юридические памятники Дагестана XVI—XVII вв. возникли в результате сдвигов в развитии социально-экономических отношений и укреплении государственно-правовой системы.

Постановления у кайтагского цмия Рустем- хана

Судебник, получивший название «Постановлений кайтагского цмия Рустем-хана», был опубликован А. В. Комаровым в 1868 г. Оригинал «Постановлений», составленный на кайтагском диалекте даргинского языка, обнаружить пока не удалось. А. В. Комаров и Ф. И. Леонович датировали «Постановления» XII в. Однако М. М. Ковалевский на основании хранящейся в Дербенте рукописи пришел к правильному выводу, что «Постановления» составлены цмием Рустем-ханом, который правил с 1601 по 1631 г. н. э.

«Постановления» Рустем-хана, по мнению М. М. Ковалевского, являются одним из интереснейших памятников кавказского права, заслуживающим не меньшего изучения, чем армянский кодекс Мхитара Гоша или законы грузинских царей — Георгия V, Абуги и Вахтанга VI. Ф. И. Леонович также считал, что по своему содержанию сборник Рустем-хана принадлежит к числу важнейших памятников древнего права кавказских народов. Научная ценность и значимость памятников, являющихся результатом кодификаторской деятельности местной государственной власти — ханов, цмииев и т. д., определяется тем, что они дают возможность проследить процесс превращения норм обычного права в закон и дают представление об уровне развития взглядов народов Дагестана в соответствующие периоды.

В судебник кайтагского цмия Рустем-хана вошли наиболее важные адаты, единообразное применение которых отвечало интересам феодальной верхушки.

На разбирательство дел по судебнику требовалось письменное разрешение цмия, осуществлявшего верховную судебную власть.

Сборник Рустем-хана, как и всякий памятник раннефеодального права, включал разновременные пласты правовых норм. В нем отчетливо прослеживаются весьма древние нормы, уходящие своими корнями к эпохе патриархально-рода-вого строя, и сравнительно новые правовые обычаи, возникшие в результате углубления феодальных отношений.

В «Постановлениях» Рустем-хана сделана попытка обосновать необходимость и естественность феодальной власти. «В государстве без правителя, в обществе без суда, в стаде без пастуха, в войске без разумного, в селе без головы — добра не будет», — так гласил один из афоризмов, а другой, неоднократно повторяемый, — «Кто будет беречь рот свой, того

и голова будет спасена», — настойчиво внушает мысль о беспротивности и покорности. Этой же цели служила религия, и не случайно невыполнение религиозных обрядов или молитв признавалось судебником Рустем-хана уголовно наказуемым.

За невыполнение постановлений уцмия также было установлено наказание. Крупный штраф взыскивался с того, кто не вышел по тревоге уцмия или не явился в диван при разборе жалобы.

Несогласие с джамаатом также признавалось преступлением и наказывалось крупным штрафом, а жители, отказавшиеся руководствоваться предписаниями уцмия, изгонялись из Кайтагского уцмийства.

В сборнике Рустем-хана большинство норм относится к уголовному праву и процессу.

Имущественные преступления в «Постановлениях» Рустем-хана не имеют особой классификации. Почти все преступления против собственности объединяются под названием «воровство». Различались виды простого квалифицированного воровства, а также покушение на воровство. Квалифицированным воровством признавалось похищение имущества из мечети. Ответственность за воровство в связи с укреплением института частной собственности резко усилилась. С вора или его родственников взыскивалась десятикратная стоимость похищенного.

В судебнике Рустем-хана принимали во внимание степень вины и другие обстоятельства, характеризующие преступление. Преследование воровства приобретало характер общественной функции.

В период составления судебника Рустем-хана значительное место в общественно-правовой жизни занимали пережитки родового строя: кровная месть, самоуправный захват имущества — ишкиль, присяга и соприсяжничество. Эти институты прошлого в кайтагском своде подвергались определенной регламентации. «Постановления» кайтагского уцмия предписывали выполнение ряда правил для признания захвата имущества. Запрещалось изъятие имущества без свидетелей. Никто не имел права сопротивления, когда у него брали скот или другое имущество. Особо строго каралось воспрепятствование изъятию имущества внутри селения. Разрешение на захват имущества зависело от усмотрения сельской администрации, что придавало этому древнему институту роль важного орудия эксплуатации рядовых членов общества.

Много внимания в «Постановлениях» уделялось регламентации кровной мести. В зависимости от тяжести совершенного преступления «Постановления» в каждом отдельном случае предусматривали число канлы (кровников) — обычно два или семь человек. Во избежание кровопролития канлы должен был в установленный срок покинуть селение, в котором

находились родственники убитого. Этой же заботой о сохранении мира среди жителей обусловлен запрет сопровождать канлы к кадию или обществу на разбирательство какого-либо дела. Всякое содействие мстителю, хотя бы даже указанием местонахождения канлы, строго наказывалось. Доносы на канлы считались настолько опасными, что «Постановления» требовали «доносчика и членов его семьи считать кровными врагами». Убийство доносчика потерпевшей стороной не вызывало кровной мести.

Стремление уменьшить число убийств на почве кровной мести в «Постановлениях» проявляется также и в том, что они обязывают принимать канлы в свое общество. Если же канлы покидал селение, жителям запрещалось его сопровождать.

Регламентация кровной мести имела отчетливую тенденцию заменить кровную месть денежным выкупом. Одна из статей «Постановлений» устанавливает: «Если кто-либо умрет от ран, нанесенных несколькими лицами, то двоих из них считать кровными врагами и, по умерщвлении одного, с другого брать шестьдесят рублей». По истечении срока изгнания канлы за известный выкуп и угощение родственников убитого мог искать примирения.

Несмотря на очевидную тенденцию к ограничению кровной мести, обычай кровомщения еще сохранил свою силу вследствие слабости и неразвитости органов государственной власти.

Следует отметить, что не всякое убийство считалось преступлением. Убийство при обороне, убийство посягающего на имущество, жилище, честь и т. п. не влекло за собой ни наказания со стороны публичной власти, ни кровной мести со стороны родственников убитого.

Основными наказаниями в кайтагском обычном праве XVII в. являлись крупные штрафы, разрушение дома в случае особо тяжких преступлений и изгнание виновного из общества. Других наказаний «Постановления» Рустем-хана не упоминают.

Несмотря на очевидную тенденцию к индивидуализации наказания, размеры штрафов указывают на то, что кровнородственная солидарность еще далеко не утратила своего значения. Как правило, родственники были обязаны нести коллективную ответственность. Крупные размеры штрафов и выкупных вир вели к разорению и закабалению малоимущих общинников.

Развитие уголовно-правовых понятий в судебнике Рустем-хана — разграничение понятий умысла и неосторожности, подстрекательства, покушения, подготовки к преступлению, отягчающих и смягчающих вину обстоятельств, — указывает на сравнительно высокий уровень правовых воззрений.

Кодекс Умма-хана Аварского (Справедливого)

Другим замечательным памятником права народов Дагестана является кодекс Умма-хана Аварского (Справедливого). Экземпляр кодекса, составленный на арабском языке, был обнаружен в 1945 г. в горах Дагестана среди арабских рукописей и книг. Эта находка подтвердила сведения дореволюционных авторов о существовании у аварцев сборника юридических обычаев, возникновение которого связывалось с именем правителя Аварского ханства Умма-хана, умершего в 1634 г. Оригинал кодекса хранится в рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

В XVI—XVII вв. в Аварском ханстве шел интенсивный процесс централизации и укрепления политической власти хана. Укрепление и расширение власти феодального правителя в Аварии сопровождались установлением на всей территории ханства единых правовых обычаев.

В кодекс Умма-хана Аварского вошли не только нормы обычного права, соответствующие эпохе составления судебника, но и ряд правовых норм значительно более древнего происхождения.

Преобладающее количество норм кодекса регулировало вопросы уголовного права. Кодекс содержит более 30 норм, предусматривающих штрафы за нанесение ранений и увечий. Размеры компенсации очень высоки (до 200 овец). Штраф определялся в зависимости от тяжести ранения.

Отчетливо прослеживается в кодексе Умма-хана стремление ограничить применение кровной мести. За убийство с родственников убийцы взыскивалось имущественное или денежное вознаграждение, называемое, как и в мусульманском праве, диятом.

Особые правила были установлены в кодексе относительно кровной мести к рабам. Убивший раба не подлежал кровной мести со стороны хозяина или его родственников, убийца лишь уплачивал дият хозяину раба. А если раб убивал уздея, то с владельца раба взыскивался дият и раб изгонялся на три года в канлы.

Кодекс Умма-хана предусматривал также меры, ограничивающие обычай самоуправного захвата имущества должника. Под страхом наказания запрещалось прибегать к захвату имущества без разрешения администрации. Если первоначально имущественный захват имел целью принудить ответчика к исполнению обязательства, то в судебнике Умма-хана ишкиль является лишь средством, чтобы вынудить ответчика к судебному разбирательству.

Применение ишкиля к должнику «из другого края» требовало также соблюдения ряда условий. Истец должен был обратиться к своей администрации, и если она направила его

«в другой край» за долгом, то там он также должен был обратиться к местной администрации с просьбой о взыскании долга. Лишь после отказа в удовлетворении своих претензий он мог прибегнуть к ишкилю.

Много места в судебнике Умма-хана уделялось организации административного управления и суда.

Местная ханская администрация, ограничивая самоуправление джамаатов, постоянно расширяла свои функции. Этот процесс, интенсивно развивавшийся в период составления судебника, был обусловлен усилением верховной власти Умма-хана, стремившегося создать административно-полицейский аппарат для управления подвластной территорией.

Споры между аулами разбирались ханской администрацией. Если аул не присыпал своего представителя для участия в рассмотрении спора, аул облагался штрафом в 10 голов овец. В случае, если спорившие не были довольны решением аульского кадия, они могли обжаловать решение муфтию ханской администрации.

Особенностью феодально-административного управления в Дагестане, обусловленной малочисленностью и неразвитостью органов государственной власти, являлось возложение на отдельные аулы определенных обязанностей по поддержанию правопорядка, охране пастбищ и посевов, выполнению распоряжений центральной власти.

Такое положение характерно и для Аварского ханства XVII в. В нескольких случаях предусматривалась коллективная ответственность жителей аула. «Если какой-либо аул нарушит установленный порядок в течение месяца, то с этого аула взыскивается ежедневно по одной овце до укрепления в этом ауле порядка».

По одной овце взыскивалось с аула, если аул в течение месяца находился без муллы.

В ряде случаев соседние аулы должны были выступить на защиту аула, подвергшегося нападению. «Если жители одного аула самоуправно захватят луга и нивы другого аула, при этом нарушив обычай края и законы кодекса, то аулы должны заступиться и дать отпор нападающим. Если они этого не сделают, то с каждого аула взыскивается по 10 овец».

Имущественные преступления в кодексе Умма-хана не разделяются на различные виды. Кодексу известно только понятие воровства. Воровство наказывалось троекратным возмещением ущерба владельцу и наложением штрафа в пользу администрации хана или общины.* В тех случаях, когда вор признавался в краже, с него взыскивалась только стоимость похищенного и штраф.

Обычным средством доказывания факта воровства оставалась присяга. Количество необходимых соприсяжников определялось в зависимости от величины похищенного. За ис-

ключением одного случая, когда требовалась присяга 50 со-
прияжников, в кодексе Умма-хана, как правило, по наибо-
лее важным делам устанавливалось принятие присяги шестью
соприягателями. В качестве соприяжников выступали не
только родственники, но и односельчане. В отдельных случа-
ях соприягателей указывал потерпевший.

**Судебник Гидат-
линского союза
вольных обществ**

Ценным историко-правовым памятником, характеризующим организацию обществен-
ной жизни и управления в Гидатлинском вольном обществе, является сборник Ги-
датлинских азатов, принятых, как указано в тексте, старей-
шинами общества.

Гидатлинский судебник, как и все юридические сборники, возникшие в период становления феодального строя, не знает определенной системы изложения и тем более деления права на отрасли. Преобладающее число норм относится к области уголовного права и судопроизводства. Значительное количество норм касается нарушений общественного порядка, в понятие которого входило неукоснительное выполнение поста-
новления сельской администрации.

Гидатлинский судебник отражает период развития и укреп-
ления частной собственности при одновременном существова-
нии общинной собственности. В частной собственности находи-
лись пахотные и покосные земли, скот, хозяйственные по-
стройки и другое имущество. Общинную собственность со-
ставляли пастбища, сенокосы и луга. Помимо пастбищ, при-
надлежавших отдельным джамаатам, в Гидатлинском союзе
сельских обществ имелись пастбища, которыми колектив-
но пользовались все джамааты, входившие в состав терри-
ториального объединения. Эти пастбища распределялись каж-
дые семь лет.

Охрана этих земель была возложена на все селения.

Нарушение правил пользования общинными землями при-
знавалось одним из тяжких преступлений. Кошение сена на
общинных сенокосах после объявления запрета наказывалось
взысканием медного котла. Исключительно высокий раз-
мер штрафа был установлен с того, что «спорит и скандалит»
с общинной охраной, когда она угоняет его скот с посевов.
С виновного взыскивался штраф в размере семи коров и к
тому же он обязан был «прокормить 100 человек». По смыслу
данной нормы, устанавливающей чрезвычайно крупный
штраф, явно несоразмерный причиненному ущербу, данное
правонарушение рассматривалось как опасное посягательст-
во на общественный порядок. В то же время эта норма ха-
рактеризует и степень правовой охраны общинной собствен-
ности, сохранившей в тот период еще серьезное значение.

Значительное внимание в судебнике уделяется охране и
укреплению частной собственности. Убийство вора или граби-

теля в момент совершения преступления не являлось уголовно наказуемым.

Во всех нормах, предусматривающих ответственность за преступления против частной собственности, виновный не только возмещал ущерб (иногда в двойном размере), но и платил весьма крупный штраф в пользу джамаата. Нанесение имущественного ущерба отдельному лицу наказывалось от имени общества как действие общественноопасное.

Уровень развития норм, определяющих ответственность за посягательства на различные объекты частной собственности, указывает на возросшее значение института частной собственности. Наказания за попытку кражи, ответственность причастных к воровству отражали развитие принципов феодального права.

В судебнике крайне мало норм, определяющих правовое положение различных социальных групп. Привилегированное положение сельской феодализирующейся знати, представители которой, как правило, занимали должности старейшин, судей, не получило в Гидатле юридического закрепления.

Судебник упоминает наемных людей, слуг и рабов.

Несколько норм Гидатлинского судебника касается правового положения рабов. За убийство свободного человека рабом хозяин раба платил родственникам убитого выкуп, а за убийство раба свободным человеком была установлена выплата стоимости раба его хозяину. Если хозяин раба оспаривал убийство его рабом свободного человека, то он в доказательство невиновности раба принимал присягу вместе с тремя соприсягателями. Таким образом, в делах кровомщения раб не признавался субъектом права, а рассматривался как объект собственности.

Гидатлинский судебник не содержит специальных постановлений, определяющих деятельность и функции местных органов власти и управления, регулировавшихся в Дагестане нормами обычного права. В отдельных нормах, касающихся различных нарушений правопорядка, упоминаются старейшины, сельские судьи, дибир, общинные охраники (мангуши), глашатай (гел), сельские должностные лица, «на обязанности которых лежит надзор за соблюдением порядка», лицо, «коему поручено взыскание дията».

В Гидатлинских общинах, как видно из текста норм, старейшин было несколько. Вероятно, существовал постоянный орган — Совет старейшин. Он осуществлял руководство всеми делами общины.

В каждом джамаате Гидатлинского союза обществ избиралось несколько судей; количество их, очевидно, зависело от числа тухумов. В случае тревоги «об убийстве, изнасиловании женщины или захвата чужого добра» они обязаны были собираться для принятия мер, так как эти преступле-

ния признавались особо опасными. Совершение их могло вызвать столкновение родственников преступника и потерпевшего и, как следствие этого, кровопролитие с обеих сторон.

Номенклатура должностных лиц сельского управления, распределение исполнительных функций, установление определенных норм обычного права как обязательных на всей территории Гидатлинского союза волынных обществ свидетельствуют о том, что Гидатлинский союз являлся объединением, достигшим довольно высокой ступени развития государственно-правовых институтов.

С возрастанием роли и значения органов местной власти в регулировании общественной жизни принимаются меры для ограничения самоуправства отдельных лиц и тухумов. Судебник запрещал обращаться для судебного разбирательства к жителям других селений; с обратившегося и посредника взыскивался штраф — по одному быку. Этот запрет был обусловлен прежде всего необходимостью укрепления аппарата общинной администрации, в том числе общинного суда. Об этом же свидетельствует и взыскание штрафа с того, кто отказывается от судебного разбирательства, что характеризует процесс постепенного укрепления публичных начал в праве и замены самосуда общественными мерами.

В период составления Гидатлинского судебника разбирательство в суде приобрело в значительной степени публичный характер, а сам общинный суд постепенно превратился в специальный орган общинных властей.

Весьма своеобразны нормы судебника, касающиеся уголовного права. Одним из самых тяжких преступлений судебник признавал отказ отдельных лиц или селений от охраны Гидатлинского моста. Нерадивое отношение к охране Гидатлинского моста со стороны отдельного лица или целого общества, приведшее к поджогу моста, наказывалось взысканием штрафа в размере 100 котлов.

Преступлением против общества признавалось переселение жителей в другие общества. Имущество переселенцев переходило в собственность Гидатлинского общества, всякое содействие в сокрытии имущества покидавшего общество наказывалось взысканием штрафа по одному быку в день до возвращения имущества Гидатлинскому обществу.

Из других преступлений, о которых говорится в Гидатлинском судебнике, можно отметить преступления против личности, семьи и нравственности. За убийство была установлена альтернативная ответственность — кровная месть или выкуп в пользу наследников убитого в количестве 30 коров.

Право на месть имели все родственники убитого, являвшиеся его хотя бы самыми отдаленными наследниками, убийство кровника другим лицом вызывало те же последствия, что и при обычном убийстве.

К преступлениям против чести судебник относил и клевету. Однако понятие наказуемой клеветы было ограничено распространением ложных слухов о совершении убийства, изнасилования и воровстве, относимых к категории особо опасных правонарушений.

Одним из самых распространенных видов наказания было имущественное взыскание. Наряду с выкупами, которые являлись вознаграждением потерпевшему и его родственникам, все большее место занимали в этот период штрафы в пользу общества. В большинстве случаев за совершение различных преступлений одновременно взыскивались выкуп и штраф. Взыскание штрафов не только за причинение ущерба общественному имуществу и нарушение правопорядка внутри джамата, но и за преступления против личности, ее чести и имущества характеризует развитие публичных начал в праве.

Штрафы и выкупы взыскивались, пока у виновного имелось имущество, затем взыскивалось имущество его семьи, родителей, братьев и незамужних сестер, а затем дальних родственников.

Самым тяжелым наказанием, применяемым в исключительных случаях, являлось изгнание из общества. Тем самым изгнаник лишался помощи и поддержки своих родственников, что в тех условиях было равносильно лишению всех гражданских прав.

Знает судебник и такое наказание, как отвержение преступника всем обществом.

Памятники права Дагестана — Гидатлинские адыты, кодекс Умма-хана Аварского, «Постановления» кайтагского учмия Рустем-хана — существенно дополняют исторические сведения об организации хозяйства и управления в низовых политических единицах — сельских общинах в XVI—XVII вв. Эти правовые памятники, возникшие примерно в одно и то же время, позволяют проследить общие исторические процессы, происходящие в различных частях Дагестана.

Развитие уголовно-процессуальных понятий, изменения, произошедшие в институтах патриархально-родового строя, указывают на то, что правовые воззрения горцев в XVII в. формировались в условиях становления и развития феодальных отношений. В обычном праве горцев этого периода уже различались понятия умысла, пособничества, покушения, отягчающих и смягчающих вину обстоятельств и другие, существование и развитие которых возможно было в классовом обществе.

Индивидуализация ответственности, ослабление кровнородственной солидарности, возникновение норм и институтов, направленных на защиту частной собственности, замена кровной мести компенсациями — все это результат имущественной и классовой дифференциации в обществе.

Правовые памятники XVI—XVII вв. содержат немало норм, касающихся ответственности за посягательство на частную собственность. Везде речь идет не только о простом возмещении ущерба. Виновный возмещал стоимость похищенного в двух-трехкратном размере и вносил штраф в пользу всего общества, что говорит о наказании вора от имени общества. Во всех памятниках имелись указания о безнаказанности убийства вора, застигнутого с поличным.

Во всех правовых памятниках рабы рассматривались как вещь и за убийство раба была установлена лишь материальная компенсация хозяину.

Памятники права свидетельствуют, что формы общественной жизни горцев XVI—XVII вв., несмотря на сохранение общинной собственности, определялись возросшей ролью частной собственности на землю и скот, имущественной и классовой дифференциацией в обществе.

§ 6. БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ИРАНСКИХ И ТУРЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В XVI—XVII вв.

Завоевательная политика Исмаила I В конце XV в. на территории Азербайджана возникло государство Сефевидов. В период его образования подавляющую часть населения составляли азербайджанцы. Экономической базой государства Сефевидов также служили области Азербайджана, поэтому не удивительно, что руководящую роль в политической жизни государства играл азербайджанский этнический элемент. Государственной религией был объявлен шиизм. Провозгласив себя в Тебризе шахом, Исмаил I подчинил своей власти значительную часть Ирана, завоевал Ирак и ряд других областей Передней Азии. Сефевидское государство стало граничить на западе с османской Турцией, на востоке с узбекским государством. «Шах Исмаил, — подчеркивал К. Маркс, — был завоевателем: за 14 лет своего царствования он завоевал 14 провинций»¹. Однако свою завоевательную политику шах Исмаил начал с подчинения своей власти Ширвана. Летом 1509 г. шах, захватив Ширван, направился на Дербент и после длительного и ожесточенного сражения захватил его. Назначив правителем Дербента эмира Мансура и подчинив другие селения, входившие в Дербентское владение, шах Исмаил направился на Табасаран. Табасаранцы, поддерживаемые другими народами Дагестана, в течение полутора месяцев оказывали упорное сопротивление врагу, но под напором численно превосходящих сил противника отступили в горы. Захватив Табасаран, шах в отместку за убий-

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, стр. 206.

ство своего отца Джунейда бесчеловечно расправился с мирным населением. В 1510 г. шах вернулся в Тебриз, оставив в Дербенте свой военный гарнизон.

Борьба Турции с Сефевидами за подчинение Кавказа Образование сефевидского государства и рост его могущества очень встревожили султанскую Турцию. Поэтому с момента его возникновения султанское правительство в целях захвата Кавказа объявило Сефевидов врагами мусульманской религии, начало жестоко преследовать шиитов и призвало суннитов к борьбе с ними. В 1514 г. огромная армия султана Селима I под флагом «защиты ислама» вступила в Азербайджан. На чалдыринской равнине близ Маху произошло кровопролитное сражение, в котором Сефевиды потерпели поражение. Сам шах Исмаил I был ранен и отступил в глубь страны.

Воспользовавшись поражением Сефевидов, дербентцы, табасаранцы и другие народы, подчиненные шаху, расправились со сторонниками Сефевидов и перестали вносить им подати. Вскоре, однако, оправившийся шах Исмаил «возвратился с новым войском и отвоевал Тавриз»², после чего Сефевиды, стремясь упрочить свое положение, предприняли ряд походов на Ширван и Восточную Грузию.

В 1519 г. шах, овладев Дербентом и расправившись с непокорными жителями города и близлежащих аулов, назначил там правителем своего зятя Мюзафар-султана.

После смерти Исмаила в 1524 г. на престол шаха вступил Тахмас I (1524—1576). При нем в государстве Сефевидов возобновились феодальные междуусобицы. Местные правители получали все большую самостоятельность. Учитывая сложившуюся обстановку, султанская Турция в 1533 г. объявила войну сефевидскому государству и захватила значительную часть территории Азербайджана. Дербентская городская знать, воспользовавшись военными успехами турок, отказалась подчиниться правителям шаха в Дербенте.

Однако, добившись укрепления своей власти, шах Тахмас сумел оттеснить турецкие войска с захваченной территории и послал в Дербент огромную армию, которая жестоко расправилась с населением.

В 40-х годах XVI в. шах Тахмас подчинил своей власти Ширван и Грузию. Ликвидация остатков самостоятельности вызвала недовольство феодальных кругов Ширвана. Назначенный первым беглербегом Алкас-мирза, используя настроение господствующих сословий Ширвана в 1547 г., восстал против Сефевидов. В одном из сражений с Сефевидами Алкас-мирза потерпел поражение и вынужден был отступить в лезгинское селение Хиналук. Преследуемый Сефевидами, Ал-

² Там же.

кас-мирза переправился через Самур и укрылся сначала у крым-шаха, а затем бежал в Турцию. Беглербеком Ширвана был назначен Исмаил-мирза, но вскоре его сменил Абдуллахан. При нем в Ширване несколько раз возобновлялась борьба против Сефевидов.

В 1548 г. борьбу возглавил один из потомков ширваншахов Бурхан-мирзы, которого поддержал кайтагский уцмий Халил-бек. Бурхан-мирза освободил от шахских ставленников Кубу и сосредоточил там свои военные отряды, пополняя их населением кубинских аулов. Обеспокоенный размахом антииранского движения, шах направляет из Ширвана на Кубу военные отряды. В битве при Кульгане повстанцы одержали победу. Шах снова посыпает на Кубу многочисленное войско. Под натиском численно превосходящих сил противника отряды горцев Дагестана вынуждены были отступить в горы.

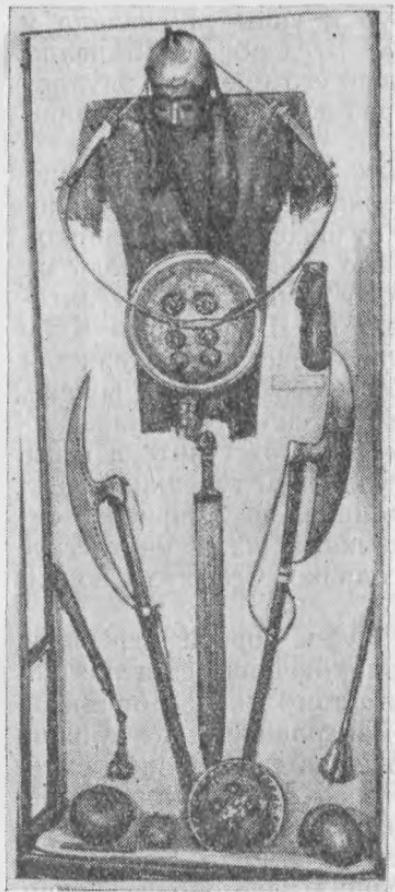
В 1549 г., воспользовавшись выступлением турецких войск, Бурхан-мирза с отрядами кайтагцев напал на Ширван и овладел им. Расправившись с наместниками шаха, кайтагское войско вернулось обратно. Вскоре, однако, Сефевиды подчинили Ширван своей власти.

Между тем начиная с 30-х годов XVI в. борьба Сефевидов с Турцией продолжалась, а в 50-х годах начинается целая полоса турецких вторжений в Дагестан и Азербайджан. В 1554 г. войска османов под командованием Сенен-паши вторглись в Восточную Армению и Азербайджан. Одновременно по приказу султана через Северный Кавказ были направлены войска крымского хана, а кумыкским владельцам и уцмию Кайтага султан ловелел оказать помощь Касим-мирзе — потомку ширваншахов, перешедших на сторону Турции, которому Ширван был передан султаном в икта.

Призывы султана нашли отклик в Дагестане. Некоторые владельцы Дагестана еще не понимали в то время далеко идущих захватнических планов Турции, прикрывавшейся лозунгом борьбы с шиизмом.

Не встретив особого сопротивления в Дагестане, турецко-крымское войско овладело Дербентом и оттуда начало свое наступление на Сефевидов, подвергая жесточайшему разорению и истреблению мирное население, принявшее шиизм. Однако этот поход турок закончился неудачей. В битве у Калс-у-Букода турецкие войска были разбиты. Одновременно беглербек Ширвана Абдулла-хан близ крепости Гюлистан разгромил отряды Касим-мирзы, который поспешно бежал в Табасаран. Не получив поддержки у табасаранского майсума, Касим-мирза сложил с себя полномочия предводителя суннитских янычарских отрядов.

Борьба между Турцией и Сефевидами продолжалась до 1555 г., вплоть до заключения мирного договора, по условиям которого Западная Грузия и Западная Армения отходили к

Вооружение и доспехи средневекового воина

Турции, а восточные части Армении и Грузии — к сефевидской державе.

Тем временем в Иране шли междуусобные войны, разорявшие и ослаблявшие страну. В 1578 г., воспользовавшись ослаблением Сефевидов, османская Турция вновь начала наступление на Кавказ. С огромной армией двинулся на Кавказ Мустафа-Леле-паша. Одновременно Султан-Мурад дал указание крымскому хану Магомед-Гирею отправиться в Ширван через Северный Кавказ. Проход войск крымского хана облегчался тем, что, занятый ливонской войной, Иван Грозный вынужден был оставить крепость Терки. Пройдя через Северный Кавказ, турецкие войска захватили Дербент. Обосновавшийся в Дербенте правитель Ширвана Осман-паша вместе с крымским войском стал предпринимать походы в глубь Дагестана. В итоге османы принудили жителей Дербента и близлежащих лезгинских сел содержать турецкие войска. В 1579 г. войска крымского хана Магомед-Гирея со-

вершили еще один поход в Дагестан и, соединившись с силами Осман-паши в Дербенте, двинулись в Азербайджан.

Народы Дагестана не раз поднимались с оружием в руках против турецких завоевателей. В 1582 г. против османов выступили жители Казикумуха, поддерживаемые хунзахцами и согратлинцами. Янычары жестоко расправились с жителями Кумуха, Хунзаха и Согратля. Против турок выступили и жители сел. Кафыркумух. Получив известие о том, что крымские войска разбиты в одном из сражений в Азербайджане и глава армии Адиль-Гирей взят в плен и убит персами, кафыркумухцы напали на людей крымского хана Магомед-Гирея.

В 1582 г. по приказу Султан-Мурада в Дагестан были направлены из Крыма войска под командованием Джадар-хана, жестоко расправившиеся с жителями Кафыркумуха и других кумыкских селений.

В 1585 г. Джадар-хан предпринял поход в Южный Дагестан и, несмотря на упорное сопротивление, захватил ряд аулов и разорил Кюру.

Итак, мы видим, что в 80-е годы XVI в. территория Южного Дагестана стала объектом ожесточенных кровавых столкновений крымско-турецких и сефевидских войск. Эти войны приводили к разорению мирного населения Дагестана. Город Дербент при турках был совершенно опустошен.

Борьба между Ираном и Турцией за захват Кавказа завершилась в 1590 г. заключением договора, унизительного для шаха Аббаса, по которому почти вся Армения, Грузия и Азербайджан подпали под иго Турции. Дагестан также отходил к Турции. Однако горцы Дагестана не признавали себя подданными султана. Кюрины и табасаранцы совместно с кубинцами, собравшись в местности Пиласа, около сел. Агбал, с оружием в руках выступили против турок. Для усмирения дагестанцев в Кубу прибыл ширванский губернатор Турции Ахмед-паша с огромной армией. После ожесточенной борьбы малочисленные отряды горцев потерпели поражение. Ахмед-паша, опустошив Кубу, построил крепость в сел. Кусары и оставил там большой гарнизон.

Ирано-турецкие войны первой половины XVII в. Освободительная борьба народов Дагестана против иранских и турецких захватчиков

В начале XVII в. шах Аббас I, восстановив и укрепив центральную власть и реорганизовав с помощью английских военных инструкторов армию, снова начал военные действия против турок, за захват Кавказа. В течение 1603—1607 гг. после ряда побед над турками шахские войска овладели Арменией, значительной частью Азербайджана

и Грузии. С этим совпало и выступление народных масс в Грузии, Азербайджане и Дагестане против турецких агрессоров. Так, в 1606 г. восстали горожане Дербента.

Турки, опасаясь народного гнева, укрылись в цитадели Нарынкала. Тогда восставшие стали расправляться со сторонниками Турции из среды представителей дербентской знати. Напуганные размахом выступления, городская знать и шиитское духовенство обратились к кайтагскому уцмию с просьбой занять город. Рустем-хан прибыл со своими отрядами в город и окружил Нарынкалу. К этому же времени подоспело подкрепление из Шемахи. Не желая кровопролития, Рустем-хан предложил Гезер-Гасану сдаться без боя. Получив отказ, отряды Рустем-хана подорвали стены крепости и начали штурм ее. Видя свое безвыходное положение, Гезер-Гасан вынужден был сдаться.

Шах Аббас I в ходе наступательных операций против Турции всячески старался привлечь дагестанских владетелей на свою сторону. Для этого он поощрял дагестанских правителей пожалованиями из казны и дарственными грамотами. Так,

после разгрома турецких войск в Дербенте шах Аббас «во воздаяние за эту добрую службу» одарил сына Хаджи-Мухаммеда Дербенди и уцмия Кайтага подарками и пожаловал им союргал, т. е. предоставил право взимать в свою пользу налоги, которые поступали с подвластной территории в шахскую казну. Кроме того, уцмий получил грамоту на управление Дербентом. Различного рода подарки были отправлены казикумухскому шамхалу, аварскому хану, майсуму Табасарана, акушинскому кадию и Алибеку Цахурскому.

Задаривая феодальных владетелей Дагестана, шах Аббас вместе с тем вовсе не собирался проводить политику невмешательства в дела Дагестана. Поэтому, не надеясь на прочность дагестанского тыла и в целях полного подчинения его народов, шах Аббас начал укреплять дербентскую крепость и проводить укрепленную линию по границам расселения дагестанских народов. С той же целью здесь было размещено большое количество переселенцев, которые должны были нести военно-пограничную службу и подавлять вооруженные выступления народов Дагестана.

В 1609 г. ставленник шаха в Шемахе Зульфукар-хан решил построить крепость на Шебране. Майсум-хан, поддерживаемый табасаранцами, задумал сорвать план строительства крепости и, явившись с войском, потребовал приостановить работы. Произошло столкновение, в котором погибло много табасаранцев. Это событие раскрыло горцам глаза на подлинную сущность политики шаха. Опасаясь потерять свою самостоятельность, народы Дагестана начали вооружаться и концентрировать свои военные силы. Обеспокоенный брожением среди народных масс Дагестана, шах Аббас послал главнокомандующего армией Карычай-хана к Шебрану, поручив ему на месте расследовать причину столкновения. Карычай справился с Зульфукар-ханом и послал к владельцам Дагестана шахские прошения. Учитывая сложившуюся обстановку на Кавказе, шах Аббас дал указание своим ставленникам в Ширване постоянно «наблюдать за горцами, входить с ними в сношения, поддерживая спокойных и преданных и наказывая виновных» ради сохранения спокойствия.

В 1615 г. шах Аббас окончательно решил подчинить своей власти Кахетию и направил туда огромную армию. В результате этого Кахетия потеряла две трети населения: около 100 тыс. человек было убито, столько же оказалось в плену.

Предпринимая поход в Грузию, шах Аббас потребовал, чтобы владельцы Дагестана выступили совместно с ним. Кумыкский владетель Гирей готов был оказать помощь, но «кумыкские люди ево, Гирея, не послушали и к шаху Аббасу на помошь воевати грузинские земли не пошли».

Разгневанный шах начал подтягивать свои войска в Дербент для вторжения в Дагестан. При этом он хвастливо за-

явил, что «ту де сторону очистил до Черного моря, а сю я сторону очищу и до Крыма». Однако угрозы шаха не оказали желаемого воздействия. Кумыки решили: «им Басу не бивати челом и ему не служивати. А как де на них пойдет, им де всем против его стояти головами своими, а в землю его не пустити».

В этих условиях феодальные правители Дагестана — кумухский Алибек, кайтагский уцмий, андийский шамхал, эндреевский Султан-Мут и другие решили прекратить междуусобицы и не искать поддержки друг против друга «ни у шахов Ирана, ни у султанов Турции, ни у крымского хана».

Однако в силу внутренних и внешних обстоятельств владельцы Дагестана были вынуждены часто менять внешнеполитическую ориентацию или присягать на подданство одновременно двум государствам. Так поступили в период вторжения шаха Аббаса на Кавказ владельцы кумыкские Ильдар и Гирей. Но подобного рода действия не находили поддержки среди народных масс.

В ирано-турецких войнах 1616—1639 гг., возобновившихся после заключения Стамбульского договора 1612 г., Дагестан по-прежнему служил одним из объектов захватнических планов шахов и султанов. В этих условиях народы Дагестана и их правители стали обращаться к русскому централизованному государству с просьбой помощи и покровительства. Ориентация на Россию особенно усиливается в 20-х годах XVII в. в связи с разрушением шахскими войсками в 1620 г. ряда южнодагестанских аулов, в частности Ахтов, восстановленных только через восемь лет. Россия принимала всевозможные в тогдашних международных условиях меры к оказанию помощи и покровительства народам Дагестана. Русское подданство служило серьезным препятствием шахской и турецкой агрессии в Дагестане.

После смерти Аббаса I в 1628 г. шах Сефи (1628—1642) и особенно Аббас II постоянно вмешивались во внутренние дела Дагестана. Аббас II в целях укрепления своих позиций в Дагестане начал проводить политику насаждения в Дагестане проирански настроенной феодальной верхушки. Так, в 1641 г. после смерти шамхала Айдемира, когда между кумыкскими князьями разгорелась междуусобная борьба за титул шамхала, Аббас II решительно поддержал своего сторонника Сурхая Тарковского, выдал ему грамоту в его утверждении шамхалом и оказал военную помощь против эндреевского князя.

В 1645 г., воспользовавшись междуусобной борьбой янгикентских и маджалисских ветвей рода уцмииев, шах Аббас выдвинул на престол уцмия Амирхан-Султана, который примкнул к шахским войскам, прибывшим в Кайтаг. Однако Рустем-хан нанес поражение персидским войскам. Разгневанный

Аббас II послал в Кайтаг многочисленное войско, и Рустемхан вынужден был уйти в горы. На место смешенного Рустем-хана уцмием был поставлен Амирхан-Султан. Все это оказалось известное влияние и на других владетелей Дагестана. Шаху Ирана удалось на время распространить свое влияние на Табасаран и Тарковское шамхальство. Этим и объясняется участие ряда владетелей Дагестана в нападении шахских войск на Сунжу в 1652—1653 гг. Аварский и казикумухский владетели еще не признавали полной зависимости от шаха, хотя и получили шахские жалованные грамоты.

Недовольные захватнической политикой иранских шахов, народные массы неоднократно поднимались на вооруженную борьбу. В 1659—1660 гг. в Дагестане вспыхнуло антииранское восстание. Началом восстания послужило выступление сына Рустем-хана Кайтагского Амирхан-Султана Хасан-хана, претендовавшего при поддержке шаха на престол уцмийства. Учитывая недовольство народных масс Кайтага и всего Дагестана политикой шаха, Уллубий заставил Хасан-хана и его сторонников покинуть Калакорейш. Недовольный смещением своего ставленника, шах двинул на Кайтаг прекрасно вооруженную 15-тысячную армию под командованием Хаджи-Манучерхана. Одновременно начальнику артиллерийского корпуса в Ширване Али-Кули-беку был послан приказ выступить к границам Дагестана. Были также посланы указы к правителям Ширвана, Дербента, Цахура, Табасарана и тарковскому Сурхай-шамхалу примкнуть к Хаджи-Манучерхану. Весть о походе персидских войск вызвала повсеместное вооруженное сопротивление. Первым шахским войскам пришлось встретиться с кюринцами. Но разбросанные малочисленные отряды лезгин, не выдержав натиска шахской армии, вынуждены были сдаться. Захватив и разграбив землю кюринских лезгин, армия шаха начала наступление на Кайтаг.

Сурхай-шамхал, учитывая настроение народных масс и не желая участвовать в этом походе, уговаривал Хаджи-Манучерхана отказаться от нападения на Кайтаг, ссылаясь на то, что Уллубий не прочь раскаяться «в своих действиях» и готов «изъявить покорность и смирение». Вместе с тем Сурхай-шамхал заявил, что «приказ шаха для него не является приказом» и дагестанцев невозможно привести в повиновение даже в том случае, если воздвигнуть крепости, как в Кахетии. Не дождавшись ответа Хаджи-Манучерхана, Сурхай-шамхал срочно выступил с войсками в Кайтаг на помощь Уллубию. Весной 1660 г. недалеко от р. Багам произошла крупная битва, продолжавшаяся в течение нескольких дней. Народно-регулярные отряды кайтагцев и шамхальства мужественно сражались, геройски погибая в неравной борьбе. Однако из-за отсутствия единого руководства и плана правиль-

ной расстановки военных сил, упорное сопротивление восставших было сломлено. К тому же на помощь к восставшим не подоспели отряды аварцев, лакцев и даргинцев. Истребив всех попавших в плен, персы жестоко расправились с населением Кайтага, превратив в руины кайтагские аулы.

Однако шахская армия не решалась проникнуть в горы, узнав о подготовке повсеместного вооруженного восстания горцев Дагестана. Ограничившись тем, что феодальные правители Кайтага, шамхальства и Кюры изъявили покорность и послали своих представителей ко двору шаха с прошениями, главнокомандующий персидской армии Хаджи-Манучерхан отступил в Дербент.

Убедившись в том, что ему не под силу покорить Дагестан с оружием в руках, Аббас II вынужден был снова стать на позиции систематического разжигания и поддерживания феодальных междуусобиц в Дагестане. Политика шаха Сулеймана (1667—1694) не отличалась от политики Аббаса II. В 80-е годы XVII в. шах Сулейман выдвинул одного из отпрысков маджалисской ветви рода уцмиев, Гусейн-хана, бывшего до совершеннолетия при дворе шаха, правителем Кубы. В 1689 г. он, заручившись поддержкой шахских наместников в Дербенте, совершил поход в Кайтаг и овладел резиденцией уцмия Еашлы. Только благодаря поддержке горских народов кайтагскому уцмию Али-Султану удалось вытеснить его из Кайтага. Таким образом, ирано-турецким захватчикам так и не удалось покорить и подчинить своей власти народы Дагестана. Однако долголетняя борьба Ирана и Турции за овладение Кавказом и связанные с этим неоднократные опустошительные нашествия полчищ шаха и султана приносили народам Дагестана, как и всем народам Закавказья, неисчислимые бедствия и страдания и крайне отрицательно сказывались на положении широких народных масс.

§ 7. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДАГЕСТАНА С НАРОДАМИ КАВКАЗА В XVI—XVII вв.

В XVI—XVII вв. народы Дагестана по-прежнему поддерживали и развивали исконно сложившиеся торгово-экономические, политические и культурные связи с народами Кавказа.

Дагестано-грузинские отношения В XVI—XVII вв. дагестано-грузинские отношения развивались в чрезвычайно сложной обстановке при усиливающейся политической и экономической экспансии султанской Турции, шахского Ирана и царской России, в условиях, когда феодальные владетели Дагестана и Грузии часто вынуждены были менять внешнеполитическую ориентацию. Все это оказывало извест-

ное влияние на дагестано-грузинские отношения и нередко приводило к конфликтам. К военным столкновениям феодалов толкало и стремление к обогащению и укреплению своих позиций, а также желание захватить и подчинить своей власти территорию соседей.

В набегах на Грузию владетели Дагестана видели наиболее легкий путь наживы. Феодалы захватывали при этом имущество и скот, уводили пленных, которых затем продавали или обращали в рабство. В результате феодальных набегов на Грузию уничтожались посевы, сады, разоренными оказывались целые деревни. Народ не одобрял варварских действий феодальных владетелей. Не случайно среди народных масс Дагестана широкое распространение получили притчи, пословицы, поговорки, резко осуждающие феодальные набеги: «Не известно, вернется ли ушедший в набег на Грузию», «Добыча от набегов и уносится набегом» и др.

Но было бы совершенно неправильно заключить, как это делали дворянско-буржуазные историки, что грузино-дагестанские отношения рассматриваемого периода сводились к бесконечным военным столкновениям.

Феодальная Грузия была заинтересована в мирных связях с Дагестаном, в развитии торговли, скотоводства, в охране границ и перевальных дорог и т. д. Поэтому правители Грузии старались поддерживать с владетелями Дагестана мирные отношения. В свою очередь ряд феодальных владельцев Дагестана также во многих отношениях были заинтересованы в установлении и укреплении союзнических отношений с владетелями Кахетинского царства.

Для укрепления союза и дружбы владетели Дагестана и Грузии заключали династические браки. Кахетинский царь Леван обвенчался с дочерью шамхала. Династические связи с дагестанскими правителями продолжали поддерживать и потомки Левана; дочери шамхала были замужем за сыновьями царя Александра. Определенную роль в развитии дагестано-грузинских отношений играло и то, что кахетинскими царями привлекались военные дружины из горцев Дагестана. Укреплению дагестано-грузинских связей содействовало также принятие Грузии и Дагестана в подданство России.

Касаясь дагестано-грузинских отношений, послы Кахетии в Москве в 1591—1592¹ гг. отмечали, что царь Грузии в «любви и дружбе» с крым-шамхалом и что «кумыцкая земля половина с ним». Взаимоотношения между царями Грузии и владетелями Дагестана¹ оставались дружественными и в начале XVII в., о чем красноречиво свидетельствует сообщение послов царя Александра в Москву: «Да с нами же нынче лезгинские и шевкальские люди, те, что с нами быти им в миру, а на лихово смотрят за один с нами; на том договор у нас».

Дагестан поддерживал с Грузией торгово-экономические связи. Основными предметами торговли между народами Дагестана и Грузии были шелковые ткани, бурки, паласы, сукна, шкуры, оружие.

Купцы из Грузии приезжали в торгово-ремесленные центры Дагестана — Дербент, Тарки, Эндрей и др. В свою очередь горцы Дагестана по торговым делам бывали в Телавах, Греми, Базари и других торговых центрах Восточной Грузии. Кроме того, торговые сделки между купцами Грузии и Дагестана осуществлялись в торговых центрах Северного Кавказа и Азербайджана, особенно в Шемахе. Торгово-экономические связи народов Дагестана и Грузии стимулировали дальнейший рост производительных сил этих стран.

На основе торгово-экономических взаимоотношений развивались и дагестано-грузинские культурные связи. В результате тесного общения населения в языки андо-дидойской группы вошли слова из грузинского языка. В свою очередь из аварского в грузинский вошел ряд слов, относящихся к предметам быта и культурного обихода. Много общего и в орнаментальном искусстве, особенно в резьбе по камню и дереву и т. д.

Грузинское влияние особенно заметно в архитектуре бежтищцев. В отличие от остальных аварских поселений планировка в бежтинских аулах имеет много схожего с планировкой восточногрузинских сел.

Взаимоотношения с Азербайджаном Дагестано-азербайджанские связи в XVI—XVII вв. развивались в обстановке борьбы между Ираном и Турцией за овладение Кавказом, в условиях, когда народы Дагестана и Азербайджана вели упорную борьбу с иноземными захватчиками.

Народы Азербайджана и Дагестана оказывали друг другу посильную помощь в этой борьбе. Так, в борьбе за восстановление самостоятельности Ширвана на стороне потомков ширваншахов принимали участие и дагестанцы.

Известно также совместное выступление народов Южного Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана против турецких войск.

В 1601—1602 гг. в союзе с табасаранцами и кюриницами выступили кубинцы. В свою очередь горцы Дагестана принимали участие в антитурецких выступлениях в Ширване в 1602—1603 гг. А когда против турок восстали горожане Дербента, их поддержали ширванцы и отряды уцмия Кайтага, с помощью которых был разбит турецкий гарнизон.

Освободительные вооруженные выступления народов Азербайджана, Армении и Грузии против иноземных завоевателей также объективно способствовали народам Дагестана в их борьбе за независимость. Известно, что в период нашествия на Кавказ Аббаса I выступления народов Закав-

казья отвлекли силы шахских войск и не дали ему осуществить намеченные планы вторжения в Дагестан и Северный Кавказ. Прокатившаяся в 70-х годах XVII в. новая волна крестьянских восстаний в Закавказье обессилила войска Ирана и тем самым объективно способствовала борьбе народов Дагестана против шаха Аббаса II.

Сказанное не означает, однако, что взаимоотношения между правителями Дагестана и Азербайджана в XVI—XVII вв. всегда оставались мирными.

В силу внутренних противоречий и постоянных происков Ирана и Турции с их традиционной политикой натравливания правителей Азербайджана и Дагестана друг на друга взаимоотношения между ними обострялись, что передко приводило к военным столкновениям.

Неоднократно возобновляемая борьба между Ираном и Турцией за овладение Кавказом, а также феодальные междоусобицы сказывались и на развитии торгово-экономических взаимоотношений Дагестана и Азербайджана.

Но, несмотря на все это, между Дагестаном и Азербайджаном, особенно между народами Северо-Восточного Азербайджана и Юго-Западного и Южного Дагестана, поддерживались постоянные торгово-экономические связи.

Эти связи осуществлялись, как и ранее, по главному пути Гидатль — Чох — Кумух — Чирах — Самурская долина и далее по перевалам через территорию Джаро-Белоканских обществ в Ширван.

Наиболее оживленным был путь Ахты — Шеки через Салаватский перевал, действовавший круглый год.

Горцы Дагестана вывозили в Азербайджан главным образом продукты животноводства и ремесленные изделия. В обмен же они приобретали зерно, пряности, соль, шелк, парчу, атлас, драгоценные камни Востока, нефть и всевозможные ремесленные изделия. В свою очередь торговые люди Азербайджана со всевозможными товарами собственного производства и товарами восточных стран также часто посещали Дагестан.

Торговые сделки между народами Азербайджана и Дагестана совершались в торгово-ремесленных центрах, из которых наиболее важную роль играли Шемаха и Дербент.

Большое значение в развитии азербайджано-дагестанской торговли имело и то обстоятельство, что торговый путь, по которому велась торговля Азербайджана с Россией, проходил через территорию приморского Дагестана — Дербент — Бойнак — Тарки — Эндрей — Кизляр.

Кроме того, жители Самурской долины, как и прежде, перегоняли свой скот на зимние пастбища Азербайджана. Пограничные же с южными районами Дагестана общества Азербайджана использовали их горные пастбища.

Немалое число горцев уходило в Азербайджан на заработки. В то же время азербайджанцы участвовали, например, в строительстве культовых зданий и других сооружений Дагестана.

Близкое соседство, хозяйственная взаимозависимость и тесное общение предопределяли возникновение дружественных связей между народами Дагестана и Азербайджана, взаимовлияния материальной и духовной культуры.

В XVI—XVII вв. в Южном Дагестане заметное распространение получает азербайджанский язык.

Известное влияние оказал Азербайджан и на общественный и семейный уклад, музыку, танцы и фольклор Южного Дагестана. Лезгинские, табасаранские певцы-импровизаторы слагали песни на сюжеты, заимствованные у ашугов Азербайджана, и пользовались их формой стихосложения.

Взаимоотношения с народами Северного Кавказа В XVI—XVII вв. народы Дагестана поддерживали тесные экономические, политические и культурные связи и с народами Северного Кавказа. Между Дагестаном, Чечено-Ингушетией и Кабардино-Балкарией не существовало резко очерченных границ.

Народы Дагестана и Чечено-Ингушетии жили не только чересполосно, но и нередко проживали в одних и тех же поселениях. Образование таких поселений шло в основном за счет притока трудовых слоев народа, бежавших от произвола и угнетения своих феодалов, скрывавшихся от кровной мести.

Совместными поселениями, где жили и трудились горцы Дагестана, чеченцы, ингуши, кабардинцы, в Дагестане были Баташ-юрт, Байрам-аул, Эндрей, Аксай и др. Здесь проживали выходцы из кабардинских фамилий Анзоровых, Баташевых, Тутушевых, Камбулатовых, Тамбиеевых, Кабардиевых, Астемировых, Чегемовых, Черкесовых. В свою очередь дагестанские горцы проживали на территории Чечено-Ингушетии в сел. Брагуны и других, в кабардинском селении Турлове и во владениях кабардинского князя Каспулата Муцаловича на правом берегу Терека, а также в слободах вблизи русских городов-крепостей и в казачьих станицах. В Кабарде, в частности, проживали выходцы из Дагестана Шамхаловы, Кумыковы, Казанищевы, Иразовы, Исхаковы, Хаджиевы и многие другие. В пограничных районах Аварии и Чечни проживали тухумы Чунгурулал и Блитал, имевшие общие корни происхождения среди аварцев и чеченцев. Все это предопределяло установление добрососедских отношений, укрепление куначества и своеобразного института кавказского побратимства, а также возникновение родственных отношений между населением Дагестана, Кабарды, Чечено-Ингушетии и других народов Северного Кавказа.

Тесные связи чеченцев, ингушей, кабардинцев и народов Дагестана имели и экономическую основу. Жители нагорной части Чечено-Ингушетии, нуждавшиеся в зимних пастбищах и сенокосах, спускались на плоскость и пользовались землями жителей равнины. Аварцы и чеченцы отдавали на выпас друг другу скот, пользовались одними и теми же пастбищами участками. Народные массы Дагестана и Северного Кавказа вместе трудились на пашнях, заготавливали сено, занимались рыбной ловлей в протоках Терска и на Каспийском море. Горцы и жители плоскостных районов, общаясь, перенимали друг у друга трудовые навыки ведения хозяйства, обменивались продуктами сельского хозяйства и ремесла.

Обмен между Дагестаном, Кабардино-Балкарией и Чечено-Ингушетией осуществлялся через Сунженский перевоз. Кроме того, с Северным Кавказом, через Чечню, был связан Центральный и Южный Дагестан. Торговля народов Дагестана и Северного Кавказа осуществлялась в оживленных торговых центрах — Эндрей, Тарки, Татартуп и Терский город. Эндрей и Татартуп являлись и крупными невольничими рынками, где концентрировалась работоговля почти всего Северного Кавказа. Каждый год в начале весны северокавказские народы собирались также недалеко от Татартупа, на границе Кабарды, где в течение нескольких дней занимались обменом продуктами и предметами ремесла.

В результате обмена из Дагестана на Северный Кавказ поступали соль, металлическая и медная посуда, ювелирные изделия, продукты скотоводства и земледелия. Через Дагестан на Северный Кавказ шли также восточные товары: всевозможные шелковые ткани, сафьян, пряности и т. д. В свою очередь в Дагестан с Северного Кавказа шли продукты земледелия и скотоводства.

Торговля народов Дагестана с Северным Кавказом по-прежнему оставалась меновой. Ее развитию мешало господствовавшее у горцев Северного Кавказа и Дагестана натуральное хозяйство. Преградой на пути дальнейшего развития торговли между северокавказскими народами служила также феодальная раздробленность.

Несколько иной характер носили взаимоотношения феодальных владетелей Дагестана и Северного Кавказа. Правители Дагестана постоянно стремились к расширению границ своих владений. Особенно они старались распространить свое влияние на соседей — чеченцев и ингушей. В XVI в. кумыкские владетели подчинили своей власти ауховских чеченцев. В зависимости от кумыкских владетелей находились и некоторые ингушские общества. А в начале XVII в. аварские ханы принудили к дани пограничные чеченские общества.

Такая политика владетелей Дагестана встречала сильное противодействие со стороны кабардинских феодалов, кото-

рые в свою очередь также стремились к расширению границ подвластных им территорий. Владетели Дагестана и Кабарды были основными соперниками, боровшимися за главенство на Северном Кавказе. И это нередко приводило к вооруженным столкновениям. В борьбе друг с другом владетели Дагестана и Кабарды привлекали на свою сторону соседних владетелей, а также обращались за помощью к России, Турции или Ирану.

В 1566 г. шамхал Будай, воспользовавшись феодальными распрями в Кабарде между старшим князем Темрюком Идаровым и Пшеапшокой Кайтукиным, принял сторону последнего и выступил с отрядом в Кабарду. Но в произошедшей битве отряд шамхала был разбит, а сам Будай погиб. Этим воспользовался Темрюк Идаров, который предпринял несколько ответных походов в Дагестан.

Междоусобная борьба продолжалась и в последующие годы. В 80-х годах XVI в. кабардинские князья со своими отрядами приняли непосредственное участие в распрях, начавшихся в шамхальстве после смерти шамхала Чопана. Вмешивались в междоусобицы кабардинских князей и владетели Дагестана, особенно эндреевские владетели. Так, долгое время враждовавший с князьями Малой Кабарды Тотлостановыми князь Алегука нашел убежище и покровительство в сел. Эндрей. Отсюда, поддерживаемый эндреевскими владетелями, он совершал частые нападения на Малую Кабарду.

Одно из самых крупных вооруженных столкновений феодальных владетелей Дагестана и Кабарды произошло в июле 1641 г. В этой схватке, с одной стороны, участвовали кабардинские владетели Алегука и Ходокжука и примкнувшие к ним некоторые владетели Малого Ногая, а с другой — сторонники Москвы во главе с кабардинским владетелем Кельмаметом Куденетовичем Черкасским и шамхалом Айдемиром, которых поддерживали отряды терских стрельцов и часть ногайцев. В битве при р. Малке Кельмамет и шамхал Айдемир потерпели поражение.

Многочисленные военные столкновения, однако, не являлись доминирующими во взаимоотношениях феодалов Дагестана и Северного Кавказа. В основном между ними поддерживались мирные отношения.

Между феодалами Дагестана и Кабарды часто заключались династические браки. В родстве с кабардинским родом Анзоровых состоял шамхал Чопан. Сын Чопана, эндреевский владетель Султан-Мут, женил своего сына Айдемира на сестре кабардинского князя Мудара Алкасова. Согласно кабардинским преданиям, на дочерях кумыкских владетелей были жены Каншов-бий, Дошкуко Бгуншоков и другие кабардинские владетели.

Еще более прочными стали эти связи в конце XVI — начале XVII в. В это время большое значение приобретают мирные связи двух влиятельных феодалов на Северном Кавказе — тарковского владетеля Гирея и кабардинского князя Сунчалея Янглычева, служившего на Тереке. Еще больше союзнические отношения укрепились при преемниках Сунчалея Муцале и Каспулате Муцаловиче. Их взаимоотношения с владельцами Дагестана в значительной степени повлияли на нормализацию дагестано-кабардинских отношений.

Владельцы Дагестана часто приглашались в Кабарду в качестве посредников для разрешения различных споров, возникавших между владельцами, для урегулирования пограничных споров между обществами Балкарии и феодалами Кабарды, а также для решения вопросов, связанных с внешнеполитической обстановкой.

Дружба между Дагестаном и народами Северного Кавказа крепла и в совместной борьбе с иноземными захватчиками. Так, во второй половине XVII в. владельцы Дагестана не раз совместно с кабардинскими отрядами выходили против турецко-крымских захватчиков.

На основе все укреплявшихся торгово-экономических и политических связей усиливалось взаимовлияние культуры народов Дагестана и Северного Кавказа. Вот почему в материальной и духовной культуре этих народов много общего. Особенно четко прослеживается эта общность в предметах хозяйственного и домашнего обихода, в одежде, пище, декоративном искусстве, в празднествах, в семейном и общественном быту.

Много однотипных сюжетов в устном народном творчестве: в сказках, пословицах и поговорках народов Дагестана и Северного Кавказа. Заметное влияние творчества народов Дагестана, и в частности прикладного искусства, испытывало на себе также искусство северокавказских народов.

§ 8. РУССКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI—XVII вв.

Политика Русского государства на Северном Кавказе и укрепление дагестано-русских связей в XVI в.

Образование Русского централизованного государства имело огромное значение не только в истории самого русского народа, но и в истории всех народов нашей страны. С формированием централизованного государства Россия заняла одно из видных мест в международной жизни Европы. С этого времени активизируется ее внешняя политика, одной из важнейших задач которой была борьба за выход к морям. Как известно, тяжелая борьба за выход к Балтийскому морю не увенчалась успехом. Более ощутимых результатов Россия добилась на Востоке,

где в 1556 г. вышла к Каспийскому морю. Выход России к Каспийскому морю расширил круг вопросов политических отношений с Турцией и Ираном, которые вели ожесточенные войны за захват Кавказа. В то же время утверждение России в устьях Волги, по словам С. М. Соловьева, «открыло... целый мир мелких владений в Прикавказье; князья их соорудились друг с другом, терпели от крымцев и потому, как скоро увидели у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые с предложениями подданства».

В начале 50-х годов XVI в. в Москву неоднократно обращались кабардинские князья. В 1557 г. произошло добровольное присоединение Кабарды к России. В эти годы прибыли из Дагестана послы, а в последующие годы «послы появлялись в Москве постоянно».

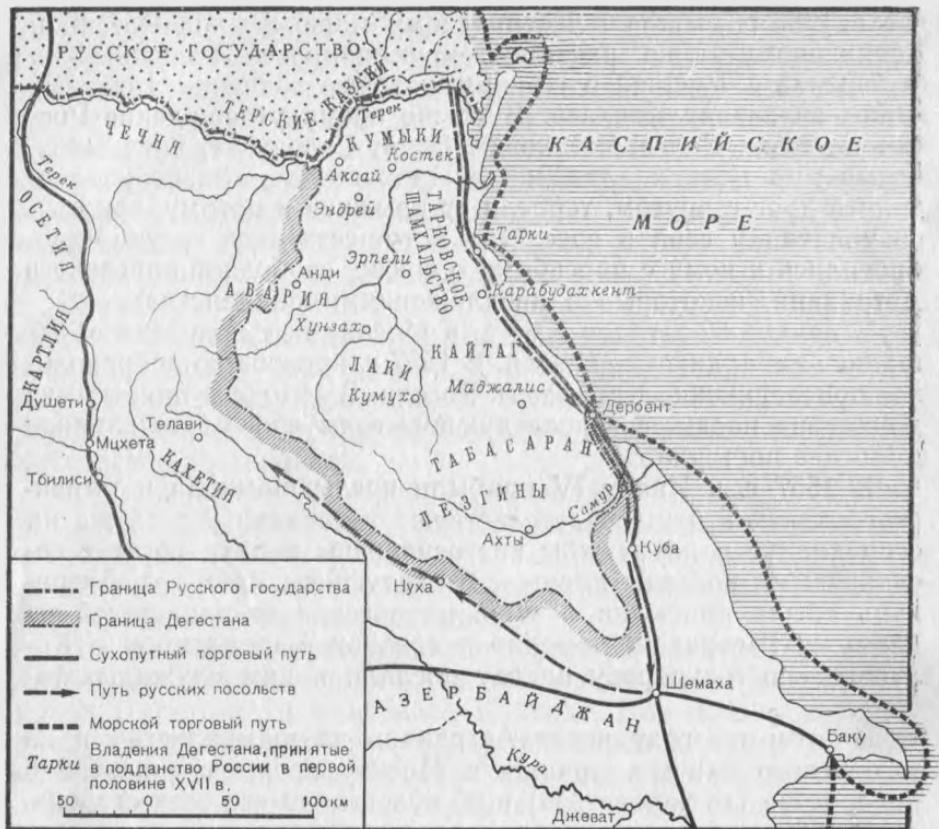
В 1557 г. к Ивану IV прибыли послы шамхала и тюменского князя и, как свидетельствуют источники, «дань же на себя кладут и на службы на государевы ходити хотят с государевыми воеводы вместе». В следующем, 1558 г. в Астрахань «была присылка о мире и торговле от владетелей из Шемахи, Шевкала и Тюмени» и воеводы Черемисинов и Колупаев «по государеву наказу послали к ним служилых татар».

В этом же году через Астрахань из шамхальства и из тюменского ханства пришли в Москву послы с просьбой о подданстве («о холопстве») и об оберегании «со всех сторон».

В 1559 г. посольства от шамхала и тюменского князя, прибывшие в Москву, добивались, чтобы Русское государство защищало их от кабардинских князей. В то же время к Ивану IV обращался шамхал с просьбой, чтобы он прислал «рать на крым-шевкала, а им дал иного, а они всею землею холопи государевы неотступны». Немного ранее в Москву с просьбой защищать их от шамхала обращались кабардинские князья. В создавшихся условиях Россия, исходя из экономических и политических целей, оказывала им помощь. Поддержка одного владельца, естественно, отдала другого и нередко приводила к нежелательным результатам.

В 1560 г. по просьбе кабардинских князей из Астрахани был отправлен воевода Черемисов в «шевкал... оборонять Черкасы». Русские войска «воевали шевкала», заняли Тарки, а затем вернулись в Астрахань. Однако после этого русско-дагестанские отношения приобрели мирный характер. Уже в 1562 г. шамхал через Астрахань свидетельствовал о «своей любви» к московскому царю.

В 1567 г. от шамхала прибыл его «имальдеш» с подарками. В 1568 г. шамхал послал своего внука в Москву служить государю, а сам был челом Ивану Грозному, что «хочет быть в его воле». Ответное посольство из Москвы в шамхальство

Россия и Дагестан в XVII в.

поставило вопрос о постройке русского города на р. Овечьи Воды, и шамхал «дал» Овечьи Воды.

Постройка русских крепостей на Северном Кавказе была чревата для России тяжелыми последствиями и дипломатического и военного характера. Крым и Турция требовали снести крепость на Тереке и «отперти дорогу» в Закавказье. В 1569 г. турецко-крымские войска предприняли большой, но неудачный поход на Астрахань, чтобы открыть путь в «Кизылбashi».

В 1578 г. турецко-персидская война возобновилась. С помощью татарских войск, прошедших в 1578 и 1579 гг. через северокавказские степи в Закавказье, турки овладели Азербайджаном и Дагестаном и вышли к Каспийскому морю. Эти завоевания были закреплены договором с шахом 1590 г.

В последнее десятилетие XVI в., в связи с выходом турков к Каспийскому морю, снова усиливается ориентация местных сил на Россию, для которой выход Турции к Каспий-

скому морю создал непосредственную угрозу Астрахани и угрозу потери восточных рынков.

В 1578 г. по просьбе из Кабарды был возобновлен русский город на Сунже, и когда крымское войско возвращалось в Крым из Ширвана, оно было разбито при переправе через Терек русским отрядом, вышедшим из крепости.

В дальнейшем попытки турок и крымцев сноситься через Северный Кавказ и Дагестан с турецкими пашами, действовавшими в Азербайджане, кончались тем, что турецкие «чаушки» и «капычей» попадали в руки казаков, отводивших их в Астрахань или в Москву. Дорога на Дербент оставалась для турок отрезанной.

Последующие годы во внутренней истории Дагестана отмечены ожесточенной междоусобной борьбой между шамхалом и крым-шамхалом. Шамхал принял турецкую ориентацию; крым-шамхал, «сват» кахетинского царя Александра, как и этот последний, обратился к России; за крым-шамхала стояла «половина Кумыцкой земли», в том числе сын шамхала — тарковский владелец Сурхай. Русской ориентации придерживался также аварский правитель, через владения которого шел удобный перевальный путь в Кахетию.

В 1587 г. кахетинский князь Александр принес присягу в русском подданстве, и по его настойчивым просьбам о военной помощи в 1588 г. был снова поставлен город на Тереке, в устье, на одном из его протоков у Тюмени.

Терский город очень скоро после основания стал не только сильной крепостью, но и крупным местным торговым пунктом со смешанным этническим населением. Через Терки шел путь из России в Дагестан и далее в Закавказье и Иран, Кабарду, Осетию и по Дарьальскому ущелью в Грузию.

Вскоре после основания русской крепости под ее стенами разместились слободы народов Северного Кавказа — Черкесская (Кабардинская), Окоцкая (Ингушская), Татарская и Новокрещенская (со смешанным населением). В них и поселились горцы Дагестана.

Походы русских войск в Дагестан

В 90-х годах XVI в. и в начале XVII в. был предпринят ряд походов русских войск против шамхала, целью которых было прекратить его сношения с Крымом и Турцией, отрезать крымско-турецким силам путь в Закавказье и укрепить положение Кахетии. В этот же период велись переговоры русского правительства с шахами Худабендэ и Аббасом о военном союзе против султана и о присоединении к России Дербента, Баку и Шемахи. В связи с этим походы русских войск в Дагестан можно рассматривать как имеющие целью укрепление русского влияния в Дагестане и в Азербайджане.

Однако сношения русского правительства с Кахетией, крым-шамхалом и Аварией продолжались. По настойчивым

просьбам кахетинского царя «посалить» в Тарках «государевых людей», чтобы обеспечить сообщение с Кахетией через Кумыцкую землю, в 1591 г. под командованием воеводы Засекина, а в 1593—1594 гг. под начальством князя Андрея Хворостинина были предприняты походы на шамхала. В результате похода Хворостинин поставил третью русскую крепость на р. Койсу, где был оставлен гарнизон в тысячу стрельцов. Таким образом, к середине 90-х годов была создана целая система русских крепостей на Каспийском море и на Тереке у устья Яика, у устья Волги — Астрахань, Терский город у устья Терека, Койсинский острог у устья Сулака и, наконец, Сунженский острог у перевоза через Сунжу на так называемой Османской дороге, т. е. на той самой дороге, которой в 1583 г. шел Осман-паша из Дербента в Крым. Через Терский, Сунжеческий и Койсинский города поддерживались постоянные сношения с Кабардой и Кахетией, принявшими русское подданство, с Аварией, шамхальством и «горскими землицами» Дагестана.

После похода 1594 г. была предпринята попытка договориться с шамхалом. Но эти переговоры не увенчались успехом. В 1598 г. к шамхалу приехал посол турецкого султана Аслан-бек, привез ему жалованье и вел переговоры о том, чтобы в устье Койсу вместо русского острога поставить турецкую крепость. Шамхал стал склоняться на сторону Турции.

Но позиция шамхала не находила поддержки ни у населения, ни у его же сыновей, удельных владельцев. Андий, кафыркумухский владелец, тарковский Сурхай и эндреевский Султан-Магомед прислали в 1602—1603 гг. в Москву послов с предложением подданства; послы были отпущены с жалованьем.

В 1604—1605 гг. Россией был предпринят новый большой поход в Дагестан под началом Бутурлина и Плещеева с весьма значительными силами. Вместе с русскими войсками в походе участвовали и войска кабардинского мурзы Сунчалея Янглычева и чечено-ингуши под начальством Батая Шихмурзина. Одновременно в Грузию были отправлены послы А. Татищев и А. Иванов. Они должны были известить Александра о походе на шамхала и договориться, чтобы царь Грузии со своей стороны направил войска в Дагестан.

Поход русских войск в Дагестан надо связывать не только с русско-грузинскими отношениями, но и с возобновлением шахом Аббасом войны с Турцией за Закавказье и стремлением русского правительства путем военных действий обеспечить успех переговоров об уступке Дербента, Баку и Шемахи. Русские войска, не встречая сопротивления, заняли Эндрей и Теплые Воды, заложили крепость на Тузлуке. Шамхал, «старец ветхий, лишенный зрения», бежал в горы. Русские

войска заняли Тарки и сразу же приступили к строительству укрепления, назвав его Новым городом. Однако воеводы допустили ошибку: они «пленили людей в селениях, брали хлеб, отгоняли табуны и стада». Все это, как и следовало ожидать, вызвало недовольство народных масс. Шамхал, крым-шамхал и другие владетели объединились. Зорко следившая за событиями на Северном Кавказе сultанская Турция сразу же решила использовать недовольство Дагестана в своих корыстных целях.

К Таркам пришел из Шемахи турецкий отряд. Бутурлин «учинил мир» с турецким пашой, чтобы русским войскам дали возможность вернуться на Терек. Однако это условие не было выполнено, и при отступлении русские понесли большие потери — более 7 тыс. человек. Сунженский и Койсинский остроги были оставлены.

Несмотря на осложнения 1604—1605 гг., русско-кавказские связи второй половины XVI в. имели весьма важное значение и в военном и в политическом отношениях. Это был период наибольшего подъема агрессии турецкого военно-феодального государства. Но стратегические замыслы сultанов, связанные с планами захвата Кавказа, оказались чрезвычайно осложненными вследствие возникшей на местах — в противовес крымско-турецкой агрессии — ориентации на сильное Русское государство и его помощь.

Русско-дагестанские отношения в XVII в.

В начале XVII в., в годы интервенции и крестьянской войны в России, связи Северного Кавказа и Дагестана с Центральной Россией ослабли и на время прервались.

Однако связи с Терским городом все более и более укреплялись. Только благодаря этим связям и поддержке народов Северного Кавказа сохранился Терский город. Более того, в начале XVII в. значение города еще более усилилось, а число нерусского населения значительно возросло. В течение XVII в. неуклонно росло и торговое значение Терского города. В нем были «русские ряды» и гостиные дворы, где торговали русские люди и тезики — восточные купцы из Дербента, Закавказья и Ирана. Из России привозили промышленные изделия (железные и деревянные изделия, кожи и кожаные изделия, льняные ткани и др.). Из Дагестана в Терский город привозили сельскохозяйственные продукты и изделия домашней промышленности. Привозили горцы и восточные товары: шелк, сафьян и т. п.

В начале XVII в., в период польско-шляхетской интервенции, когда прекратился подвоз в Терский город хлебных запасов из Руси по Волге и Каспийскому морю, терские стрельцы и служилые люди покупали хлеб у кабардинских и у кумыцких людей в Тарках и Карабудахкенте, и у гилянских, и у дербентских тезиков, привозивших хлебные запасы для

Терский город (гравюра XVII в.)

продажи на Терек. Подвоз зерна и муки продолжался и позднее. Привозили также фрукты, орехи, марену; пригоняли скот и приводили на продажу лошадей, а также отгоняли их в Москву в так называемые «ордобазарные станицы».

В течение XVII в. торговые связи Дагестана с Россией приняли систематический характер. Обычно с каждым дагестанским послом в Москву приезжал «купчина» того или иного дагестанского феодала, привозивший восточные товары на крупные суммы и покупавший товары для отправки в Дагестан. В 1621, 1623 и 1627 гг. в Москву приезжал «купчина» Ильдара тарковского, который привез за эти годы товаров в общей стоимости на 8557 руб.; в 1642—1643 гг. посол шамхала Сурхая привез товаров на сумму 8100 руб. Привозили в Москву товары и «купчины» кайтагского уцмия. Купчин по челобитию обычно освобождали от уплаты таможенных пошлин.

Торговые связи с Астраханью были постоянными. Шамхалы добились освобождения от пошлин товаров на 600 руб. ежегодно, но присыпали на значительно большие суммы. Так, в 1631 г. два человека шамхала Ильдара привезли в Астрахань товаров на 2133 руб., в 1641 г. человек тарковского мурзы — на 700 руб. Присыпали караваны торговых людей и в

Терский город. В привозе были преимущественно восточные товары, шедшие через Дагестан транзитом,— всевозможные шелковые и бумажные ткани из Азербайджана, Ирана и Средней Азии, шелк-сырец и шелк крашеный, сафьян, шелковые кушаки. К местным северокавказским товарам можно отнести попоны, овчины, бараны шубы.

Из России в Дагестан привозили сукна, меха, кубки, котлы, по специальному разрешению предметы вооружения — пищали, сабли, панцири.

Однако торгово-экономические связи России и Дагестана отнюдь не всегда имели мирный характер. При привозе товаров по «Дагестанской дороге» на Дербент и обратно в Терский город и Астрахань надо было платить пошлины каждому феодалу, через владения которого проезжали купцы. Нередки были и грабежи торговых караванов.

Выше отмечалось, что в начале XVII в. возобновилась ирано-турецкая война за овладение Кавказом, которая завершилась в 1612 г. вытеснением Турции с Кавказа, после чего начался период активной агрессии шахов на Северном Кавказе. Действуя со стороны Дербента, шах стремился поставить в зависимость владетелей Дагестана, что, однако, встречало сильное сопротивление. В обстановке шахской агрессии среди разных слоев населения Дагестана росла ориентация на Россию, в покровительстве которой видели противовес персидской угрозе и военной помощью которой приблизости Терского города к дагестанским владениям было важно заручиться в войнах с «недругами».

Еще в 1610 г., в самый разгар интервенции, шертовали перед терским воеводою на верность московскому царю тарковские владельцы Гирей и Ильдар Сурхаевы и бывшие с ним «в одиначестве» семь князей и мурз и среди них казикумухский владелец Алибек, аварский Мехти, карабудахкентский Сурхай и др. В 1614 г. шерть была повторена, и тогда же от Гирея Тарковского с грамотой к царю поехал посол, вернувшийся с ответной царской грамотой и подарками. Понсольством устанавливалась вассальная зависимость тарковских земель от России.

В 1615 г., когда ожидался поход шахских войск на карабдинские и кумыкские владения, из Москвы к шаху Аббасу был послан специальный гонец Г. Шахматов с грамотой, где, в частности, писалось о том, чтобы шах на Карабдинскую и на Кумыцкую земли «не наступал», как на земли русских подданных.

За 28 лет, с 1614 по 1642 г., в Москве побывало 13 посольств от тарковских ханов и два от соседних с ними владельцев.

В Москве внимательно следили за отношениями дагестанских владельцев к шаху, но, избегая конфликтов с ним,

резко вопроса о Дагестане не ставили. Однако в официальных сношениях с Дагестаном и Персией русские дипломаты всегда называли кумыков русскими подданными.

Одним из условий вассальной зависимости от русского правительства была взаимная помощь ратными людьми «на недругов». Часто целью посольств в Москву были просьбы о военной помощи против эндреевского Султан-Магомеда. Во многих случаях эти членобитные удовлетворялись, и терские ратные люди не раз ходили на Эндрея. Русское правительство поддержало хана Ильдара против Султан-Магомеда и в 1623 г., когда после смерти шамхала Андия возник спор о шамхальстве. Вопреки решению съезда 1621 г., постановившего утвердить шамхалом Султан-Магомеда, а Ильдара — крым-шамхалом, последний отправил в Москву посла с просьбой «велети в кумыках в большом чину быть», ему, «а не иному». В ответ на эту просьбу в 1623 г. Ильдару из Москвы была дана жалованная грамота на шамхальство с большой государственной печатью.

Тарковские ханы предпочитали в этот период русскую военную помощь персидской, к которой обращались только тогда, когда терские воеводы не могли удовлетворить их просьб о ратных людях.

В 1626—1627 гг. шамхал Ильдар обратился в Москву с новой просьбой — дать ему годовое жалованье, которое и было ему назначено наравне с жалованьем тогдашнего старшего кабардинского князя Куденета Канбулатовича — 100 руб. денег и 50 четей хлеба. Обращение Ильдара в Москву было продиктовано, в частности, и надеждой занять таким путем более независимое от шаха Аббаса положение.

Планы шаха укрепиться на Северном Кавказе заставили русское правительство изменить политике поддержки Тарков против Эндрея. В июле 1631 г. сын Султан-Магомеда Айдемир, вызванный в Терский город, шертовал Михаилу Федоровичу «за своего отца, за себя, за дядю, за братьев и за своих узденей».

Около 1635 г. по просьбе Султан-Магомеда на Сунже, т. е. именно там, где шах предполагал поставить город и где ранее, в XVI в., не раз ставились русские города, был возобновлен русский острожек. Планы шаха и на этот раз были расстроены.

Смерть Ильдара в 1635 г. снова поставила вопрос о шамхальстве. Кумыкские люди давали шамхальство Султан-Магомеду; тот «за старостью» поменялся со своим старшим сыном Айдемиром, вместе с которым ёздил в Казикумух, «гдедается по их обычаям шевкальство», одаривал всех узденей лошадьми, быками и овцами. Айдемира признала шамхалом «вся Кумыцкая земля».

В это время шах Ирана сделал попытку выдвинуть на

шамхальство своего ставленника, владельца Сурхая Гиреева, племянника шамхала Ильдара. Шах старался заручиться в этом деле поддержкой московского царя. В 1637 г. в Москву прибыло посольство от Сурхая Гиреева с официальным члобитьем шамхальства, которое подкреплялось грамотой шаха Сефи к царю, сообщившей, что шах «учинил» Сурхая шамхалом. В Москве не поддержали ходатайства шаха и, одарив Сурхаева послы обычными подарками, отпустили его домой с грамотой к Сурхаю, в которой царь принимал его в «холопство», но где ничего не говорилось о пожаловании шамхальства. Вопреки желанию шаха шамхалом оставался Айдемир — до своей смерти в 1641 г. в неудачном походе на кабардинцев.

В 1642 г. Сурхай возобновил в Москве члобитье об утверждении его шамхалом и получил, подобно Ильдару, жалованную грамоту московского царя на шамхальское достоинство.

В первой половине XVII в. укрепились отношения с Россией в уцмийстве, владениях Аварии, Казикумухе и др. И здесь, как и в кумыкских владениях, эти связи обусловливались не только интересами торговли, но и стремлением найти в Москве поддержку против угрозы турецких нашествий.

Впервые уцмий Рустем-хан вступил в сношения с воеводами Терского города в 1616 г., т. е. в год опустошительной карательной экспедиции шаха Аббаса в Грузию. Из Москвы было послано распоряжение взять у Рустем-хана аманата в Терский город и привести к шерти. Переговоры об этом велись в 1617—1618 гг., когда уцмий поднял вопрос о своих торговых людях, о том, чтобы им на Тerekе не чинили никаких препятствий, обещая в свою очередь оберегать при проезде через его землю государственных торговых людей. Переговоры, по-видимому, не дали тогда результатов и возобновились снова по инициативе уцмия лишь в 1625 г. Оформление отношений зависимости принесением шерти состоялось в начале 1630 г.

Между тем иранский шах задумал организовать поход Шагин Гирея с персидской ратью через Северный Кавказ в Крым. К этому походу шах Ирана старался привлечь, конечно безуспешно, и русские войска, находившиеся в Прикаспийе, и владетелей Дагестана и Северного Кавказа. Из разных источников были получены сведения, что Шагин Гирею поручено шахом ставить крепость на Сунже, на Елецком городище и на Татартупе, на пути к Дарьялу. На требование шаха выдать двести топоров, «чем лес сечь, да двухсот телег с лошадьми и с людьми для городового ставленья» уцмий ответил отказом и послал в Москву послы Шамсея с грамотой о том, что «учинился холопом» русскому государю и готов на государеву службу. Предложение подданства было в Москве принято под условием принесения шерти и выдачи аманатов

в Терский город. Шерть была принесена уцмием в 1633 г. на кайтагской земле, в Башлах, так как ехать в Терский город уцмий отказался. Ему были переданы богатые подарки. В текст шертной записи, составленной в Москве, было включено условие: «Мне, уцмию, и детям моим, и братьям, и дядьям, и племянникам и всем моим моего уцмийства владения людям к турскому султану, и в Крым, и в Ногай, и в некоторые государства от царского величества не отступати».

В 1635 г. в Москву прибыл новый посол — брат уцмия, «в третьем колене» Бодархан-бек с подтверждением подданства.

Одновременно с уцмием обращались в Терский город нуцалы Аварии. И в 1616 г. там были аманаты аварского нуцала. Об укреплении взаимоотношений Аварии с Россией говорит и тот факт, что в 1618 г. по челобитью нуцала ратные люди ходили походом в Чечено-Ингушетию.

В 1630 г. аварский нуцал вновь дал в Терский город в аманаты своего сына и прислал грамотой подтверждение своей верности, обещал не пропускать Шагин Гирея и просил возобновить постройку города на Койсу, обещая при этом прийти на помощь.

Аналогичными были и взаимоотношения большинства других владетелей Дагестана с Россией. Феодальные владетели Дагестана обращались к России в основном с просьбой оказать им помочь, принять их в русское подданство и с предложением своих услуг. Все укреплявшиеся взаимоотношения Дагестана с Россией привели к тому, что в первой половине XVII в. в подданство России вошли кумыкские владетели Гирей, Султан-Магомед, эндреевский Казаналп, кафыркумухский Багомет, эрпелинский Будайчеев, карабудахкентский Сурхай, казикумухский Алибек, кайтагский Рустем-хан, аварский Нуцал и многие другие.

Установившиеся связи имели большое значение и для Кавказа и для Руси. В первые десятилетия XVII в., в период особенно сильной агрессии персидского государства на Кавказе, русско-кавказские связи помешали укреплению шахов на Северном Кавказе и планам постройки здесь шахских крепостей. Кроме того, укрепление русско-кавказских связей, особенно во второй половине XVII в., имело большое значение в плане русско-крымских и русско-турецких отношений.

Как и в XVI в., агрессия Турции и Крыма по отношению к Северному Кавказу в XVII в. не прекращалась. На разных этапах она преследовала различные цели и наталкивалась на укрепившееся здесь с XVI в. влияние русского государства.

В течение первых четырех десятилетий XVII в. предполагалось несколько походов крымских войск через Северный Кавказ. Но ни один из намеченных походов не состоялся. На-

личие сильного гарнизона в Терском городе, русский контроль над северокавказским путем, подданство России кабардинских и дагестанских земель не позволяли крымцам совершать поход «через Османовщину», и им всякий раз приходилось переправляться в Синоп на турецких транспортных судах.

Война Русского государства с Турцией и Крымом в последние десятилетия XVII в. обостряет положение на Северном Кавказе: Турция и Крым стремятся направить против России часть местных сил, применяя методы религиозной пропаганды. Крымско-турецкие агенты на Северном Кавказе широко пользовались лозунгом «священной войны» против «неверных», «гяуров», но эта пропаганда не имела в Дагестане успеха. Недаром некоторые дагестанские правители не только стояли на резко враждебных по отношению к Турции позициях, но и принимали активное участие в войне на стороне России. Во время русско-турецкой войны 1677—1678 гг. в боях под Чигирином в составе русских войск принимал участие и стряд кафыркумухского Асланбека.

§ 9. КУЛЬТУРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XVI—XVII вв.

Строительное дело и приклад- ное искусство

В XVI—XVII вв. в связи с усилением международных связей, ростом торговли и обмена усиливается разновременность эволюции селений и жилищ. В сложной и противоречивой картине этой эволюции можно все же заметить, как все более влиятельными и сильными оказываются селения, расположенные на выгодных позициях скрещения старых исторических дорог. Сюда раньше проникают извне новые приемы домостроения, жилища здесь модернизируются, в то время как недоступные старинные «орлиные гнезда», расположенные часто в непосредственной к ним близости, как и целые тупиковые районы, лежащие в стороне от торговых путей, сохраняют в неприкосновенности весь свой средневековый облик.

Вместо индивидуальной защиты изолированных крепостных комплексов и домов-крепостей, характерной для предшествующей эпохи, дагестанцы в отличие от остальных народов Кавказа все большее значение придают обороне в целом, и оборонительная система селений становится единой и замкнутой.

В условиях тесной застройки отдельное жилище в эксплуатационном отношении неизбежно и крепко связано с соседними: крыша нижерасположенного соседа является единственным «двором» для вышележащего дома.

Дагестанское «классическое» селение с его многоэтажной капитальной и почти сплошной застройкой представляет со-

бай достаточно сложный инженерно-строительный комплекс, требующий учета многих вопросов и большого опыта возведения. Место для селения выбиралось предпочтительно на солнечном, южном склоне. Оно должно было быть обеспеченным достаточным количеством пригодной воды, обычно родниковой.

Вместе с тем такое селение представляет собою и архитектурный феномен исключительной выразительности: точно гигантская друза кристаллов, застройка лепится по склону силошным амфитеатром по 20, 30 и более ярусов домов в полной композиционной слитности.

Скученное расположение на крутизне имело, однако, и свои отрицательные стороны, несомненно осознавшиеся в ту эпоху. Основные из них — легкость распространения инфекций и пожаров. Сохранилось множество рассказов об опустошительных эпидемиях и пожарах, в результате которых селения выгорали дотла, после чего возрождались уже на новом месте. Однако все прочие требования приносились в жертву соображениям военной безопасности.

Вырубка лесов и расширение сельскохозяйственных угодий, рост аулов приводят к тому, что в эту примерно эпоху крупные селения начинают выделять специальные отселки для обслуживания и охраны мест приложения труда, для освоения новых земель. Теперь наблюдается процесс, обратный процессу слияния и укрепления селений, происходившему в прежнюю эпоху.

Планировка и застройка таких дочерних поселений повторяют приемы основных аулов и в архитектурном отношении они ничем, кроме величины, не отличаются. Однако в них уже совсем нет тухумных подразделений. Это чисто соседские поселения. На первых порах своего существования они связаны с основным селением административно и хозяйственно.

Кроме того, с распространением отгонной формы скотоводства крупные селения вынуждены строить сооружения для временного проживания на летних и зимних пастбищах. Эти сооружения для жилья и содержания скота имеют примитивное устройство и, возможно, сохраняют — особенно на эйлагах — некоторые реликтовые черты жилища первобытной эпохи.

Тесные хозяйствственные связи перенаселенных гор с предгорными и плоскостными районами зимнего выпаса скота ведут к постепенному их освоению горцами. Процесс этот заметен еще с послемонгольской эпохи, а к XVI—XVII вв. горцами уже были созданы на плоскости крупные аулы — Старый Чиркей и др. Все другие виды жилища здесь были вытеснены горской саклей.

В течение XVI—XVII вв. жилой дом также претерпевает существенные изменения. Отражая этапы дробления семьи,

Каменные надгробья XV—XVII вв.

instituteofhistory.ru

однокамерное жилище древности начинает также постепенно дробиться на отдельные помещения. Во многих случаях древнее жилое помещение надстраивается точно таким же вторым помещением для отпочковавшейся части семьи.

К старому жилому помещению начинают пристраивать еще одно — новое. Оно существенно отличается от старого: имеет парадный характер горницы, оборудуется новым типом пристенного очага и выполняет функции помещения для гостей. В некоторых местах оно служит летним жилым помещением.

У кумыков, подобно кабардинцам и черкесам, это помещение — кунацкая (къонах-үй) — занимает часто даже отдельное строение.

Новый пристенный очаг появляется и в «старой» комнате. Он имеет дымарь-колпак и дымоход в стене. Обычно очаг делается глино-плетневым на деревянном каркасе, но в некоторых местах, например в сел. Кубачи, топочная камера делается каменной и украшается иногда прекрасной резьбой. На западных окраинах Дагестана — у андийцев, годоберинов — пристенный очаг в «старой» жилой комнате делается громадных размеров с дымарем сложной пластической формы с нишками, полочками и пр. Здесь очаг становится главным композиционным элементом жилого помещения. У лезгин предгорья получает распространение угловой камин, а в жилищах даргинцев, у кумыков — своеобразный очаг в особом отсеке. Во всем остальном «старая» комнаты сохраняет традиционное убранство.

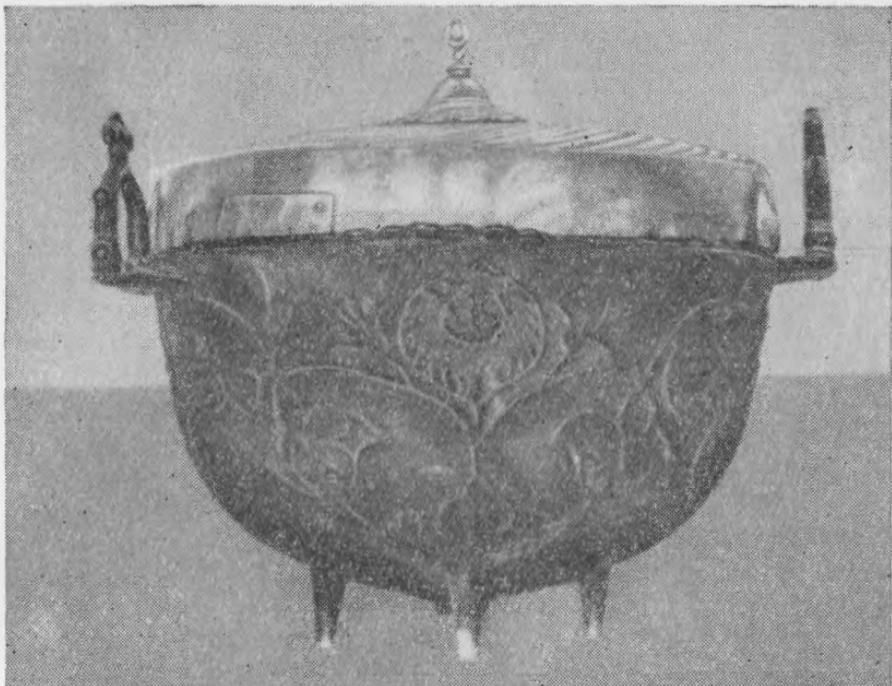
Наряду с увеличением количества служебных и жилых помещений существенно уменьшаются размеры самих комнат. Вместо прежних монументальных залов площадью до 100 кв. м и даже большие комнаты делаются все меньше и меньше.

Однако длительный процесс сегментации однокамерного жилища происходит далеко не одновременно. В глубине гор оз затягивается вплоть до XX в. В передовых же селениях, например у кубачинцев, уже в более раннее, вероятно, время получает распространение многокомнатное жилище.

К многокомнатному жилищу теперь ужеочно присоединяются: службы: хлева, сараи для сена, конюшни, кладовые, навесы для топлива и инвентаря занимают в доме определенное место, варьируясь в зависимости от тесноты застройки, особенностей рельефа и хозяйства.

Самой распространенной в Дагестане, как и на всем Кавказе, становится двухэтажная схема: наверху — жилье, под ним — службы. При большой тесноте застройки встречается многоэтажное, вплоть до шести этажей, расположение, например наверху два этажа жилых, под ними сено, в нижних этажах — конюшни и хлева.

Возникновение многокомнатного жилища с ассортиментом

Кубачинский котел XVI—XVII вв.

служб отчетливо отражает быстрый рост классовой дифференциации в сельской общине. Причем количество помещений соответствует, конечно, положению и богатству владельца. Именно через классовую верхушку с ее международными связями и происходит проникновение в горы новых, заимствованных приемов домостроения.

Влияние новых связей сказывается на всех сторонах архитектуры, начиная с самого факта заимствования представителями классовой верхушки чужих архитектурных обычаяв в устройстве жилища и кончая новыми типами сооружений. Убранство новой парадной комнаты — пристенный очаг, полки с парадной посудой, ниши, крытые паласами и коврами, пары и прочие атрибуты, свойственные другим народам Востока, — все это свидетельствует об иноземном влиянии. «Восточный вкус» особенно ощутим в южных и приморских территориях. Здесь в ходу, например, решетчатые подъемные окна «шебеке».

В отличие от жилья предыдущих эпох, простых снаружи, но своеобразных внутри, теперь все большее значение придается фасаду. Здания членятся поэтажно поясками, иногда покрытыми орнаментальной резьбой, в окнах и дверях делаются резные каменные или деревянные обрамления, а на не-

Кубачинский водоносный сосуд — мучал
XVI—XVII вв.

которых богатых фасадах сплошь все ряды камней покрываются резьбой или узором штирихов.

Исключительное место в культурном достижении народов Дагестана в XVI—XVII вв. занимает прикладное искусство. О высоком мастерстве народов Дагестана в резьбе по камню и дереву, кости, художественной чеканке и обработке металлов и т. п. свидетельствуют сохранившиеся до наших дней предметы декоративно-прикладного искусства: каменные и деревянные конструкции и детали декоративного значения в зданиях (Корода, Гинфа, Кумух, Шиназ и др.), украшенные богатым растительным орнаментом со стилизованными изображениями птиц, животных, человеческих фигур, спиралей (деревянные лари-шагуры, сундуки, домашняя утварь и т. п.),

Дагестанский ковер XVII в.

литые бронзовые котлы и предметы вооружения (Кубачи, Харбук и др.), художественная обработка шерсти (лезгинские и табасаранские ковры), балхарская и сунгекентская керамика и т. д.

Усилившиеся торгово-экономические связи между отдельными естественно-географическими зонами способствовали взаимопроникновению элементов культуры различных народов Дагестана и возникновению художественных школ или единого стиля в декоративно-прикладном и художественном ремесле. Вместе с тем сохраняются специфические черты, обусловленные местными условиями и художественными традициями.

Фльк лор

В устном поэтическом творчестве народов Дагестана нашли свое отражение самые разнообразные стороны жизни горцев: политические события, борьба с иноземными захватчиками, с насилием местных феодалов и т. п.

Наиболее известным произведением устнopoэтического творчества народов Дагестана является песня о Хочбаре Гидатлинском, возникшая в конце XVII в. Хочбар — легендарный герой Гидатлинского общества, возглавивший борьбу народов Гидатля против насилия и бесчинства хунзахских ханов.

Высокую оценку этому памятнику дагестанского фольклора дал Л. Н. Толстой, назвавший песню «удивительной». Широко распространены в Дагестане были в то время семейно-обрядовые и свадебные песни.

Свадьба в Дагестане была праздником веселья и вместе с тем сложным драматическим ритуалом, в котором наряду с мусульманскими мотивами продолжали существовать древние языческие обряды, отражались элементы патриархально-родового строя — купля-продажа невесты, умыканье и др.

Распространенными были и похоронные обрядовые песни-плач и причитания, хотя похороны совершались на основе мусульманской обрядности. Почетное место занимала в фольклоре нарэдов Дагестана герническая песня.

Не меньшую роль в быту народов Дагестана играли другие фольклорные жанры — пословицы, поговорки, загадки, анекдоты, отражающие быт и традиции народа, думы и чаяния сотен поколений.

Народы Дагестана издавна создавали замечательные образцы сказочного творчества: здесь и волшебные и бытовые сказки и сказки о животных. В эпических песнях и исторических преданиях нашла отражение борьба народов Дагестана против ирано-турецких захватчиков. Особенно были распространены предания о шахе Аббасе.

Развитие науки Важным шагом на пути развития культуры было образование центров научной и философской мысли в Дагестане, таких, как Дербент, Кумух, Согратль, Усиша, Муги, и возникновение письменной литературы. Еще задолго до XVI—XVII вв. в Дагестане распространялась арабская письменность и арабская литература. В XVI и особенно в XVII в. проникновение арабской культуры становится интенсивным, с определенностью вырисовывается, по образному выражению крупнейшего ориенталиста Востока, И. Ю. Крачковского, «своеобразный Ренессанс» средневековой арабистики, в то время как на Востоке творческий период общеарабской литературы давно закончился.

В то время в Дагестане вырабатывалась также особая форма арабской письменности, которая облегчила перевод с арабского языка на языки народов Дагестана. Дагестанские учёные выработали своеобразную систему пояснительных знаков, которые облегчали перевод арабских текстов на языки Дагестана; следов этой системы до сих пор не обнаружено ни на арабском Востоке, ни за его пределами. У всех народов Дагестана это письмо было известно под названием аджам. До нас дошли комментарии известного дагестанского арабиста Тайгиба (1563—1668), написанные по-аджаму на полях рукописи арабской книги «ал-Вафийе шарх-аш-шрафийе». В 1639 г. известный учёный-арабист Шаабан, сын Исмаила из аула Обода, возвратившись с Ближнего Востока, где он учил-

ся долгие годы, открыл в Аварии арабскую школу. Такие же школы открылись и в других крупных аулах Дагестана. Получив образование в примечетских школах, дагестанцы выезжали на Восток для дальнейшей учебы в университетах.

Конечно, арабский язык и литература не были доступны основной массе населения Дагестана. Преподавание в примечетских школах носило формальный характер и было направлено на механическое заучивание алфавита и догматов Корана. Все трудовое население Дагестана не знало ни письменности, ни арабского языка и поэтому не понимало содержания читаемого текста Корана.

Дагестанские ученые занимались переписыванием и распространением средневековых арабских книг по истории, логике, математике, астрономии. Многие дагестанские ученые владели не только арабским языком, но и усвоили все традиционные приемы арабской классической поэзии и использовали их в своей литературной практике.

Из среды дагестанцев вышла целая плеяда ученых-арабистов, известных не только на Кавказе, но и на всем мусульманском Востоке. Выдающимися представителями этой плеяды считаются Мухаммед Кудутлинский, Дамадан Ободинский, Абдул-Басир (из сел. Ахар), Омар (из сел. Камахали), Али-Риза (из сел. Согратль), Омар (из сел. Дусрах), Курбан (из сел. Танта), Мухаммед (из сел. Кули), Мухаммед (из сел. Ругуджа), Нажмуддин (из сел. Кумух) и др. Круг их разнообразных интересов выходил далеко за рамки средневековой холастики.

Так, Мухаммед Кудутлинский прославился далеко за пределами Дагестана своими трактатами по арабской филологии, он изучил риторику, логику, философию и арабскую юриспруденцию, принимал деятельное участие в идеально-политической борьбе, развернувшейся в Дагестане между сторонниками шариата и адата.

Арабские ученые восторгались Кудутлинским, его обширным кругозором и стремлением познать арабскую науку. Автор библиографического словаря Мухаммед ибн Али аш-Шаукани писал: «Я не видел похожего на него в умении хорошо выражаться, пользоваться чистым языком, избегать в беседе вульгаризмов, прекрасно произносить речь. При слушании его слов мной овладел такой восторг и радость, что даже дрожь пошла по мне».

Крупнейшим ученым-энциклопедистом был Дамадан Мугинский (ум. в 1708 г.) — один из засинателей естественно-математических, астрономических и медицинских наук в Дагестане. Наблюдая за небесными телами при помощи сконструированных им астрономических приборов, Дамадан Мугинский объяснял движение солнца, луны и причины их затмения, утверждая, что мир существует и развивается по естеств-

венным законам. Дамадан Мугинский стоял на позициях «двойственности познания истины», т. е. не отрицал способность человеческого разума проникнуть в тайны природы, подчеркивая также невозможность полного познания божественной истины. Труды и наблюдения ученого сыграли большую роль в пропаганде естественных знаний и в развитии философской и общественно-политической мысли народов Дагестана.

Ознакомившись с трудами арабских медиков, Дамадан Мугинский составил краткий справочник лекарств и способов их изготовления из растений, неорганических веществ и животных организмов. Этот справочник был переведен на языки народов Дагестана и получил широкую известность под названием «Дамадан».

Медицина вообще занимала важное место в истории культуры народов Дагестана XVI—XVII вв. Ее достижения основывались на многовековом опыте лечения болезней лекарственными травами. Не обладая теоретическими знаниями, народные хакимы (врачеватели) показывали высокое искусство в лечении переломов костей и ран. Костоправы знали различные приемы лечения, в переломах широко применяли методы гипсования, выработанные опытом многих поколений горцев, поэтому почти во всех селениях Дагестана можно было найти хороших костоправов и врачевателей. Турецкий путешественник Эвлия Челеби в своем описании сел. Эндрей пишет, что в нем наряду со многими учеными и поэтами, считавшимися «знатоками множества наук», имеются бесчисленные хирурги и врачи, которые «пользуются достаточной известностью».

~~— Нажмуддин (из сел. Кумух) и др. Круг их разнообраз~~

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Р а з д е л III

ДАГЕСТАН НАКАНУНЕ
ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ГЛАВА IX

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА

§ 1. ТЕРРИТОРИЯ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

В XVIII в. на территории Дагестана, простирающейся к югу от Терека до Самура и от Каспийского моря к западу до границ Грузии, проживало более 30 народностей и этнографических групп, говорящих на различных языках с многочисленными диалектами и говорами.

Этнолингвистическая пестрота по-прежнему оставалась одной из характерных и отличительных черт страны гор. Многочисленные народы и этнографические группы Дагестана относятся к иберийско-кавказской, тюркской и иранской семьям языков. Дагестано-нахская ветвь кавказо-иберийских языков образует несколько групп: 1) аваро-андо-цезскую (аварцы, андийцы, ахвахи, багулалы, годоберины, ботлихцы, каратаины, тиндалы, чамалалы, дидойцы, бежтинцы, хваршины, гинихцы и гунзебцы), 2) даргинскую (даргинцы, кайтагцы и кубачинцы), 3) лезгинскую (лезгины, рутульцы, агульцы, табасаранцы, цахурцы и арчинцы), 4) лакскую. К тюркоязычным народам относятся кумыки, азербайджанцы и ногайцы. К ираноязычным — таты и горские евреи.

Обширную территорию Терско-Сулакской и Прикаспийской низменностей, от Терека до Башлинской речки, населяли кумыки. На этой же территории от устья р. Сулак до р. Тюркали кочевали ногайцы. На левобережье Терека проживали терско-гребенские казаки. В первой четверти XVIII в., со строительством крепости Святого Креста, терские и донские казаки основали вблизи крепости три станицы — Каменку, Прорву и Кузьминку. Вблизи крепости по разрешению Петра I, по рекам Тереку, Сулаку и Аграхани, расселились армяне и грузины, прибывшие после 1724 г. с царем Вахтангом в Россию. Во второй половине XVIII в. в притеречных районах число переселенцев — донских казаков, армян и грузин — значительно увеличилось. На юге, от Башлинской речки до

Гюрген-Чая, проживали азербайджанцы, таты и горские евреи.

Территорию от Каспийской низменности, на запад предгорного и нагорного Дагестана через гребень Кавказского хребта до Алазанской низменности Грузии, шириной 80 км и длиной более 200 км, населяла аварская группа народностей. Южные скаты Андийского хребта и бассейн левого притока Андийского Койсу населяли андийцы и ботлихцы. Западнее их жили годоберины. По соседству с ботлихцами правобережье Андийского Койсу населяли каратины, багулалы, чамалалы, тиндинцы. Южнее каратинов на северном и восточном скате Богосского хребта в верховьях Ахвахской речки, правого притока Андийского Койсу, жили ахвахи. Верховья Андийского Койсу населяли хваршины. На границах с Грузией, в долинах Монмата, Иланхеви, Кифири, Сабахунисхеви и Орицхали, проживали дидойцы. К юго-востоку от них, в бассейне рек Хван-ор и Самбурис-хеви Кедири, жили бежтинцы, генухцы и гунзебцы.

Центральный Дагестан, от восточного склона Турчи-Дага, граничащего с Аварией, до пределов Дюлти-Дага, т. е. долину Казикумухского Койсу, населяли лаки. Юго-восточнее аварцев и лаков, в горной и предгорной зоне среднего Дагестана до низменности, занимаемой кумыками, жили даргинцы.

Юго-западнее даргинцев, в горной и предгорной частях Дагестана, непосредственно примыкающих к южной части Прикаспийской низменности, жили табасаранцы. Весь предгорный и нагорный Южный Дагестан занимали лезгины. Среднюю часть долины Самура занимали рутульцы, а верховье Самура заселяли цахурцы. В верховьях Чирахского и Курахского ущельев жили агульцы.

Горские народы и этнографические группы Дагестана больше всего были известны под именем лезгин. Грузины, как и ранее, называли почти все народы Дагестана леками, кумыки, а за ними и русские жители нагорного Дагестана называли тавлинцами (т. е. горцами). Сами себя аварцы, как правило, называли по имени общества, к которому принадлежали (андалалцы, гидатлинцы и т. д.), или по названию главного селения: андийцы, ботлихцы, каратины, ахвахи, тиндинцы, бежтинцы, хваршины. Одновременно имелось и более общее название маарулал (горцы «от меэр» — гора); для обществ же Аварии, живущих в ущельях, где находились фруктовые сады, — хиндалал. Соседние народы Дагестана называли аварцев яруса (лаки) и каракан (даргинцы).

Лаки сами себя называли лак, а свою территорию — Лакрал-Кану. Аварцы называли лаков — тумау, даргинцы — вулагуни, вулегуни, вуллеко. Но нередко лаков в Дагестане и за его пределами называли также казикумухцами по имени их административного центра.

Даргинская группа народностей называла себя чаще всего по имени главного селения общества — акушинцы, цудахарцы, урахинцы. Соседи также называли даргинцев по имени их главных селений. Только лаки всех даргинцев нагорного Дагестана называли общим именем бартхи, а кумыки предгорных и нагорных даргинцев называли даргиляр. Даргинцы же называли кумыков диркаланти, аварцы — тляралял, лаки — арниллса. Все эти названия означали жителей равнин, степи.

О численности населения Дагестана в целом и отдельных его народов в XVIII в. сколько-нибудь достоверных статистических материалов мы не имеем. Феодальные владетели Дагестана, как известно, никогда не производили учета народонаселения. Имеющиеся в местных источниках данные говорят только о селениях и обществах, входящих в то или иное политическое объединение.

Сведения о численности народонаселения Дагестана и его отдельных народов впервые стали появляться в русских источниках. Но русские документы первой половины XVIII в., как правило, ограничиваются перечислением народностей, описанием их расселения и общим указанием о малочисленности или многочисленности населения того или иного владения. В лучшем случае в них имеются данные о числе дворов селений. На карте маршрута русских войск в 1725 г. имеются данные о количестве дворов ряда селений шамхальства: Тарки — 1100, Большие Казанищи — 1000, Малые Казанищи — 300, Кумторкала — 200, Карабудахкент — 790, Уллубий-аул — 300, Дургели — 200, Буглен — 200, Кафыркумух — 100 и т. д.

Аналогичные сведения имеются и в других источниках. Однако при всей их ценности по ним невозможно составить даже общего представления о численности населения Дагестана.

Более или менее достоверные сведения, позволяющие судить о народонаселении Дагестана, собрали русские путешественники и военные обозреватели в конце XVIII в.

Согласно данным, собранным в 1796 г., в Тарках было 1400—1500 домов, в Бойнаке — до 950, в общей сложности 2950 домов имелось в селениях Кумторкале, Албюркенте, Кяхулае, Муслим-ауле, Агач-ауле, Капшугае, Эрпелях, Ишкаратах, Каранае, Малых и Больших Казанищах, Шуре, Какашуре, Кафыркумухе, Буглене, Халил-ауле, Амархайкенте, Атлыбуоне, Карабудахкенте, Губдене, Кадаре, Гели и других аулах.

В селениях, подвластных мехтулинскому хану — Парауле, Нижнем и Верхнем Джентугтае, Гамшах, Кулецме, Улюцме, Ахкент-Аймани, Урме, Дургелях, Наскенте, Левашах, — около 3000 домов.

В городе Дербенте имелось 2180 домов, а в селениях Сабнова, Перемешки, Джалган, Джоуткент, Абасова, Рукел — 265 домов. 15 селений Уллуского магала, управляющихся также дербентским наибом, включали до 780 домов.

В Казикумухском ханстве вместе с Юрой было более 100 тыс. жителей. В трех лезгинских союзах сельских обществ Самурской долины было 30 деревень. В главном селении Ахтыпаринского общества Ахты было 600 дворов, Докузпаринского, Мискинджи, — 250 и Алтыпаринского, Келегури, — 150 дворов. В Рутульском и Цахурском обществах число жителей мужского пола доходило до 2000.

Численность табасаранцев, «по народному исчислению», составляла 40 тыс. По другим данным, составленным в том же 1796 г., «полагая по три (человека) в каждом дворе» шамхальства, было 6 тыс. дворов — 18 тыс. человек мужского пола; акушинцев — 30 тыс. дворов, или 90 тыс. человек; в Мехтулинском ханстве — 3750 дворов, или 11 250 человек; в уцмийстве Кайтагском — 25 тыс. дворов, 75 тыс. человек; лакцев — 15 666 дворов, или 46 998 человек; табасаранцев — 17 666 дворов, или 52 998 человек; в Аварском ханстве — 30 тыс. дворов, или 90 тыс. человек.

В этих сведениях отсутствуют данные о численности целого ряда народностей и этнографических групп. Однако если вместе с приведенными данными обратиться к сведениям, собранным в самом начале XIX в., то можно определить, что общая численность коренного населения Дагестана в XVIII в. колебалась в пределах 450—500 тыс. Нормальному росту народонаселения Дагестана мешали междоусобицы и особенно опустошительные нашествия иноземных захватчиков, в результате которых гибла масса людей. Особенно большой урон народонаселению Дагестана в XVIII в. нанесли неоднократные нашествия шах Надира, так что порой народонаселение Дагестана не только не увеличивалось, но и сокращалось. Однако при всем этом территория Дагестана, особенно ее нагорная часть, была заселена весьма плотно.

§ 2. ЗАНЯТИЕ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА В XVIII в.

Состояние сельского хозяйства Многолетние ирано-турецкие войны с их крайне отрицательными последствиями, хотя и не могли полностью приостановить рост материальных и духовных сил, все же наносили серьезный урон Дагестану, тормозили его экономическое развитие. Феодальные междоусобицы, усугубляемые происками зарубежных государств, также приносили бедствия трудовому народу, крайне отрицательно сказываясь на экономической жизни народов Дагестана. Особенно пагубным было влияние войн на сельское хозяйство страны. Относительно мирный период в

жизни Дагестана с конца XVII до середины XVIII в. характеризуется усиленным развитием хозяйственной жизни Дагестана. Но этот процесс был нарушен опустошительным нашествием многотысячных полчищ Надир-шаха.

Относительное спокойствие, последовавшее после разгрома полчищ Ирана, привело к оживлению экономики Дагестана. В связи с ростом производительных сил происходят освоение новых земель и обработка ранее заброшенных террас. Еще больше усиливается процесс выделения естественноисторических зон, растет специализация районов зерна, фруктов, мяса и т. д. Но основным занятием населения Дагестана по-прежнему остаются земледелие и скотоводство.

Земледелие Наличие обширных плодородных земель и благоприятные климатические условия Терско-Сулакской и Прикаспийской низменностей, а также предгорной зоны позволяли населению широко заниматься земледелием и садоводством.

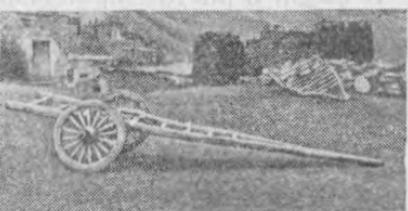
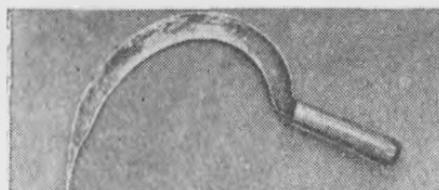
Земледелие, как и ранее, оставалось основной отраслью хозяйства жителей равнинного и предгорного Дагестана. Наряду с посевами пшеницы, ячменя в XVIII в. значительное распространение получило разведение риса, кукурузы, бахчевых культур и т. д. Однако преобладающей культурой была озимая пшеница.

В равнинном и предгорном Дагестане господствовала залежная двух- и трехпольная система земледелия. Применялось искусственное орошение. Земля обрабатывалась плугом с железным лемехом. Двух-, трех- и четырехпарные плуги были однотипны и отличались друг от друга только размером и отдельными деталями. Боронование производилось деревянной бороной, прополка — своеобразной мотыгой. Зерновые культуры жали серпами, перевозили на колесных арбах, молотили на гумне молотильными досками; мололи зерно на водяных мельницах.

Следует особо подчеркнуть, что производимый в приморской и предгорной части Дагестана хлеб во второй половине XVIII в. шел не только на внутреннее потребление, но и на продажу населению нагорного Дагестана. Вывозился он и в другие районы Северного Кавказа, в частности в Кизляр.

В XVIII в. довольно широкое развитие получило садоводство, и особенно виноградарство. Виноградарство было распространено в равнинной, предгорной и горнодолинной зонах. В равнинной и предгорной зонах, и особенно в районе Дербента, разводили марену и хлопок.

Иную картину представлял нагорный и высокогорный Дагестан. Здесь земель, пригодных к пахоте, было крайне мало. Поэтому населению Дагестана приходилось вести упорную борьбу с природой по освоению и созданию годных для земледелия земель.

Сельскохозяйственный инвентарь: серп, волокуша, молотильные доски, арба

В XVIII в. еще более усилился процесс освоения и обработки террас. Горцы затрачивали нечеловеческий труд, чтобы сделать пригодными для пахоты крутые горные склоны. Тем не менее и в нагорном Дагестане полеводство занимало ведущее место в хозяйстве горцев. Основными культурами, возделываемыми горцами, были пшеница, ячмень, черные бобы, лен и конопля, «но не для тканей, а для зерна, каковое, высушивая, размалывают в мельницах и, перемолов, мешают вроде сухарей, сберегая оные для походов как питательную и легкую пищу».

Орудия обработки земли в нагорном Дагестане были менее сложными, чем на плоскости. Как правило, вспашку производили деревянной сохой с железным лемехом, в которую впрягали пару волов. Боронование не производилось. Комки земли разбивались своеобразной мотыгой. В отличие от равнинной зоны в нагорном Дагестане в жатве в основном участвовали женщины. Но вязанием снопов и укладкой их в скирды занимались мужчины, а дети, как правило, собирали колосья. На ослах снопы перевозили на гумна, расположенные вблизи аулов, где укладывали их в большие скирды. Молотьбу производили двумя молотильными досками, в нижней части которых были вбиты острые кремневые отщепы. Мололи хлеб на водяных мельницах.

Население нагорного Дагестана весьма тщательно обрабатывало земельные участки. С осени поднимали зябь, ранней весной в почву вносили удобрения — навоз, смешанный с золой. Ежегодно очищали участки от крупных камней. Камни эти выбирались и складывались на краю участка, как будто для того, чтобы показать потомству, каких трудов стоило освоить и приспособить для пахоты почву. Несколько раз в год

женщины вручную делали прополку. И не случайно современники говорили о горянках, что они «лелеют поле, как мать своего ребенка». В XVIII в. в горнодолинных зонах с более теплым климатом стали возделывать кукурузу.

Благодаря громадному труду и тщательной обработке земли горцы порой получали со своих участков достаточно высокие урожаи. Мало того, в нагорном Дагестане имелся целый ряд селений, которые выставляли хлебные излишки на рынок.

Значительного развития в XVIII в. в нагорном Дагестане достигло садоводство. Все большее количество фруктов шло на обмен как в самом Дагестане, так и за его пределами.

Как в равнинной, так и в нагорной части разводили и огородные культуры: лук, чеснок, морковь, тыкву, арбузы и др.

Животноводство было одной из ведущих отраслей сельского хозяйства Дагестана. В XVIII в. в основе животноводства оставалась отгонная система, которая давала возможность наилучшим образом использовать кормовые ресурсы и климатические условия края. Население Северного и Центрального Дагестана на зиму перегоняло скот на пастбища Засулакской Кумыкни, шамхальства и в равнинную часть Узмийства, а жители Южного Дагестана — на пастбища Азербайджана. С наступлением лета скот перегоняли на предгорные пастбища. Однако начавшийся в предыдущие периоды процесс разделения животноводческого хозяйства на отгонное и стационарное в XVIII в. продолжался еще более интенсивно. Этому в значительной мере способствовал продолжавшийся и в XVIII в. процесс специализации естественноисторических зон.

Скотоводческое хозяйство равнинного и предгорного Дагестана было преимущественно стационарным. Здесь в основном разводили крупный рогатый скот и отчасти овец. Напротив, в горной и высокогорной зонах в основном занимались овцеводством. Крупный рогатый скот, хотя и разводился во всех зонах Дагестана, все же в нагорном Дагестане составлял значительно меньшую часть стада. Содержание крупного рогатого скота нагорной зоны отличалось от содержания скота равнинного и предгорного Дагестана. Здесь, за редким исключением, крупный рогатый скот оставался на зиму в горах на стойловом содержании.

Во всех зонах и микрозонах Дагестана разводили также лошадей, которые преимущественно использовались для верховой езды.

Наибольшее значение в хозяйственном отношении имели волы, ишаки и мулы, которых использовали как тягловую силу. В равнинной зоне в качестве вьючных животных использовались и верблюды. Во всех зонах Дагестана разводили и домашнюю птицу: на равнине и в предгорьях — кур, гусей, уток, индеек, а в горах — кур.

Пчеловодство, рыболовство, горные промыслы

Население всех зон Дагестана занималось разведением пчел. Однако, несмотря на обилие медоносных растений и благоприятные климатические условия, пчеловодство в Дагестане XVIII в. еще не получило должного развития. Разведением пчел занимались лишь отдельные лица. Мед и воск в основном шли на нужды страны, и лишь незначительное количество их сбывалось за пределы Дагестана.

В Дагестане, в особенности на Каспии, от устья Терека до Самура, имелись прекрасные условия для развития рыболовства. Однако в XVIII в. рыболовство еще не носило промышленного характера. Это был лишь подсобный промысел незначительной части населения.

В XVIII в. часть населения Дагестана занималась также горным промыслом. В Кайтагском уцмийстве добывали нефть из открытых колодцев, которая в основном шла на освещение. В шамхальстве и в Северо-Западном Дагестане добывали соль. В незначительном количестве в Дагестане добывали медь, свинец, серебро, серу, селитру и торф.

Кустарные промышленности

Хозяйство жителей Дагестана, как равнинного, так и горного, было натуральным.

В рамках натурального хозяйства развивались домашние промыслы, являющиеся серьезным подспорьем в хозяйстве горцев. «Домашние промыслы, — указывает В. И. Ленин, — составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»¹. Сказанное не означает, что в Дагестане не знали простого товарного производства. Домашняя обработка всех видов местного сырья была распространена повсеместно.

Из шерсти делали войлоки, паласы, ковры, платки, наплечные бурки, хурджины. Широко была распространена выделка кож. Из металла выделяли различного рода оружие, кинжалы, шашки, ножи, пистолеты, украшения национальных костюмов. Из дерева производили домашнюю утварь, мебель, хорошо отделанные деревянные конструкции для домов и другие предметы. Повсеместно обрабатывали камень, глину, кость и другое сырье. Сами горцы изготавливали и весь необходимый сельскохозяйственный инвентарь. По-прежнему в Дагестане кустарными промыслами занимались как мужчины, так и женщины, причем, как правило, выделкой шерсти и глины занимались женщины, а обработкой металла, камня, дерева, кости — мужчины.

Широко распространенная в Дагестане обрабатывающая промышленность развивалась в форме домашней промышленности, ремесла и мелкотоварного производства.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 328.

Выделка кожи на специальном станке

Характерной чертой обрабатывающей промышленности Дагестана XVIII в. было углубление происходившего с предыдущих эпох процесса специализации селений по отдельным отраслям кустарно-ремесленного производства. В Аварии жители селений Голотль, Кашиб, Урада производили холодное оружие. Гоцатль, Чох и другие селения славились производством медной посуды и серебряных ювелирных изделий; Ругуджа, Чох — обработкой камня; жители Анди, Голотля, Ботлиха, Ансалта изготавливали наплечные бурки; у лаков в Кумухе, Унчукатли, Куркли была развита металлообработка;

Кунди, Кая, Вихли, Цовкра славились выделкой сукон; Балхар — гончарным производством и т. д.; у даргинцев Кубачи, Амузги, Харбук специализировались на металлообработке; Акуша, Кутиша, Цудахар и другие селения — на выделке сукна; Мулеги, Калакорейш — на обработке дерева; Сулемкент — на гончарном производстве; у лезгин Ахты, Микрах, а у табасаранцев Арkit, Мужгюль, Хучни, Хурик-халаг были известны ковроделием.

Особенно высокого развития в Дагестане достигли кузнечное, оружейное, ювелирное производство, ковроделие и выделка наплечных бурок.

Изделия домашней промышленности и ремесла все больше и больше поступали на рынки Дагестана и всего Кавказа, а также России, Персии, Турции и других ближневосточных стран, где они пользовались заслуженной славой. Причем по сравнению с предыдущими эпохами этот процесс в XVIII в. значительно активизируется, происходит неуклонное количественное увеличение мастеров, работающих на рынок. В тесной связи с этим происходит и изменение в ассортименте изделий. Горские мастера увеличивают производство предметов, пользующихся на рынке широким спросом.

В XVIII в. в домашней промышленности Дагестана усилился также процесс узкой специализации, способствовавшей в свою очередь росту профессионального мастерства. Так, холодное оружие — кинжалы и ножи — изготавливались мастерами двух-трех специальностей. Клинки изготавливали кузнецы, монтировку и отделку делали оружейники и ювелиры.

Отходничество Экономическая необеспеченность вынуждала часть горского населения искать зарплатки за пределами своих обществ. В XVIII в. формы отхода остаются по-прежнему самыми разнообразными. Однако число отходников по сравнению с предыдущими эпохами намного увеличилось. Чаще всего небольшими группами в несколько человек горцы уходили в равнинный и предгорный Дагестан, в Закавказье и на Северный Кавказ. Здесь они выполняли различного рода сельскохозяйственные работы. На заработки за пределы своих владений уходили и ремесленники. В самом Дагестане горские ремесленники со всем необходимым инвентарем переходили из аула в аул, где выполняли различного рода работы. Небольшими группами уходили горские ремесленники и в города Кавказа — Дербент, Нуух, Кизляр, Моздок и др.

Часть горцев, уходивших за пределы своих владений, занимались на военную службу. Служили они у ханов Азербайджана, в частности у кубинского Фатали-хана, у карабахского Ибрагим-хана, у грузинских царей — Ираклия II и Георгия XII и т. д. Так, после смерти Ираклия II Георгий XII в борьбе за престол «вынужден был прибегнуть к помощи наемных

войск, набранных им в Дагестане». Нанимались горцы и в пограничные турецкие пашалыки и даже в Персию.

Внутренняя и внешняя торговля Внутренняя и внешняя торговля Дагестана в XVIII в. получила дальнейшее развитие. Этому во многом способствовало сложившееся к XVII в. географическое разделение труда. Однако внутренняя торговля по-прежнему в основном оставалась местной.

Продукты сельского хозяйства и изделия кустарных промыслов обменивались на месте или отвозились в административные и торгово-ремесленные центры владений Дагестана. Но все это не значит, что деньги здесь вовсе не имели хождения. В XVIII в. в Дагестане имели хождение денежные единицы Ирана, Турции (аббаси, туманы, куруши), чеканившиеся в Закавказье так называемые ханские монеты и поступавшие из ближневосточных стран, и особенно из Ирана, голландские червонцы и русские монеты. Особенно почитались русские серебряные рубли. Но в основном денежный характер носила внешняя торговля, которая в XVIII в. сделала большой шаг в своем развитии.

Население Дагестана по-прежнему производило торговые операции с народами Закавказья, Северным Кавказом, Россией и странами Ближнего Востока. Из Дагестана вывозили скот и продукты скотоводства (кожи, шерсть, масло, сыр), сухофрукты, марену, а также изделия кустарных промыслов. В Дагестан ввозили рис, хлеб, железо, цветные металлы, ткани, хлопчатобумажные и шелковые нитки, пряности, зеркала и другие товары. Так что ассортимент импортируемых в Дагестан товаров был весьма разнообразным и включал не только предметы первой необходимости, но и предметы роскоши.

В XVIII в. в Дагестане имела место и работторговля. Основным невольничим рынком было сел. Эндрей. Сюда приезжали купцы из Турции и других ближневосточных стран и покупали живой товар. Уже в XVIII в. русское правительство делало все, чтобы прекратить работторговлю на Северном Кавказе. Именно этим и объясняется указание русского правительства, данное в 1770 г. кавказскому командованию, не пропускать в селения Дагестана купцов, приезжающих для покупки рабов.

Ведущую роль в международной торговле занимали Дербент, Тарки, Эндрей и другие торгово-ремесленные центры. В Дербенте имелись торговые ряды русских, армянских, грузинских и ближневосточных купцов. Прибывали сюда и индийские купцы. В свою очередь горцы Дагестана торговали в Шемахе и в других городах Азербайджана, Грузии и в русских городках — крепости Святого Креста, в Кизляре, Моздоке, оказавших с начала их основания большое экономическое влияние на Дагестан. Постоянные торговые связи купцы

Дагестана поддерживали и с Астраханью. Однако во второй половине XVIII в. ведущее место во внешней торговле Дагестана занимала Россия. Это объяснялось не только тем, что русские города находились на территории самого Дагестана, но и характером торговли.

Население русских городов Северного Кавказа нуждалось в продуктах местного хозяйства, а Дагестан нуждался в промышленных товарах первой необходимости, вырабатываемых в России. Такая взаимозависимость диктовалась потребностями обеих сторон и тем самым способствовала развитию торговли.

Кроме того, в развитии торговли Дагестана с Россией большую роль сыграло то обстоятельство, что с 1762 г. по указу Екатерины II товары, привозимые горцами, освобождались от пошлинных сборов. А по указу 1765 г. кабардинцы, кумыки и другие народности не платили пошлины ни при продаже собственных изделий и скота, ни при покупке товаров в Кизляре.

Однако внешняя торговля, обслуживавшая потребности состоятельных сословий, в разных частях Дагестана была развита не однako. Некоторые районы высокогорного Дагестана, отдаленные от прикаспийской торговой магистрали, были менее втянуты в международные торговые связи. Даже в равнинной части страны, за исключением ряда торговых центров, несмотря на значительное развитие торговли, товарно-денежные отношения не были развиты. Развитию внутренней и внешней торговли препятствовали натуральное хозяйство, частые войны, отсутствие хороших и безопасных дорог и феодальные пошлины. Чтобы обезопасить себя и свои товары, купцам приходилось добиваться покровительства феодальных правителей Дагестана, а за провоз товаров через их владения платить пошлину, размер которой не был регламентирован. Для перевоза товаров из Кизляра в Дербент, например, приходилось платить пошлинные сборы четыре-пять раз.

§ 3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Виды земельной собственности В социальном отношении Дагестан развивался неравномерно. В XVIII в. он все еще оставался краем со сложными и лестными общественно-экономическими отношениями. Ведущее место занимали феодальные отношения, опутанные пережитками родо-племенного строя. Как и в предыдущие эпохи, главным средством производства являлась земля, которая находилась в различной степени собственности.

Наиболее крупные земельные угодья, так называемые ханские земли, принадлежали феодальным владельцам — тар-

ковским шамхалам, засулакским князьям, уцмиям, майсумам, ханам Аварии, Казикумуха и другим правителям.

Другим видом землевладения были мюльки. Этот вид не был связан с несением службы правителю. Владелец мюлька распоряжался им по своему усмотрению: мог дарить, прода- вать, закладывать, передавать по наследству. Мюльками на правах частной собственности владели не только феодалы, но и лично свободные крестьяне во всех частях Дагестана, в том числе и союзах сельских обществ. Однако мюльки, находя- щиеся в собственности крестьян, по своим размерам были не равны. Среди них имелись мюльки, по размерам приближаю- щиеся к феодальным земельным владениям, и небольшие зе- мельные участки, едва обеспечивающие жалкое существование крестьян.

В ряде владений Дагестана в равнинной части и в Дер- бентском ханстве имелись земли, данные ханом тем или иным лицам в условную собственность за отбывание им службы. Временные и пожалованные земли имелись нескольких видов: земли, пожалованные на определенный срок; земли, дан- ные в пожизненное пользование, а в некоторых случаях с пра- вом передачи по наследству. Временная или пожалованная форма землевладения в XVIII в. имела тенденцию постепен- ного перехода в мюльк.

Во всех владениях и союзах сельских обществ значитель- ные земельные угодья — вакуфные земли — принадлежали мечетям.

В ряде естественноисторических зон Дагестана паряду с частным землевладением существовало общинное землевладе- ние. Земли подразделялись на несколько групп: общинные земли, преимущественно пастбища, находящиеся в колектив- ной собственности целого ряда селений; земли, принадлежа- щие сельской общине, и, наконец, земельные участки, нахо- дившиеся в коллективной собственности отдельных фамилий. Пахотные земли, принадлежащие сельской общине, как пра- било, подвергались переделу через определенное время. При этом лучшие земли всегда получали феодалы и феодализи- рующаяся верхушка.

Классовая структура

Господствующие производственные отноше- ния определили классовую структуру даге- станского общества. Основными антагони- стическими классами были феодалы и крестьяне. К господст- вующему классу относились шамхалы, ханы, уцмии, майсу- мы, беки, чанка-беки и местное мусульманское духовенство и в равнинном Дагестане сала-уздени (или средние дворяне). Все они, в зависимости от сословного происхождения, разме- ров владений и положения, занимали различные места на феодальной иерархической лестнице. Во главе стояли фео- дальные владетели: шамхалы, ханы, уцмии, осуществлявшие

верховную власть во владении. Вслед за ними по значимости стояли беки — наиболее многочисленное сословие. Значительное большинство беков считалось потомками и родственниками шамханов, ханов и других владетелей, но были также беки, которые свое происхождение возводили ко временам, когда еще не было шамхалов. Эти так называемые карачи-беки имелись в Карабудахкенте, Губдене, Эрпелях, Каранае и Ишкартах.

Беки владели крупными земельными угодьями, покосными землями и пастбищами. Этими землями беки владели по праву наследования, но в XVIII в. земледелие беков росло как за счет захвата общинных земель, так и за счет земель, получаемых от феодальных владетелей за услуги.

Кроме того, беки имели право на получение пая в местах, где имелись общинные земли с переделами. При этом в шамхальстве, например, беки получали земли не только по выбору, но и в большом количестве, от двух до восьми паев. Являясь социально-экономической опорой и основным ядром господствующего класса, беки занимали высшие должности во владениях Дагестана.

Главнейшая обязанность беков состояла в том, что они по зову владельца должны были нести службу, чаще всего воинскую. Однако в XVIII в. значительная часть беков являлась сторонниками феодальной децентрализации и нередко выступала против центральной власти.

По своему положению вслед за беками шли чанка-беки, т. е. дети шамхалов, ханов, уцмиев и других владельцев и беков от неравного брака. Чанка-беки владели землями, полученными по наследству в виде «чанка-пая» еще при жизни отца.

К феодальному классу относились и сала-уздени — первостепенные уздени, или средние дворяне. В их владениях находились значительные земельные угодья, намного превышающие уделы крестьянского землевладения. В большинстве случаев сала-уздени являлись опорой феодалов, занимали различные должности во владениях, за что владельцы жаловали им земельные угодья в пожизненное или наследственное пользование. Подобно ханам и бекам, сала-уздени использовали труд феодально-зависимых крестьян.

К господствующему классу относилось и местное мусульманское духовенство, представлявшее сравнительно многочисленную прослойку общества. В каждом селении был мулла, а в больших селах — несколько мулл, кадий, будун и т. д. Правда, мусульманское духовенство не было однородным. Большая часть представителей духовенства — мелкие духовные лица, сельские муллы, будуны — не владели крупными землями. Но будучи исполнителями воли феодальных верхов, они не только помогали последним, но и сами эксплуатировали труд феодально- зависимых крестьян.

атировали крестьянские массы. Что же касается высшего мусульманского духовенства, то оно владело более крупными землями, было связано более тесно с правящей верхушкой и занимало наиболее реакционные позиции как во внутренней, так и во внешней политике.

Основной производящей силой общества были лично свободные крестьяне — узденi. Однако узденство предгорного и нагорного Дагестана в XVIII в. фактически распадалось на две категории. Выделившаяся из основной массы узденей сельская знать владела значительными земельными угодьями, по своим размерам приближающимися к землям феодалов. К тому же, занимая различные административные должности на местах, они неуклонно и систематически, путем ущемления прав и интересов основной массы узденей, расширяли свои владения, использовали труд крестьян-односельчан, владели рабами. Так что выделившаяся сельская знать фактически относилась к господствующему классу.

Феодально эксплуатируемые крестьяне Дагестана в XVIII в. делились на несколько групп. Наиболее многочисленной группой было юридически свободное, но фактически феодально-зависимое крестьянство — узденi. В отличие от нагорной части, где узденство независимо от размеров и характера владений и занимаемого положения не делилось на категории, в равнинной части, в частности в Кумыкии, имелись узденi трех степеней: простые, или второстепенные, узденi, догерек-узденi (круглые узденi) и азат-узденi, или вольноотпущенники.

Среди эксплуатируемых крестьян в наиболее бесправном положении находились крепостные — чагары. Наделенные землей, они не имели никакого права на движимое имущество и орудия производства. Как крепостные, чагары не могли быть проданы. На положении крепостных находились также ряты владений предгорного и нагорного Дагестана и терекемейцы равнинной части.

Во всех владениях и союзах сельских обществ имелись рабы, хотя в XVIII в. сохранился лишь пережиток рабства в виде домашнего рабства. Рабами в XVIII в., как правило, делали пленных; работорговля все еще сохранялась.

Несколько иной была классовая структура союзов сельских обществ. В ряде обществ жили потомки шамхалов и ханов, имелись беки и чанка-беки. Но существовали и такие союзы сельских обществ, где не было ни беков, ни чанка-беков и все население юридически считалось лично свободными узденями.

Однако и здесь узденство не было однородным. Верхушка узденства владела несравненно большими участками земли и значительным поголовьем мелкого и крупного рогатого скота, использовала в своем хозяйстве труд обед-

евших сельчан-узденей и рабов, т. е. фактически занимала положение господствующего сословия. Большая же часть узденей-общинников, будучи юридически лично свободной, фактически находилась в той или иной степени зависимости от эксплуататорских классов, т. е. составляла феодально-зависимое сословие.

Все зависимые крестьяне несли многочисленные феодальные повинности. Во владениях и союзах сельских обществ Дагестана существовала отработочная повинность. Только в отличие от феодальных владений в союзах сельских обществ эксплуатация была прикрыта пережитками патриархально-родовых отношений, идиллическими обычаями и псевдородственными связями. Зависимые крестьяне отдавали прибавочный продукт под видом «родовой взаимопомощи», «дарений», «приношений» и т. д.

Таким образом, во всех частях Дагестана зависимые крестьяне отбывали феодалам множество податей и повинностей. Но, несмотря на многообразие их форм, господствующей формой феодальной ренты в XVIII в. в Дагестане была продуктовая рента, базирующаяся на феодальной собственности на землю и зависимости крестьян от феодалов. Продуктовая рента была тесно связана с натуральным характером хозяйства.

§ 4. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

Дагестан по-прежнему не представлял единой, политически и экономически целостной территории. Он был раздроблен на мелкие и мельчайшие политические единицы: Эндреевское, Аксаевское и Костековское владения, Тарковское шамхальство, Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство, владения кадия Табасарана, Мехтулинское, Аварское, Казикумухское ханства и более 60 мелких объединений — союзы сельских обществ, известных под названием аварских, даргинских и лазгинских «вольных» обществ. Эти исторически сложившиеся государственные образования продолжали жить самостоятельной политической и экономической жизнью. Однако, несмотря на специфические черты, административное устройство и политический строй феодальных владений и союзов сельских обществ имели много схожего.

Феодальная раздробленность и стремление ряда феодалов к расширению своих владений за счет захвата соседних территорий порождали междоусобные войны, причем усобицы происходили не только между отдельными владениями и союзами сельских обществ, но и внутри них — между магалами и даже между аулами. Происки эмиссаров Турции и Ирана безусловно усиливали феодальные распри.

Политическая надстройка феодальных владений Дагестана напоминала государственный строй восточных деспотий. Весь несложный государственный аппарат феодальных владений Дагестана играл двоякую роль: 1) внутренняя (главная) его функция — подавление эксплуатируемого большинства внутри владения; 2) внешняя — грабеж и захват земель за пределами своих владений.

Феодалы Дагестана предпринимали набеги не только в самом Дагестане, но и за его пределами. В XVIII в. от этих феодальных набегов больше всего страдала Грузия.

Владения Засулакской Кумыкии На территории Северного Дагестана между реками Тerek и Сулак имелось три феодальных владения: Эндреевское, Аксаевское и Костековское. Основную часть населения этих владений составляли кумыки. Здесь же проживала часть ногайцев, аварцев и чеченцев.

Эндреевским владением с центром в Эндрей-ауле, насчитывавшем к концу XVIII в. до 1000 семейств, владели пять княжеских фамилий: Казаналиповы, Темировы, Апашевы, Айдемировы и Аджиевы. Аксаевским владением владели князья Алибековы, Каплановы, Ильдаровы, Уцмиевы, Арсланбековы; Костековским — Алишевы.

Управление владениями Засулакской Кумыкии осуществляли князья (бии). В каждом из них существовал совет князей, избираемых при участии самих князей, первостепенных узденей (сала-уздени) и представителей мусульманского духовенства. Во главе совета находился так называемый старший князь. В конце XVIII в. старшим князем в Эндрей-ауле был Казаналипов, в Аксае — Арсланбеков и в Костеке — Алишев.

При старших князьях находилась дружина, состоявшая из выходцев из привилегированных сословий. Для разбора различного рода тяжб по адату совет князей назначал судей. Дела же, подлежащие рассмотрению по шариату, — такие, как раздел имущества, брак, опека, купля-продажа земли, — рассматривали кадии. Для исполнения различного рода распоряжений при совете князей имелись бегаулы. Во второй половине XVIII в. вследствие того, что Эндреевское, Аксаевское и Костековское владение фактически находились в подданстве России, совет князей в решении вопросов внешнеполитического порядка был практически ограничен.

Тарковское шамхальство

Население шамхальства не было этнически однородным. Основную массу составляли кумыки, но кроме них имелись горские евреи, ногаи и др. В юго-восточной части жили даргинцы. Власть шамхала была наследственной. Он лично решал вопросы

Феодальные владения Дагестана в XVIII в.

внешнего и внутреннего управления. Но для решения наиболее важных дел он периодически созывал совещания наиболее влиятельных феодалов. Ближайшими помощниками шамхала были везиры. Административно-финансовые и карательные функции выполняли нукеры. На местах имелись сельские старшины, карты. В каждом крупном селении «или в нескольких малых» для суда и, очевидно, для регистрации всякого рода актов были поставлены кадии — судьи и их помощники — будуны. Полицейские обязанности выполняли тургаки. Кроме того, в аулах имелись чауши, в обязанность которых

входило доводить до сведения решения центральной и местной власти и следить за их выполнением. Профессиональной армии, за исключением отряда нукеров (дружинников), шамхалы не имели. В военное время шамхалы созывали ополчение из своего владения или же прибегали к найму. В особо важных случаях шамхалы обращались за военной помощью к союзным владельцам Дагестана, чаще всего акушинцам. В случае нужды шамхалы могли выставить ополчение — 20—25 тыс. вооруженных людей.

Административно шамхальство было разбито на бийликства (Бойнакское, Боматлинское, Карабудахкентское) и магалы. Административное устройство бийликств было более примитивным, чем шамхальства. Но беки старались во всем подражать шамхалам и пользовались в своих владениях полным иммунитетом: как верховные судьи чинили суд, взимали штрафы. В вопросах управления и суда беки, подобно шамхалам, руководствовались адатами, которые всецело отвечали интересам класса феодалов. Владетель Бойнака в отличие от других носил титул крым-шамхала. Он считался наследником шамхала. Утверждение в шамхальском достоинстве происходило в Тарках всенародно. При жизни же шамхала утверждался и крым-шамхал. В начале XVIII в. шамхалом был Адиль-Гирей, в середине XVIII в. Хасбулат-хан, но после смерти Надир-шаха в Дагестан вернулся владетель Бойнака Мехти. Шамхал тарковский Хасбулат-хан направил против Мехти большое ополчение. Близ сел. Казаници произошло кровопролитное сражение, в результате которого с обеих сторон были большие потери. Но ни одной из боровшихся сторон не удалось одержать верх. Тогда посредниками выступили влиятельные лица Дагестана. И только благодаря их вмешательству удалось примирить шамхала с Мехти, которого посадили владетелем Бойнака. В 1773 г. шамхал Хасбулат-хан умер. По его завещанию в шамхальское достоинство был возведен Муртузали, сын сестры Хасбулат-хана. Это вызвало волну негодования в роде шамхала. Один из претендентов в шамхальское достоинство, владелец казаницинского бийлика Магомед, собрал ополчение и с помощью уцмия Кайтага Амир-Гамзы, хана Аварии Нуцала и эндреевского владельца изгнал Муртузали из Тарков и провозгласил себя шамхалом. Однако не прошло и месяца, как Муртузали с помощью Фатали-хана и акушинцев отстранил Магомеда и сам стал шамхалом. В 1782—1794 гг. шамхальством управлял Баммат.

Мехтулинское ханство

Мехтулинское ханство занимало незначительную территорию — всего 18 аулов, в которых жили кумыки и аварцы. Управленческий аппарат ханства был менее сложным, чем в шамхальстве. Во главе ханства стоял наследственный хан, который, как отмечается в источнике, имел «свое правление». От него

же «зависит власть определить и казнить преступников». По установившемуся обычью, штрафы, взимаемые с преступников, также шли в пользу хана. В середине XVIII в. мехтулинским ханом был Умма. После его смерти право на ханствоование должно было перейти к старшему сыну его, Али-Султан-беку, но он не пожелал властствовать, а, взяв в свой удел четыре деревни, предоставил остальные младшему брату Ахмед-хану Аджи на правах владетеля. Ахмед-хан Аджи правил Мехтулинским ханством до своей смерти (1797 г.). Он был бездетным, и поэтому ханом вторично должен был быть Али-Султан-бек, но он снова отказался и, оставшись при своем уделе, посадил на ханство своего старшего сына, Гасан-бека.

**Кайтагское
уцмийство** Уцмийство занимало территорию к югу от р. Оросой-булак до р. Дарбак и к западу от Каспийского моря протянулось километров на 100. Нагорная часть уцмийства была населена кайтагами — народностью, говорившей на языке, относящемся к даргинской группе дагестанских языков. Жители Кубачей говорили на кубачинском диалекте даргинского языка.

Плоскостную часть населяли даргинцы, кумыки, терекемейцы, таты и горские евреи. Численность населения уцмийства в конце XVIII в. достигала 75 тыс.

И нагорной и плоскостной частью Кайтага управлял уцмий. Власть его была наследственной и переходила к старшему в роде, но при этом утверждалась всенародным собранием.

Одновременно с уцмием утверждался и его наследник — гаттым. Вопросы войны и мира, внешнеполитической ориентации решал уцмий. При этом он советовался с наиболее влиятельными беками. В мирное время при уцмии постоянно находилась дружина из 300 всадников, которые также исполняли некоторые полицейские функции. Они помогали при сборе податей, осуществляя гаттыму.

В административном отношении уцмийство делилось на магалы и бекства. По своему происхождению и экономическому положению беки Кайтага отличались друг от друга. В Терекеме бек имел право удалить неугодного ему ряата со своих земель. Они же разбирали и тяжбы, имели право «даже казнить смерти». В так называемых узденских селах права беков были несколько ограничены. Разбор как уголовных, так и гражданских дел осуществлялся картами, формально избираемыми, но фактически выставляемыми из среды богатых узденей. Причем в одних магалах решения картов и кадия были безапелляционны, а в других могли быть переданы на рассмотрение главного кадия или картам сел. Уркарах, пользующимся особой популярностью. Иногда даже обращались к акушинскому кадию. В уцмийстве, за исключением дружин, не было регулярной армии. Поэтому основной воинской

силой было ополчение. В военное время уцмий мог выставить при необходимости 12 500 ополченцев.

В середине XVIII в. уцмий Ахмед-хан умер, уцмием был утвержден внук его, Амир-Гамза.

Владения Табасарана Территорию к югу от уцмийства до р. Чиррах, протяженностью около 50 км, и от Дербента на северо-запад (около 70 км) занимал Табасаран.

В XVIII в. Табасаран по-прежнему был разделен на два самостоятельных владения, майсумство и владение кадия. В свою очередь каждое из этих владений делилось на две части — раят Табасаран и узден Табасаран; в первой части жили раяты, а во второй располагались узденские села. В административном отношении майсумство делилось на магалы.

Резиденцией майсума служило сел. Чегрех. В этих магалах было около 70 селений. К владению кадия Табасарана относились магалы Махмуд-бека, Магомед-бека и Мурза-бека. Резиденцией кадия табасаранского было сел. Эрен. В магалах кадия было 20 селений. В нагорном Табасаране находилось 15 аулов, составлявших магал Девек-Елимен.

Достоинство майсума и кадия передавалось по наследству старшему в роде, но при этом также соблюдался обряд избрания, который происходил при собрании представителей всех магалов — узденских и раятских, всегда в одном и том же месте: во владении кадия близ сел. Хушни, а в майсумстве — около сел. Турусра.

Все вопросы внешнего характера решались майсумом и кадием. Внутреннее управление осуществлялось также майсумом и кадием, но с привлечением беков, духовенства и кевхов. В мирное время при майсуме и кадии постоянно находилось определенное число нукеров-дружинников, которые выполняли также различные полицейские функции.

В раятских селениях полновластными хозяевами были беки. Они разбирали тяжбы между подданными, взимали штрафы, подвергали раят жестоким наказаниям. В узденских селениях вопросы внутреннего управления, судопроизводства и т. д. осуществляли кевхи и представители мусульманского духовенства. Кроме того, в каждом селении были чауши. Наиболее важные вопросы решались на сходе, который в Табасаране назывался Дриганы, или Дигор. Сход собирался ежегодно два или три раза, в нем непременно должны были участвовать по человеку с каждого семейства. Хотя все участники имели право высказываться по тем или иным вопросам, все же «сильные фамилии» имели безусловное преимущество.

В случае войны майсум и кадий собирали ополчение под своим предводительством. По зову владетелей беки обязаны были являться со своими нукерами и подвластными раятами.

В ополчение призывались и уздени. Майсум мог выставлять 3500 вооруженных ополченцев, а кадий — свыше 4 тыс.

В середине XVIII в. в Северном Табасаране кадием был Муртузали-кадий, сын Рустам-кадия, майсумством управлял Муртузали, сын майсума Магомеда. Шахали-бек Мирза-оглы из рода майсумов убил Муртузали, чтобы занять его место. Однако кадий и старейшины Табасарана вместе с уцмием Кайтага прибыли в Табасаран и изгнали Шахали-бека, который вынужден был бежать к Фатали-хану. Майсумом сделали Навруз-бека, сына убитого. Так как Навруз-бек был немым, при нем в качестве опекуна состояла его мать Ханум-бике Кирхан-бек кизи. Она фактически и управляла майсумством.

Дербентское ханство В начале XVIII в. Дербент и окружающие его территории находились под властью Сефевидов. А с 1722 г. Дербент был присоединен к России. В 1735 г., после подписания Рештского договора между Россией и Ираном, Дербент подчинился власти Надир-шаха. После его смерти и изгнания из Закавказья войск шаха образовалось Дербентское ханство.

Территория ханства была незначительной и простиралась на юг от владений уцмия, до предгорий Табасаранского хребта на западе и северо-восточных границ Кубинского ханства.

Свою независимость Дербентское ханство сохраняло недолго. Уже в середине XVIII в., в правление Мухаммед-Хасан-хана, внутреннее и внешнеполитическое положение ханства чрезвычайно осложнилось. Произвол и гнет хана и его окружения усиливали острые противоречия внутри владения. В то же время Дербент как богатый и крупный торгово-ремесленный центр, занимающий важное стратегическое положение, приковывал внимание соседних владетелей Дагестана и Азербайджана. В этой весьма сложной обстановке широкие народные массы города и всего владения, доведенные до крайности, с нетерпением ждали удобного момента, чтобы освободиться от ига хана, и готовы были поддержать других владетелей, стремившихся к захвату дербентского владения. Эту весьма благоприятную обстановку умело использовал Фатали-хан Кубинский и в конце 60-х годов XVIII в. присоединил к своему владению Дербентское ханство.

Аварское ханство Аварское ханство, занимавшее нагорную часть Северного и Западного Дагестана, было одним из крупных и влиятельных феодальных владений Дагестана.

До середины XVIII в. Аварским ханством правил Гиущал-хан. Он старался расширить свои владения за счет присоединения к ханству соседних владений и вольных обществ. Его политику продолжали и его преемники. Особенно преуспел в этом его преемник, Умма-хан (1776—1801). При нем Авар-

скос ханство намного расширило свои границы как за счет подчинения ряда аварских обществ, так и за счет присоединения пограничных с Дагестаном территорий, населенных чеченцами. Умма-хан принудил платить дань также грузинского царя Ираклия II, дербентского, кубинского и шекинского ханов и т. д.

В Аварском ханстве не было единой системы административного деления. Здесь встречалось деление на военные округа, имелись бекства и т. д. В соответствии с этим определялось и местное управление. Во главе владения стояли наследственные ханы. Все вопросы внутреннего и внешнего управления решались ими. Ханы разбирали дела, подлежащие рассмотрению по адату, чинили суд и расправу по своему усмотрению. Тяжбы по духовным делам, завещаниям и т. д. разбирались по шариату хунзахским кадием. Как глава духовенства хунзахский кадий, или шейх-уль-ислам, и другие представители мусульманского духовенства играли при хунзахском дворе заметную роль.

Полицейские функции выполняли дружины хана, составляющие в мирное время вооруженные отряды. В военное время по призыву хана собирались в ополчение беки, чанки и уздени всего владения. Кроме того, в Аварии было «4 военных округа: Гидит, или Гид, в основном 19 деревень, и имеют 3869 домов; Кувал — 24 дер., 2381 дом, Кил — 8 дер., 1358 домов и Каравал — 18 дер., 2659 домов». По требованию хана эти округа обязаны были поставлять войско и кормить его. Во времена войны хан аварский собирал 30—40 тыс. человек вооруженных ополченцев.

Публичную власть на местах осуществляли старшины — чухби, адил-заби — блюстители порядка. Полицейские функции, сбор податей, взимание штрафов и другие операции осуществляли мангушки, чауши и др. Лица местной администрации в одних местах «выбирались», в других назначались ханами. Но в обоих случаях они подчинялись владельцу. Большую роль в местном управлении ханства играло духовенство. Все духовные вопросы и тяжбы, подлежащие рассмотрению по шариату, разбирали кадий, дикиры, муллы. Наиболее распространенным духовным лицом в ханстве являлся дикир. Помощниками дикиров были будуны, которые в основном следили за хозяйством мечетей. Кроме того, духовенство использовало вакуфы и присваивало львиную долю закята.

Целый ряд вопросов, таких, как споры между аулами, регламентация сроков сельскохозяйственных работ; выбор суда — маслагата, тяжбы, рассматривались на джамаатах, в которых участвовали только мужчины данного общества. Все присутствовавшие имели право высказаться по обсуждаемым вопросам, но при их решении, как правило, учитывалось мнение старшин, знати и духовенства.

Казикумухское ханство

Казикумухское ханство было расположено в центре нагорного Дагестана. В середине XVIII в. ханством правил Магомед-хан. Он

и его преемник Сурхай-хан II (Кунбулай) продолжали политику присоединения территорий соседних народов. Им удалось намного расширить территорию ханства, присоединив территорию Буркун-Даргуда, несколько сел Андалала и Рис-Ора и часть территории Южного Дагестана, населенную лезгинами и известную как Кюра.

В ханстве вместе с присоединенными территориями было более 200 населенных пунктов.

Как и другие владения Дагестана, Кюра — Казикумухское ханство было разделено на магалы: Кумухский, Майчайми, Мукарский, Вицхинский, Аштикулинский, Арчи-шалинский, Кюра и др.

Власть хана была наследственной. Хан решал все вопросы внутреннего и внешнего управления. Непосредственными помощниками хана являлись везиры. Функции дворецкого и казначея выполняли назиры. Советательным органом при хане являлся казикумухский къят, игравший некогда большую роль в политической жизни лаков. Полицейские функции выполняли нукеры, в основном состоявшие из лагов (рабов) хана. Они же составляли и военные отряды хана в мирное время. В Кумухе имелся главный кадий, который решал все духовные вопросы. На местах для соблюдения порядков землепользования, обычного права и решения различного рода вопросов «выбирались» куначу (старшины) — как правило, из наиболее родовитых и влиятельных лиц общества. Были даже общества, где куначу «избирался» каждый раз из одной и той же фамилии. Решения куначу претворяли в жизнь надсмотрщики, выдвигаемые также из числа богатеев аула. Все указы и решения куначу, как правило, заносились в мечтскую книгу.

Для решения особо важных дел созывались джамааты.

Союзы сельских обществ и их взаимоотношения с владениями Дагестана

В XVIII в., как уже отмечалось выше, в Дагестане существовало несколько десятков аварских, даргинских и лезгинских обществ, объединившихся в союзы сельских обществ.

В Акушинский союз сельских обществ, или Акуша-Дарго, занимавший большую территорию, входили 6 обществ: Акушинский, в который входили сел. Акуша, Такта, Гапшима, Муги и др., всего 36 селений; Цудахарский — Цудахар, Куппа, Москхи, всего 15 селений; Усишинский — Усиша, Хинта и др., всего 5 селений; Мугинский — 9 селений; Макагинский — 32 селения; Урахинский — 18 селений. Управление союзом осуществлял акушинский кадий, в руках которого фактически сосредоточивалась духовная и светская власть.

Во время войны власть акушинского кадия значительно усиливалась. Он являлся предводителем союзного ополчения. Отдельными отрядами командовали магальные кадии. Форма правления Акуша-Дарго более всего напоминает теократию, при которой, как известно, в руках духовных лиц одновременно сосредоточивалась и духовная и светская власть.

В Аварии также было несколько вольных обществ. Салатавское, расположенное по берегам обеих Койсу (аварцы называют его Накъ-Бах, что означает «оставшаяся позади страна, место»), состояло из 10 селений. Гумбетовское, расположенное между Салатавским и Чечней, получило свое название от кумыкского слова «гюмбет», означающего «лицом к солнцу». Общество состояло из 18 селений, главным из которых было селение Мехельта. Хиндатли или Хиндалал, известное также под кумыкским названием Койсу-Боюн, было расположено к востоку от Гумбета, с севера граничило с Мехтулинским, с юга — с Аварским ханством, а с востока — с Акуша-Дарго. В Койсубулинское общество входили селения Унцукуль, Ашильта, Белокан, всего 19 аулов.

Андалалское — состояло из аулов Согратль, Чох, Ругуджа, Корода, Кодал, Обох, Хоточ, всего 20 селений. К Андалалскому обществу принадлежали также Тилитли, Зпар, Урш и Гоор, которые со временем отделились, образовав отдельное общество.

В Гид, или Гидатлинское общество, входили аулы Урада, Мачада, Хотода, Асса и другие, всего 19 селений. Небольшую территорию к югу от Гидатлинского общества занимало общество Каль, состоявшее из 8 селений и отселков. Территорию по долине р. Кара-Койсу занимало общество Карак, состоявшее из 9 аулов и отселков. Наиболее многолюдными аулами Каракского общества были Голода, Тларуш, Урух-Сота.

Восточнее Карака, на границе с Казикумухским ханством, находилось общество Мукратльское. Ахвахское занимало верховья Коротинского ущелья. Три аула — Цакоб, Тлялуб, Ратлуб — обычно называли Ратлу-Ахвах, а остальные селения — Цунта-Ахвах.

Дидойское — занимало верховья р. Ори-Цхале, образующие Андийское Койсу. Сами себя жители общества называли «цеза», т. е. орлы, аварцы называли их «цунта», что в переводе также означает «орел». Дидо — грузинское название общества. Дидойское общество состояло из 24 аулов и отселков, разделявшихся на три части: Асахо, Шуратив и Шильтль (последнее известно под грузинским названием Илан-Хави, или «иланхевские лезгины»). Северо-восточнее Дидо, или Цунты, находились общества Томс. К западу от Андалала было расположено общество Куюда. Долины и ущелья Главного хребта Кавказских гор с запада на восток на грани-

це с Кахетией занимал союз обществ Антль-Ритля, т. е. Семиzemелья: Джурмут — 8 аулов, Гхебель, или Тходакало, — 9 аулов, Бонху — 8 аулов, Унхада — 5 аулов, Анцлус — 7 аулов, Таш — 27 аулов и отселков, Анцух — 27 селений, Хуанал, или Капучча, — 9 аулов.

Хваршинское — занимало небольшую территорию ущелий между отрогами гор Квала-биса. Общество Хварши состояло из 6 аулов. Территорию северо-западнее Ахваха, на правой стороне Андийского Койсу, занимало общество Богулал, состоявшее из 6 селений.

Калальское — на правом берегу р. Андийского Койсу; по названию главного селения Карата называлось также Караптинским обществом; состояло из 13 селений и отселков.

6 селений, расположенных юго-западнее Богулала, составляли особое общество Тинди, или Тиндал. Сами себя жители общества называли идери.

Гористую, плодородную местность к северу от Тинди и западнее Богулала занимало общество Чамалал, состоящее из 16 селений и отселков.

К югу от Чамалала находилось общество Ункратль (букв. «четыре земли»). Название дано по числу ущелий, занимаемых обществом.

К северо-западу от Калала территорию по средним рукавам реки занимало общество Технуцал, состоявшее из селений Ансалта, Зиберхали, Таид, Шотрода, Ботлих, Миарсу и др.

20 аулов и отселков к западу от Технуцала, наиболее крупными из которых были Макачи, Нитали, Расох, Саису, составляли общество Чарбили. На уступах Андийского хребта располагалось небольшое общество Тлох, состоящее всего из трех аулов: Тлох, Анирла, Ортоколо. Территорию к юго-западу от Гумбета занимало общество Анди. В Андийское общество входили селения Анди, Гогатль, Джилой, или Зило, Рикуани, или Риквани, и др., всего 9 аулов.

На территории Южного Дагестана, известной под названием Самур вилайет, имелось несколько объединений сельских обществ Ахты-Пара, состоящих из 12 селений, и Докуз-пара, состоящих из 8 селений.

По среднему течению р. Самур располагалось Рутульское общество, состоящее из 17 селений. Общество делилось на две части.

Управление в союзах сельских обществ Аварии осуществляли сельские старшины — чухби. В ряде обществ должность старшин была наследственной. В Тилитлинском обществе старший бек был управителем селений, а старшиной был чанка.

Во главе некоторых союзов сельских обществ Аварии стояли кадии, которые одновременно являлись военными предво-

дителями и верховными судьями при разборе межаульных тяжеб. Управление лезгинских и даргинских союзов сельских обществ осуществлялось также старшинами. В таких обществах, как Ахты, Хнов, Рутул и др., должность старшины была наследственной, как и в аварских аулах Ругуджа, Ахты, Храх, Хнов.

В других аварских, лезгинских и даргинских обществах старшины избирались, как правило, из числа богатых и влиятельных лиц общества. Во всех обществах старшины разбирали тяжбы по адату и решали вопросы, касающиеся внутреннего управления. В ряде случаев старшины главного селения одновременно осуществляли управление и другими селениями, как это было в Алтыпаринском обществе. В некоторых обществах для решения тяжеб избирались судьи. Гражданские дела, т. е. споры о собственности, наследовании и т. д., решали кадии.

В помощь старшинам и кадию в сельских обществах избирались чауши. Они проводили в жизнь все приказания старшин и кадиев. Для решения целого ряда вопросов созывались джамааты. В одних обществах власть джамаатов была ограничена, в других она была значительна.

Джамааты, как правило, собирались в определенном месте, в них участвовали все мужчины общества, кроме лагов, но право решающего голоса имели старшины, кадии, знать. Следовательно, и в вольных обществах власть фактически находилась в руках узденской верхушки и мусульманского духовенства.

Особенно сильной была власть кадия в обществе Акуша-Дарго. К акушинскому кадию нередко обращались соседи с просьбой о военной помощи. К нему же прибегали при решении духовных вопросов не только жители самого союза, но и Кайтагского уцмийства и других владений. Принятые им решения считались окончательными. Акуша-Дарго управлялся наследственным кадием, в руках которого фактически была сосредоточена светская и духовная власть. В военное время акушинский кадий предводительствовал ополчением. Наследственной была власть кадия и в Цудахаре. В обществах же Мекега, Усиша и др. кадий «избирался» на определенный срок, но избранными могли быть лица, происходящие из сельской знати.

В небольших аулах функции кадия исполняли муллы или будуны. Для разбора спорных дел у даргинцев «избирались» аульские судьи, а для контроля над ними — судьи от джамаата. В некоторых обществах судьи избирались только из определенных фамилий. Для исполнения распоряжений кадия, приговоров суда, а также для извещения населения о решениях и распоряжениях джамаата в селениях назначались чауши, которые в разных обществах именовались по-разному.

Они же собирали штрафы, созывали джамаат. На джамаатах решались вопросы как внутреннего управления, так и внешней ориентации. В джамаате участвовали все жители данного общества, кроме женщин. Собрания джамаата происходили обычно на площади у мечети. Хотя решение принималось обязательно голосованием, все же большую роль при этом играли кадии, старшины и вообще сельская знать. Решение джамаата записывал кадий, и все участники прикладывали к бумаге палец. Решения джамаата были обязательны для всех. Для решения особо важных вопросов собирались магальские или общие даргинские сходы.

В то же время ряд вольных обществ находился в зависимости от соседних феодальных владений. Как отмечалось выше, ханы Аварии, Казикумуха и другие владетели силой подчинили своей власти ряд союзов сельских обществ — Технучал, Ахвах, Тиндал, Хушти, Хварши, Вуркун-дар, обложив их податью. Другие союзы сельских обществ подпали в зависимость по экономическим причинам.

Союзы сельских обществ Самур вилайета — Ахты-Пара и др., как известно, арендовали зимние паства в Азербайджане и в связи с этим были более или менее зависимы от хана Кубы. Союзы сельских обществ предгорного и нагорного Дагестана были также зависимы от соседних владений.

Салатавское вольное общество зависело от кумыksких князей. Эндреевским и костековским князьям салатавцы платили дань баранами, хлебом и обязаны были сопровождать их в походах. Хиндалалцы, скот которых содержался в Тарковском владении, зависели от шамхала. Общество Калал зависело от ханов Аварии и платило ясак за землю, которая считалась принадлежащей хану. За пользование горными паствами андийцы отдавали хунзахским ханам ежегодно восемь бурок и быка.

Однако союзы сельских обществ оказывали упорное сопротивление феодалам, отстаивали свою независимость и неоднократно с оружием в руках подымались в защиту своих интересов. Нередки были случаи, когда несколько союзов сельских обществ объединялись в борьбе против наступления феодалов. На этой почве и во второй половине XVIII в. происходили многочисленные междуусобицы. Это, однако, не означает, что взаимоотношения феодальных владетелей с союзами сельских обществ сводились лишь к конфликтам и столкновениям. Были случаи, когда союзы сельских обществ, притесняемые соседями или попадающие в экономическую зависимость от них, добровольно принимали подданство или поддерживали союзнические отношения с соседями.

В годы же тяжких испытаний борьбы с иноземными захватчиками горцы всегда объединялись и совместными уси-

лиями отстаивали свободу и независимость. В этом плане особенный интерес представляют взаимоотношения общества Акуша-Дарго с шамхальством и уцмийством. Как известно, население Акуши-Дарго арендовало зимние пастбища в шамхальстве, уцмийстве и Засулакской Кумыкии и в зависимости от величины пастбища и количества выпасаемого скота платило определенное число голов скота. Все это служило основой для своеобразных зависимых отношений Акуши-Дарго от шамхала и уцмия. Зависимость эта выражалась в том, что акушинцы принимали участие в военных предприятиях шамхала. Зато при избрании шамхала представители Акуши-Дарго пользовались известными привилегиями, в частности почетным правом надевать папаху на вновь «избранного» шамхала, после чего шамхал одаривал акушинцев и с этого времени считался «признан... от всех народов шамхалом».

§ 5. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДАГЕСТАНЕ

Дальнейшее развитие феодальных отношений в XVIII в. сопровождалось и усилением феодального гнета. Наступление феодалов на общинные права, постоянно растущие подати и повинности, вымогательство мусульманского духовенства тяжким бременем ложились на плечи трудового народа. Все это еще более обостряло классовый антагонизм, вызывало законное возмущение и протест со стороны феодально-подневольных крестьян.

Одной из самых распространенных форм борьбы трудовых слоев с гнетом и произволом феодалов стало бегство крестьян. Обычно доведенные до крайности крестьяне бежали от «своих» феодалов в места, где эксплуатация носила более мягкий характер. Там они образовывали новые поселения. Так, жители Цахура бежали в горы и основали селения Сигют и Хнах. Нередки были случаи, когда горские крестьяне бежали в плоскостные и предгорные равнины и также образовывали здесь отдельные поселения.

Иногда бежавшие от феодалов крестьяне объединялись в горах и лесах в отряды и нередко неожиданно нападали на феодальные владения. В 1775 г. из Дербента бежало около 60 человек. И когда власти потребовали их возвращения, беглые объявили, что «не возвратятся ни под каким видом до тех пор, пока хана совсем в Дербенте не будет; не могут они за него к ним притеснения и наглые обиды над собою иметь, не желают, в чем между собою и присягою утвердились, чтобы ево, хана, совсем в город не допускать или, на дороге захвата, убить».

И действительно, вскоре беглецы соединились в Табасаране с бежавшими за год до этого из Дербента же Хаджи-

Бала-беком и прибыли к городу. «В бунте, — сообщает современник, — весь город согласен, но только не подают наружного вида, другие не закрыто о том говорят». Явное нежелание «драться со своими братьями», т. е. восставшими, выражали даже ханские воины. Если бы не вмешательство прибывших на помощь Дербентскому хану русских войск, «возмущение, — по словам майора Фрамгольда, — приняло бы серьезный оборот».

Чаще всего крестьяне бежали в пограничные с Россией и подвластные ей территории. В начале XVIII в. бегства крестьян в подвластные России территории настолько участились, что феодалы вынуждены были применять чрезвычайные меры.

В 1720 г. эндреевский и аксаевский владельцы совместно с сыном шамхала устроили набег за Терек в аул Крыбавлы и силой прогнали жителей со всем имуществом и скотом в свои владения. Однако полгода спустя из Карагачей за Герек вновь бежало семь дворов крестьян. Феодальные владельцы Дагестана неоднократно обращались и к русскому правительству с просьбой пресечь побеги крестьян. Эти обращения были настолько настойчивы, что Петр I специальным указом повелел терским воеводам возвратить беглых крестьян их владельцам, за исключением только тех, которые при побеге в русские владения принимали христианство. Однако эта мера оказалась безуспешной, тем более что терские воеводы не всегда следовали этому указанию, а побеги крестьян ежегодно принимали все большие масштабы. Тогда засулакские владельцы вновь обратились к Петру I.

Однако, несмотря на все меры, побеги крестьян продолжались. Со строительством крепости Святого Креста многие беглые поселялись вблизи крепости. Особенно возросло число крестьянских побегов с середины XVIII в. В 1752 г. из Кайтага в Засулакскую Кумыкию, входившую в состав России, бежало 200 дворов терекемейцев и 800 дворов горских евреев. Феодалы Кайтага пытались вернуть беглых крестьян и с этой целью обращались к кумыкским князьям и русским властям на Северном Кавказе, но не смогли добиться их возвращения. Более того, в Засулакскую Кумыкию бежали крестьяне из уцмийства, шамхальства и других владений, о чем красноречиво свидетельствуют обращения крестьян к русским властям на Кавказе. Известно, что в 1774—1775 гг. уцмий Кайтага вновь поднял вопрос о возвращении своих беглых крестьян. В 1786 г. шамхал Тарковский в письме к русскому командованию жаловался, что холопы из христиан, а также «природные наши мусульмане» устраивают побеги в «Российские пределы», а так как «мы вступили в подданство», продолжал он, «прошу вернуть наших беглых холопов из мусульман и христиан».

Наряду с бегством важной формой сопротивления крестьянства становятся восстания. Выступления крестьян носили стихийный характер, были разрозненными и, как правило, кончались жестоким подавлением и расправой феодалов с восставшими. Однако в условиях усиления феодального гнета и эксплуатации эти выступления требовали от феодалов крайнего напряжения сил. Нередко феодалы в борьбе с крестьянскими выступлениями вынуждены были прибегать к помощи соседних владетелей и даже России.

В 1736 г. восстали кубинцы и лезгины. Восставшие осадили Худат. Кубинский хан был вынужден обратиться к тарковскому шамхалу и султану Дербента. С их помощью и было подавлено выступление крестьян, «которые потеряли 300 человек убитыми и пленными».

Ожесточенные формы классовая борьба приняла и в Засулакской Кумыкии, где крестьяне, «притесняемые князьями, соединились между собой присягою и успешно отстаивали свои права». В 1779 г. восставшие крестьяне сел. Эндрей убили сына владельца Эльдар-бека. Феодалы Засулакской Кумыкии только с помощью России подавили выступления крестьян. В 1795 г. восстали подвластные шамхалу крестьяне сел. Губден. Против повстанцев был двинут вооруженный отряд во главе с сыном шамхала Мехти, после чего восстание губденцев было подавлено.

Немного позже восстали против шамхала уздени Карабудахкента, но и это выступление было жестоко подавлено. Известно, что восставшие жители Мамма-аула убили бека, а когда феодалы предприняли вооруженное нападение, повстанцы покинули селение и расселились в разных местах. Против уцмия восставали и ряты Уржамильского магала, но и это выступление окончилось неудачей.

Более продолжительной и успешной оказалась борьба кабадаргинцев с уцмием. После упорной семилетней борьбы кабадаргинцы, так и не покорившись уцмию, присоединились к Акушинскому союзу сельских обществ.

Открытые крестьянские выступления против гнета, произвола и насилия феодалов и сельской знати в XVIII в. имели место и во владениях нагорного Дагестана и так называемых союзах сельских обществ. Так, в Казикумухском ханстве крестьяне сел. Тулизма, доведенные до крайности всевозможными поборами, в один из приездов владельца покушались на его жизнь. Известно также восстание крестьян аула Табахли. Это восстание было жестоко подавлено, аул разорен и сожжен, а уцелевшие были вынуждены переселиться в Кайтагское уцмийство. Против казикумухских владетелей восставали уздени селений Унчукатля, Караша и др., а также крестьяне подвластных хану лезгинских селений. Но наиболее многочисленны были крестьянские восстания в Аварском хан-

стве. По далеко не полным данным, в XVIII в. крестьяне ханства десятки раз поднимались на борьбу против феодалов. Так, при сборе податей в обществах Хиндах, Мосох, Батлух и др. была применена сила. В ответ на это крестьяне восстали и убили сына хана.

Против гнета и произвола феодалов во второй половине XVIII в. выступали крестьяне селений Харахи, Амешта, Тукита, Инхо, Ороты и многие другие. Упорную борьбу с владетелями в эти же годы вели и крестьяне союзов сельских обществ Андалала, Гидатля и др. В Рутульском вольном обществе, например, выделившаяся из основной массы узденей фамилия Сандусариаров «до того надоела своими захватами и претензиями», что крестьяне, сговорившись, созвали почти всех их на пир, «устроили пожар и многие Сандусариары сгорели».

ГЛАВА X

ДАГЕСТАН В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

§ 1. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДАГЕСТАНА В НАЧАЛЕ XVIII в.

Угрозы турецкой агрессии В конце XVII — начале XVIII в. Дагестан оказался в орбите международных интересов Турции, Ирана и России, соперничающих между собой за овладение Кавказом.

Несмотря на поражение в войне 1683—1692 гг. с коалицией европейских держав, султанская Турция все еще оставалась одним из крупных военно-феодальных государств, готовым взять реванш. Сразу же после окончания войны в Европе Высокая Порта обратила свои взоры на Кавказ.

В 1703 г. Турция начала строительство крепости вблизи Керчи и замыслила «воевать и в подданство привесть» Грузию. Особенно агрессивной Турция стала после прихода к власти султана Ахмеда III, выразителя интересов реакционных кругов Османской империи. Стремясь прибрать к рукам Северо-Восточный Кавказ и превратить его в опорный пункт своей захватнической политики, Турция предприняла ряд конкретных мер: отправила на Кавказ агентов, которые должны были привлечь на сторону Турции феодальных владетелей Дагестана, Кабарды, Азербайджана и др. А в 1707 г. по указке Турции крымский хан Каплан-Гирей вторгся в Кабарду, чтобы завоевать и присоединить ее к Крыму. Но объединенные силы кабардинских князей нанесли ему поражение, сам хан едва спасся бегством. В том же 1707 г. не без влияния Турции и Крыма было организовано нападение закубанского хана Наиб-Султана на терско-гребенских казаков. Агрессивные устремления Турции особенно усилились после подписания невыгодного для России Прутского мира, завершившего русско-турецкую войну 1711 г., по условиям которого Россия вынуждена была возвратить Турции Азов и отказывалась держать военный флот на Азовском море.

В 1711 г. турецкий султан потребовал от кабардинских князей повиновения Порте, в противном случае он угрожал разорением и истреблением всего населения. Тогда же от крымского хана были направлены посланцы к владельцам Дагестана Султан-Могмуту и шамхалу Адиль-Гирею с наказом повиноваться хану, за что была обещана «от хана немаяла дача».

Одновременно сultанская Турция вела деятельную подготовку, готовясь вторгнуться на Кавказ. На подступах к Кавказу сосредоточивались крупные воинские силы. Стремление Турции завоевать Кавказ было продиктовано и попытками шахского Ирана, несмотря на глубокий экономический и политический кризис, укрепить свои позиции на Кавказе и расширить свои владения. По указке шаха наместники Дербента делали все, чтобы подчинить своей власти союзы сельских общин Самурской долины.

Политика России на Кавказе В чрезвычайно сложной международной обстановке самодержавие, хотя и выступало в роли «освободителя» народов Кавказа от вековых угнетателей Турции и Ирана, тем не менее преследовало захватнические цели. Потеряв надежду на Черное море, Россия сосредоточила свое внимание на бассейне Каспия, надеясь обратить к Каспийскому морю всю индоевропейскую торговлю и стать посредницей в торговле между Востоком и Европой. Кроме того, все возраставшие запросы русской мануфактурной промышленности требовали обеспечения такими видами сырья, как шелк-сырец, хлопчатая бумага, нефть, руда и т. д.

Не менее важной причиной являлась оборона южных границ, ибо юго-восточные границы империи в то время представляли едва ли не самое слабое место государства, подвергаясь постоянным набегам.

Учитывая все это, русское правительство предпринимало меры для дальнейшего упрочения связей с народами Кавказа, в том числе и Дагестана. Еще в 1700 г. Петр I приказал астраханскому воеводе Мусину-Пушкину наладить дружественные и торговые сношения с дагестанскими горцами. Этот шаг русского правительства дал известный толчок развитию торговли России с Дагестаном. Феодалы Дагестана и их «купчины» все чаще стали прибывать в Терки, Астрахань и другие города.

Русские купцы со своими товарами посещали торгово-ремесленные центры Дагестана, наибольшее количество их прибывало в Дербент.

В 1711—1712 гг. по приказу губернатора Апраксина на левый берег Терека были переселены гребенские казаки, где они образовали станицы Червленая, Шадринская, Новогладковская, Старогладковская, Курдюмовская и др. Причем

«право владения казаков затеречными угодиями не оспаривалось ни кумыками, ни кабардинцами». Вместе с тем Россия направляла на Кавказ различные посольства. В 1711 г. для укрепления связей с народами Кавказа и Дагестана и склонения их владетелей на сторону России, а также для исследования металлорудных и других природных богатств, на Северный Кавказ был отправлен кн. Бекович-Черкасский, кабардинец по происхождению.

В 1715—1718 гг. военно-политическое и экономическое обследования Прикаспия производили А. Волынский, А. Лопухин, Баскаков и др. Одновременно Ф. Саймонов, Урусов, Верден и др. составили карту Каспийского моря. В 1720 г. Кавказ обследовался «рудознателем» Ю. Ф. Блюэром.

Освещая военно-политическое и экономическое положение края, все они указывали на присыки Турции и стремление Порты и ее вассала крымского хана прибрать к своим рукам Северный Кавказ. В донесении Петру I кн. Бекович-Черкасский подчеркивал, что к владетелям Северного Кавказа и Дагестана из Турции прибывают многочисленные эмиссары, которые всевозможными средствами пытаются подчинить их власти султана. Поэтому, чтобы помешать Турции прибрать Северный Кавказ к своим рукам, кн. Бекович предлагал, не упуская времени, как можно скорее присоединить Прикаспий к России.

Необходимость присоединения Прикаспия к России Бекович-Черкасский мотивировал и тем, что много «обретается разных руд, отчего бы мог прибыток не малый быть государству российскому».

Таким образом, в начале XVIII в. на Северном Кавказе и в Дагестане возникли острые противоречия между Турцией и его вассалом крымским ханом — с одной стороны, и Россией — с другой.

В обстановке захватнических устремлений больших государств феодальные правители Дагестана, как и всего Кавказа, исходя из своекорыстных интересов, ориентировались то на Россию, то на Турцию. На рубеже 20-х годов XVIII в. большинство владений Дагестана, границы которых подходили к России, поддерживало тесные торгово-экономические связи с Терками, Астраханью и другими городами, склоняясь на сторону России.

В 1717 г. тарковский шамхал Адиль-Гирей обратился к России с просьбой принять его в подданство.

С аналогичной просьбой в 1719 г. обратился прибывший ко двору Петра I Магомед-бек Алипкачев, посол шамхала.

С просьбой о принятии в подданство к России обращались аксаевские, костековские владетели, кайтагский уцмий и др. Однако Россия, будучи занята Северной войной, не решалась присоединить прикаспийские провинции Кавказа.

§ 2. БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ВЛАДЫЧЕСТВА ИРАНА

**Восстание
1707—1712 гг.**

В связи с общим упадком, наблюдавшимся с конца XVII в. в Иране, постепенно падало и влияние сефевидской державы на народы Восточного Кавказа. Однако Сефевиды не были изгнаны с Кавказа. Захваченные в пору могущества Ирана территории Восточного Кавказа все еще находились под его властью. Мало того, на рубеже XVIII в. народы Закавказья, как и других окраин Ирана, ощущали рост податного бремени, что было связано с общей политикой Сефевидов, путем увеличения налогов старающихся предотвратить свое падение.

Подушная подать была увеличена втрое. Были введены новые подати: сбор на содержание шахских сыновей, сбор в шесть динаров «шеш динат», вскоре утроенный, и др. Причем наместники Сефевидов — беглербеки и другие лица иранской администрации при сборе произвольно увеличивали налоги и, как правило, взыскивали с податного населения в два-три раза больше, чем было установлено.

Все тяжести иранского гнета испытывало на себе население Дербента и других мест Южного Дагестана.

Наместники шаха в Дербенте неоднократно предпринимали карательные экспедиции в Южный Дагестан с целью подчинить своей власти Табасаран и союзы сельских общин Салмурской долины. Соответственно усилилась эксплуатация крестьян и «своими» феодалами.

Увеличение податного бремени, произвол и насилия со стороны шахских и местных властей не могли не вызвать законного протesta. Крестьянские массы не только уклонялись от уплаты крайне обременительных налогов, но и не раз подымались в защиту своих прав. Шахской администрации при сборе налогов, как правило, приходилось прибегать к угрозам и силе.

В районах приморского и Юго-Западного Дагестана все еще сохранялись воздвигнутые Сефевидами в пору их могущества укрепления с воинскими гарнизонами. Эти крепости и укрепления служили известным препятствием свободному передвижению населения и перегону скота из Дагестана на зимние пастбища Азербайджана, мешали развитию торгово-экономических связей Дагестана с Закавказьем. Особую тревогу горцев Дагестана вызывали крепости и укрепления, являющиеся опорными пунктами Сефевидов на Восточном Кавказе, и потому, что они могли быть в любое время использованы персами для новых вторжений. Сефевидские шахи продолжали считать Дагестан своей территорией и на этом основании вмешивались во внутренние дела феодальных владений Дагестана. Они утверждали во владельческих правах феодалов,

выдавали фирманы на владения земельными угодьями. Так, в 1711 г. шах Гусейн утвердил Ахмед-хана уцмием. Кроме доходов с Кайтагского владения ему было увеличено жалованье со 100 туманов до 200.

Но особую заботу проявляли шахи Ирана о шамхале. Приблизив к себе шамхала, одного из влиятельных владетелей, Сефевиды рассчитывали с его помощью укрепить свои позиции в Дагестане. Чтобы шамхал мог держать горские народы в повиновении «и к тому силы иметь мог», ему устанавливали ежегодное жалованье 4 тыс. туманов. Однако такое «почтение» шахи Ирана оказывали не всем феодалам Дагестана. Социальную опору своего влияния в номинально зависимых владениях Дагестана Сефевиды видели в лице крупных феодальных владетелей, поэтому им выплачивались из казны денежные средства, вручались подарки, выдавались фирманы на владение землей, поддерживались их эксплуататорские притязания в отношении горского крестьянства. Экономическая и политическая поддержка, оказываемая Сефевидами феодальным владельцам, укрепляла власть последних и содействовала еще большему усилению эксплуатации трудящихся масс Дагестана. Таким образом, сефевидский Иран и в начале XVIII в. представлял для народов Дагестана силу, угрожающую национальной независимости и способствующую усилению социального гнета. Поэтому идея антифеодального протesta сливалась в сознании горцев с их антиколониальными устремлениями. Кроме того, горцы Дагестана, будучи суннитами, подвергались также религиозным гонениям со стороны персов-шиитов, что вызывало недовольство народных масс.

Первыми против владычества Ирана восстали авары Джаро-Белоканского союза сельских обществ. Их поддержали соседи-азербайджанцы. Со временем восстание получало все более и более широкий размах. В восстание включились часть феодалов и местного мусульманского духовенства. Следует, однако, подчеркнуть, что феодалы и духовенство взялись за оружие по мотивам, далеким от интересов народных масс Дагестана и Азербайджана. За демагогическими лозунгами освобождения суннитов от еретиков-шиитов скрывались иные цели. Мусульманское духовенство и феодалы, включившись в борьбу, намеревались использовать выступления народных масс, благоприятную политическую обстановку для того, чтобы укрепить свою власть, умножить богатства, расширить границы своих владений. Заняв руководящее положение в движении, феодалы и духовенство, ловко играя на религиозных чувствах повстанцев, сумели придать восстанию исключительно антииранский характер. С этого времени восстание приобрело религиозную оболочку и развивалось в дальнейшем под лозунгом борьбы правоверных суннитов против еретиков-ши-

итов. Особая роль в этом восстании принадлежит уроженцу сел. Дедели Мюшкюрского уезда Хаджи-Дауду. Ловкий и предприимчивый, Дауд ездил на поклонение в Мекку, после чего принял звание хаджи, а затем, когда встал во главе отряда повстанцев, присвоил звание бека и стал называться Хаджи-Дауд-беком. К Хаджи-Дауду примкнул уцмий Кайтага, который отправил к нему отряд под предводительством Муртузали. В 1711 г. повстанцы, возглавляемые Хаджи-Даудом и Муртузали, выступили против Шебрана и после упорной схватки взяли его. Отсюда они двинулись в Кубинское ханство, осадили и заняли Худат. Вместе с кубинским Султан-Ахмед-ханом были истреблены его сторонники и члены его семьи, за исключением грудного ребенка, который был тайно увезен в Самурский округ. В это же время повстанцы Джара, Тала и Цахура разбили в Нухинском уезде шахские войска, возглавляемые правителем Ширвана Гусейн-Али-ханом. Вскоре после взятия Худата в Кубинское ханство прибыли уцмий Кайтага и правитель Казикумуха Сурхай с многочисленным ополчением. Теперь повстанцы представляли внушительную силу. В объединенном отряде было около 30 тыс. человек. Осенью 1711 г. Хаджи-Дауд, Сурхай-хан и Ахмед-хан осадили торгово-ремесленный и административный центр Северного Азербайджана Шемаху, но, встретив сильное сопротивление, вынуждены были снять осаду. Хаджи-Дауд вернулся в Кубу, а Сурхай-хан и Ахмед-хан — в свои владения, после чего стали деятельно готовиться к новым выступлениям. Шах Ирана обратился к шамхалу Адиль-Гирею с просьбой предотвратить намечаемое выступление горцев, за что обещал щедрые вознаграждения. Адиль-Гирей пытался сорвать подготовливаемое выступление горцев и даже пригрозил уцмию Ахмед-хану. Поэтому Ахмед-хан остался в Кайтаге, отправив на соединение с повстанцами вооруженный отряд под командованием Хасбулата.

Весной 1712 г. объединенные отряды горцев, возглавляемые Хаджи-Даудом, Сурхай-ханом и Хасбулатом, внезапно напали на Шемаху, штурмом овладели ею и подвергли грабежу и разорению. В Шемахе Хаджи-Дауд и Сурхай-хан оставались недолго. В дальнейшем повстанцы, разбившиеся на мелкие отряды, организовывали внезапные нападения на Акташ, Шебран, Нияз-Абад, угрожали Шемахе и Дербенту. Эти нападения сковывали и терроризировали шахскую администрацию. Вместе с тем действия этих отрядов, сопровождаемые грабежом и разорением, отрицательно сказывались на развитии производительных сил края, что было одной из главных причин отхода народных масс от движения.

В 1719 г. шахские войска, пользуясь отходом народных масс и уходом в горы отряда, возглавляемого Сурхай-ханом, усилили натиск на повстанцев. Им удалось схватить Хаджи-

Дауда и заключить его в Дербентскую крепость. Вскоре, однако, Хаджи-Дауду с помощью своих единомышленников удалось бежать из тюрьмы.

Ангиранское восстание в 1720—1721 гг.

телям Дагестана.

Учитывая создавшуюся благоприятную обстановку, Хаджи-Дауд усилил антииранскую деятельность. Он рассыпал в разные общества Дагестана письма с призывом подняться против Сефевидов, организовывал отряды, уговаривал феодальных владетелей Дагестана выступить против Ирана. Казикумухскому Сурхаю, например, он писал: «Ныне нам время себя людьми поставить и обогатиться, нежели мы сей случай из рук упустим, то мы достойны, чтобы весь свет нас дураками признал, ибо сила в наших руках, шах от Мирмахмута утеснен, и никто мешать не может».

Объединив свои силы, Дауд-бек и Сурхай-хан «объявили публично, что они от бога возбуждены, правоверных мусульманов и суннов от еретичного персианского ига, в котором они поныне страдали, избавить и еретичество искоренить; и дабы все правоверные люди, присоединясь к ним, сделались вольными». Аналогичные проповеди вели и бежавшие в Дагестан от насилия шахов Ирана сыновья меликов Куткашенского магала Азербайджана.

Все эти проповеди возымели свое действие. Собрав значительные силы повстанцев, Хаджи-Дауд и Сурхай-хан 21 июля 1721 г. осадили Шемаху.

Беглербек Шемахи Хусейн-хан принял меры к обороне города и отражал атаки повстанцев в течение 25 дней. Однако горожане открыли им одни ворота. Вслед за этим ворвавшиеся в город повстанцы принудили Хусейн-хана сложить оружие. Город был взят, беглербек Шемахи и его военачальники, а также около 800 человек городской знати убиты. Город подвергся разорению и грабежу. Разграблены были и товары русских купцов. После этого повстанцы вблизи Шемахи разбили войска гянджинского и эриванского ханов, спешивших ча помочь шемахинскому хану, а затем осадили Баку, Ардебил, Дербент и другие центры. Многие ставленники шаха, в том числе и беглербек Дербента, бежали в Иран. Таким образом, за короткое время повстанцы добились серьезных успехов. Однако, хорошо понимая, что без поддержки извне им не сохранить власть, руководители повстанцев сразу же стали обращаться то к России, то к Турции.

Руководители движения просили принять их под протекцию и оказать им военную помощь. Однако, говоря об обращениях предводителей движения одновременно к Турции и

В 1720 г. в связи с вторжением в Иран афганцев во главе с Мир-Махмудом шах обратился за военной помощью к тарковскому шамхалу, уцмию Кайтага и другим владельцам Дагестана.

Учитывая создавшуюся благоприятную обстановку, Хаджи-Дауд усилил антииранскую деятельность. Он рассыпал в разные общества Дагестана письма с призывом подняться против Сефевидов, организовывал отряды, уговаривал феодальных владетелей Дагестана выступить против Ирана. Казикумухскому Сурхаю, например, он писал: «Ныне нам время себя людьми поставить и обогатиться, нежели мы сей случай из рук упустим, то мы достойны, чтобы весь свет нас дураками признал, ибо сила в наших руках, шах от Мирмахмута утеснен, и никто мешать не может».

Объединив свои силы, Дауд-бек и Сурхай-хан «объявили публично, что они от бога возбуждены, правоверных мусульманов и суннов от еретичного персианского ига, в котором они поныне страдали, избавить и еретичество искоренить; и дабы все правоверные люди, присоединясь к ним, сделались вольными». Аналогичные проповеди вели и бежавшие в Дагестан от насилия шахов Ирана сыновья меликов Куткашенского магала Азербайджана.

Все эти проповеди возымели свое действие. Собрав значительные силы повстанцев, Хаджи-Дауд и Сурхай-хан 21 июля 1721 г. осадили Шемаху.

Беглербек Шемахи Хусейн-хан принял меры к обороне города и отражал атаки повстанцев в течение 25 дней. Однако горожане открыли им одни ворота. Вслед за этим ворвавшиеся в город повстанцы принудили Хусейн-хана сложить оружие. Город был взят, беглербек Шемахи и его военачальники, а также около 800 человек городской знати убиты. Город подвергся разорению и грабежу. Разграблены были и товары русских купцов. После этого повстанцы вблизи Шемахи разбили войска гянджинского и эриванского ханов, спешивших ча помочь шемахинскому хану, а затем осадили Баку, Ардебил, Дербент и другие центры. Многие ставленники шаха, в том числе и беглербек Дербента, бежали в Иран. Таким образом, за короткое время повстанцы добились серьезных успехов. Однако, хорошо понимая, что без поддержки извне им не сохранить власть, руководители повстанцев сразу же стали обращаться то к России, то к Турции.

Руководители движения просили принять их под протекцию и оказать им военную помощь. Однако, говоря об обращениях предводителей движения одновременно к Турции и

России, нельзя забывать протурецкую ориентацию Хаджи-Дауда и Сурхая, обусловленную классовыми и национально-религиозными интересами феодалов-суннитов. Каждый из них старался стать не только ханом Ширвана, но и сохранить отсталые формы феодальной эксплуатации, утвердить суннизм в качестве господствующей религии. В связи с этим Турция несомненно больше импонировала руководителям движения, чем Россия. Об этом хорошо были осведомлены и русские власти.

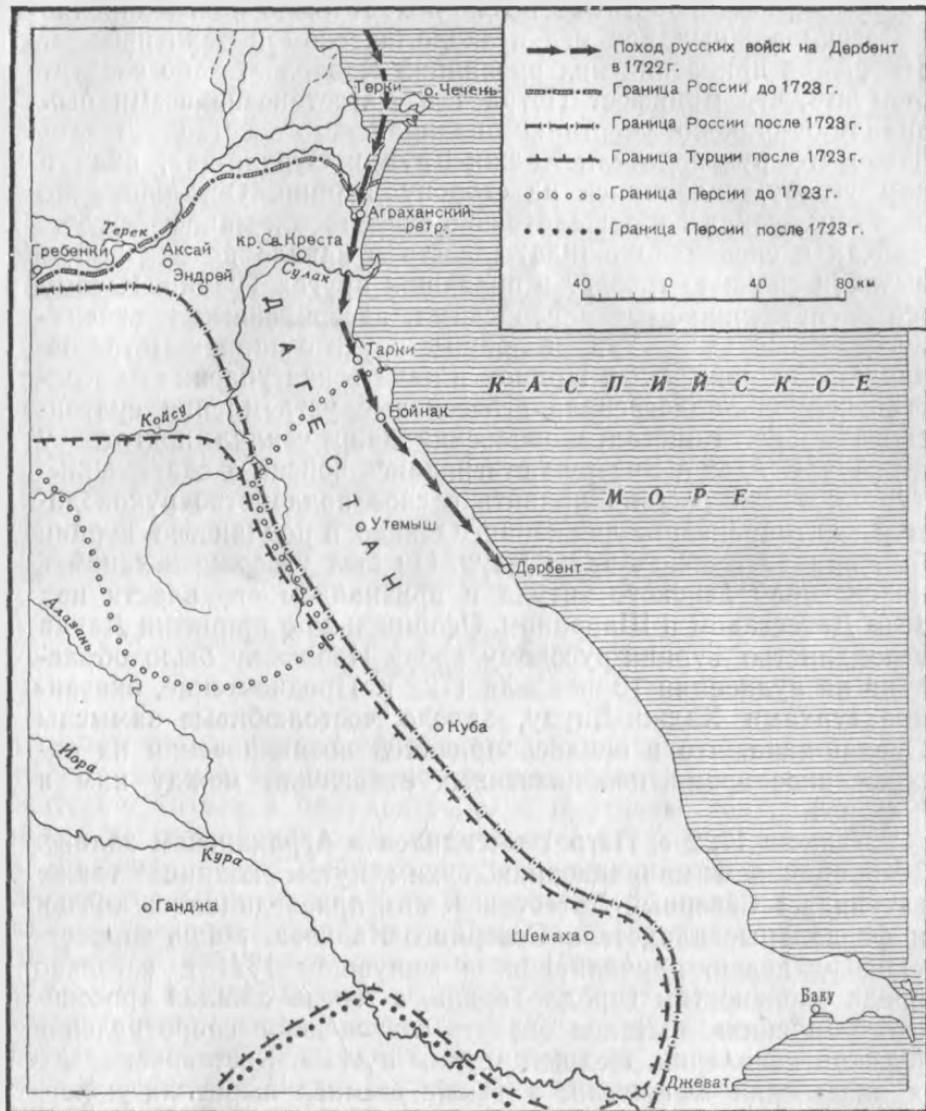
Учитывая все это, русское правительство дало указания послу в Константинополе Неплюеву добиться от Турции обещания не принимать в свое подданство Хаджи-Дауда и Сурхай-хана. Это обещание было получено им в апреле 1721 г. Однако Турция, дав это обещание из боязни вызвать недовольство России и Ирана, на деле не переставала вести подрывную деятельность на Кавказе.

§ 3. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ПРИКАСПИЙСКИХ РАЙОНОВ ДАГЕСТАНА К РОССИИ

Поход русских войск в Дагестан Происходившие на Кавказе события и катастрофическое положение сефевидской державы активизировали политику Турции и России. Пользуясь «замешательствами в Персии», Порта стремилась прибрать к своим рукам владения Кавказа и тем самым добиться исключительного господства на Черном и Каспийском морях.

Русское правительство не могло допустить утверждения Турции на Кавказе. Господство Турции в Прикаспии надолго ослабило бы позиции России на Кавказе, оказало бы самое отрицательное влияние на развитие восточной торговли, лишило бы русскую мануфактурную промышленность необходимого сырья и, наконец, создало бы реальную угрозу юго-восточным границам России. Поэтому русскому консулу в Иране Семсуну Аврамову было предписано следить, чтобы Турция не завладела побережьем Каспия.

Победоносно окончив Северную войну, Петр I решил добиться присоединения прикаспийских владений Кавказа к России. К маю 1722 г. была завершена подготовка похода. Уезжая из Москвы в Астрахань, Петр I известил турецкого посланника в Москве Мустафа-агу о выступлении русских войск. Причем было объявлено, что поход предпринимается не для ссоры с султаном и не для войны с шахом, а лишь только для «отмщения обиды» захватившим Шемаху «лезгинским бунтовщикам». Быстро после прибытия в Астрахань Петр I возглавил морской и сухопутный поход на прикаспийские провинции Кавказа. Перед выступлением 15 июля

Поход Петра I в Дагестан в 1722—1723 гг.

1722 г. был обнародован манифест на «татарском, турецком и персидском» языках и для распространения его в Дагестане и Азербайджане были отправлены дворянин Лопухин, полковник Наумов, поручики Лунин и Чеботарев. Население извещалось о том, что поход предпринимается для наказания «бозмутителей и бунтовщиков», а прочему населению гарантировалась безопасность.

В действительности же целью похода было присоединение к России важных для нее в экономическом и политическом отношении прикаспийских провинций Кавказа. Особо следует отметить, что манифест Петра I в Дагестане не всеми был принят одинаково: участники антииранского восстания, и особенно его руководители Хаджи-Дауд и Сурхай-хан, видя в нем угрозу, склонились на сторону Турции. Остальная же часть населения доброжелательно отнеслась к манифесту.

Как и следовало ожидать, весть о начале похода Петра вызвала сильную тревогу в правящих кругах Турции. К тому же распространяемые английскими, австрийскими и венецианскими послами в Турции ложные слухи о планах Петра захватить Закавказье и Ираном и начать наступление на Константинополь подогревали агрессивные устремления султанского двора. Константинопольский двор усилил подготовку к войне. В Азов и Эрзерум стягивались войска и снаряжение. Турция также решила принять в свое подданство руководителей антииранского движения. Однако в подданство Турции был принят только Хаджи-Дауд. Он был утвержден ханом с присвоением ханского титула и признанием его власти над всем Дагестаном и Ширваном. Официально о принятии Дауда в подданство Турции русскому послу Неплюеву было объявлено на аудиенции 10 февраля 1722 г. Предпочтение, оказанное турками Хаджи-Дауду, задело честолюбивые замыслы Сурхай-хана, что и явилось причиной возникновения на определенное время неприязненных отношений между ним и Турцией.

27 июля 1722 г. Петр I высадился в Аграфанском заливе. Тем временем направленная сухим путем конница также вступила в Северный Дагестан. К ним присоединились князья и феодальные владетели Северного Кавказа. Лишь эндреевский владелец, причинивший в минувшем 1721 г. «столько вреда окольностям города Терки», а теперь ожидая «российского мщения», пытался оказать безуспешное сопротивление русской кавалерии, шедшей «сухим путем». Костековский же и аксаевский владетели, а также шамхал выразили покорность и изъявили свою преданность России. Они снабжали войско Петра I продовольствием. Кроме того, на путях перехода к югу от Сулака на каждой стоянке по приказанию шамхала русские войска снабжались водой, фуражом и прочим. Поэтому без задержки и затруднений войска Петра I в августе прибыли на подготовленное шамхалом место, недалеко от Тарков. К услугам Петра шамхал предложил «свое войско». Но Петр I от войска отказался и взял лишь несколько отборных наездников, а со своей стороны отправил к шамхалу 12 солдат, которые в виде почетного караула оставались в Тарках до самой кончины императора. Вскоре стало известно, что дербентцы получили отправленный к ним манифест,

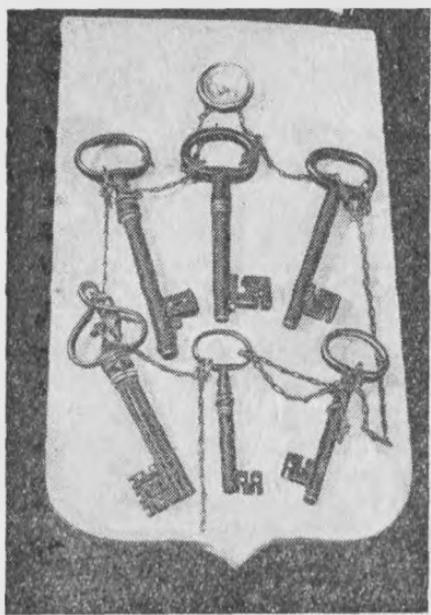

Прибытие Петра I в Тарки в августе 1722 г.
(с картины Ф. Рубо)

и готовы его принять и просят, чтоб их «о происшествии уведомили, дабы в чем потребно служить могли, а которые дербентские жители в чем явятся е. в. противны, тех они признают за изменников». 15 августа русские войска двинулись к Дербенту. Близ Бойнака султан утамышский попытался оказать им сопротивление, но был разбит. 23 августа русские войска, предводительствуемые Петром I, без боя вступили в Дербент. «Наиб сего города, — писал Петр I в сенат, — и ключ поднес от ворот. Правда, что сии люди не лицемерно, любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили». Тогда же был занят Мюшкюрский магал. Вслед за этим в Дербент к Петру I стали обращаться феодальные владельцы Дагестана и Азербайджана с изъявлением покорности и с просьбами принять их в подданство России. Табасаранский уцмий Ахмед-хан, кадий Рустем и майсум Ахмед были приняты в подданство России и по обычаю времени «представили аманатов».

В сентябре 1722 г. «за верные свои услуги» грамотой Петра I Адиль-Гирей был признан шамхалом; было объявлено, что он «владеет всеми землями и местами, и жилищами владения Салтан-Магмута Утамышского». Кроме того, шамхалу было установлено жалование и выданы подарки.

Обстановка благоприятствовала продвижению войск Петра на юг. Однако 29 августа 1722 г. на военном совете в

Ключи от ворот Дербентских укреплений

лак и Аграхань, была заложена крепость Святого Креста. После этого Петр, поручив командование всеми войсками генерал-майору Матюшкину, отбыл в Астрахань.

Это, однако, не означало, что Россия отказалась от своих планов в Закавказье. Но как бы то ни было, возвращение русских войск ухудшило положение сторонников русской ориентации в Закавказье, особенно положение картлийского царя Вахтанга VI.

Между тем сultанская Турция всеми силами пыталась восстановить горцев против русских и организовать их вооруженное выступление. В сентябре 1722 г. крымский хан прислал шамхалу письмо с воззванием «выступить «за веру» против русских и «весъма жестоко биться». За отказ выступить против русских по указке Турции Хаджи-Дауд предпринял нападение на Табасаран и, как доносил Петру I кадий Рустем: «...он причинил мне и моему народу бедствие, разорил мою столицу Хучни».

После же ухода основных сил России с Кавказа сultанская Турция приказала Хаджи-Дауду вытеснить российский гарнизон из Дербента и из прочих мест. Весной войска Турции вступили на Кавказ и в июле 1723 г., захватив Грузию, стали продвигаться к Восточному Кавказу. В связи с этим Петр I дал указание генералу Матюшкину принять надлежащие меры для защиты Дербента и Баку.

Дербенте было принято решение приостановить поход, а большую часть войск вернуть в Россию. В этом значительную роль сыграло внезапно возникшее затруднение в продовольствии и снаряжении в связи с крушением у Аграханского залива двух эскадр, а также распространившиеся среди солдат болезни и падеж лошадей.

Оставив гарнизон в Дербенте и в ретрашментах Рубасе, Бойнаке, Тарках, Петр с основными силами вернулся в Аграхань. Здесь он обследовал берега Сулака и Аграхани и нашел, что «сие место зело довольно конским кормом, водою и лесом». И в том месте, где Койсу делится на два рукава — Су-

В сентябре 1723 г. подписанием договора завершились начатые еще в 1722 г. переговоры между Россией и Ираном. По условиям Петербургского договора, шах уступил России в вечное владение прикаспийские провинции Кавказа. В свою очередь Россия обязалась оказывать военную помощь Ирану в борьбе против афганцев. Договаривающиеся стороны согласились оказывать друг другу помощь в случае нападения другой державы на одну из них. Заключение Петербургского договора имело большое значение для России. Россия приобретала прикаспийские провинции с добровольного согласия Ирана. Кроме того, договор оформил союз между Россией и Ираном и тем самым расстроил планы султанской Турции.

Подписание Петербургского договора привело к резкому обострению русско-турецких отношений. Султан объявил о принадлежности Турции всего Ирана и добровольном воссоединении с Турцией Дербентского ханства как издавна ей принадлежащего; а также распорядился, чтобы пограничные паши и крымский хан были готовы к войне с Россией. Эти враждебные отношения реакционных кругов Турции по-прежнему подогревались западноевропейскими державами.

Англия старалась развязать русско-турецкую войну, с тем чтобы, воспользовавшись взаимным ослаблением обеих сторон, укрепить свои позиции на Востоке.

Даже когда в 1723 г. между Россией и Турцией начались переговоры, западноевропейские государства всячески пытались разжечь вражду между ними. Дипломаты Англии заверяли султана и его приближенных, что присоединение прикаспийских провинций к России и присутствие там русских войск представляет для Порты величайшую угрозу. Внушали, что бороться с Россией Турции будет не трудно, так как с русским царем многие европейские державы во вражде, а короли английский и датский готовы напасть на Россию немедленно; кроме того, султану обещали в случае войны с Россией «щедрую помощь».

Даже Франция, игравшая роль «посредника» между Россией и Турцией в урегулировании кавказского вопроса, фактически подогревала агрессивные намерения Порты. Россия делала все, чтобы избежать войны с Турцией и не допустить вторжения войск султана в Восточное Закавказье. Однако турецкие войска, используя благоприятную обстановку, захватили Картлию и стали двигаться на Восточный Кавказ.

Войну, казавшуюся неизбежной, все же удалось отвести благодаря заключенному в Константинополе в июле 1724 г. договору между Турцией и Россией о разделе кавказской территории. Согласно этому договору, за Россией утверждались прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана, как «добровольно» уступленные шахом. За ней же закреплялась прибрежная полоса шириной 119 верст у Дербента и 43

версты у Шемахи. Остальная же территория Азербайджана, а также Грузия и Армения отошли к Турции.

Шемахинское ханство было передано под протекторат Турции с условием, что султан не будет держать там свои войска. Ввод турецких войск разрешался лишь в случае необходимости для устранения беспорядков, и то с согласия России.

Народы Закавказья — грузины, армяне и азербайджанцы — были недовольны подписанием Константинопольского договора. Прибывшие в Шемаху с извещением о подписании договора тарковский шамхал и уцмий Кайтага не были допущены в город. Народы Закавказья отказывались признать турецкое иго и не раз подымались на вооруженную борьбу. Протестом против оккупации были и массовые побеги грузин и армян в пределы России.

Условия Константинопольского договора 1724 г. отказался признать и казикумхский Сурхай-хан. «Зурхай, — писал член комиссии по установлению русско-турецкой границы в Гри-каспийской области И. Гербер, — свой уезд разделить отнюдь не дает, и турки его к тому принуждать не хотят и не смеют». Мало того, Сурхай-хан, оскорбленный тем, что в свое время Турция предпочла ему Хаджи-Дауда, старался найти способ отомстить Турции. Зимою 1725 г. Сурхай во главе шеститысячного отряда ходил на Мишкюр для разорения деревни Дедели, но взять его не смог. Устраивал он нападения и в сторону Грузии. А когда турки, овладевшие Грузией, попытались построить крепость Топкараган и тем самым принудить горцев к послушанию, джаробелоканцы, подстрекаемые Сурхай-ханом, напали на турок. Более 5 тыс. человек было убито, остальные рассеяны, а начатая крепость разрушена.

Учитывая, что Сурхая не удастся подчинить силой, Турция решила склонить его на свою сторону иными средствами. С этой целью к Сурхай-хану были отправлены посланники с щедрыми подарками и многообещающими письмами. Мало того, турки даже передали Сурхай-хану Кабалу. Однако он по-прежнему требовал, чтоб «ему Шемахою владеть добром повелено было бы».

В свою очередь Россия также старалась привлечь на свою сторону Сурхая. Но Сурхай, умело пользуясь сложившимися обстоятельствами, выжидал, какая из сторон предложит ему более выгодные условия. При этом он не переставал действовать против Хаджи-Дауда, положение которого к тому времени сильно пошатнулось. Трудящиеся массы Ширвана, доведенные до крайности, все чаще отказывались вносить налоги. А турки требовали от Хаджи-Дауда все новые и новые подарки. «По истощению всех средств, предвидя дурной конец, он (Хаджи-Дауд. — Ред.) и обращался к русскому правительству с просьбою о принятии его в подданство со всеми

владениями». Однако Россия отклонила предложение Хаджи-Дауда, так как не хотела нарушать условий Константинопольского договора и не желала обострять отношения с Портой.

Так продолжалось до 1727 г., когда турки предложили Сурхай-хану чин двухбунчужного паши и жалованье 3 тыс. руб. Сурхай склонился на сторону Турции и дал присягу на верность. В 1728 г. Турция арестовала и сослала Хаджи-Дауда на остров Кипр, где он и умер. Ханом Шемахи былтвержден Сурхай-хан.

Сурхай-хан добился того, к чему стремился многие годы, объединив под своей властью огромную по масштабам Дагестана территорию. Однако утверждение ханом Шемахи Сурхай-хана ничего не изменило в жизни трудящихся масс. Как и его предшественник, Сурхай-хан подвергал население жестокому гнету и был не менее активным проводником политики Турции на Кавказе.

Прикаспийский Дагестан в со- ставе России

Россия, стремясь упрочить свои позиции в присоединенном крае, заложила ряд крепостей и ретрашментов. К 1724 г. в основном было завершено строительство крепости

Святого Креста, куда был переведен гарнизон и жители города Терки. Поселилось здесь и много армян, занимавшихся главным образом торговлей. По указу Петра I от крепости по Сулаку и Аграхани было поселено 1000 семейств донских казаков. У крепости Святого Креста поселились также после разорения Терков выходцы с Северо-Восточного Кавказа, образовав так называемую татарскую слободку, сюда же откочевали и ногайцы.

Строительство крепости, стоявшей всего в 40 км от Терков, беспокоило шамхала. Недовольство шамхала сразу же решили использовать турки, пообещав оказать ему всяческую помощь. Подстрекаемый турками, шамхал Адиль-Гирей стал готовиться к нападению на крепость. Владетели Засулакской Кумыкии не только не поддержали шамхала, но, узнав о его намерениях, известили русское командование. Не поддерживали шамхала и его более дальновидные советники. Даже жена шамхала «ревностно увещевала его, чтоб он не чинил измены». Тем не менее Адиль-Гирей «собрал войски из собственного владения, из... Акушинцев и других лезгин» и в начале 1725 г. осадил крепость. Нападение было отбито, и феодальные владетели со своими отрядами разошлись по домам.

Осенью того же 1725 г. для наказания шамхала был отправлен корпус под командованием генерала Кропотова. Шамхал бежал в горы. Разорив владения шамхала, Кропотов вернулся в лагерь. Участвовавшие в нападении на крепость Святого Креста беки — бойнакский, эрпелинский и др.— «раскаялись и получили прощение». Надеясь «получить про-

щение», в сентябре того же года в лагерь русских войск явился сам Адиль-Гирей. Здесь он был арестован и послан в Архангельскую губернию, где и умер.

В том же году в подданство России вступили утамышский султан и кайтагский уцмий, кубачинцы, акушинцы и владетели Табасарана.

Султанская Турция и ее вассалы не переставали вести антирусскую пропаганду, пытаясь инспирировать выступления горцев против России. Но все усилия оказались безуспешными. «Дагестанские, так и горские владельцы, — доносил кн. Долгорукий, — без противности себя показывают».

В 1727 г. были наконец разграничены владения России и Турции на Кавказе, утвержденные Константинопольским договором.

Народы Дагестана, Азербайджана, Грузии и Армении, подавшие под власть Порты, оказались в очень тяжелом положении. Эти народы, писал современник события кн. Долгорукий, «были так ожесточены, вконец разорены и такое ругательство и тиранство турки делают, как больше того быть нельзя... все народы, как персиане, так и басурманы, все против них готовы, только просят, чтобы им была надежда на нас».

Народы Закавказья и Дагестана не раз с оружием в руках выступали в защиту своих прав. В описываемое время в Закавказье нередко возникали крестьянские волнения и выступления.

В ином положении оказались провинции Кавказа, присоединенные к России.

Выше отмечалось, что одной из основных причин похода Петра I послужило стремление царизма обеспечить русскую мануфактурную промышленность произведениями Прикаспийских областей Кавказа. Еще до начала похода Петр I неоднократно обращал внимание астраханского губернатора на необходимость изучения природных богатств Восточного Кавказа. В результате этого были получены сведения о том, что в Дагестане во владениях шамхала имеется руда. На Тереке, во владениях султана утамышского и уцмия Кайтага, в Дербенте и Баку — нефть, а также краски, хлопок и т. п. Узнав из донесения А. Лопухина о том, что кубачинцы имеют «немалое довольство шерсти», Петр I приказал Волынскому достать кубачинских овец.

Строя планы широкого использования ресурсов Прикаспия, Петр I стремился избавить русскую мануфактурную промышленность от привозного иноземного сырья, а также увеличить производство шелка-сырца, хлопка и шерсти, марены в Дагестане. Но особое внимание русским правительством было обращено на развитие в Дагестане виноградарства, садоводства и огородничества. В Дербенте было создано дворцовое хозяйст-

ство, именуемое в официальных документах «садами и огородами е. и. в.». В садах росли яблоки, гранаты, груши, сливы, инжир, тутовник, виноград. Посадкой винограда руководил выписанный из Венгрии специалист. Только в 1724 г. было посажено 13 тыс. виноградных лоз. В Дербенте было наложено виноделие. Сюда были присланы иностранные мастера, и уже к лету 1723 г. ждало своей отправки в Астрахань «ученное для пробы виноградное вино трех мастеров: француза, венгра и цесарца». Осенью 1723 г. винный завод Дербента произвел 2 тыс. ведер вина.

Одновременно проводились работы в дворцовых огородах, где выращивалась ценная культура шафрана — как пряность и красящее вещество. В 1723 г. в огородах Дербента было собрано и отправлено в Петербург 420 фунтов шафрана.

Россия, стремясь стать посредницей в торговле Европы с Востоком, наметила конкретные меры, позволяющие повернуть торговлю Кавказа и Персии с турецкого пути на Астрахань. В связи с этим было решено построить купеческий город в устье Куры. Немалое значение в развитии торговли Россия отводила также Дербенту. С этой целью Петр I приказал в 1723—1724 гг. проводить здесь работы по благоустройству гавани. Тогда же на р. Сулак была построена плотина, после чего стало возможным проводить средние суда по Аграхани почти до самой крепости Святого Креста.

Все это позволило установить более регулярное сообщение с Астраханью. Для развития экономики Прикаспия, и в частности для развития русско-кавказской торговли, Россия пыталась использовать армян. С этой целью русское правительство добилось, чтобы армяне возобновили торговлю с Россией через Дербент и другие города Кавказа. Тогда же закавказскому командованию было дано разрешение в Дербенте, в крепости Святого Креста и других местах вновь приобретенного края поселять армян и «содержать оных в крепком охранении и поступать с ними таким порядком, дабы от них никакие жалобы произойти не могли». Немалое значение в развитии торговли Дагестана с Россией имело также разрешение армян и других жителей из Астрахани «для купечества и нужд их в Тарки, в Дербент и Гилян отпускать свободно», а также учреждение в 1723 г. в Астрахани акционерной компании для торговли с Персией.

Сильный толчок развитию торговли дал также указ Петра I от 1724 г., по которому были разрешены вывоз из России в Дагестан железа, свинца, пороха, а также беспошлинный провоз и свободная продажа вина, табака, «всяких хлебных и мясных припасов» и скота в Дербенте, крепости Святого Креста и в других местах «новой провинции»; местным торговым людям обычно предоставлялись льготы в торговле с Россией. К их услугам были и русские купеческие суда.

Предпринятые Россией меры не замедлили сказаться на росте внутренней торговли. В Тарках, Эндрее, Аксасе и других местах стали возникать торговые ряды русских, армянских и других купцов. Отметим следующий, весьма примечательный факт, характеризующий отношение русского правительства к населению присоединенного края. В 1722 г. наиб Дербента в связи с продовольственными затруднениями обратился к России с просьбой прислать муку, масло, сало и другие продукты. По указанию Петра I из Астрахани отправлено было 5 тыс. четвертей хлеба, а также масло, соль и другие продукты, «что определено дербентским жителям», а также приказано было известить жителей Дербента о том, что «они ныне могут свободно получать хлеб из Гиляна». В те же годы по просьбе тарковского шамхала Петр I разрешил отпуск из крепости Святого Креста «пороха, свинца и кремней».

Какие бы цели при этом ни преследовало русское правительство, все же оказанная населению Прикаспия материальная помощь, так же как и заботы о развитии торговли, объективно имели чрезвычайно важное значение, способствуя росту ориентации населения Дагестана на Россию. Об этом красноречиво свидетельствуют обращения феодальных владетелей и старшин так называемых вольных обществ с просьбой принять их в подданство России.

В 1727 г. владетель Аварии просил принять его в подданство России, прибыл в крепость Святого Креста и «дал охотно присягу».

Тогда же присягали России несколько сел кюринцев, но «во владения» они не были взяты, поскольку Сурхай «их подданными своими почитает и добром допустить не хочет». В сентябре 1731 г. российское подданство приняли андийцы. Велись переговоры о вступлении в подданство России других владений и союзов сельских обществ.

Кроме уже отмеченных положительных факторов присоединение к России было очень важно для Дагестана и с точки зрения его безопасности. Оно оградило Дагестан от турецких вторжений, тормозивших развитие производительных сил края.

Начатое в связи с подготовкой похода русских войск на побережье Каспийского моря и продолженное после присоединения прикаспийских провинций к России всестороннее обследование края положило начало научному исследованию природных ресурсов, истории, географии и этнографии народов Дагестана. Описания Северо-Восточного Кавказа, составленные А. П. Волынским, А. И. Лопухиным, И. Г. Гербером, Л. Ф. Еропкиным, Д. К. Кантемиром и другими о народонаселении, географии, экономике, политическом положении народов Дагестана, являются ценным источником по истории и этнографии Дагестана.

ГЛАВА XI

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ИРАНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

§ 1. БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ПОЛЧИЩ НАДИРА В 1735—1740 гг.

Вторжение Надира в Дагестан В 30-х годах XVIII в. после продолжительных феодальных междоусобиц фактическим правителем Ирана стал Надир. В 1732 г., подавив восстание в Иране, он возобновил военные действия против султана, отказывавшегося уступить ранее принадлежавшие Ирану территории. Для борьбы с Ираном в Закавказье по приказу султана были направлены крымские войска под командованием Фати-Гирея. Однако Россия, заинтересованная в мире с Ираном, оказывала ему поддержку в борьбе с Турцией. Русские войска, сосредоточенные в крепости Святого Креста, нанесли серьезный удар движавшимся с севера крымским войскам. Между тем Надир также одержал ряд побед, и турки были вынуждены просить мира.

Согласно Багдадскому мирному договору 1733 г., Турция должна была уступить Ирану все ранее принадлежавшие ей территории. Границы между договаривающимися сторонами определялись в рамках ирано-турецкого договора 1639 г. Но властивавший в Ширване Сурхай-хан не был намерен подчиниться власти Ирана. И когда Турция приказала передать Ширван Ирану, Сурхай-хан убил привезшего этот приказ слугу правителя Астары Мусы Талышинского и ответил, что «я завладел Ширваном при помощи мячей мусульман-лезгин, а не по пожалованию Турецкой державы». Надир, давно вынашивавший планы покорения горцев, выступил в Ширван. Узнав о приближении Надира, Сурхай отступил в Кабалу. Не встречая сопротивления, войска шаха в ноябре 1734 г. заняли и сожгли до основания Шемаху и двинулись на лагерь Сурхай-хана. В битве при Кабале Сурхай потерпел поражение и вынужден был бежать в горы. Преследуя его, Надир двинулся в Дагестан, разрушая на своем пути аулы и расправ-

ляясь с мирным населением. До основания были разрушены Курах, Чирах, Хосрек, Кули, Кая и другие села. Вблизи Кумуха войска Надира встретили отряды горцев Сурхай-хана. Несмотря на упорное сопротивление, горцы не могли отразить неоднократные нападения превосходящих сил Надира и отступили. Надир занял Кумух, разграбив и разорив не только резиденцию хана, но и ряд других аулов. Сурхай-хан со своей семьей бежал в Аварию. Однако Надир не решился преследовать его там. Назначив шамхалом изъявившего ему покорность Хасбулата, сына сосланного в Россию шамхала Адиль-Гирея, Надир выступил на юг. При своем движении войска шаха грабили и разоряли беззащитные аулы. Озлобленные жестокостями персов, горцы разрушили вблизи Ахтов мост и преградили дорогу шахским войскам, но вынуждены были отступить. Надир жестоко расправился с горцами, осмелившимися оказать ему сопротивление.

Уход русских войск из Дагестана После смерти Петра I в России началась борьба различных группировок за власть, заметно ухудшилось внутреннее и международное положение страны. Ослаблена была армия и флот. В этой обстановке стал вопрос, как быть с прикаспийскими провинциями Кавказа. Часть правящей верхушки петербургского двора высказывалась за возвращение их Ирану. Но русское правительство, опасаясь вторжения Турции, воздерживалось от немедленной передачи Прикаспия Ирану. Со временем, когда внутреннее и внешнее положение Ирана укрепилось, русское правительство решило заручиться поддержкой Ирана, чтобы с его помощью изгнать Турцию с Кавказа. Первым условием укрепления русско-иранского содружества было возвращение Ирану прикаспийских провинций.

В январе 1732 г. заключением Рештского договора завершились длившиеся с 1730 г. переговоры между Россией и Ираном. Согласно условиям Рештского договора, Россия в течение пяти месяцев возвращала Ирану земли по берегу Каспийского моря до устьев р. Куры, с тем, однако, условием, чтобы они «ни под каким образом в другие державы отданы не были». Земли же, лежащие севернее Куры и включающие Баку и Дербент, Россия обязалась возвратить шаху после того, как Иран вернет себе земли Закавказья, захваченные Турцией. Это должно было послужить гарантой безопасности побережья Каспия от захвата Турцией. В виде благодарности шах обязывался иметь с империей Российской «вечную и ненарушимую соседственную дружбу», разрешить подданным России вести в Иране беспошлину торговлю и обеспечить неприкосновенность личности и имущества купцов. Особо было оговорено в договоре, что правительством Ирана не будут наказуемы жители Кавказа, находившиеся «во услугах и управлении чинов и подданстве России».

По заключении Рештского договора Иран стал добиваться от России уступки Баку и Дербента. В ответ на настойчивые требования послов Ирана русское правительство согласилось уступить территорию Северного Азербайджана и приморского Дагестана и заключить с Ираном договор, чтобы «другие державы, и особенно турки, ведали, что персидское государство в такой крепкой и вечной дружбе с Российским государством обретается».

В ре скрипте назначенному вести переговоры и заключить договор с Ираном С. Д. Голицыну указывалось, что «наилучший наш интерес, при уступлении тех провинций, в том состоит, чтобы он, Тахмас-хан, по желанию нашему на предыдущие времена против турков обязался».

В марте 1735 г. в лагере Надира под Ганджей был подписан мирный договор между Россией и Ираном. Согласно условиям договора, Россия обязалась вывести войска и передать Ирану Баку с уездом в две недели, а город Дербент «с уездом и к нему подлежащими местами», до старой его границы, в два месяца. Иранское государство обязалось «вечно с Российской империей пребывать в союзной дружбе».

Признание власти шаха над Дагестаном было чревато большими опасностями для страны гор. Не отвечало это и интересам России. Россия оказалась вынужденной пойти на это по настоятельному требованию Надира. В донесении от 28 марта 1735 г. посланник России жн. С. Д. Голицын писал императрице, что без признания власти шаха над Дагестаном нельзя было бы заключить Ганджинский договор. Как и следовало ожидать, выполнение условий Ганджинского договора народные массы восприняли как акт жестокой несправедливости и как угрозу их независимости. Этим и объясняется тот факт, что одновременно с выводом русских войск жители двух магалов Дербентского ханства бежали в горы, немало жителей Прикаспия бежало и на Северный Кавказ. В связи с этим Надир в категорической форме затребовал от России выдачи всех бежавших после 1722 г. Русское командование отклонило требование Ирана о выдаче беженцев. Оправдывая это решение, генерал Левашов летом 1735 г. писал императрице, что выселяемые все равно уйдут к горцам, но не вернутся к персам из-за их «безмерного грабительства и тиранства». Но тем не менее Россия, опасаясь того, что Иран расторгнет Ганджинский договор, все же шла на уступки и согласилась на выдачу беженцев. Русские войска перешли на левый берег Терека, а крепость Святого Креста была срыта, и все в «оной бывшие и там обитавшие» были переведены во вновь укрепленную крепость Кизляр.

Таким образом, после тринадцатилетнего владения прикаспийскими областями Россия уступила их Ирану. Естественно, что это решение русских властей вызвало недовольство

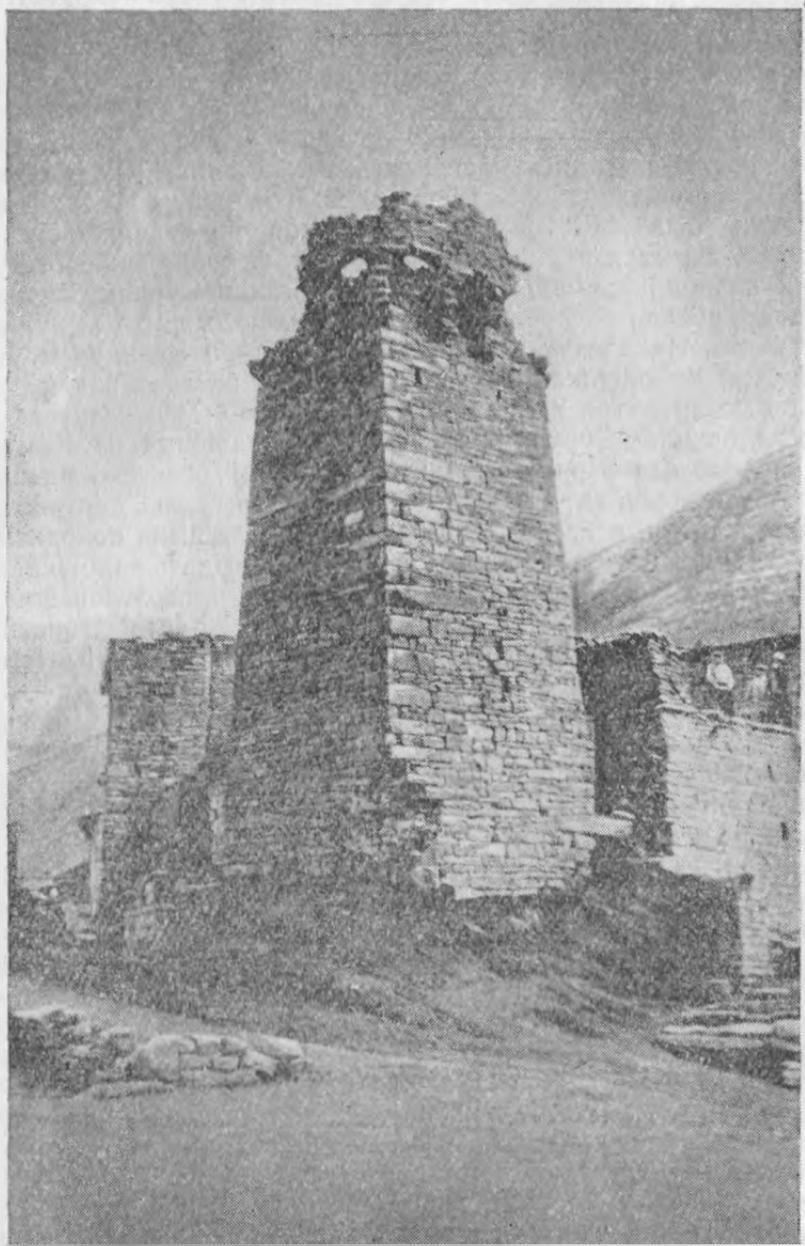
народных масс Кавказа и нанесло серьезный ущерб престижу Русского государства.

Второй поход Надира в Дагестан Вскоре в Закавказье возобновились военные действия между Ираном и Турцией. Терпя поражения, Турция вновь решила использовать войска крымского хана. Через Северный Кавказ против Ирана было направлено 80 тыс. войска во главе с ханом Султан-Гиреем. При этом было объявлено, что султан направляет крымские войска для защиты и покровительства единоверных народов Дагестана. На деле Турция стремилась прибрать к своим рукам Дагестан, чтобы использовать его в своей борьбе с Надиром.

Однако обеспокоенные угрозой иранского поглощения горцы не поняли истинных намерений турок, поверив, что крымские войска направлены султаном не для захвата, а для защиты Дагестана от «кызылбашских еретиков». Особенно усиленно ратовал за приход крымских войск казикумухский Сурхай-хан, который даже выслал навстречу им «своего сына с пятьюстами конницами». Прибыв в Дагестан, крымский хан также пытался играть роль защитника горцев Дагестана, отстранил от власти шамхала Хасбулата и назначил шамхалом Ильдаря.

Между тем Надир в одном из сражений с турками одержал решительную победу. Крымский хан, узнав о продвижении Надира, оказался вынужденным приостановить движение к Дербенту. А вскоре в связи с началом русско-турецкой войны и продвижением русских войск под командованием генерала М. И. Леонтьева в Крым поспешно вернулся в свое владение.

Это, однако, не означало, что для народов Дагестана мигновала угроза иноземного порабощения. Напротив, Надир, нарушив условия Ганджинского договора, заключил с Турцией мирный договор, по условиям которого султан уступал Ирану Грузию, Восточную Армению, Азербайджан. Непосредственно после этого Надир приступил к покорению Дагестана. Однако первые же встречи с горцами показали, что они не намерены покориться Ирану. Ценою больших потерь, сломив упорное сопротивление горцев, Надир вторгся в Южный Дагестан и жестоко расправился с населением. Не выдержав опустошительного нашествия, толпы людей стали уходить в нагорный Дагестан. Для задержания их была направлена специальная команда со стороны сел. Кибир, так что большинство беженцев из Самурской долины было истреблено или взято в плен. Вслед за этим Надир жестоко расправился с жителями Табасарана. Однако карательные отряды, рассыпляемые Надиром в разные стороны, не могли ничего изменить. Не желая покориться Надиру, казикумухский Сурхай-хан, уцмий Кайтага Ахмед-хан, шамхал Ильдар и акушинцы го-

Оборонительная башня в Южном Дагестане

товились к обороне. Узнав об этом, Надир вступил в Кайтаг, занял сел. Маджалис, которое оборонял сын уцмия Хан-Магомед, и на следующий же день, грабя и разоряя населенные пункты, через Губден двинулся на Казикумух. Всюду на своем пути войска Надира встречали упорное сопротивление горцев. В местности Дусрах, недалеко от Кумуха, горцы, заняв горные высоты, пытались преградить путь иранцам, но под нападением окруживших их с четырех сторон войск Надира вынуждены были отступить. Сурхай-хан, не задерживаясь в Кумухе, скрылся в Аварии. Лишь к ночи, после занятия персами позиций горцев, подошел на помощь Сурхаю шамхал Ильдар, войско которого иранцы без особого труда вынудили отступить. На следующий день Надир занял Казикумух. Но, несмотря на одержанную победу, Надир на этот раз не решился вторгнуться в Аварию и вынужден был отказаться от преследования Сурхай-хана. При возвращении из Кумуха Надир рассеял отряды акушинского кадия, жестоко расправился с населением, разорил и ограбил целый ряд даргинских аулов, а затем, вступив в Кайтаг, принудил уцмия покориться и заставил табасаранцев и докузпаринцев выдать заложников. Победы 1735 г. Надир использовал для провозглашения в январе 1736 г. себя шахом Ирана. Своего брата Ибрагимхана Надир назначил правителем Грузии, Армении, Азербайджана и Дагестана.

Но, несмотря на все это, поход Надира в Дагестан нельзя считать удачей. Ему так и не удалось покорить Аварию и наказать Сурхай-хана. В то же время нельзя было считать покоренными и те владения Дагестана, через которые Надир прошел с огнем и мечом.

Выступление народов Дагестана и Азербайджана против иранских завоевателей

Захватнические походы Надира и его грабительская политика крайне отрицательно сказывались на состоянии производительных сил Северо-Восточного Кавказа. Народные массы Дагестана, Азербайджана, Грузии и другие народы Закавказья были охвачены глубоким брожением и не раз с оружием в руках выступали против иранских захватчиков.

В 1736—1737 гг. в Ширване и Дагестане происходили крупные волнения. Так, бывший правитель Ширвана Султан-Мурад, договорившись с Сурхай-ханом, собрал значительное войско и осадил Дербент. После кровопролитного боя войско правителя Дербента Мехди-Кули-хана было разбито, а сам он убит.

Весной 1736 г. Сурхай-хан напал на Дербент и старую Шемаху. Однако персам удалось на время подавить антииранское движение в Дербенте. Ценою огромных затрат и потерь были подавлены восстания 1736 г. и в ряде других мест Дагестана и Азербайджана.

Оборонительная башня в Кайтаге

После этого Надир даже предпринял попытку обложить горцев податью. С этой целью во владения уцмия, шамхала, Сурхай-хана и др. были отправлены войска, но это мероприятие не имело никакого успеха. Во время сборов налогов с жителей Джаро-Белокан население восстало и перебило многих иранских воинов. Восставшие не ограничились изгнанием персов за пределы Дагестана, но стали вытеснять их из ряда районов Грузии и Азербайджана.

Летом 1737 г. Ибрагим-хану пришлось принять решительные меры, в результате чего горцы были вытеснены из Кахетии. Вслед за этим он вторгся в Дагестан. Однако желанных результатов он не достиг. Ему удалось лишь принудить некоторых феодалов сложить оружие. Поэтому в следующем, 1738 г. Ибрагим-хан во главе 32 тыс. войска вторгся в Джаро-Белоканы, где персам удалось занять ряд горских сел. На помощь джарцам пришло большое число горцев.

В сражении близ Джаника попавшие в засаду горцев войска Ирана были разбиты. В битве были убиты брат Надира Ибрагим-хан, Угурлу-хан Ганджинский и другие военачальники. Остатки персидских войск, предводительствуемые Мухаммед-ханом Афшаром, поспешно ушли в Иран. Победителям достались богатые трофеи.

Вслед за этим антииранское движение охватило многие районы Азербайджана. Восстания народов Дагестана и Азербайджана против иранских захватчиков совпали с походом Надира в Индию. Тем не менее Надир назначил на Восточном Кавказе нового правителя — Амир-Аслан-хана, которому приказал подавить восстание. Но персам оять не удалось покорить народы Дагестана и Азербайджана. Учитывая все это, в 1739 г. для подавления восстания Надир направил на Восточный Кавказ многочисленное карательное войско во главе с Гани-ханом Абдальским, Фатали-ханом, Мухаммед-Али-ханом и др. В течение нескольких месяцев персы огнем и мечом подавляли движение горцев Джаро-Белокан.

Однако не так-то легко оказалось покорить свободолюбивых горцев. Частыми и неожиданными нападениями они наносили серьезные удары войскам персов. Силы Ирана постепенно истощались, положение войск Ирана в Дагестане в силу этого было очень шатким.

§ 2. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ГОРЦЕВ ПРОТИВ НАДИРА В 1741—1745 гг.

Нашествие Надира на Дагестан Правящие круги Ирана прекрасно понимали, что не удержат под своей властью Закавказье, не покорив Северо-Восточного Кавказа. К тому же Надир опасался все усиливающегося тяготения населения Восточного Кавказа к России. Завершив

поход в Среднюю Азию, Надир стал деятельно готовить новое нашествие на Дагестан.

Летом 1741 г. «гроза вселенной», как называли Надира, во главе 100-тысячной армии вторгся в Дагестан. Для осуществления своих захватнических планов он применил тактику трехстороннего наступления, рассчитывая окружить и уничтожить основные силы горцев. Однако первые же встречи с горцами показали, что они полны решимости защищать свою независимость и свободу. Озлобленный шах уничтожил первые попавшиеся 14 аулов. Так поступал он и в дальнейшем, сравнивал аулы с землей и беспощадно убивал беззащитных женщин, детей и старииков. Тем не менее горцы продолжали упорное сопротивление, так что персам приходилось вводить в бой все новые и новые силы. Отряду Гейдар-бека удалось преодолеть сопротивление горцев лишь после того, как в помощь ему был направлен 20-тысячный отряд под начальством Лютф-Али-хана. После захвата Кайтага эти отряды через шамхальство двинулись в Мехтулинское ханство и остановились в Аймакинском ущелье. Тем временем основные силы Ирана, возглавляемые самим шахом, наступали со стороны Юго-Восточного Дагестана. Но персы и здесь встречали упорное сопротивление горцев. Заняв горные проходы в районе Самура, горцы сделали отчаянную попытку остановить войска Ирана, но после ожесточенной кровопролитной схватки, не выдержав напора многочисленных и хорошо вооруженных войск Ирана, вынуждены были отступить.

Одержав победу, шах учинил небывалую расправу над населением, истребляя все, что попадалось ему на пути. Но эти жестокости оказались не в состоянии принудить горцев к покорности. Всюду, где появлялись войска шаха, горцы оказывали сопротивление. Наиболее крупное сражение произошло близ Казикумуха. Несмотря на стечайшую борьбу горцев, войска шаха все же заняли Кумух. Почти все аулы, находящиеся на подступах к Кумуху, оказались разоренными. «Кровью потекли реки, алой кровью окрасились горы, черные ущелья стелились трупами. Славные города и аулы превратились в развалины, в которых вили себе гнезда вороны. Цветущий край опустошен», — передает лакский эпос.

Следует особо подчеркнуть, что освободительную борьбу горцев подрывала непоследовательность феодальных владельцев.

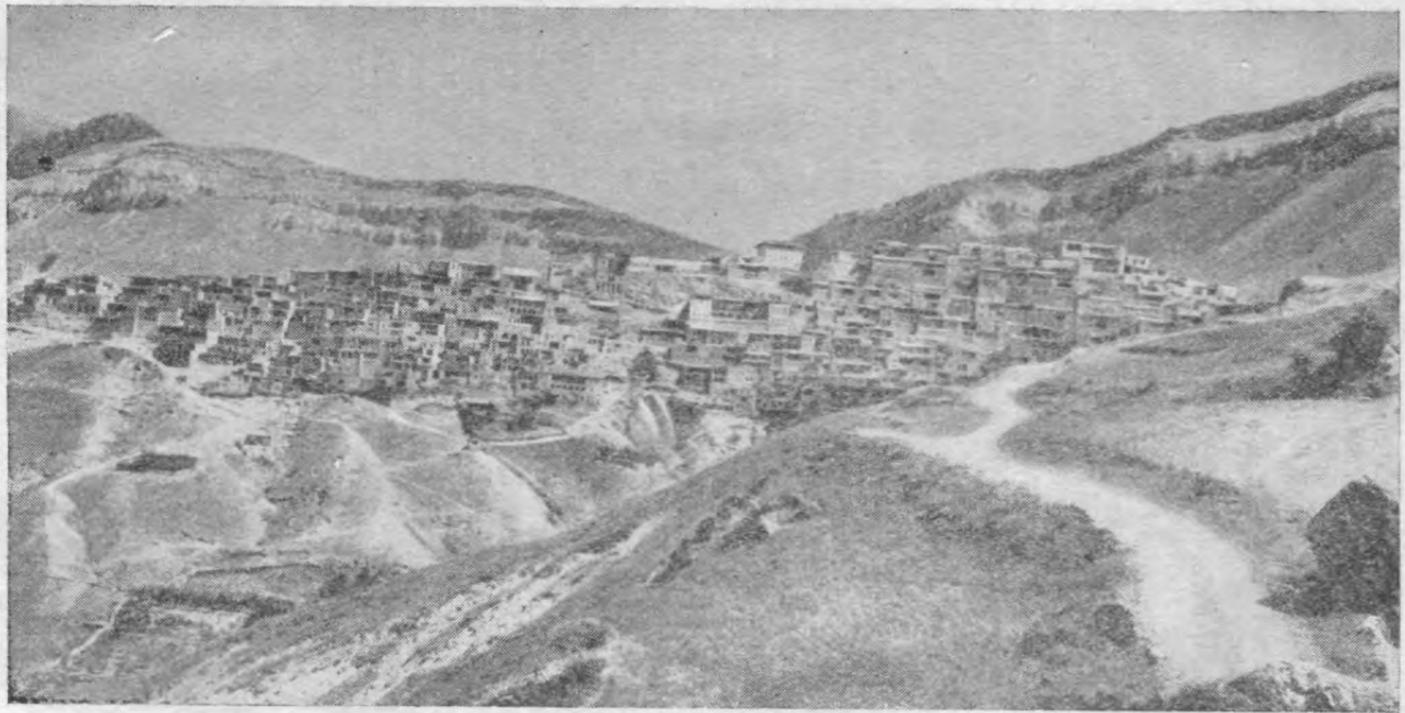
После неудачи Сурхай-хан, прибегнув к посредничеству афганского Гани-хана, «изъявил покорность». Вначале Надир его встретил очень холодно, но затем круто изменил свое отношение и даже наградил «почетным халатом». Тогда Сурхай-хан стал пытаться приостановить освободительную борьбу горцев. Но многие жители Кумуха, в том числе и дети Сурхая, не желая покориться персам, отступили в Аварию.

Вслед за захватом Кумуха Надир приказал своим войскам ликвидировать очаг сопротивления в сел. Кубачи. Для этого на Кубачи было направлено 24-тысячное войско. В течение трех недель отчаянно защищались горцы, но силы были неравны, к тому же уцмий Ахмед-хан, при содействии Сурхайхана, сдался на милость победителя. Казалось, весь Дагестан повержен и горцы не в силах оказаться сколько-нибудь серьезного сопротивления иранцам. Надир уже чувствовал себя победителем и, по словам очевидца, «час от часу в такую занесчивую гордость приходит, которую и описать трудно». Он даже задумал «со всей Дагестани потребовать в службу до 20 тыс., а остальных перевести на житье в Персию». Но добиться желаемого Надир не смог. Отправленные в разные стороны отряды персов всюду встречали сопротивление, хотя войска Надира жестоко подавляли выступления горцев. При этом, по свидетельству современников, «по указу шахова не единого человека живого не оставляют, но всех рубят напополам». Но и эти меры не помогали, и горцы Дагестана продолжали неравную борьбу. Об упорной борьбе горцев с восхищением рассказывали многие очевидцы. Посланник И. Калушкин, сопровождавший Надира, сообщает, что Надир встретил от ряда аулов «крепкую оборону...». 600 человек вооруженных горцев в течение 10 дней отражали атаки 8-тысячного отряда персов, «и всегда персияне принуждены были с нарочитым уроном отступать». Защитники предприняли смелую вылазку. Вместе с ними, «к неслыханному удивлению, и женщины были и врасплох на персиян так дружно ударили, что из оных с триста человек убили» и многих ранили. И на следующий день жители отступили в горы. Точно так же поступали и жители других селений.

Невыполнимым оказалось и требование Надира собрать отряды горцев с помощью Сурхай-хана, уцмия Кайтага и других владетелей. Вместо требуемого Надиром отряда в тысячу человек, снабженного вооружением и снаряжением, Сурхай-хан сумел собрать лишь 400 человек и заявил, «что он более того власти не имеет, понеже все его деревни, имея с аварским уцмием сообщение, учинились ослушны, а о съновьях своих, где они скрылись, и знать не может».

Все это говорит о том, что торжество Надира после взятия Казикумуха было преждевременным. Его власть в Дагестане по-прежнему оставалась призрачной.

**Разгром войск
Надир-шаха
в Дагестане** Непрерывные карательные походы не только не сломили свободолюбивый дух горцев, но еще больше усилили ненависть народных масс к угнетателям. Надир и его окружение полагали, что после того, как сдались Сурхай-хан, Ахмед-хан и другие, последует признание власти Ирана и со стороны правителя Аварии. Однако расчеты Надира не оправдались.

Сел. Согратль, близ которого были разбиты войска Надир-шаха

Хан Аварии не явился с поклоном к Надиру. Мало того, все, кто не желал признавать власть Ирана, бежали в Аварию. Озлобленный этим, шах приказал своим войскам выступить из Казикумуха в Аварию.

По планам Надира, военные действия в Аварии должны были начаться с нескольких сторон. В то время как основные силы вступили в Аварию со стороны Казикумуха, войска под командованием Лютф-Али-хана и Гейдар-бека должны были наступать в Аварию через Аймакинское ущелье. Осенью 1741 г. войска шаха вторглись в Андалал, заняли выгодные позиции вблизи селений Чох, Согратль, Уриб, Мегеб, Обох, Бёхти и др.

По словам очевидца, шахские войска шли в поход «с вящим нехотением». Мало того, «о шахе всякие поносительные слова с крайним руганием явно произносили». В отличие от солдатской массы Надир и его окружение полагали одним ударом разбить и покорить горцев.

Движение войск Ирана в Аварию всколыхнуло массы горцев. Перед лицом опасности разрозненные силы горцев начали объединяться. Из различных обществ Аварии и других частей Дагестана в Андалал прибывали вооруженные горцы, полные решимости во что бы то ни стало отстоять свободу и независимость родины. «Как родники в низовьях превращаются в реки, как из ливня получается бурный поток, так жители различных обществ Дагестана от ненависти к врагу и желания отомстить — разились потоком», — говорится в горском эпосе.

Первое крупное столкновение произошло между горцами двинувшимися со стороны Аймакинского ущелья, и шахскими войсками под командованием Лютф-Али-хана. В этой битве горцы разбили 20-тысячный отряд иранцев. Такая же участь постигла шахские войска под командованием Гейдар-бека и Джалил-хана, Ата-хана и Мухаммед-Яр-хана. Из 4-тысячного отряда Гейдар-бека осталось всего 500 человек, а из 6-тысячного отряда Джалил-хана — 600 человек. Победители захватили богатые трофеи — оружие, боеприпасы, снаряжение.

В то же самое время упорные бои происходили между шахскими войсками и объединенными отрядами в Андалале. В кровопролитных боях горцы нанесли поражение шахским войскам. Тем не менее Надир не оставлял мысли разбить горцев и принудить их покориться его власти. Решающее сражение между многочисленными персидскими полчищами и объединенными отрядами горцев произошло при селениях Согратль, Мегеб, Уллучара, Обох и Чох. В течение нескольких суток длился кровопролитный бой. Первоначально войска шаха сумели оттеснить горцев и нанести им ощутимый урон. Казалось, поражение горцев неминуемо. Но тут подошло под-

крепление. Среди подоспевших на помощь горцев были и женщины. Натиск горцев был настолько мощным, что войска Надира не выдержали.

Потерпев страшное поражение в Андалале, Надир, стремясь поправить свое положение, стал прибегать к подкупам и всевозможным обещаниям. Однако горцы не шли ни на какие уступки. Так, гвардейский хан в письме к Надиру писал: «Ты упрекаешь меня в том, что я не явился к тебе на поклон. Я воздержался от этого потому, что ожидал твоего прибытия к себе, чтобы принять и проводить по нашему горскому обычью. Я слышал, что между тобою и нашими пастухами произошла драка. Уверяю тебя, что наши добрые воины не участвовали в этом и я не мог бы допустить этого, ибо драться с пастушьим сыном (намек на незнатное происхождение Надира. — Ред.) подобает лишь пастухам. Именно поэтому, увидев, что в руках наших пастухов огромное количество персидских баб, плешивых верблюдов, мул, лошадей и драгоценностей, наши добрые воины обвиняют меня в том, что им ничего не досталось. Для чего ты пришел к нам в горы... Я советую тебе — иди скорее назад в Иран и больше не приходи к нам, а то мы тебя пошлем в пекло, чтобы ты мог там найти своего брата (намек на убитого в Джарах Ибрагимхана). Правда, мы слышали о твоих великих делах и вначале опасались тебя. Но твоя слава миновала. Теперь тебе самому видно, что ты не такой страшный, чтобы нельзя было справиться с тобою».

Аналогичные ответы дали сын Сурхай-хана Муртузали, мехтулинский хан, уцмий Кайтага и другие. Надир понял, что его войскам уже нельзя долее оставаться в Аварии. Шахские войска начали отступление. Победители преследовали шахские войска буквально по пятам, и те несли большие потери. Достаточно сказать, из 52 тыс. воинов после отступления из Аварии в армии Надира осталось не более 27 тыс., среди которых было множество раненых и больных.

Сам шах со своей свитой чуть было не попал в плен к горцам. В походе шахские войска потеряли также 79 пушек, 23 280 лошадей, верблюдов и мулов и большую часть вооружения и снаряжения. И не случайно даже личный секретарь Надира Мехти-хан назвал Дагестан «областью несчастий», куда шахское войско пришло «в добычу врагам».

Отступление шахских войск, совершенное ускоренным маршем, скорее всего походило на беспорядочное бегство. После поражения в Андалале Надир не оставил мысли покорить Дагестан. Он лишь изменил тактику борьбы с горцами, решив истощить их силы затяжной войной. С этой целью он занялся строительством укреплений, сторожевых постов. Севернее Дербента во владениях уцмия Кайтага была выстроена укрепленная высокими валами и башнями крепость Иран

Хараб («Разруха Ирана»). Сосредоточив здесь большое, хорошо вооруженное войско, шах стал совершать карательные экспедиции в табасаранские, даргинские, кумыкские и аварские общества, уничтожая посевы, захватывая скот, разрушая селения и истребляя непокорных.

Однако и эти меры не сломили сопротивления горцев. Всюду, где появлялись шахские войска, их встречали с оружием в руках. В свою очередь горцы постоянно совершали нападения на гарнизоны шаха. Урон войск шаха в борьбе с горцами был настолько значителен, что многие современники справедливо полагали, что Надиру невозможно будет восстановить прежнее положение. Сам Надир-шах по-прежнему стремился во что бы то ни стало подчинить народы Дагестана.

С этой целью в 1742 г. с 30-тысячным войском Надир трижды вторгался в Табасаран, но каждый раз был вынужден отступать. В том же году шахские войска предприняли также нападения на кумыков, кайтагцев и трижды на Аварию, но и эти выступления шаха потерпели неудачу.

Тогда Надир вновь предпринял попытку подчинить своей власти Дагестан путем подкупа феодальных владетелей и старшин горских обществ. С этой целью к феодальным владельцам Дагестана засылались агенты, которые всевозможными обещаниями, подкрепляемыми щедрыми подарками, пытались привлечь их на сторону Ирана. Однако ни подарки шаха, ни деньги не дали ощутимых результатов. Значительное большинство горцев, за исключением ряда феодалов — Сурхайхана, Хасбулат-шамхала и других, не поддались на уловки шаха. Небезынтересно отметить, что, когда Сурхай-хан пытался уговорить сына сложить оружие, тот выхватил кинжал и пригрозил отцу, говоря: «единое напоминание» об этом будет «старости ево вредить».

Помощь народов Кавказа и России в борьбе с полчищами Надира

В неравной борьбе народов Дагестана за свою независимость народы Кавказа и России в силу ряда внутренних и внешних причин не всегда могли оказать горцам вооруженную помощь и поддержку. Но при ма-

лейшей возможности эти народы помогали горцам Дагестана, нередко поддерживая их выступление вооруженной рукой. Известно, что в 1735 г. против полчищ Надира под Шемахой и Кабалой совместно с горцами боролись и азербайджанцы. Ожесточенная борьба между азербайджанцами и горцами Дагестана — с одной стороны и шахскими войсками — с другой происходила и в Хачмасском магале.

В Ширване, Шеке и Джаро-Белоканах также действовали объединенные отряды дагестанцев и азербайджанцев. В 1738 г. против иранского владычества вместе с джаро-белоканскими аварцами восстали и азербайджанцы. В результате шахским

войскам был нанесен ряд чувствительных ударов. Для подавления движения дагестанцев и азербайджанцев был направлен Ибрагим-хан с многочисленной армией. В Карабахе, Ширване и Шеке шахские войска встретили упорное сопротивление со стороны объединенных отрядов азербайджанцев и горцев Дагестана.

Упорное сопротивление оказали объединенные отряды азербайджанцев и дагестанцев многотысячной шахской армии во главе с Гани-ханом. Особенно отважно повстанцы защищали укрепление, воздвигнутое в Джаро-Белоканах. Наиболее продолжительным был бой у укрепления Агзибир, стоявшего на высокой горе. Ценой больших жертв иранцы лишь в полночь ворвались в укрепление, где завязалась кровопролитная рукопашная схватка. Однако силы были неравны. Оставшиеся в живых повстанцы Дагестана и Азербайджана, чтобы не покориться персам, бросились с высокой скалы в пропасть. Гани-хан жестоко расправился с населением Джаро-Белокан. Но и после этого дагестанцы и азербайджанцы не прекратили борьбу.

В 1741—1743 гг., в период нашествия Надира на Дагестан, народы Закавказья неоднократно выступали против иранских захватчиков. Мужественной борьбой народы Армении, Грузии и Азербайджана отвлекали силы шаха и тем самым оказывали известную помощь сражавшимся с полчищами Надиршаха горцам Дагестана. В то же время жестокое поражение Надира в Дагестане облегчило борьбу народов Закавказья против гнета Ирана.

Значительную помощь горцам Дагестана в их борьбе против шахских войск оказала Россия. Правда, первоначально политические деятели петербургского двора, и прежде всего Остерман, стремясь любой ценой сохранить мир и дружбу с Ираном, допустили серьезные промахи. Упустив благоприятный момент для укрепления своих позиций на Кавказе, Россия подписала Ганджинский договор, вывела из Дагестана свои войска. Такая политика России, как и следовало ожидать, вызвала недовольство народов Кавказа и в то же время развязала руки Надиру. Однако в открытой военной помощи Ирану Россия отказалась.

Одновременно русское правительство делало все возможное, чтобы удержать Надира от войны в Дагестане. Когда же Надир все-таки двинул свои полчища на Дагестан, петербургский двор рекомендовал командующему на Кавказе «горцев от всего охранять» и обращаться с ними добрососедски.

В то же время русскому правительству стало известно о намерениях Надира по завершении дагестанской кампании напасть на Россию и о его попытках склонить на свою сторону турецкого султана с целью совместного выступления против России.

Ирано-турецкого союза против России также добивались дипломаты Франции. Ярко выраженную антирусскую политику проводила и Англия. В этой чрезвычайно обостренной международной обстановке только что вышедшая из войны с Турцией и связанная договором 1735 г. с Ираном Россия не могла оказать вооруженную помощь Дагестану. Но, учитывая надвигающуюся опасность, Россия стала укреплять южные границы государства. На терскую линию были стянуты с Волги и Дона новые войска. Усилены были укрепления Кизляра, увеличено количество войск, заготовлен провиант. В Астрахани начато было строительство флота. Эти оборонительные мероприятия, предпринятые Россией на Северном Кавказе, оказывали отрезвляющее воздействие на шаха и в этом смысле имели положительное влияние на борьбу народов Северного Кавказа против Надира. Но, к сожалению, эти меры были далеко не достаточны, чтобы приостановить продвижение войск Надира в Дагестан, народам которого приходилось вести мужественную борьбу с «грозой вселенной».

Длительная грабительская политика Надира в Дагестане и Азербайджане довела страну до последней стадии разорения. Города и села были разрушены. Население влакило голодное существование.

Ширванская провинция до Дербента была настолько опустошена и разорена, что, по словам очевидца, «живьем ни в одной деревне нету, в некоторых местах начали сходить и те бескотные и бесхлебные, питающиеся травою». Сильно пострадал и город Дербент, замерла торговля. Все 150 лавок, по свидетельству сопровождавшего Надира врача Лерха, были пусты и во всем караван-сарае не было ни одного купца. Везде валялись трупы людей, которые никто не убирал.

В обстановке постоянной борьбы и страшного разорения среди народов Дагестана усилилась ориентация на Россию. Они все чаще и чаще стали обращать свои взоры на север. Прибывшие в Кизляр посланники горцев просили, чтобы Россия приняла их «под свое могучее покровительство». В это время немало горцев устремлялось в русские пределы и переходило в подданство России. В 1742—1743 гг. в Петербург из Дагестана прибыло несколько посольств с просьбой принять их под покровительство России. Русское командование охотно принимало и обнадеживало посланцев Дагестана, но открыто объявить горцев под своей протекцией не решалось.

Так, в период третьего похода полчищ Надира на Дагестан из Тарков в Засулакскую Кумыкию был направлен один из многочисленных отрядов шаха. В связи с этим русское правительство встало на защиту населения Засулакской Кумыкии. Битоге Надир вынужден был отказаться от своих планов и вывести войска. Следует также отметить, что со временем втор-

жения Надира в Дагестан заметно ухудшились взаимоотношения России и Ирана, что было на руку горцам. Именно ухудшением русско-иранских отношений объяснялось то, что в период, когда войска шаха в Дагестане терпели поражение за поражением и ощущали острый недостаток в провианте, русские власти запретили народам Северного Кавказа продавать товары шаху. Русское правительство также не дозволило вывозить продовольствие и лошадей к персидским портам Каспийского моря.

Изгнание шахских войск и антииранские выступления в Дагестане

страшный голод, и армия стала терять свою боеспособность. Началось повальное дезертирство.

Горцы Дагестана продолжали партизанскую войну. Нападали на войска Ирана, громили их обозы, препятствовали доставке провианта. Войска шаха голодали. «В Индии, — сообщает И. Калушкин, — его величество к смотрению драгоценных каменьев труда прилагать не хотели, а в Дагестане с податностью пшеничные и ячменные зерна подбирать старается, да и того довольно найти не может». Непопулярной была эта война и в правящих кругах Ирана. По свидетельству современника, даже ближайшие к шаху «фавориты — военные командиры, статские люди» и другие были недовольны продолжением войны.

В этой обстановке в феврале 1743 г. Надир решил вывести войска из Дагестана. При отступлении шахские войска подвергались непрерывным нападениям горцев.

Отступавшие персидские войска были крайне изнурены, и пройденный ими путь был устлан трупами солдат, лошадей, мулов и верблюдов. Сами солдаты признавали, «что десять человек против одного лезгинца стоять не способны».

Таким образом, попытки Ирана покорить народы Дагестана позорно провалились и положили конец легенде о непобедимости шаха Надира.

В середине 1743 г. Надир начал военные действия против Турции, победами над которой надеялся восстановить престиж «победителя вселенной». Однако, несмотря на некоторые успехи в начале кампании, Надир не достиг желаемых результатов. В период ирано-турецкой войны началось широкое народное восстание, охватившее Ширван и Дагестан. Это движение связывается с именем Сам-Мирзы, выдававшего себя за сына Шаха-Хусейна Сефевида.

К восстанию примкнул сын Сурхая Магомед-хан, который вскоре сделался одним из его руководителей. Он привлек к себе «сообщников в Аварии и среди дагестанских старейшин»,

склонил на свою сторону население Казикумуха, Кюры и Табасарана. Движением был охвачен и Ширван; центром движения была крепость Ак-су. Численность восставших увеличивалась изо дня в день. Даже часть войска Надир-шаха с несколькими военачальниками перешла на сторону восставших. В то же время вспыхнуло восстание горожан в Дербенте и гарнизона крепости Кыз под Дербентом. Это восстание явилось кульминацией освободительного движения на севере Азербайджана и Дагестана. Оно нанесло удар одному из сильнейших оплотов шахской власти на Северо-Восточном Кавказе. Восставшие истребили гарнизон и обратились с посланиями в Дагестан, в которых призывали горцев прийти к ним на помощь. Однако правитель Дербента Мухаммед-Али-хану удалось подавить выступление горожан. Для подавления восстания в Ширване туда были направлены войска во главе с Гейдар-ханом.

Однако рядовые персидской армии убили Гейдар-хана и примкнули к движению Сам-Мирзы. Вскоре повстанцы вступили в Ак-су, жители которой «доброю охотою подданство принесли». Руководители повстанцев объявили об отмене разорительных налогов, введенных Надир-шахом. Это еще больше подняло авторитет повстанцев и способствовало расширению восстания.

Для подавления восстания персами были брошены крупные военные силы. Однако при первой встрече на р. Куре шахские войска под командованием Ашур-хана были разбиты повстанцами. Вторично повстанцы одержали победу над шахскими войсками в Ширване. Учитывая все это, шах значительно увеличил численность войск, направляемых для подавления народных выступлений. К войскам сардара Азербайджана Ашур-хана присоединились войска Фатали-хана, Хаджи-хана, Керим-хана и др. В битве у подножия гор Багишаха, продолжавшейся целый день, отряды Магомед-хана и Сам-Мирзы потерпели поражение. Повстанцы, возглавляемые Магомед-ханом, отступили в Дагестан, а Сам-Мирза скрылся в Грузии, где вскоре был схвачен и по приказу Надира лишен глаза и отправлен в Карс.

Ценою огромных затрат и потерь Надиру удалось подавить восстание в Шеки, Грузии и других местах Закавказья.

В 1745 г. в Дагестане вновь прокатилась волна антииранских выступлений. На этот раз даже феодалы, ранее покорившиеся шаху, сочувствовали восставшим. Шамхал Хасбулат тайно связался с комендантом Кизляра и с «жадностью добивался принятия его в русское подданство». Что же касается широких кругов народов Восточного Кавказа, то они только и ждали прихода русских войск. Между тем восставшие одерживали одну победу за другой. Подступившие к Дербенту отряды уцмия Ахмед-хана разбили войско Гани-

хана. Для подавления движения в Дагестане направился сам Надир. На своем пути шах уничтожал все живое, но кровавые расправы озверевшего Надира не принесли успеха. Горцы наносили персам удар за ударом. Достаточно сказать, что во время карательной экспедиции Надир потерял в Дагестане около половины своего войска. Но, несмотря на постоянные неудачи, Надир не оставлял мысли подчинить народы Дагестана. Предполагалось устроить на Мугани лагерь и отсюда направлять в Дагестан отряды, которые должны были уничтожать хлебные поля «так, чтобы наконец со временем лезгины, лишась последнего пропитания и претерпевая крайний голод, сами добровольно покорились». Но осуществить свои планы покорения горцев Надиру так и не удалось.

Летом 1747 г. Надир был убит в Иране, а государство, представлявшее конгломерат народностей и племен, распалось.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА XII

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДАГЕСТАНА С НАРОДАМИ КАВКАЗА И РОССИИ

§ 1. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДАГЕСТАНА С НАРОДАМИ КАВКАЗА

Отношения Дагестана с Азербайджаном

Во второй половине XVIII в. в связи с распадом государства Надир-шаха народы Восточного Кавказа получили на время перышку. В Азербайджане возник ряд самостоятельных или полузависимых феодальных государств.

Экономический упадок, вызванный войнами Надира и его грабительской политикой, стал постепенно изживаться. В связи с этим дальнейшее развитие получили торгово-экономические связи Дагестана с Азербайджаном. Эти связи по-прежнему осуществлялись по горным дорогам и перевалам, идущим из внутреннего нагорного Дагестана в Азербайджан. В Дагестане торговля между азербайджанцами и горцами происходила в торгово-ремесленных центрах равнинного и предгорного Дагестана. Наиболее крупным центром азербайджано-дагестанской торговли, как и ранее, был город Дербент, хотя он очень сильно пострадал в период борьбы народов Дагестана и Азербайджана с полчищами Надира. Достаточно сказать, что в 1796 г. в нем было 6 гостиных дворов и 450 торгово-ремесленных лавок. Из Азербайджана в Дагестан, в частности на рынки Дербента, привозили всевозможные товары: из Шемахи — шелк, шелковые ткани, хлопчатобумажные изделия, рис и другие товары; из Баку — смолу, нефть, соль, шафран; из Кубы, Нухи, Ганджи и других центров — продукты сельского хозяйства: пшеницу, ячмень, лесоматериалы, марену, сухофрукты и т. д.

В свою очередь горцы Дагестана привозили продукты сельского хозяйства, и особенно скотоводства, и всевозможные изделия ремесла в Дербент и частично сухопутно в Баку, а также Нуху, Кубу, Шеки, Кабалу, Шушу. Азербайджанцы и горцы Дагестана вели торговлю и в русских городах Кизляре и Астрахани. Кроме того, горцы Дагестана, как отме-

чалось выше, перегоняли на зиму свой скот на пастбища Азербайджана. Немало горцев Дагестана прибывало и на заработки в Азербайджан.

Проживая чересполосно, народы Азербайджана и Дагестана поддерживали между собой не только тесные дружественные отношения, но и имели родственные связи. Кроме того, их дружба крепла в борьбе с общими врагами.

Серьезный ущерб крепнувшим дагестано-азербайджанским связям наносили феодальные междоусобицы, возникавшие в связи с борьбой феодалов Азербайджана и Дагестана за расширение своих владений.

Во второй половине XVIII в. кубинский Фатали-хан решил подчинить своей власти важнейший стратегический и политический центр Восточного Кавказа — Дербент. Ханством Дербентским в это время правил слабый и безвольный Магомед-Гусейн-хан, который заботился лишь о личном обогащении. Используя недовольство народных масс, Фатали-хан вошел в тайные переговоры с жителями Дербента. В то же время он пользовался и междоусобной борьбой владельцев Дагестана, обещая им щедрые подарки, земельные угодья, а также доходы от пошлин. Таким образом, Фатали-хану удалось заключить союз с шамхалом, уцмием Кайтага и табасаранским кадием, после чего он выступил против дербентского владельца. Без особого труда он занял Мюшкюр, Низабат, Беш-Бармак, а затем вместе с союзниками осадил Дербент. Осада Дербента, окруженного высокими стенами, потребовала бы значительных усилий в течение длительного времени, но судьба Дербента была предрешена переходом значительной части горожан на сторону кубинского хана.

Завоевав Дербентское ханство, Фатали-хан в знак благодарности отдал часть земель владельцам Дагестана: тарковскому шамхалу — селения Карадаглы, Набурли, Чиги, Азагли, Бебешли и Бебели в Кубинской провинции; уцмию — Малакалыль в Дербентской провинции и разрешил сбор таможенных пошлин в Дербенте, а табасаранскому кадию было выдано денежное вознаграждение. Стремясь еще больше укрепить свой союз с уцмием Кайтага, Амиром-Гамзой, Фатали-хан женился на его сестре Тути-бике.

Между тем казикумухский Магомед-хан, договорившись с нухинским беком Мелик-Али, вступил в Нухинское ханство. Вызвав к себе правителя Нухи Ага-Киши-бека якобы для совещания, он убил его и захватил Нуху. Однако Магомед-хан не долго властвовал в Нухе. Бежавший из Нухи племянник Ага-Киши-бека Гусейн-Ага вернулся с отрядом, посланным кубинским Фатали-ханом. Восставшие нухинцы, объединившись с отрядом Гусейн-Аги, изгнали Магомед-хана, и он вынужден был вернуться в Казикумух.

Тем временем произошел разрыв между уцмием Амиром-

Гамзой и Фатали-ханом из-за того, что последний изгнал из Дербента кайтагских сборщиков податей и отобрал у уцмия подаренную ему деревню; кроме того, Амиру-Гамзе было отказано в руке сестры кубинского хана Хадиджа-бике. Уцмий стал искать случая отомстить Фатали-хану. Воспользовавшись его отъездом из Дербента, Амир-Гамза с конницей прибыл в Дербент якобы повидать свою сестру Тути-бике. Ему удалось проникнуть в крепость Нарымкала и захватить оружие. Тогда он открыл истинные цели своего визита, объявив, что будет управлять Дербентом. Однако Тути-бике сумела склонить горожан на свою сторону и не позволила им повиноваться уцмии. К тому же с войском вернулся в Дербент Фатали-хан. Уцмий вынужден был оставить Дербент и вернуться в свои владения.

Учитывая создавшееся положение, Фатали-хан предпринял шаги к укреплению дружественных связей с шамхалом и акушинцами. С этой целью подарками и обещаниями он привлек на свою сторону даргинских старейшин и приблизил к себе двоюродного брата казикумухского Магомед-хана Ильдар-бека, назначив наимом Дербента.

В 1768 г. Фатали-хан занял Шемаху. Однако ослепленному в Шемахе Агаси-хану удалось бежать в Карабах и собрать отряд, а также привлечь на свою сторону шекинского Гусейн-хана и аварского Нуцал-хана, который прислал вооруженный отряд, предводительствуемый сыновьями хана, Булачем и Магомед-Мирзой. Произошло кровопролитное сражение, в результате которого победу одержал Фатали-хан, причем в битве погибли оба сына аварского хана.

В 1773 г. Нуцал-хан, собрав большое войско, выступил против Фатали-хана. Совместно с присоединившимся Агаси-ханом он овладел Шемахой. Вскоре, однако, со значительными силами — отрядом, присланным бакинским ханом, и даргинским ополчением — Фатали-хан прибыл в Ширван. Вблизи старой Шемахи между ними произошла жестокая схватка, в результате которой Нуцал-хан был разбит. Фатали-хан обещал ему безопасность, пригласил к себе для переговоров, и здесь Нуцал-хан был предательски убит.

В итоге политики Фатали-хана под властью Кубинского ханства оказалась почти половина территории Северного Азербайджана. Фатали-хан, очевидно рассчитывая возродить государство ширваншахов, принял решение перенести столицу в Старую Шемаху. Он был намерен переселить сюда жителей Новой Шемахи, а также население Кубы, Дербента, Низабата и других мест. Но для осуществления своих далеко идущих планов Фатали-хану требовалось нейтрализовать феодалов Дагестана. С этой целью он поддерживал союзнические отношения с шамхалом и владельцем Бойнака — крым-шамхалом и с их помощью решил даже низложить ка-

зикумухского Магомед-хана и посадить на его место своего приверженца, племянника владетеля Казикумуха. Фаталихан и шамхал решили также предпринять наступление на уцмийство и низложить Амир-Гамзу, а владетелем Кайтага поставить брата уцмия Устар-хана.

Все это ускорило создание антикубинской коалиции феодальных владетелей Дагестана, в которую вошли уцмий Кайтага Амир-Гамза, казикумхский Магомед-хан, аварский Нуцал-хан и Умма-хан, мехтулинский Али-Султан, табасаранский Рустем-кадий, казанищинский Тишеиз-Магомед. К ним примкнули также владетели Засулакской Кумыкни — эндреевский Темир-Хамдин, Али-Султан Казаналипов, костековский Алиешев и др. Даже царь Грузии Ираклий II, ранее поддерживавший дружественные отношения с кубинским владетелем в союзе с Карабахским и Шекинским ханствами, выступил против Фатали-хана. Существовала также достаточно сильная группировка внутри самого Северо-Восточного Азербайджана, недовольная политикой Фатали-хана. Эта группировка, состоящая из крупных владетельных беков во главе с братом Фатали-хана Абдулла-беком, преследовала узокорыстные цели. Что же касается Ираклия II, то он в свою очередь пытался занять первенствующее положение в Закавказье. Не являлась сугубо оборонительной и антикубинская коалиция феодалов Дагестана. Напротив, все входящие в коалицию стремились укрепить свое положение и расширить свои владения.

Объединенные силы феодалов Дагестана вторглись в Кубинское ханство, официально объявив, что выступление предпринимается для кровомщения за смерть аварских владетелей. На самом же деле главной причиной выступления было стремление феодалов изгнать Фатали-хана и расширить свои владения за счет захвата территории, подвластной кубинскому хану.

На Гавдушанском поле, вблизи Худат, между объединенными силами феодалов Дагестана и Фатали-ханом Кубинским произошло сражение. Разбитый наголову Фатали-хан вынужден был бежать в Сальяны. Из Сальян Фатали-хан отправил в Петербург к Екатерине II посланца Мирзу-бека Баята с письмом, в котором обращался за помощью и просил принять его в подданство России.

Казикумхский Магомед занял Кубу и «начал осуществлять ханскую власть». В Ширване была восстановлена власть Агаси-хана, а уцмий Амир-Гамза попытался овладеть Дербентом. Для этого он распространил слух о смерти Фаталихана и даже устроил траурную процессию. Однако Тути-бике разгадала планы брата. Верная своему долгу, с твердостью мужчины она возглавила оборону Дербента. Убедившись, что ему не овладеть Дербентом, уцмий вернулся в Кайтаг.

Вскоре уцмий выступил против вассала Фатали-хана Малик-Мамед-хана Бакинского, однако, встретив сильное сопротивление, вернулся в Кайтаг. Затем Амир-Гамза вновь осадил Дербент. Прибывший тайно в Дербент Фатали-хан возглавил оборону города. Находясь около 10 месяцев в тяжелом осадном положении, Фатали-хан направил в Кизляр посланника с просьбой о покровительстве и помощи. Одновременно он обращался за помощью и к тарковскому шамхалу, который совместно с войсками владетеля Бойнака, койсуболинцами, акушинцами дважды пытался прорваться на помощь осажденному Дербенту. Но эти попытки шамхала оказались безуспешными. Убедившись, что ему не под силу оказать помощь кубинскому хану, шамхал в январе 1775 г. обратился к России с просьбой оказать помощь Фатали-хану. Он заверял русское командование в своей готовности соединиться с русской армией для наказания уцмия.

В 1768—1774 гг. занятая войной с Турцией Россия не могла оказать действенную помощь Фатали-хану, но после победоносного окончания войны и подписания выгодного для России Кючук-Кайнарджийского договора кавказское командование, учитывая, что поражение Фатали-хана, сторонника русской ориентации, нанесет ущерб планам России, потребовало от феодальных владетелей Дагестана, входивших в антикубинскую коалицию, прекратить вооруженные действия против Фатали-хана. К тому же отношения России с уцмием Кайтага к этому времени значительно обострились. Причиной этого послужил следующий инцидент. В 1774 г. уцмий Кайтага задержал действительного члена Российской Академии наук проф. С. Г. Гмелина, который возглавлял экспедицию по изучению географических условий, экономики, политического строя Восточного Кавказа и Персии. Кизлярский комендант обратился с требованием к уцмии отпустить профессора Гмелина, на что Амир-Гамза потребовал вернуть 200 семейств его подданных, бежавших в Кизляр еще в период нашествия Надир-шаха, или уплатить за них выкуп в сумме 30 тыс. руб. Пока шли переговоры, проф. Гмелин умер в Ахмедкенте. Русское командование, видя, что меры политического давления не помогают, решило снарядить экспедицию. 1 марта 1775 г. русские войска в количестве 2530 человек под командованием ген. де Медема направились в Дагестан. Хотя официально и было объявлено, будто основной целью похода является оказание помощи Фатали-хану, на самом деле самодержавие намеревалось расширить сферу политического влияния, обеспечить безопасность восточной торговли, восстановить пошатнувшуюся ориентацию феодалов на Россию и восстановить свой престиж наказанием уцмия. Чтобы не осложнить поставленной задачи, русскому командованию на Кавказе был дан наказ «сколько возможно воздер-

Памятник академику Гмелину в Калакорейше

живаться от обвинения целых обществ, а больше относить оные на частных людей... Для их обуздания употребление строгости не всегда полезно».

К двигающимся на юг русским войскам 4 марта присоединился отряд шамхала тарковского Муртузали. В 16 км не доезжая Дербента в местечке Иран-хараб русские войска нанесли поражение Амиру-Гамзе. Дербент был освобожден. Фатали-хан отправил императрице ключи от Дербента и просил принять его под покровительство России. 10 мая часть русских войск в 1411 человек во главе с майором Криднером вместе с отрядом Фатали-хана направилась в Кайтаг и Табасаран, а остальные войска под командованием генерала де Медема с отрядом шамхала направились в районы Южного Дагестана. Вблизи Башлы Амир-Гамза напал на отряд Криднера и Фатали-хана, «но действием артиллерии был опрокинут с величайшим уроном и обратился в бегство». Отсюда Криднер и Фатали-хан направились в терекемейские аулы и подвергли их грабежу и разорению. Затем они вернулись в Дербент и вскоре же выступили в Кюру, где разбили казикумухского Магомед-хана, и оттуда двинулись в Табасаран. Здесь русские войска и отряд Фатали-хана нанесли ряд ударов табасаранцам. Однако в одном из сражений Криднер и Фатали-хан были окружены в тесном ущелье. Потерпев значительный урон, они вынуждены были вернуться

в Дербент. Но несмотря на это, участники антикубинской коалиции запросили мира при условии, чтобы Фатали-хан «не в Дербенте, а в Кубе, в его принадлежащем месте был, ему тогда и аманатов дать в состоянии и быть верным во всем удовольствие сделают». Русское командование отвергло это условие, указало, что Дербент останется за Фатали-ханом, и решительно потребовало, чтобы Фатали-хану не чинили препятствий. Одновременно русское правительство поручило майору Криднеру примирить кубинского хана с владельцами Кайтага, Табасарана и Казикумуха, после чего уцмий Кайтага Амир-Гамза и табасаранский Рустем-кадий «присягнули на верное подданство России и представили в Дербент аманатов». Но русское правительство, не желая осложнять отношения с Ираном и особенно Турцией, предписало генералу Медему не считать подданство этих владельцев действительным и возвратить аманатов. По той же причине не принят был в подданство России Фатали-хан, и ключи от Дербента были ему возвращены.

Однако по просьбе Фатали-хана в помощь ему, а также для обеспечения безопасности торговли на Восточном Кавказе в Дербенте был оставлен гарнизон в 500 человек. Основные же русские войска вернулись в Кизляр.

С возвышением Фатали-хана и расширением границ его владений не хотели примириться феодальные владельцы Дагестана. С уходом русских войск между ними возобновились распри. Уцмий Амир-Гамза предпринял поход через ханство Дербентское — Кубинское владение на Ганджу и Ардабил. В свою очередь Фатали-хан сумел привлечь племянника уцмия Хан-Магомед-бека, построил для него севернее Дербента крепость Хан-Магомед-кала и переселил туда 100 семейств. Кроме того, Фатали-хану удалось привлечь на свою сторону сына казикумухского Магомед-хана Шимардан-бека, которому была отдана во владение часть Кюринского округа до Кабирека, принадлежавшего Дербенту, и Гюнейский магал, принадлежавший Кубе.

Таким образом, благодаря помощи России Кубинское ханство не только восстановило свое сильно пошатнувшееся положение, но и намного усилило влияние на Восточном Кавказе.

Возвышение Фатали-хана, придерживающегося русской ориентации, и размещение русского гарнизона в Дербенте встревожили правящие круги Турции и Ирана. Они потребовали даже вывода русских войск из Дербента. Русское правительство, не желая осложнять взаимоотношения с Турцией, решило вывести русский отряд. Весною 1776 г. гарнизон был выведен из Дербента. Это, однако, не означало коренного изменения взаимоотношений России с Фатали-ханом. Русское правительство вынуждено было изменить лишь свою тактику,

но по-прежнему оказывало Фатали-хану поддержку. Теперь русское правительство основное внимание уделяло примирению Фатали-хана с враждебными ему владетелями Дагестана. Этим оно оказывало помочь Фатали-хану и закрывало пути для вмешательства в дела Восточного Кавказа Турции и Ирану.

Кавказскому командованию удалось дважды: первый раз 24 марта, второй — в апреле 1776 г. в сел. Дербах провести сборы, в которых участвовали кубинский Фатали-хан, тарковский шамхал Муртузали, бойнакский владетель Бамат, уцмий Кайтага Амир-Гамза, табасаранский Рустем-кадий, казикумухский Магомед-хан и др. В них участвовал и представитель России майор Фромгольд. На вторых сборах было достигнуто мирное соглашение. Уцмий Кайтага Амир-Гамза и кадий Табасарана Рустем обязались: «Дербентского и Кубинского хана оставить спокойно означенными ему подлежащими владениями владеть и никакой обиды его подданным, равно и ему не чинить».

Таким образом, благодаря поддержке России было достигнуто признание территориальной целостности Кубинского ханства. Вместе с тем соглашение предусматривало, чтобы Фатали-хан приезжающим в Дербент и в другие владения «не оказывал препятствий». В «неподлежащие места ему отнюдь не вступаться, а остаться ему так, как и прежде был, пользоваться своею долею». Таким путем Россия намеревалась воспрепятствовать Фатали-хану присоединить к своим владениям территорию Южного Дагестана.

В обязательствах особо были оговорены и интересы России. Договорившиеся стороны обязались российским подданным, приезжающим как для торговли, так и для других дел, никаких препятствий не чинить и пошлин «кроме подлежащего по прежним установлениям не брать».

Итак, достигнутое соглашение должно было обеспечить спокойствие на Восточном Кавказе, способствовать развитию торгово-экономических связей Дагестана с владениями Азербайджана и расширению русской торговли на Кавказе и со странами Ближнего Востока. Следует, однако, отметить, что в тех конкретно-исторических условиях одним этим соглашением не могло быть достигнуто примирение — слишком уж сильны были противоречия между владетелями Восточного Кавказа. Все это понимало и кавказское командование. Участник переговоров М. Фромгольд писал, что «...желаемого спокойствия здесь никогда быть не может». Уцмий и кадий лишь «в рассуждении страха к России показывают себя охотными, а скрытно обходятся хитростью и с великою злостью, так что нельзя никак положиться на их присяги, подписки и обещания, если они не приведены будут в тишину сильною рукою». Что касается Фатали-хана, то и он «...не

только не желает быть спокойным, но еще мысли его клонятыся, покорить... всех своих неприятелей под свою власть». И действительно, вскоре же в Северо-Восточном Кавказе возникли междуусобицы.

В начале 80-х годов XVIII в. Фатали-хан вел борьбу с карабахским Ибрагим-ханом. В 1784 г., собрав значительные силы, Фатали-хан овладел Ардабилем, но вскоре из-за угроз феодалов Дагестан был вынужден вернуться в Ширван. В 1785 г. он жестоко подавил заговор, возглавляемый Агаси-ханом и Магомед-Саид-ханом. В 1787 г. разбил хана шекинского и принудил его к покорности. В том же году нанес сильное поражение карабахскому Ибрагим-хану. Известных успехов в 80-х годах XVIII в. достиг Фатали-хан и в нейтрализации феодалов Дагестана. В 1785 г. он заключил дружеский союз с преемником шамхала Муртузали Магомедом и для закрепления дружбы и союза в 1787 г. женил старшего сына Ахмед-хана на дочери шамхала Гичи-бике. В 1787 г. умер непримиримый враг Фатали-хана, владетель Кайтага Амир-Гамза, и уцмием стал Устар-хан, поддерживающий с давних времен дружеские взаимоотношения с кубинским ханом.

В 1787 г. после девятимесячной борьбы был также заключен союз Фатали-хана с ханом Аварии. При этом Фатали-хан обязался уплатить единовременно «имущество и деньги», а также платить ежегодно определенную сумму доходов с Солянского владения. Хан же Аварии обязывался вывести войска «и не враждовать больше».

В 1789 г. Фатали-хан умер, его преемником стал Ахмед-хан. При его правлении возобновилась борьба между владельцами Азербайджана, в которую неоднократно вовлекали и феодальных владетелей Дагестана.

Дагестано-группинские отношения

Взаимоотношения Дагестана с Грузией XVIII в. развивались в чрезвычайно сложной внутренней и внешней обстановке, когда борющиеся за овладение Кавказом государства проводили политику «разделяй и властвуй», натравливая одни народы Кавказа на другие. В этом направлении особенно усердствовали Турция и Иран, которые в стремлении держать в подчиненном положении Грузию старались разжечь вражду между владельцами Дагестана и правителями Картлии-Кахетинского царства. С этой целью всевозможными обещаниями, щедрыми подарками Турция и Иран инспирировали выступления феодалов Дагестана против Грузии. Широко использовались против христианской Грузии и догмы мусульманской религии. В своих письмах к русскому двору Ираклий II не раз отмечал, что владетели Дагестана и Азербайджана объединялись против Грузии по дiktовке турецкого султана. Однако основные причины, вы-

зывавшие конфликты и столкновения между Дагестаном и Грузией, крылись не столько во внешнем влиянии, сколько в социально-экономическом и политическом развитии стран. Причем феодальные нападения были не односторонними, их совершали как феодалы Дагестана, так и феодалы Грузии, но набеги феодалов Дагестана на Грузию случались гораздо чаще. Достаточно сказать, что во второй половине XVIII в. феодалы Дагестана совершили десятки набегов на Грузию. Охарактеризуем наиболее крупные из них. В 1752—1753 гг. аварский Нуцал-хан во главе значительных сил двинулся на Грузию и подступил к крепости Мчадис-Джавари (на Муракско-Душетской дороге), но после упорных боев, не достигнув успеха, вынужден был вернуться в свои владения.

В 1755 г. владетель Аварии с помощью других владетелей, а также джаро-белоканцев и шекинцев набрал 25 тыс. войска и выступил против Ираклия II, осадив Кварельскую крепость. Царь Грузии, отправив подкрепления осажденным, одновременно направил войско в Джаро-Белоканы, оставшиеся беззащитными. Этот маневр Ираклия II предопределил судьбу кампании. Джаро-белоканцы и шекинцы, находившиеся в составе войск Нуцал-хана, оказались вынужденными спешным порядком вернуться в свои владения, чтобы защитить их. Тогда Нуцал-хану пришлось снять осаду крепости Кварели и вернуться в Дагестан.

В 1785 г. аварский Умма-хан во главе большого войска вступил в Грузию и нанес поражение войскам Ираклия II. В итоге царь Грузии вынужден был заключить с Умма-ханом мирный договор, согласно которому обязывался платить ему ежегодно 5 тыс. руб., за что хан Аварии обещал не предпринимать более походов на Грузию. Тем не менее Умма-хан и впоследствии неоднократно нападал на Грузию. Набеги на Грузию совершали и феодалы Казикумуха и других владений Дагестана.

Как уже отмечалось, значительную роль в организации феодальных набегов на Грузию играла Турция, деятельность которой особенно усиливалась в период, когда султан вел на Кавказе войны или готовился к ним. Так, весной 1785 г. султан направил Умма-хану «жалование» в 500 пиастров и обещал ему при вступлении в Грузию «удовольствовать войска его провинтом и фуражом на четыре месяца».

Иногда выступления владетелей Дагестана подогревались и владетелями Азербайджана, находившимися в неприязненных отношениях с царями Грузии. В период борьбы с Ираклием II карабахского Ибрагим-хана последний обратился к своему тестю Умма-хану Аварскому с просьбой выступить против Грузии, чтобы отвлечь силы Ираклия и принудить его порвать союз с враждебными карабахскому хану меликами. И Умма-хан действительно совершил набег.

Нередко реакционные феодалы Грузии, выступавшие против политики Ираклия II, также вовлекали феодалов Дагестана в междуусобную войну. В 1799 г., например, царевич Александр, недовольный политикой брата царя Грузии Георгия XIII, договорился с Умма-ханом Аварским о нападении на Картлию-Кахетию.

Феодальные набеги крайне отрицательно сказывались как на внутренней жизни, так и на внешнеполитическом положении Грузии. Вот почему правители Грузии, и в частности картлийско-кахетинские цари, более всех страдавшие от набегов, всевозможными средствами старались пресечь набеги.

В пограничных с Дагестаном районах содержались отряды заслона, в наиболее важных стратегических местах строили крепости и т. д. Наряду с этим, стремясь нейтрализовать феодалов Дагестана, цари Грузии предлагали им заключить союз и развивать взаимовыгодные мирные отношения. Во второй половине XVIII в. Ираклий II неоднократно обращался к старшинам пограничных с Грузией обществ — Джаро-Белоканского, Диодского, Анцух-Капучинского и др. — с предложением не предпринимать нападений на Кахетию, жить, как прежде, в мире и дружбе. Обращался Ираклий II и к ханам Аварии, Казикумуха и других владений Дагестана и, как отмечалось выше, за прекращение набегов платил Умма-хану ежегодно определенную сумму.

Организуя набеги на Грузию, феодалы путем обмана, а нередко путем угроз и насилий вовлекали в свои войны простых горцев Дагестана, отвлекая их от работ по хозяйству и обрекая на лишения и страдания, а нередко и на гибель. Поэтому трудовые слои народа не только старались уклониться от участия в набегах, но и порой открыто выступали против них. Резкое осуждение трудящимися слоями горцев феодальных набегов нашло отражение в устном народном творчестве, в популярных в Дагестане героических песнях. В цикле песен о Моллачил-Иса, например, говорится: «услышав о том, что я собрался в поход на Грузию, коня отправил в горы мой старый отец. Узнав, что я не остаюсь дома, кольчугу упрятала старая мать, а оружие спрятали меньшие сестры».

Об отрицательном отношении трудящихся масс к феодальным набегам говорит и то, что в ряде обществ Дагестана в акт передачи наследства включалось условие, что наследник может получить завещаемый земельный участок только в том случае, если не будет участвовать в набегах на Грузию. С осуждением набегов на Грузию выступали известные ученые и поэты Дагестана — Дауд Усишинский, Абубакар Аймакинский и др. Против набегов выступали даже некоторые богословы, такие, как унцукульский Кази-Махмуд. Об отрицательном отношении народных масс Да-

гестана к набегам на Грузию свидетельствует и то, что их организаторам нередко приходилось прибегать к угрозам и насилиям. Так поступали аварский, казикумхский и другие владетели и при последующих выступлениях против Грузии. Но даже методами насилия дагестанским феодалам не всегда удавалось организовать походы на Грузию. Так было в 1770 г., когда казикумхский хан, используя благоприятную для нападения обстановку в связи с тем, что Ираклий II был занят борьбой с Турцией, решил учинить нападение на Грузию. Используя все средства, казикумхский хан все же не мог собрать должного количества войск и должен был отложить нападение на Грузию.

В период междоусобной борьбы между кубинским Фатали-ханом и группировкой феодалов Дагестана Умма-хан и его союзники с набранными почти со всех владений войсками вступили в пределы Азербайджана и остановились вблизи сел. Тебриз. Султанская Турция, ревниво следившая за Кавказом, попыталась использовать в своих целях ополчение горцев. С этой целью в ставку Умма-хана были отправлены посланцы султана. Они привезли крупные суммы денег и щедрые подарки предводителям и уговорили их учинить нападение на Грузию.

Слухи о прибытии турецких эмиссаров и о предстоящем комбинированном нападении на Грузию распространились по всему Закавказью. Обеспокоенное этим русское командование на Кавказе отправило гонца с письмом, в котором предлагалось не устраивать нападений на Грузию.

Перед предводителями ополчения стала альтернатива — либо склониться на сторону Турции и выступить на соединение с турецкими войсками, за что султан предлагал денежное вознаграждение, большие подарки и легкую добычу в Грузии, либо отказаться от всего обещанного, прислушаться к совету русских властей. Среди руководящей верхушки ополчения возник раскол; вопрос был вынесен на решение всего ополчения. «Все войска, — по словам очевидца, — единодушно объявили ответ», что выступить на Грузию «не согласны», и попросили Умма-хана о «возвращении в свои дома». Предводителям ничего не оставалось делать, как отказаться от нападения на Грузию. Однако взаимоотношения между правящей верхушкой Грузии и Дагестана не всегда были враждебными. Во второй половине XVIII в. было немало случаев, когда владетели Дагестана поддерживали союзнические отношения с грузинскими царствами и совместно выступали против своих недругов. В 1768 г. отряды горцев Дагестана сражались совместно с войсками имеретинского царя Соломона против Турции. Картлийско-кахетинский царь Ираклий II, по словам С. Бурнашева, приглашал к себе горцев на службу и с ними воевал против персian.

Владетели Дагестана поддерживали союзнические отношения с Ираклием II в период его борьбы с Турцией. Даже историограф турецкого двора Джавдет-паша вынужден был признать, что «ханы Дагестана и Азербайджана оказались сторонниками Эрекли-хана (Ираклия II. — Ред.)... и желанного союза вполне добиться было нельзя».

Любопытно также, что Ираклий II поддерживал аварского хана в 1773 г., когда последний выступал против Фаталихана.

Во второй половине XVIII в. дальнейшее развитие получили торгово-экономические связи Дагестана, особенно Западного, с Грузией. «Дидойцы, — свидетельствует И. А. Гильденштадт, — ткут толстое сукно и делают из него кафтаны, за кои, равно как и за войлоки и овцы, покупают в Кахетии бумажные материи и другие надобности». Точно так же жители Анцухо-Капучинских обществ сбывали в Кахетию шали, сукно, паласы, а также продукты животноводства и приобретали хлеб и необходимые товары.

Соседствующие с Грузией джаро-белоканские аварцы поддерживали с нею, особенно с Кахетией, тесные торгово-экономические связи, а также играли роль посредника в торговле Дагестана и Грузии. Кроме всевозможных изделий домашних промыслов и продуктов скотоводства джаро-белоканцы сбывали в Кахетию «сорочинское пшено, получая за куль 15 или 18 копеек». Большим спросом в Грузии пользовались каратинское сукно и лучшие в Азии андийские бурки, паласы, попоны и южнодагестанские ковры, деревянная утварь, оружие и различные украшения кавказского костюма, производящиеся в Кубачах, Кумухе и других ремесленных центрах.

Кроме изделий домашних промыслов население Дагестана сбывало в Кахетии меха, марену, мед, воск, масло, сыр, скот и другие товары. В Телави в одном из крупных городов Картли-Кахетинского царства, по словам Гильденштадта, имелись лавки с лезгинскими товарами.

Однако горцы Дагестана вели торговлю не только в пограничных районах Кахетии, но и ездили для продажи своих товаров в Тбилиси, Сухуми, Поти, Батуми и другие города Грузии.

Предметами ввоза из Грузии в Дагестан были «красный товар», железо, соль, кукуруза, пшеница и другие товары. Торговля между нагорным Дагестаном и Грузией в основном велась по дорогам, проходящим через Кодарский и Варташанский перевалы. Торговые пути, связывающие Южный и равнинный Дагестан, проходили через ханства Азербайджана по так называемой «шекинской», или «анашской», дороге.

Торгово-экономические связи Дагестана и Грузии осуществлялись в Дербенте, Нухе, Шемахе, Баку и в русских городах Кизляре, Моздоке, Астрахани.

Во второй половине XVIII в. по разрешению русского правительства много грузин поселилось на севере Дагестана, в районе Кизляра. В свою очередь горцы Дагестана уходили в Грузию на заработки, причем уже в конце XVIII в. часть горцев поселились в городах Грузии, занимаясь преимущественно ремеслом и торговлей.

Между народами Дагестана и Грузии, особенно в пограничных районах, продолжало существовать куначество, развивались и родственные связи. На базе возрастающих торгово-экономических и добрососедских связей между Дагестаном и Грузией происходило и взаимное обогащение культуры.

Взаимоотношения Дагестана с народами Северного Кавказа

Связи народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII в. становятся еще более тесными. Продолжается начавшийся в предыдущие эпохи процесс образования как в Дагестане, так и в Чечено-Ингушетии, Осетии, Кабарде поселений, где проживали представители народов Дагестана и народов Северного Кавказа. Этому во многом способствовало начавшееся массовое переселение чеченцев, ингушей и осетин с гор на плоскость.

На территории Чечни это были Давлетгиреева деревня, Новый Юрт, Шали; в Дагестане — Герменчик. В Осетии в конце XVIII в. недалеко от Татартупа возникло небольшое селение, основанное выходцами из Дагестана и Кабарды. Но особенно многочисленными были селения в Малой Кабарде, где совместно проживали дагестанцы, кабардинцы, осетины, чеченцы и ингуши.

В XVIII в. поселения со смешанным населением возникали также вблизи русских городов-крепостей на Северном Кавказе, в слободках близ крепости Святого Креста. Кроме представителей народов Дагестана там проживали также кабардинцы, чеченцы, армяне и грузины. Большое количество горцев Дагестана и Северного Кавказа обосновалось и в слободах вокруг Кизляра, а также в Моздоке и казачьих станицах. Образование таких поселений со смешанным населением способствовало бегство феодально-зависимых крестьян от гнета и произвола «своих» владельцев; немаловажную роль в этом отношении играл и бытовавший в горах Северного Кавказа и Дагестана обычай кровной мести. В XVIII в. в Чечено-Ингушетию, Кабардино-Балкарию и Осетию переселялись из Дагестана также кустари-ремесленники. Все это влекло за собой установление и укрепление дружественных связей, заключение брачных союзов, а следовательно родственных связей, между народами Дагестана, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и др.

В описываемое время происходило дальнейшее укрепление торгово-экономических связей народов Дагестана и Северного Кавказа.

Как и в предыдущие века, главными предметами торговли Дагестана с народами Северного Кавказа были традиционные товары: соль, металлическая и медная посуда, котлы, кубки, дорогое оружие, панцири, ювелирные изделия, фрукты и т. д., которые поступали на Северный Кавказ из Дагестана. Через Дагестан на Северный Кавказ поступали также восточные товары — шелковые ткани, сафьян и др. Народы Северного Кавказа привозили в Дагестан мед, воск, скот, и особенно лошадей, и ряд других товаров.

Основными центрами, где совершались торгово-обменные операции горцев Дагестана и Северного Кавказа, были крепость Святого Креста, Кизляр, Моздок и др. Особенно заметную роль играл Кизляр — самый крупный торговый центр Северного Кавказа. Почти с момента основания Кизляра с ним устанавливаются торговые связи Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии и Кабарды. В конце XVIII в. в Кизляре возникают купеческие гостиные дворы — русский, армянский, татарский и несколько рынков, лабазов и лавок.

Значительную роль в укреплении торгово-экономических связей народов Северного Кавказа продолжали играть такие торговые центры, как Эндрей, Брагуны, Аксай, Костек и др. Кроме того, Аксай и Эндрей играли посредническую роль в торговле Чечни с Кизляром.

Вместе с тем происходило укрепление и культурных связей. Известно, что Дагестан на Северном Кавказе играл роль культурного центра, проводника культуры народов Ближнего Востока и Закавказья в Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии. Все это способствовало укреплению политических связей народов Дагестана и Северного Кавказа.

Но, несмотря на общую тенденцию в сторону стабилизации и укрепления взаимоотношений Дагестана с владениями Северного Кавказа, в силу внутренних и внешних причин между ними нередко возникали феодальные распри. Чаще всего в борьбу вступали феодальные владетели Дагестана и Кабарды, которые стремились играть ведущую роль на Северном Кавказе. В 1712 г. кумыкские владетели, аксаевский Султан-Махмуд и тарковский Адиль-Гирей, предприняли нападение на Кабарду. Шамхал Адиль-Гирей пытался вытеснить кабардинских владетелей и из Терского города и не раз обращался к Петру I с просьбой предоставить ему право на владение всеми мусульманами, живущими в Терском городе. К концу 20-х годов отношения дагестанских и кабардинских владетелей вновь обострились в связи с нападением кабардинских владетелей на чеченские земли, на которые претендовали шамхал и другие кумыкские феодалы. Обеспокоенный этим кабардинский князь Асланбек в 1723 г. обратился с письмом к Петру I, в котором указывал, что с давних пор в Терках жили кабардинцы, и поэтому просил «по-

прежнему наследству быть из наших родственников на Терке, а кумыков тут присутствие не было». Разрыв отношений с Кабардой не входил в планы России, и поэтому Петр I послал грамоту шамхалу с отказом в его просьбе.

Не остались в стороне дагестанские феодалы и когда в Кабарде вспыхнула борьба за право владения титулом старшего кабардинского князя между княжескими родами Кайтукиных и Мисостовых. Междоусобицы происходили и в последующие годы.

Тем не менее не феодальные распри определяли направление взаимоотношений Дагестана с народами Северного Кавказа. В основном связи этих народов оставались мирными и добрососедскими. Особенно они крепли в годы тяжелых испытаний, в периоды иноземных нашествий.

В первой половине XVIII в., в период усиления турецкой и иранской агрессии, народы Дагестана и Северного Кавказа оказывали друг другу посильную поддержку, совместно выступали против иноземных захватчиков.

Известно также, что в 1790 г., когда на Северный Кавказ двинулась 30-тысячная турецкая армия под руководством Батал-паши, народы Дагестана и Северного Кавказа не только не поддержали турок, но, наоборот, оказали им совместное сопротивление. Дагестанские и кабардинские отряды приняли участие в составе русских войск под командованием генерал-майора И. Германа в наступлении против турок. Бок о бок в разгроме турок и в штурме Ананы сражались дагестанцы и кабардинцы под руководством генерала Горича.

§ 2. УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ДАГЕСТАНА С РОССИЕЙ

Дагестано-русские отношения до 80-х годов

В середине XVIII в. сultанская Турция деятельно готовила агрессию на Кавказ. С этой целью пограничные паши и многочисленные агенты султана, проникшие на Кавказ, делали все, чтобы привлечь и владетелей Кавказа на сторону Турции. «В царствование Султана-Махмуда, — признает историограф турецкого двора Джавадед-паша, — задумано даже было овладеть Дагестаном».

Одновременно по указке султана крымские ханы вели подготовку к вторжению на Северный Кавказ для захвата Кабарды. В обстановке острых противоречий, возникших в середине XVIII в. на Северном Кавказе между Турцией и ее вассалом крымским ханом, с одной стороны, и Россией — с другой, русское правительство стало укреплять свои позиции на Северном Кавказе. С этой целью был укреплен Кизляр, который быстро превратился в главный экономический и

военно-стратегический центр края. На левом берегу Терека были основаны донскими казаками станицы Бороздинская, Дубовская и Карголинская и укрепленные станицы Червленая, Новогладковская, Шедринская, Кордюковская и Старогладковская. Была образована кизлярская линия. В 1763 г. была заложена крепость Моздок, а в 1769 г. в район Терека было переселено 517 семей волжских казаков, из которых был образован Моздокский полк. В 1777 г. продолжена была Кавказская линия р. Дона, где расселились донские казаки.

В 1778 г. на Кавказской линии волжские казаки основали станицы Екатериноградскую, Павловскую, Марьинскую, Георгиевскую и Александровскую. Для укрепления своих позиций русское правительство, учитывая, что одних военных мероприятий недостаточно, старалось создать опору среди местного населения, привлекая на свою сторону владетелей, поощряя торгово-экономические связи.

Во внешнеторговой политике России Дагестан и Азербайджан занимали важное место. Через Каспийское море осуществлялась так называемая «Персидская торговля», которая охватывала Дагестан, Закавказье и среднеазиатские берега Каспия. Основным связующим звеном русско-восточной торговли была Астрахань, крупный торговый центр, в котором в середине XVIII в. было три больших гостиных двора с 227 лавками. Постоянными гостями Астрахани были и торговые люди Дагестана, особенно купцы Дербента. Из Астрахани на юг, в частности в Дагестан, вели два пути: через Каспийское море до Дербента и далее на юг и сухопутный, через Кизляр, Эндрей, Тарки, Бойнак, Дербент, причем наибольшее значение имел морской путь.

Поэтому перевозка товаров по Каспийскому морю осуществлялась исключительно русским флотом, т. е. ни владения Кавказа, ни Иран не имели флота, приспособленного для дальних плаваний. У них были лишь небольшие суда — киржмы, не приспособленные к выходу в открытое море. В Дагестане основным центром, связанным морской торговлей с Астраханью, был Дербент, хотя из-за неблагоустроенности дербентский порт был небезопасен и «суда, к нему приходящие, должны становиться на якоре в довольно расстоянии от базара в открытом море».

Во второй половине XVIII в. торговля Астрахани с Дербентом заметно оживилась. Этому во многом способствовало обращение Фатали-хана в 1765 г. к Екатерине II, после чего императрица России повелела судам, отправляющимся из Астрахани к персидским портам, заходить в Дербент.

Из Астрахани в Дербент привозили всевозможные русские товары: ткани, медь и медную посуду, гвозди, замки, топоры, иглы, проволоку, сундуки, бумагу, стекло, мыло, хрустальную

посуду, сахар, муку, различные краски и др. Русские товары в Дербенте охотно покупали дагестанские, азербайджанские, армянские и иранские купцы. Из Дербента в Астрахань вывозили шерсть, фрукты, марену, шелк-сырец, рыбу и рыбные продукты, вино, рис, скот и другие товары. Эти товары, как отмечалось выше, поступали в Дербент из различных районов Дагестана и Азербайджана.

Наиболее важным центром сухопутной торговли между Дагестаном и Россией был Кизляр. В торговле с Кизляром участвовали жители всех зон Дагестана. Они доставляли для продажи на рынок Кизляра, как отмечалось выше, традиционные товары, продукты сельского хозяйства и изделия кустарных промыслов и по-прежнему приобретали всевозможные русские товары.

Серьезным толчком в развитии торговли горцев с Кизляром послужило в 1765 г. разрешение вести беспошлинную торговлю в Кизляре кумыкам, кабардинцам и другим народам Дагестана. Немалое значение в развитии торговли сыграли поход русских войск в 1775 г. в Южный Дагестан и шаги, предпринятые Россией, для обеспечения безопасности торгового пути. По далеко не полным данным, оборот торговли за четыре года, с 1777 по 1780, составил 687 130 руб. Надо также иметь в виду, что по Кизлярскому пути из России на юг, минуя таможню, вывозились и запрещенные товары: золото, серебро, железо и т. п. Тайные перевозки по этому пути составляли более миллиона рублей в год.

Значительными торговыми центрами на пути из Астрахани на юг были Эндрей, Тарки и Дербент. Кроме того, горцы Дагестана совершали торговые операции с русскими купцами и в городах Азербайджана — Баку, Шамахе, Нухе и т. д. Укрепление и развитие торгово-экономических связей способствовало росту ориентации Дагестана на Россию.

Вместе с тем в длительных войнах с полчищами Надира народы Дагестана понесли огромные потери. Ограбленные и разоренные горцы Дагестана находились в середине XVIII в. в крайне тяжелых условиях. Постоянные междоусобицы, усугублявшиеся происками султанской Турции и шахского Ирана, еще более ухудшали положение трудящихся масс. В этих условиях для трудящихся горцев покровительство такой сильной державы, как Русское государство, стало практической необходимостью. Вот почему наряду с укреплением торгово-экономических связей развивались и крепли и политические отношения Дагестана с Россией. В 1750—1751 гг. шамхал тарковский Хасбулат «искал быть ему под покровительством российским», преемник его, шамхал Муртузали, в 1764 г. «уверял российский двор о своем к нему усердии». В 1753 г. владелец Аварии Магомед-Муса-хан просил о принятии его с подвластными в российское подданство. Обра-

щался к России и владетель Казикумуха. В 1757 г. к России с изъявлением желания быть «в российском подданстве» обращались старшины Андийского и других обществ. Однако, говоря об ориентации на Россию, нельзя не учитывать мотивы, которыми руководствовались различные классы Дагестана.

В то время как владельцы с помощью России стремились упрочить свои внутренние и внешние позиции, простые горцы, притесняемые и разоряемые своими владельцами и страдающие от бесконечных междуусобиц, рассчитывали на то, что Россия защитит их от иноземных вторжений, междуусобиц, облегчит гнет владельцев. Именно поэтому в обращениях, исходящих от народных масс, всегда содержится просьба защитить их от феодалов. Здесь, конечно, сказывалась отсталость и забитость трудящихся, рассчитывавших с помощью царской России освободиться от социального гнета.

Однако, несмотря на то что подавляющая часть владельцев Дагестана неоднократно обращались с просьбой принять их в подданство России, все же политика царизма, в конечном счете направленная на занятие и присоединение областей Кавказа, в то время носила очень осторожный характер. Такая политика царизма объяснялась тем, что черноморская проблема еще не была разрешена. Крым оставался неприсоединенным.

Конечно, далеко не все слои населения Дагестана ориентировались в то время на Россию. Отдельные круги придерживались протурецкой ориентации. К их числу относились и местное мусульманское духовенство и некоторые феодалы, особенно те из них, которые были связаны с Портой работорговлей. Один из владельцев Дагестана, эндреевский князь, резиденция которого, сел. Эндрей, являлась крупным центром работорговли на Северном Кавказе, не только придерживался турецкой ориентации, но и обращался к крымскому хану и к турецкому султану с просьбой, чтобы с турецкой стороны прислано было войско для взятия Дербента и Баку.

В 1768 г. правящие круги Порты развязали первую русско-турецкую войну. До и особенно после начала военных действий Турция употребляла всевозможные усилия, чтобы привлечь на свою сторону кавказские племена и использовать их в своей борьбе с Россией. К владельцам Азербайджана, Дагестана, Кабарды и др. были отправлены эмиссары со щедрыми подарками и письмом султана. Однако усилия многочисленных агентов Турции оказались бесплодными. Народы Дагестана отказались поддержать интересы Турции.

Первая русско-турецкая война завершилась полным поражением Турции. В 1774 г. Турция подписала Кючук-Кайнарджийский договор, по условиям которого к России отошли Азов, Керчь, Еникале, Кинбурн и территория между Днеп-

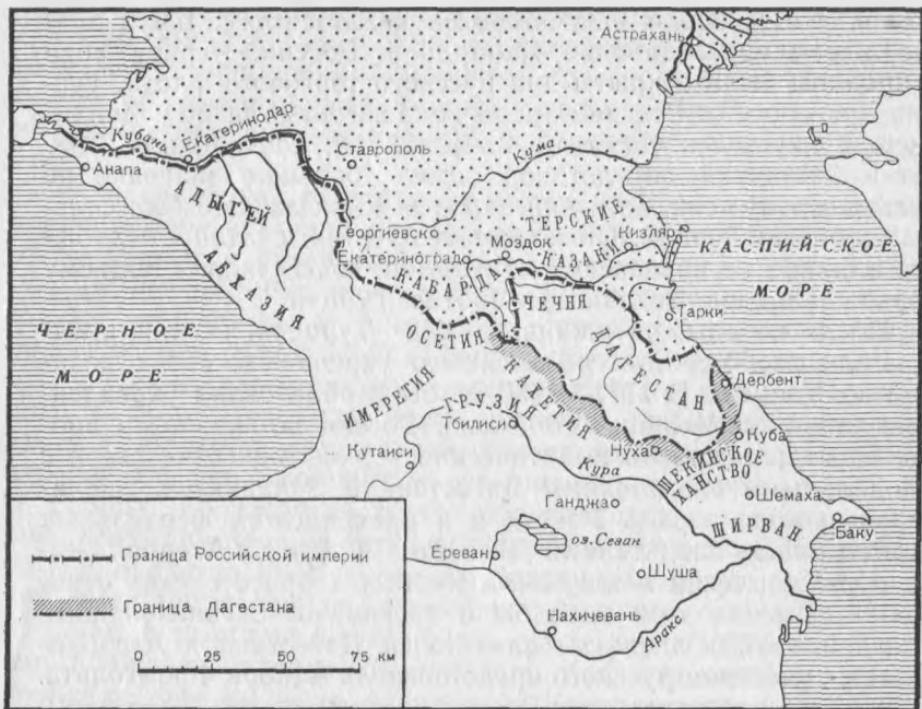
ром и Бугом. Крым был объявлен независимым. Было подтверждено присоединение Кабарды к России. Черное море и проливы были открыты для русского торгового флота. Турция признала за Россией право покровительства над Молдавией и обязалась уплатить 4,5 млн. руб. контрибуции. Кючук-Кайнарджийский договор имел большое значение не только для России, но и для народов Кавказа. Это был сильный удар по Турции. Он подорвал престиж султана, ослабил его влияние на кавказских мусульман, содействовал подъему борьбы народов Закавказья против Турции.

После победы, одержанной над Турцией, Россия предприняла ряд мер для дальнейшего укрепления своих позиций на Кавказе. В 1777—1780 гг. была образована укрепленная линия от Моздока до Азова. Россия по-прежнему продолжала налаживать политические и экономические связи с феодальными владельцами Дагестана и Закавказья. Значительную роль играла Россия и в прекращении феодальных усобиц между владельцами Дагестана, Грузии и Азербайджана и установлении между ними мирных добрососедских отношений. Именно этой цели были посвящены организованные Россией в 1776 г. съезды владельцев Дагестана и Азербайджана с участием русского представителя майора Фромгольта. Благодаря вмешательству России предотвращено было и выступление феодалов Дагестана против Грузии. Но особенно русское правительство заботилось о развитии русско-кавказской торговли. Политика России нашла живой отклик на Восточном Кавказе. Теперь почти все владельцы Дагестана обращались к русскому правительству с просьбой принять их в подданство России. Однако, проводя утонченную и очень осторожную колониальную политику, Россия даже после подписания Кючук-Кайнарджийского договора не решалась присоединить владения Северо-Восточного Кавказа. Даже после того, как уцмий Кайтага и владелец Табасарана присягнули в 1775 г., в период похода в Дагестан генерала де Медема, на подданство России и дали аманатов, последовал приказ русского правительства не считать их русскими подданными. Не был принят в подданство России и Фатали-хан Кубинский. Эта политика объяснялась нежеланием России нарушать Кючук-Кайнарджийский мирный договор, стремлением избежать турецкого вторжения в Закавказье.

**Установление
протектората над
владениями
Дагестана**

В начале 80-х годов XVIII в., с присоединением Крыма, русское правительство активизировало политику на Кавказе. 24 июня 1783 г. в штаб-квартире командующего на Кавказской линии П. С. Потемкина в

Георгиевске был подписан трактат между Россией и Картлийско-Кахетинским царством, состоящий из 13 основных и 4 сепаратных статей. Согласно Георгиевскому трактату, Гру-

Владения России на Кавказе в конце XVIII в.

зия была принята под протекторат России. В Тбилиси было введено два батальона русских войск. Но, несмотря на это, Георгиевский договор носил исключительно оборонительный характер, так как незначительное число русских войск, введенное в Грузию, служило лишь «для охранения». Заключение трактата, основное политическое значение которого заключалось в том, что он значительно ослабил позиции Турции и Ирана в Закавказье, имело объективно важное значение для народов Кавказа.

Как только распространилась весть о подписании трактата, владельцы Дагестана наперебой стали обращаться к России с просьбой принять их под покровительство. Шамхал тарковский Муртузали писал: «Я со всеми моими сыновьями и братьями и всеми мне принадлежащими людьми верно и усердно ее императорскому высочеству служить намерен». Аварский Умма-хан обещал: «во всех сторонах... войско мое и я сам сколько сил моих станет служить готовы». Письма аналогичного содержания русское командование на Кавказе получало и от многих других владельцев Дагестана.

В этот период в подданство России были приняты владения Эндреевское, Костековское, которые признали самодержавную власть российского двора, а владелец Костека кумык

Алиешев был возведен в чин капитана с ежегодным жалованьем.

В подданство России было принято и так называемое «вольное» Андийское общество. «Мы, нижеподписавшиеся андийские старшины и народ, — говорилось в присяге их, — обещаем и клянемся перед самым всемогущим богом и пророком его Магометом в том, что, будучи издревле верными Российской престолу... возобновляем нашу присягу, и почтая себя счастливыми, что удостоены мы в числе верноподанных, постановляем за святое правило исполнять и повиноваться беспрекословно, себя же собственно передаем покровительству и высочайшему защщению».

В 1784 г. петербургский двор предписал командующему на Кавказе П. Потемкину отправить штаб-офицера в Тарки к шамхалу с грамотой о принятии его в подданство России, с письмом, собольей шубой и саблей.

Между тем шамхал Муртузали скончался. Преемник его Баммат также стал добиваться русского подданства. Вместе с ним к России обратились и уцмий Кайтага, Умма-хан Аварский, хан казикумухский и др.

Султанская Турция, не оставлявшая мысль прибрать к своим рукам Кавказ, резко отрицательно относились к росту влияния России. «Ужас в Анатолии был невероятен, еще по присоединению Крыма к Российской державе; принятие Грузии оный усугубило».

Задолго до того начавшаяся подготовка к войне с Россией была ускорена. В 1784 г. в Анапе вместо земляного вала под руководством западноевропейских инженеров была возведена первоклассная крепость. Здесь сосредоточивались значительные военные силы. Немного ранее прибывшие на 100 судах в Сунжук-кале турки скупали хлеб — «готовились к войне и склоняли к тому все горские народы Кабарды и кумыков». Они распускали слухи, «что в Анатолии Алим-Али-паша собрал до 80 тыс. войск для войны с Россией». Укреплением крепостей Батуми и Поти и сооружением новых опорных пунктов и редутом между Рионом и оз. Палюстан, а также обучением артиллерийскому мастерству турецких солдат руководили иностранные офицеры.

Вместе с тем Турция засыпала на Кавказ большое число агентов, которые должны были вербовать на военную службу горцев. Одновременно эмиссары Турции вели разнузданную антирусскую пропаганду: призывали выступать в защиту ислама, не останавливаясь перед большими затратами, щедро одаривали феодалов, а горцам, вступившим на службу султана, обещали выплачивать по 50 руб. От турецкого султана отправлены были грамоты и другим владельцам Кавказа.

В 1785 г. на Северном Кавказе развернулось движение, возглавляемое Ушурмой (шейхом Мансуром). В этом движении

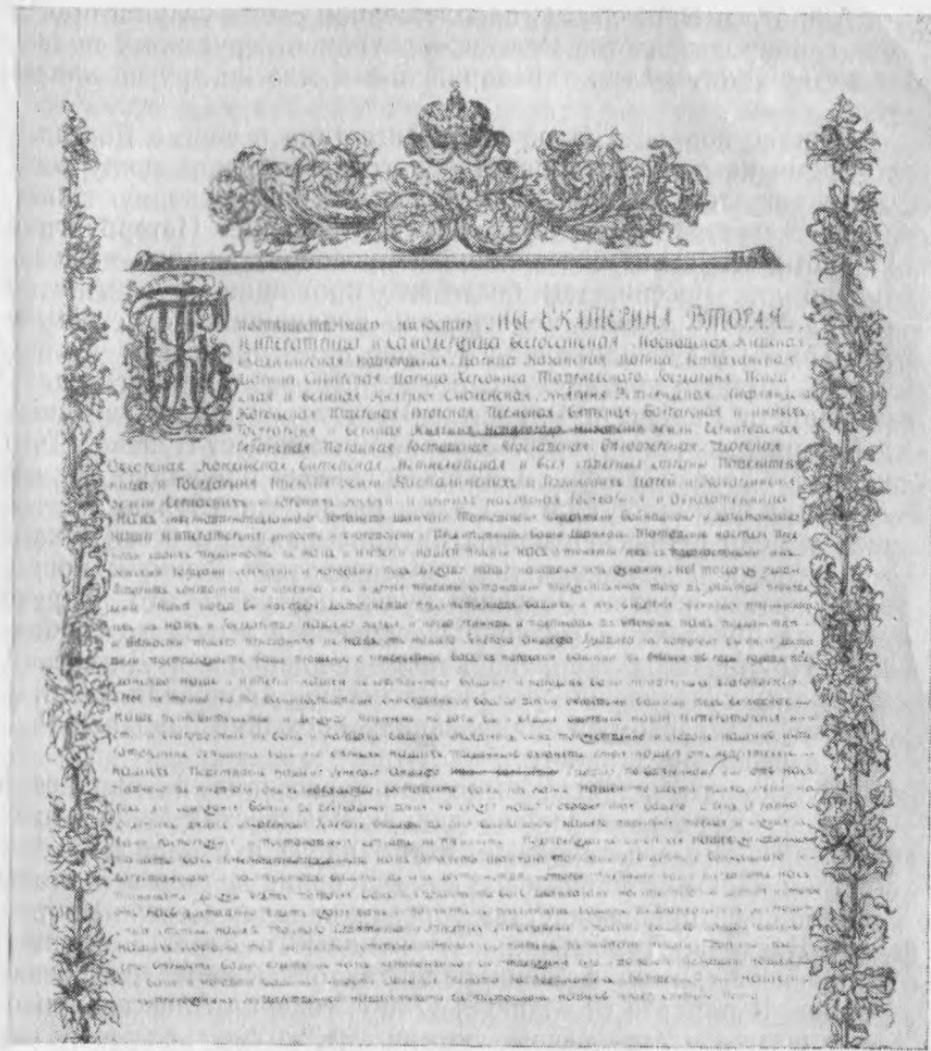
нии из народов Дагестана приняли участие лишь засулакские кумыки, но вскоре и они отошли от движения. Остальные народы Дагестана не только не примкнули к Ушурме, но и отказывали ему в помощи. «Ты предлагаешь мне и дагестанскому народу, — писал Умма-хан Аварский Ушурме, — чтобы подобно населению подчиненных тебе чеченских районов, и отсюда народы пошли... сражаться с русскими... Но известно, что подобные действия перед русской державой не достигнут цели и станут причиной гибели дагестанцев. Поэтому в твоем деле я не могу быть тебе союзником». Отказывали в помощи Ушурме шамхал тарковский, Магомед-хан казикумухский, кадий табасаранский и др. Об отказе Дагестана в помощи Ушурме хорошо было известно русскому командованию. «О собрании лже-пророка разведал, — сообщал в 1786 г. П. Потемкин. — Кроме чеченцев никого нет». Даже когда распространились слухи о скорой помощи Дагестана Ушурме, П. Потемкин заключил: «Это невероятно и не видно, чтобы народы к нему стекались». Просьбы о помощи в Дагестане «во всех местах находят отказ».

Владетели Дагестана продолжали обращаться к России с просьбой принять их в подданство. В марте 1785 г. к русскому командованию вновь прибыл посланник шамхала тарковского. Он привез письмо шамхала, в котором тот просил принять его под покровительство России. Посланник представил также данные ему полномочные права от лица шамхала присягнуть на верность и вступить в подданство России. Русское правительство решило принять шамхальское владение в подданство. Но для того чтобы «наблюсти в том важном деле, да и прямо дать чувствовать самому шамхалу важность оною», решено было отправить в Тарки поручика Филатова с Гасаном. С ним же была отправлена утвержденная форма присяги. Одновременно с русским посланником в Тарки прибыли эмиссары Турции «с приглашением к услугам оной».

Шамхал и собравшиеся от всех подвластных шамхалу кумыкских деревень старейшины единодушно отвергли предложение турок и на общем совете решили принять подданство России.

В мае 1786 г. наместник Кавказа П. Потемкин в торжественной обстановке принял посланника шамхала. Официальный прием завершился салютом в честь принятия шамхальства под протекторат России. В том же 1786 г. эндреевцы и аксаевцы, покаявшись за участие в движении шейха Мансура, просили принять и их в подданство России.

В конце 1786 — начале 1787 г. Аксаковское, Костековское и Эндреевское владения были приняты в подданство России. В 1786 г. к русскому командованию обратился уцмий Кайтага с просьбой принять его, подобно шамхалу, в подданство

Грамота о принятии в русское подданство, выданная Екатериной II
владетелям Дагестана

России. В самом начале 1787 г. в Кизляр прибыл посланик Умма-хана Аварского Дала с прошением и примерными обязательствами, которые хан может взять на себя при принятии в подданство Россией. В письме к П. Потемкину Умма-хан просил, чтоб тот высказал свои замечания на предполагаемые к принятию обязательства и вернул с тем, чтобы и Умма-хан мог в Хунзахе при стечении народа принять их.

Тогда же в Кизляр с просьбой о русском подданстве прибыли посланники казикумухского и кюринского Магомет-ха-

на Али-ага и Кара-ага. С предложением своих услуг и просьбой о покровительстве России обратились к русскому правительству Рустем-кади табасаранский и многие другие владетели.

Однако вопрос о включении Дагестана в состав России в то время не получил окончательного разрешения ввиду того, что в августе 1787 г. Турция развязала новую войну. Включение Дагестана могло осложнить отношения Петербурга с Ираном, что было в создавшихся условиях крайне нежелательно для России, тем более что правящие круги Англии и Франции не только подогревали реваншистские устремления Порты и субсидировали султана, но и прилагали усилия, чтобы создать против России мощный заслон из соседних государств Европы и Ближнего Востока. Открытие военных действий означало также усиление происков султанской Турции на Кавказе. В одном из разосланных в Азербайджан и Дагестан фирманов султан Салим писал: «по случаю настойщей у меня с Россией войны предписываю сим всем мухаммеданского исповедания народам стараться денно и нощно вооружаться против России; будет поступать кто вопреки сего, да будет яко беззаконный, и жена его от него свободна». Но призывы турок не нашли поддержки в Дагестане. Фирманы султана владетели Дагестана «прислали подлинником» кавказскому командованию, поспешив заверить Россию в своей преданности.

Русское государство было заинтересовано в сохранении мира на Кавказе и укреплении экономических и политических связей с его народами, в том числе и с народами Дагестана. Поэтому кавказское командование делало все, чтобы «приобрести привязанность» горских народов Северо-Восточного Кавказа. Прибывший с этой целью в Дагестан офицер Кавказской армии в своих рапортах описывает настроение горцев. В рапорте от 31 июля 1788 г. генерал Алексеев, говоря о шамхале тарковском, уцмии кайтагском, отмечал, что «видел их преданными людьми России, так что... отправит каждый своего сына к вашей светлости». Основываясь на личных наблюдениях, многочисленных сообщениях, поступающих из нагорного Дагестана, генерал-майор Горич в рапорте от 3 февраля 1788 г. кн. Потемкину писал: «хотя здесь со стороны турков распространяются разные слухи, как-то об отправке турецких войск на Кавказ и Дагестан... но горцы сами видят, что то не сбыточно... я нахожу во всех горских народах доброе к нам расположение и если угодно будет вашей светлости могу собрать войско из них».

Многочисленные агенты Турции, проникшие на Северный Кавказ, не добились желаемых результатов. Их усилия поднять горцев на борьбу против России оказались безуспешными.

В июле 1790 г. 30-тысячная армия под командованием Батал-паши двинулась на Северный Кавказ, надеясь покорить Кабарду и нанести главный удар по Кизляру. Турки рассчитывали, что с захватом Кизляра народы Северо-Восточного Кавказа выступят против русских. Однако турки жестоко просчитались. Против наступающего Батал-паши были направлены русские войска под командованием генерал-майора Германа. У р. Тахтамыш (близ современного г. Черкесска) произошла кровопролитная битва, в результате которой турецкие войска были разбиты наголову, а сам главнокомандующий со свитой взят в плен. В дальнейшем успешно продвигающиеся русские войска штурмом овладели Анапой.

Серьезную помощь русским войскам оказали в то время и народы Северо-Восточного Кавказа. Вместе с русскими войсками под командованием генерала Горича, кабардинца по происхождению, в одной только операции принимали участие свыше 5 тыс. кабардинцев. В штурме Анапы отличились отряды под командованием Атажуко Хамурзина. Кабардинские отряды несли охрану Кавказской линии. Плечом к плечу с русскими солдатами сражались и горцы Дагестана. За помощь, оказанную войскам, русское правительство отметило ряд дагестанцев наградами и чинами. Вторая русско-турецкая война, несмотря на всестороннюю поддержку западноевропейскими государствами, и в частности Англии, окончилась поражением Порты.

Блестящие победы русской армии под командованием великого русского полководца А. В. Суворова при Кинбурне, Фокшанах, Римниках и Измаиле, многочисленные победы молодого русского черноморского флота под руководством Ф. Ф. Ушакова принудили Турцию просить мир. В 1791 г. в Яссах между Россией и Турцией был подписан мирный договор, согласно которому Порта подтвердила условия Кючук-Кайнарджийского договора, признала присоединение к России Кубани, Крыма и территории между Бугом и Днестром. Турция отказалась от притязаний на Грузию, взяла на себя обязательства не предпринимать враждебных действий и обязалась обеспечить безопасность кубанских границ России. Несмотря на то что условия Ясского договора не соответствовали ни планам царизма, ни успехам русских в войне с Турцией, все же для России этот договор имел важное значение. По условиям этого договора Россия закрепила за собой все присоединенные земли на юге и жизненно важное для страны черноморское побережье.

Вскоре после заключения Ясского мира по реескрипту Екатерины царские власти приступили к укреплению Кавказской линии. В течение 1791—1793 гг. под начальством генерал-майора Фери были построены крепости Шелководская — близ владения Сунжив Терек, Кавказская — у урочища Ти-

шим-бека, Усть-Лабинская — на р. Лабе и др. Во вновь учрежденные шесть станиц было переселено до 3 тыс. семей донских казаков.

Вместе с русскими и украинскими переселенцами в заселении Северного Кавказа участвовали армяне и грузины. В эти годы взаимоотношения русских переселенцев с горцами Северного Кавказа оставались преимущественно мирными. Между ними шла оживленная торговля, развивались дружественные связи.

Русское правительство в эти годы проводило утонченную колониальную политику, определенную указом императрицы от 28 февраля 1792 г. От кавказского губернатора требовалось «не единою силою оружия... побеждать народы, в неприступных горах живущие... но паче правосудием и справедливостью нужно приобрести их к себе доверенность, кротостью смягчать, выигрывать сердца и приучать их более обращаться с русскими».

Проводимая Россией политика нашла живой отклик. В 1791 г. в Петербург обратились преемник тарковского владельца Баммата Магомед, Шихали-хан Дербентский, кумыкские князья и многие горские владетели с просьбой принять их в подданство России.

19 февраля 1793 г. были приведены «на вечное подданство России» кумыкские князья и шамхал тарковский. Тарковскому владельцу вместе с богатыми подарками была вручена высочайшая грамота, которая подтвердила принятие шамхальства в подданство России. Шамхалу были назначены 6 тыс. руб. в год для содержания войск «во всегдашнее время» на службе России и на оборону края. Сам владетель был возведен в чин тайного советника, и к нему приставом был определен майор Минеев.

Шихали-хан Дербентский после двукратного прошения с его стороны также «сочтен был за подданного» России.

ГЛАВА XIII

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XVIII в.

§ 1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Многолетние ирано-турецкие войны и феодальные междоусобицы сказывались не только на экономике края, но и тормозили развитие культуры народов Дагестана. И все же изменения в социально-экономическом развитии не могли не повлечь за собой значительных достижений в области культуры. Укрепившиеся связи Дагестана с народами Кавказа и России также благотворно сказывались на развитии культуры Дагестана. Творческими усилиями народов Дагестана в XVIII в. были созданы прекрасные памятники материальной и духовной культуры.

Поселения и жилища Многочисленные вторжения иноземных захватчиков и беспрерывные феодальные междоусобицы обусловливали облик аулов

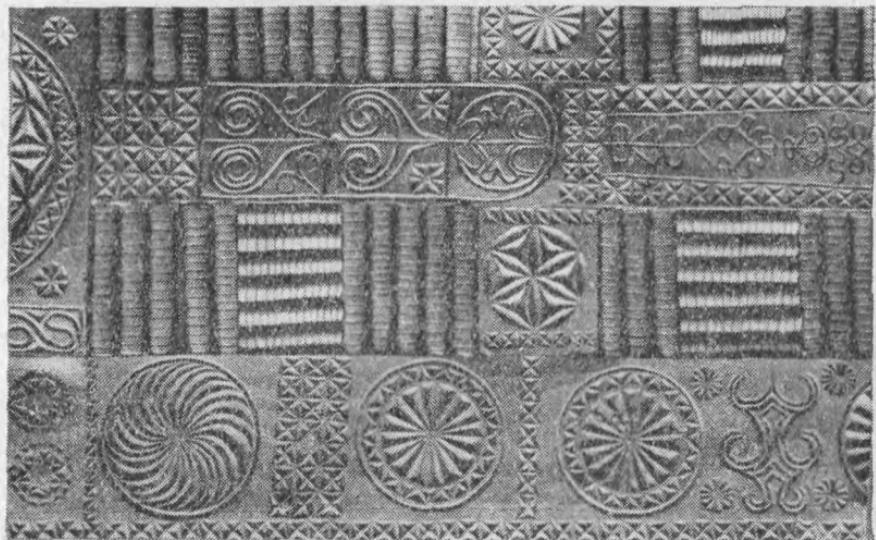
Дагестана и в XVIII в. В большинстве случаев аулы строились как поселения с системой укреплений. Оборонительная система в каждом месте была особой и зависела от топографии селения. С доступных для нападения сторон наружный ряд домов ставится сплошным строем. Нижние части стен в них делаются глухими. В нужных местах этот строй домов дополняется крепостными стенами и системой боевых башен. В стенах устраиваются запирающиеся на ночь ворота, иногда с каменными створами. Сплошную закрытую оборону приходилось создавать и в селениях, расположенных в равнинной открытой местности. Узкие и кривые улицы легко позволяли изолировать от врага любую его часть и вести бастионные бои. Башни часто соединялись подземными ходами между собой и с разными частями селения. Кроме того, на ближних и дальних подступах к аулу со стороны ведущих в аул дорог ставились боевые и сторожевые башни с огневой сигнализацией. Таким образом, получались эшелонированные по глубине системы обороны.

Новый способ обороны ведет в свою очередь к качественным изменениям внутри селения. Ограниченнная укреплениями из стен и башен, застройка становится все более тесной, почти сплошной. Дома соединяются. Увеличивается этажность. В сел. Кубачи, например, или в дидойском селении Мокок старинные жилые дома часто имеют по шесть этажей. За недостатком места дома строятся над улицами, а улицы иногда вместе с перекрестками превращаются в длинные извилистые и темные тоннели.

В зависимости от естественноисторических зон определяется и способ строительства жилищ. В равнинной части Дагестана, населенной кумыками, основным строительным материалом был необожженный кирпич из глины и соломы. Это, однако, не означает, что в кумыкских селениях вовсе не было каменных построек. При строительстве мечетей и других общественных зданий употребляется тесаный и рваный камень. В ряде крупных кумыкских селений, особенно в шамхальстве, жилища феодалов, как правило, строились из камня. Очевидцы свидетельствуют, что в Тарках имелись дома, построенные «из камней, на каменном основании».

В предгорном и нагорном Дагестане основным строительным материалом был камень. За редким исключением, частные и общественные здания складывались из нетесаного камня на глиняном растворе. Перекрытие, за исключением богатых лесом зон, осуществлялось, как правило, каменными плитами. Крыши повсеместно засыпались землей, которая плотно утрамбовывалась. Лесоматериалы в жилище горцев употреблялись лишь для дверей, а иногда как опорные столбы. В XVIII в. в связи с укреплением позиций ислама увеличивается строительство мечетей.

Будучи гораздо крупнее жилых домов, мечеть становится архитектурной доминантой селения, особенно в тех случаях, когда она соединена с красивой вертикалью минарета. Мечети строятся на освященной древними традициями общественной площади, связывая, таким образом, этот общественный форум с исламом. Мечети дают много прекрасных архитектурных решений, они любовно разрабатываются и снаружи и в интерьерах, но в разных районах Дагестана они строятся, как и в прежние времена, по-разному. В то время как мечети, возникающие в Южном Дагестане, продолжают по конструктивным и стилевым признакам формы мечетей Азербайджана и других стран мусульманского Востока, мечети, строящиеся местными мастерами в глубине гор, стойко придерживаются традиций народного жилища. Так, например, в горной Аварии мечети имеют обычную в горах плоскую крышу, покоящуюся на рядах мощных деревянных резных столбов местного рисунка, часто с лепным узором на стенах. Здесь не встречаются ни своды, ни стрельчатые арки.

Деталь резного деревянного ларя для хранения зерна

В XVIII в. господствующие сословия, и особенно феодальные владельцы, строили в своих резиденциях дома-дворцы, такие, как дворец аварских ханов в Хунзахе, казикумухских ханов в Кумухе, дворцы шамхала, Касумбая, Атабая в Тарках и др. Эти так называемые ханские дворцы выделялись среди остальных строений своими размерами, формой, планировкой и качеством строительства. Они строились из тесаного камня с остекленными окнами, относительно высокими деревянными дверьми, украшенными резьбой. В них широко применялись деревянные конструкции и резьба по камню и дереву. Окружались они высоким забором с широкими двусторончатыми воротами, которые также украшались резьбой. Среди памятников строительного искусства своей оригинальностью особенно выделяется дворец Фатали-хана в цитадели Дербента. Стены и потолки внутренних помещений и галереи дворца были покрыты росписью с изображением охотничьих сцен, цветов и т. д. В окнах были вставлены цветные стекла. Кроме дворца в цитадели были и другие здания — мечеть с минаретом, баня, хранилище для воды и т. д.

Выдающимся памятником зодчества XVIII в. является мавзолей, построенный в 1787—1788 гг. над могилой жены Фатали-хана Тути-бике. В плане это центральное восьмиугольное здание, перекрытое стрельчатым куполом. Мавзолей был построен из хорошо вытесанного камня и внутри оштукатурен. Интерьер мавзолея, состоящий из центрального восьмигранного зала и примыкающих к нему четырех ниш,

перекрыт сводами, освещающимися прямоугольными окнами. Общая высота мавзолея без купола равна 4,5 м. По свидетельству путешественников, посетивших Дербент в XVIII в., на северном кладбище было несколько мавзолеев и мечетей. Хорошо сохранился мавзолей в сел. Хучни, отличающийся оригинальным покрытием. Стены мавзолея, завершенные снаружи небольшим пояском из выступающего ряда камней, переходят непосредственно в сомкнутый свод. Мавзолеи в XVIII в. строились и в других селах. Обычно это небольшие квадратные в плане постройки, перекрытые сомкнутым сводом или куполом. Переход от стен к куполу осуществлялся путем постепенного перекрывания углов небольшими камнями.

Прикладное искусство Народное искусство Дагестана в XVIII в. носило прикладной характер. Это означало, что высокохудожественные изделия народного искусства одновременно являлись и предметами быта.

Прикладной характер определял форму, композицию и мотивы изображения, нередко и технику изготовления предметов. Как известно, тесно связанное с ремеслом и кустарными промыслами прикладное искусство Дагестана оказывало влияние на искусство своих соседей, в свою очередь восприняв лучшие достижения умельцев Кавказа, Ближнего Востока и России.

Наибольшее развитие в Дагестане XVIII в. получила художественная обработка шерсти, камня, дерева, кости, глины и всевозможных металлов.

Резьба по камню и дереву была распространена почти повсеместно. Тем не менее выделялся ряд центров камнерезного искусства: Дербент и соседствующие с ним лезгинские и табасаранские села, а также Кубачи, Сутбуяк, Мулебки, Ругуджа, Чох, Куяда и др. В отличие от предыдущих эпох в XVIII в. в камнерезном искусстве вместо бытовавшего геометрического орнамента утверждается так называемый растительный орнамент, основу которого составляют цветочные формы — небольшие загнутые лепестки, листочки и бутоны трилистника, завитки и стебли. Однако характер орнамента и его трактовка в изделиях камнерезных центров имели специфические особенности. Так, в отличие от резного камня Кубачей, богатого и многообразного по формам и элементам узора, узоры аварского резного камня были более линейны, энергичны по движению и очертаниям. Рельеф решается более объемно, элементы узора более выгнуты по своим пропорциям, стебли узоров играют большую роль в построении орнамента. Каждый элемент и каждая деталь узора в аварском резном камне очень законченны по форме.

Резьбой по дереву украшались рамы окон, двери, капители колонн интерьера и балконов, консоли карнизов, а также домашняя утварь и предметы украшения. В Южном Даге-

Балхарская керамика (XVIII в.)

стане, в особенности в Табасаране, в резьбе по дереву применялся плетенчатый орнамент и немного меньше, чем в резьбе по камню, растительный орнамент. Даргинские, лакские и восточноаварские резчики по дереву большей частью применили растительный орнамент. Резчики Северо-Восточного Дагестана в основном использовали трехгранно-выемчатый орнамент с изображением животных фигурок. Довольно часто прибегали к изображению плетенчатых и растительных узоров.

Высокого расцвета в XVIII в. в Дагестане достигла художественная керамика Балхара, Сулевкента, Испига и др. По скрупульности форм, полихронности росписи, декоративности и монументальности узоров и орнаментальному богатству конец XVIII в. можно считать началом классического периода в развитии балхарского керамического искусства. В это же время в Сулевкенте складываются отличные от Балхара приемы украшения художественной керамики.

В Южном Дагестане, в селениях Испик, Мюгюч и др., изготавливались оригинальные по своим художественным особенностям тарелки, кувшины и другие предметы поливной подглазурной керамики, украшенные ангобной росписью и налепными узорами. Полива в изделиях конца XVIII в. была очень насыщена и разнообразна по цвету.

Дальнейшее развитие получило богатое по орнаменту и многообразное по цветовому решению узорное ткачество, распространенное в Дагестане повсеместно. Но наиболее ценные,

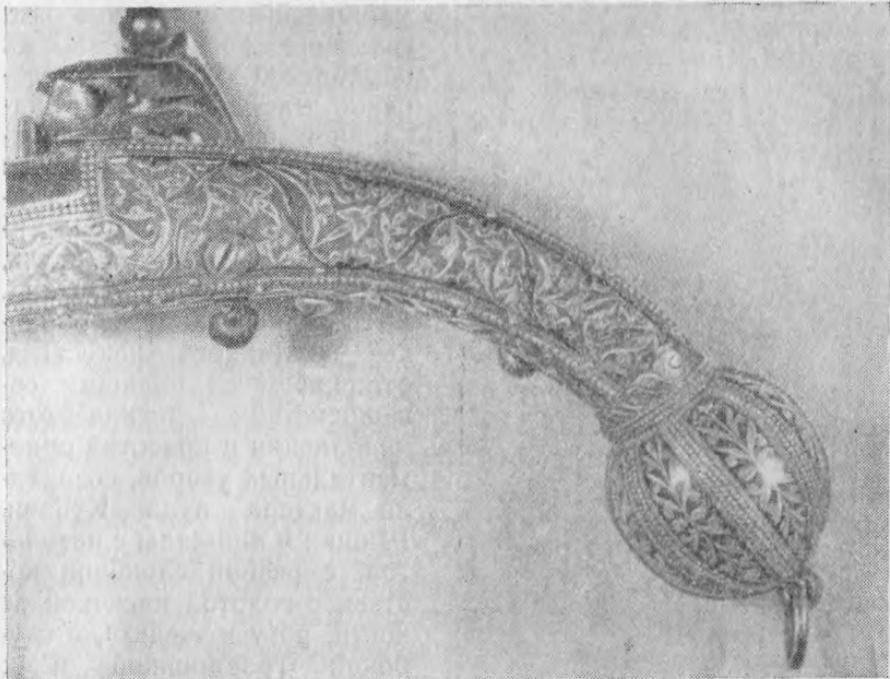

Ворсовый ковер из Южного Дагестана (XVIII в.)

отличающиеся красотой и разнообразием узоров полосатые подстилки, ленты для носки кувшинов выделялись в Балхаре, Короде, Ругудже. Не в меньшей степени в XVIII в. в Дагестане было распространено богатое по орнаменту и многообразное по цветовому решению узорное вязание. Основными центрами узорного вязания были Кубачи, Ахты, Микрах, Тлярата и др. Хотя в узорном вязании чаще всего применялся геометрический или геометризированный растительный орнамент, каждое селение, занимающееся узорным вязанием, имело свои традиционные приемы и характер трактовки узоров.

В XVIII в. в Дагестане значительного развития достигло златошвейное искусство. Золотое шитье применялось чаще всего для украшения различных сумочек, подушек, игольниц, женских головных уборов и других изделий. Такими предметами, расшитым золотом, пользовались в основном господствующие сословия Дагестана.

Большой оригинальностью и высокими художественными достоинствами отличались ковры, сумахи, паласы, арбабаши, а также ковровые изделия, переметные сумы, выючные мешки и др. Причем уже в XVIII в. у каждой народности Дагестана при наличии множества типов, отличающихся структурой ткани и орнаментацией, складывались свои традиционные типы ковровых изделий. Вместе с тем существовала специализация по отдельным видам производства внутри самих цент-

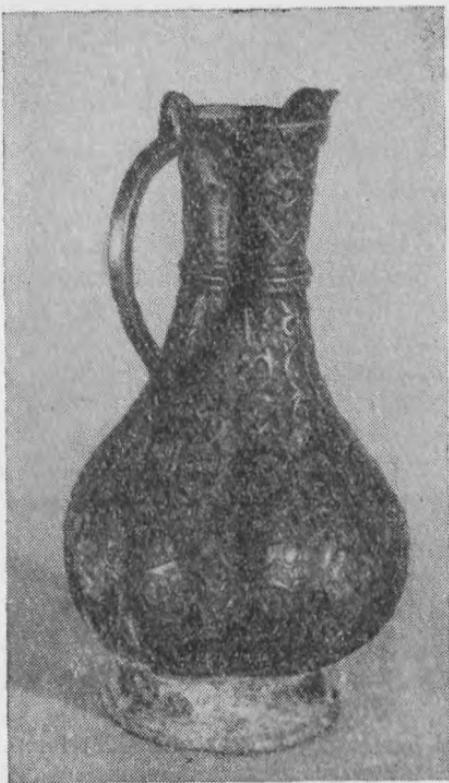

Рукоятка кремневого пистолета работы дагестанских мастеров (XVIII в.)

ров ковроделия. В Южном Дагестане, где наиболее было развито ковроделие, табасаранцы и рутульцы большей частью производили паласы, а лезгины изготавливали сумахи. Высокого расцвета в Южном Дагестане достигло и изготовление ворсовых ковров, отличающихся разнообразием орнамента, композиции и сочностью красок. В Северном и Центральном Дагестане вырабатывались преимущественно гладкие ковры. У аварцев — гладкие ковры «давагын» и циновки, у лакцев — валяные узорные войлоки и большие тканые паласы «турут», у кумыков — узорные войлоки арбабаши.

В XVII в. значительных успехов достигла художественная обработка металла. Как и ранее, самые разнообразные изделия — кувшины, тазы, подносы и другие предметы изготавливали мастера медночеканного дела. Особенно развито было медночеканное производство у аварцев и лакцев, которые изготавливали всевозможную утварь почти для всего Дагестана. По-прежнему основным центром производства литых котлов, светильников и т. д. оставался аул Кубачи.

Дальнейшее развитие получила и художественная обработка серебра, золота и других цветных металлов. Хотя ювелирное и оружейное дело в Дагестане развито было повсеместно и чуть ли не в каждом ауле имелись мастера, зани-

Кувшин для воды кубачинской работы (конец XVIII в.)

мавшиеся в свободное от сельского хозяйства время обработкой серебра, и особенно мастера черни и накладной филиграви, все-таки основными центрами ювелирного искусства оставались Кубачи, Кумух, Унцукуль, Ругуджа, Гамсутль, Гоцатль, Хунзах, Ботлих, Ахты. Превосходные образцы подлинного искусства, отличающиеся большим совершенством технического исполнения и красотой орнаментальных узоров, создавали мастера аула Кубачи. Шашки и кинжалы с позолотой, с резной слоновой kostью, с золотой насечкой по кости, рогу и железу, с глубокой гравировкой и с чернью по серебру, оправы пистолетов и ружей и всевозможные предметы кавказского снаряжения и украшения, сделанные в Кубачах, пользовались широкой известностью далеко за пределами Дагестана.

В отличие от предыдущих эпох в XVIII в. значительно чаще стали применять такие декоративные материалы, как золото, серебро. Орнаментом заполнялась вся поверхность ножен, очень большое распространение получила насечка по железу и кости. Много общего с изделиями кубачинских мастеров было и в лакской художественной обработке металлов.

Работа аварских мастеров была несколько иной. Самобытные художественные традиции аварской обработки металла заключались в том, что изделия украшались более сдержанно и более скромными средствами. Основную роль при художественной обработке орудий и всевозможных украшений у аварских мастеров играло искусство черни. Причем чернь чаще всего используется в качестве фона, на котором располагается серебряный гладкий или чеканенный узор. В аварском оружейном и ювелирном искусстве почти не употреблялось золото.

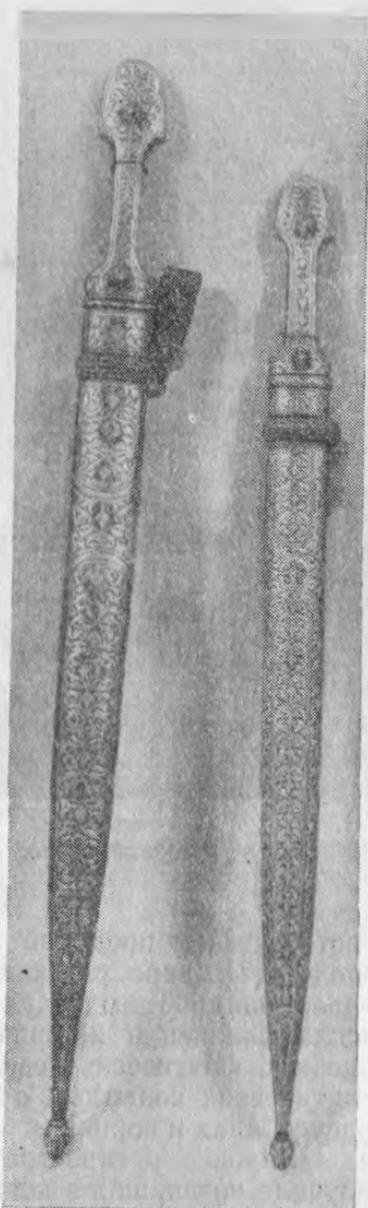
Фольклор Замечательным плодом народного творчества является разнообразный и богатый фольклор, который создавали народы Дагестана: аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, табасаранцы, кумыки и др.

Несмотря на разноязычие, фольклор народов Дагестана имел много общего. Это объяснялось не только тем, что песни, сказки, поговорки страны гор, возникая у одного народа, переходили к другим народам, где приобретали специфические черты, но главным образом сходством общественно-экономического развития, общностью исторических судеб народов Дагестана. При этом каждый народ Дагестана вносил в устное творчество свои особенности, художественные нюансы и специфические черты композиционных приемов и изобразительных средств.

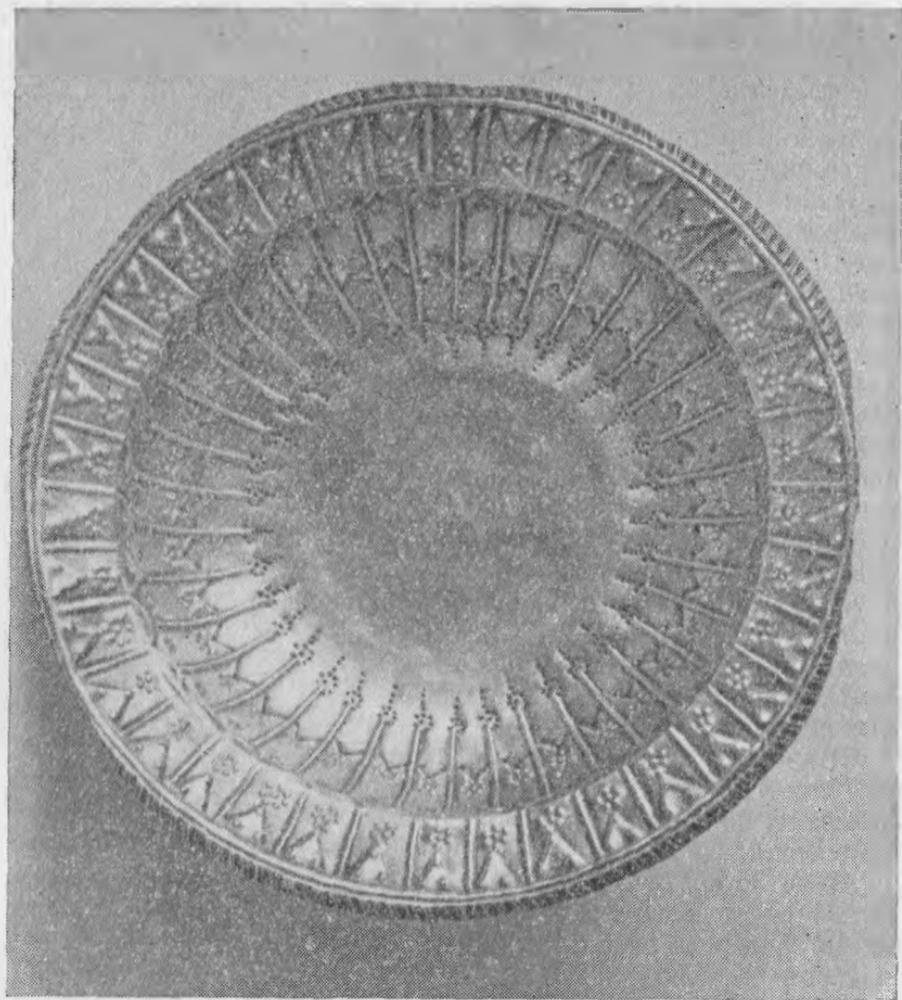
Широкое распространение в XVIII в. в Дагестане получили лирические, эпические и исторические песни.

В устно-поэтическом творчестве народов Дагестана большое место занимали песни, посвященные борьбе народов Дагестана с иноzemными захватчиками. Эпизоды самоотверженной героической борьбы горцев получили яркое отображение в широко распространенных в Дагестане эпических и исторических песнях. Выдающимся памятником устного народного творчества, наиболее ярко и целостно отобразившим многолетнюю героическую борьбу горцев с иранскими захватчиками, является аварский эпос «О разгроме Надир-шаха», лакский «Хан Муртузали» и др.

Идеей борьбы против иранских захватчиков проникнут и ряд

Кинжалы кубачинской работы
(конец XVIII в.)

Медный поднос из селения Гоцатль (XVIII в.)

исторических преданий горцев Дагестана. О борьбе против полчищ Надира рассказывается в преданиях о Шахмане, о пребывании Таймаз-Кули-хана в Аргуни и др. В XVIII в. складывались и исторические песни, в которых содержатся ценные фактические сведения о важнейших общественно-политических событиях, о классовой борьбе, феодальных междоусобицах и войнах.

Широкое распространение среди народов Дагестана получила возникшая в конце XVII в. в Аварии героическая песня о Хочбаре. В XVIII в. сложились лакские и даргинские варианты песни, очень близкие по сюжету и композиции к аварскому варианту, а среди лезгинской группы народностей

возникло предание о легендарной борьбе героя против произвола феодального владетеля.

К циклу антифеодальных песен принадлежит также лакская песня «Султан из Хуна», воспевающая храброго воина, отважно выступившего против произвола и гнета казикумухского хана. Его гнева страшится даже сам феодал. Не в силах расправиться с героем в открытой борьбе, он из-за угла убивает султана. Такова же участь и другого героя — из песни «Сайд из Кумуха».

Широко были распространены в Дагестане возникшие в XVII и сложившиеся в XVIII в. так называемые песни о набегах. Однако было бы неверным считать все многочисленные исторические песни о набегах антинародными и реакционными лишь на том основании, что в них рассказывается вообще о набегах. Прежде всего следует иметь в виду, что набеги совершились с разными целями. Наряду с феодальными набегами, предпринимавшимися с целью грабежа и разбоя на Закавказье, а чаще всего на Грузию, горцы Дагестана устраивали партизанские налеты на войска иноземных захватчиков, угрожавших их свободе и независимости. Песни о набегах, сложившиеся в феодально-клерикальных кругах Дагестана, антинародны и реакционны. В них восхваляется мужество и героизм феодалов — организаторов набегов, пропагандируется вражда между народами, воспевается кровопролитие, а всякое убийство «неверного» объявляется подвигом. Совершенно иначе освещались события в песнях о набегах, возникших среди широких народных масс.

В них идея грабежа соседних народов резко осуждается. Чуть ли не в каждой песне отец, мать, сестра, жена не соглашаются отпустить сына, брата или мужа в поход, прячут коня и доспехи, умоляют на коленях феодала оставить его в покое.

Большое место в дагестанской народной поэзии XVIII в. занимают лирические песни. Из жанров лирической песни наибольшее распространение получают любовные песни, песни-раздумья, песни-размышления.

В дагестанских сказках в XVIII в. усиленно развивается жанр бытовых сказок. В сказках народов Дагестана ясно ощущаются следы различных культур. В XVIII в. особенно усиливается влияние иранской культуры. Многие образы и сюжеты волшебных сказок Ирана переходят в фольклор народов Дагестана. В XVIII в. также начинается проникновение элементов и русского сказочного жанра.

Литература В XVIII в. из массы безымянных исполнителей народных песен выделяются одаренные певцы. Их произведения тесно связаны с фольклором, и народная фразеология и лексика являются первоосновой их творчества. Однако в их творчестве художественно-изобрази-

тельные средства фольклора начинают получать индивидуализацию. Эти певцы еще не оторвались от своего фольклора. Они создают свои произведения по нормативам устного народного творчества, поэтому их творчество воспринимается народом как фольклор. Имена этих певцов не сохранились до наших дней, как и имена ученых-поэтов XVIII в. В этот период зарождается дагестанская письменная литература. Ученые-поэты пишут свои произведения на арабском языке и на родных языках. Литература создавалась под влиянием арабской культуры и на арабском языке, произведения арабской литературы переводились на дагестанские языки. Дагестанские авторы осваивают художественные образцы восточной классической литературы. Из дагестанских ученых-поэтов XVIII в. известен Магомед-Эфенди Кумухский. Его перу принадлежат прозаические произведения и стихотворения на арабском языке. Лишь одно стихотворение философско-религиозного характера и несколько четверостиший на тему о любви дошло до нас из произведений другого видного поэта XVIII в. Магомеда Убринского. Оригинальное произведение на аварском языке создал Дибир-кадий Хунзахский.

Крупнейшим представителем дагестанской литературы XVIII в. был выдающийся лезгинский поэт Саид Кочхюрский (1767—1812). С юношеских лет Саид Кочхюрский работал на феодалов в Азербайджане. Здесь он часто встречался с прославленными азербайджанскими ашугами, познакомился с их произведениями, воспринял некоторые их традиции. Здесь он стал слагать песни и вскоре стал популярным певцом. Однаково хорошо писал он на родном лезгинском и азербайджанском языках. Песни его сложены в форме гошма, известной в Азербайджане и Южном Дагестане.

Вернувшись на родину, Кочхюрский слагал стихи, в которых выступал против гнета и произвола феодалов, за что по приказу хана Саиду выкололи глаза. Однако и после этого Саид по-прежнему оставался бесстрашным певцом свободы народа.

В стихотворении «Проклятие Мурсал-хану» Саид Кочхюрский писал:

Будь проклят свет, где ты рожден на свет,
Будь проклят свет, где тьма, где правды нет.
Кровавый хан, источник наших бед,
Скажи, докуда нам терпеть, проклятый?
Ты разорил аулы наших гор,
Вверг в ад мужей, а женщин вверг в позор.
Терпеть нам это все до коих пор?
Когда, скажите, грянет час расплаты?

(Перевод Н. Гребнева)

Школа и наука В XVIII в. в связи с дальнейшим упрочением ислама в Дагестане по сравнению с предыдущим периодом намного увеличивается число мусульманских школ — мактабов и медресе. Уже в это время не было почти ни одного селения без примечетской школы. В резиденциях феодальных владетелей и центрах союзов сельских общин существовало даже по нескольку мусульманских школ. Примечетские школы, для открытия которых не требовалось никаких разрешений, содержались в основном за счет средств родителей учащихся или на пожертвование верующих — закят, часть которого шла на содержание учеников — муталимов. В этих школах обучали арабской грамоте, заставляя механически заучивать непонятные тексты Корана на арабском языке.

Громадное большинство окончивших примечетские школы выучивалось читать Коран, не понимая его. Меньшая часть осваивала арабскую грамоту и основанную на арабской графике аджамскую систему письма на языках народов Дагестана. И лишь незначительная часть путем упорных трудов и лишений, переходя от одного учителя к другому, изучала восточные языки — арабский, турецкий, персидский, богословие, мусульманское право, философию, историю, географию, астрономию и другие науки. Эти люди — алимы — пользовались большим уважением.

В XVIII в. намного увеличился и привоз из восточных стран книг по различным отраслям науки. Вместе с тем в самом Дагестане имелось немало переписчиков, которые изготавливали списки различной богословской и научной литературы. В связи с этим стала развиваться художественная литература, усовершенствовалось оформление книги.

В XVIII в. происходит и становление библиотечного дела в Дагестане. Как правило, собрание книг сосредоточивалось при мусульманских школах, мечетях или в частных коллекциях. Крупные библиотеки имелись при казикумухской, хунзахской, чохской, усишинской, кудалинской, тпигской и других мечетях. Из частных коллекций наиболее крупными были библиотеки Магомеда Убринского, Ибрагима-Гаджи Урадинского, Алима из Хунзаха и др. Среди них имелись книги по самым различным отраслям знаний. Многие из них дошли до нас.

В XVIII в. по сравнению с предыдущими эпохами более заметным стало два направления в научной и общественно-философской мысли Дагестана: реакционное религиозно-идеалистическое и прогрессивно-рационалистическое. Первое из них представляли богословы Шахбан Ободинский, Молла Магомед Катрузский и другие, служившие интересам феодально-клерикальной верхушки. Идейным знаменем этого направления было реакционное учение Востока. В практиче-

ской деятельности представители этого направления выступали против науки, пропагандировали агностицизм, презрение к земной жизни.

Прогрессивно-рационалистическое направление имело несколько школ, наиболее выдающимися из которых были школы Магомеда Кудатлинского и Дамадана Мугинского. В философских вопросах представители этих школ придерживались рационалистических позиций. Они выступали с критикой положений ортодоксального ислама о божественном предопределении, утверждали, что человек свободен в своих действиях. Выступали в защиту теории познания, считая, что истина достигается только разумом, отстаивали прогрессивные идеи. В частности, они выступали за демократизацию некоторых положений мусульманского права — шариата. По их мнению, из шариата следовало убрать все положения, которые задевали честь и достоинство человека.

Известный ученый Сайд-Ибрагим Гидатлинский настаивал на том, что горные пастбища и леса «не должны быть собственностью отдельных богачей, ими должны пользоваться все». Ученые представители прогрессивно-рационалистического направления выступали против унижения и оскорблений человеческого достоинства женщин, за равноправие всех народов Дагестана, независимо от их социального и национального положения, а также за дружбу между народами Кавказа. Эти ученые резко осуждали феодальные набеги на Грузию. Дамадан Мугинский, например, прямо заявлял, что «нападения на Грузию» противоречат чести и достоинству человека. В годы таких испытаний, как нашествия Надира, ученики и последователи Магомеда Кудатлинского и Дамадана Мугинского выступали в защиту независимости и свободы Дагестана. Особенно большую роль по мобилизации и сплочению горцев сыграл ученый Сайд-Ибрагим Гидатлинский. В своих многочисленных обращениях к народным массам он «призывал народ к отпору тирану-завоевателю». Обратился он и к феодальным владельцам с призывом усилить борьбу против иранских завоевателей.

В XVIII в. в Дагестане выросла целая плеяда ученых, труды которых получили широкую известность. Наиболее выдающимися учеными были известные далеко за пределами Дагестана Магомед Убринский (ум. в 1733 г.), Дауд Усишинский (ум. в 1767 г.), Гасан-Эфенди Кудатлинский, Сайд-Ибрагим Гидатлинский (ум. в 1770 г.), Салих Кулинский, Дибир-кадий Хунзахский, Абубакар Аймакинский и многие другие. Дошедшие до нас отрывочные сведения свидетельствуют, что Магомед Убринский на рубеже 30-х годов XVIII в. по приглашению казикумухского Сурхай-хана был преподавателем высшей мусульманской школы в Шемахе, а большую часть жизни прожил в родном селении Убра, где занимался

научной деятельностью и был преподавателем в медресе, принимал активное участие в общественно-политической жизни общества. В библиотеке Магомеда Убринского обнаружен документ, написанный его рукой, — решение джамаата Убры, в котором говорится, что все жители объединяются, «чтобы всем вместе... вести борьбу с ханами и их рабами, посланными, чтобы изъять имущество сельчан или причинить им вред... Кто не окажется в нужное время на поле сражений, у того взять быка в пользу общества. А если член джамаата откажется от общего дела и добровольно предложит быка, то тогда в пользу общества забрать его поля, пастбища, дом и имущество — все, что ему принадлежит». Из документа видно, что Магомед Убринский был тесно связан с народными массами и отстаивал их права, организовывал и вдохновлял горцев на борьбу против социального гнета.

Магомед Убринский — автор ряда трудов по филологии, праву, философии и другим наукам. На его трудах учились целые поколения алимов Дагестана. Одновременно с научными исследованиями Убринский занимался и литературной деятельностью. По имеющимся сведениям, им было написано несколько художественных произведений.

Другим выдающимся ученым описываемой эпохи был Дауд Усишинский. К сожалению, кроме труда по грамматике арабского языка, работы Дауда Усишинского до нас не дошли. Но по многочисленным комментариям на полях книг по грамматике, логике, праву и т. д. мы можем судить о разносторонних знаниях Дауда Усишинского.

Дауд Усишинский принимал деятельное участие в общественно-политической жизни. Он выступал за равноправие словий, против догм ислама о мусульманской исключительности, ратовал за дружбу народов, резко критиковал набеги, устраиваемые феодальными владельцами Дагестана на Грузию.

В XVIII в. в Дагестане была окончательно завершена основанная на арабской графике аджамская система письма для аварского, лакского, кумыкского, даргинского и других языков.

Завершение создания аварской письменности связано с именем известного ученого Дибир-кадия из Хунзаха.

Дибир-кадий родился в 1749 г. в Хунзахе. Его настоящее имя Мухаммед-Шафи. Он прекрасно владел арабским, персидским и турецким языками. Одно время Дибир-кадий был на службе у знаменитого аварского Умма-хана, где заведовал перепиской хана с соседними государствами Кавказа, а также с Турцией и Ираном. Его перу принадлежит ряд трудов по различным отраслям науки, среди которых заметное место занимает толковый словарь персидско-турецко-арабского языков, учебник персидского языка.

В XVIII в. в Дагестане было составлено немало исторических хроник. До нас дошел ряд описаний событий в том или ином ханстве или обществе, летопись дома уцмиев, ханов Аварии, майсумов Табасарана и другие хроники, посвященные описанию истории отдельных ханств, обществ, аулов или важнейших событий в истории народов Дагестана — войн, эпидемий, землетрясений и др. Среди исторических трудов, составленных в XVIII в., наиболее видное место занимает «История войн Джара в XVIII столетии» анонимного автора. Хроника «История войн Джара» посвящена описанию борьбы горцев Дагестана против Надир-шаха. Написана на арабском языке. В ней в сжатой форме излагаются почти все основные события со времени нашествия на Дагестан полчищ Надира-шаха до его изгнания.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И., *Осетинский язык и фольклор*, т. I, М.—Л., 1949.
- Абаев В. И., *Историко-этимологический словарь осетинского языка*, М.—Л., 1958.
- Абдулаев Г. Б., *Азербайджан в XVIII в. и его взаимоотношения с Россией*, Баку, 1965.
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, Тифлис, т. I, 1866; т. II, 1868; т. VII, 1878; т. X, 1885.
- Али-Заде А. А., *Некоторые сведения о Ширване (до начала XII в.)*, — «Изв. АН АзССР», отд. общ. наук, 1947, № 12.
- Али-Заде А. А., *Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII—XIV вв.* — ВИ, 1952, № 8.
- Али-Заде А. А., *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв.*, Баку, 1956.
- Алиев И., *История Мидии*, Баку, 1960.
- Алиханов Р., *Кубачинский орнамент*, М., 1963.
- Английские путешественники в Московском государстве. Пер. с англ. Ю. В. Готье, Л., 1938.
- Анучин Д. Н., *Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года*, — ИРГО, т. XX, вып. 4, 1884.
- «Армяно-русские отношения в XVII веке. Сборник документов», Ереван, 1953.
- Артамонов М. И., *Древний Дербент*, — СА, т. VIII, 1946.
- Артамонов М. И., *История хазар*, Л., 1962.
- Арунова М. Р. и Ашрафян К. З., *Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30—40-х годов XVIII века*, М., 1958.
- Арутюнян П. Т., *Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в.*, М., 1954.
- Атаев Д. М., *Нагорный Дагестан в раннем средневековье*, Махачкала, 1963.
- Атаев Д. М., *Новые данные о металлообрабатывающих очагах в средневековом Дагестане*, М., 1964. (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук).
- Атаев Д. М., Марковин В. И., *Петрографика горной Аварии*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. XIV, 1965.
- Атлас к путешествию Б. А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря, СПб., 1895.
- Ашурбейли С. Б., *Очерк истории средневекового Баку (VIII—начало XIX вв.)*, Баку, 1964.
- Бабаев Д., *Селение Ахты Самурского округа Дагестанской области*, — СМОМПК, вып. 17, 1893.
- Базилевич К. В., *Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV в.)*, М., 1952.
- Бакиханов Аббас-Кули-Ага, *Гюлистан-Ирам*, Баку, 1926 («Труды Общества обследования и изучения Азербайджана», вып. 4).

- Бакланов Н. Б., *Художественная культура Дагестана*, — «Новый Восток», 1924, № 5.
- Бакланов Н. Б., *Златокузнецы Дагестана. О кустарях и металлистах с. Кубачи*, М., 1926.
- Бакланов Н. Б., *Архитектурные памятники Дагестана*, вып. 1, Л., 1935.
- Бакланов Н. Б., *Архитектурные сооружения Дагестана*, — в кн.: «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии», М.—Л., 1939.
- Бакунина В. И., *Персидский поход в 1797 г.*, — «Русская старина», т. 53, 1887.
- Баладзори, *Книга завоевания стран*. Текст и пер. с арабского проф. П. К. Жузе, Баку, 1927 («Материалы по истории Азербайджана», вып. III).
- [Барбаро И.], *Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина*, СПб., 1836 («Библиотека иностранных писателей о России», т. I).
- Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А. Р., *Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. XI, 1963.
- Бартольд В. В., *Сочинения*, т. I—IV, М., 1963—1966.
- Бартольд В. В., *К вопросу о происхождении Дербенд-наме*, — «Иран», I, Л., 1926.
- Башкиров А. С., *Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи*, М., 1926 («Труды секции археологии Ин-та археологии и искусствознания, РАНИОН», т. I).
- Башкиров А. С., *Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейи*, М., 1926 («Труды секции археологии Ин-та археологии и искусствознания, РАНИОН», т. I).
- Башкиров А. С., *Петрографика Аварии*, М., 1930 («Труды секции археологии Ин-та археологии и искусствознания, РАНИОН», т. V).
- Башкиров А. С., *Искусство Дагестана. Резные камни*, М., 1931 («Труды секции археологии Ин-та археологии и искусствознания, РАНИОН», т. VI).
- Башкиров А. С., *Резьба по камню и дереву в Дагестане*, — «Художественная культура Советского Востока», М.—Л., 1931.
- Бейлис В. М., *Из истории Дагестана VI—XI вв. Серир*, — ИЗ, № 73, М., 1965.
- Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь, ч. I, СПб., 1776.
- Белокуров С., *Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел*, вып. I, 1578—1613 гг., М., 1889.
- Беляев В. И., *Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX—XIII вв.*, — «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1939.
- Беляев Е. А., *Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье*, М., 1965.
- Бердзенишвили Н. А., *Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии XIII—XVII вв.*, Тбилиси, 1938.
- Бердзенишвили Н. А., Джавахишвили И. и Джанашвили С., *История Грузии, (с древнейших времен до начала XIX в.)*, ч. I, Тбилиси, 1950.
- Березин И., *Арабские надписи в Дербенте*, — «Зап. С.-Петербургского археологического-нумизматического общества», СПб., 1850, т. II, вып. I.
- Березин И., *Путешествие по Дагестану и Закавказью*, изд. 2, ч. I—II, М.—СПб.—Казань, 1850.
- «Ближний и Средний Восток». Сб. статей Ин-та народов Азии АН СССР, М., 1962.
- Бокарев Е. А., *Краткие сведения о языках Дагестана*, Махачкала, 1949.
- Бокарев Е. А., *Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков*, Махачкала, 1961.
- Бредэ К. А., *Новые поселения на Сулаке*, — «Тезисы докладов на научной

- сессии ИИЯЛ, им. Г. Цадасы Даг. филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана», Махачкала, 1959.
- Бретаницкий Л. С., *К проблеме изучения архитектурных направлений средневекового Азербайджана*, — «Изв. АН АзССР», 1945, № 9.
- Броневский С., *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, ч. 2, М., 1823.
- Брюссе М., *Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 гг.*, СПб., 1861.
- [Бузанд, Фавстос], *История Армении Фавстоса Бузанда*. Пер. М. А. Геворгяна, Ереван, 1953.
- Бунятов З., *Азербайджан в VII—IX вв.*, Баку, 1964.
- Бутков П. Г., *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год*, ч. I—II, СПб., 1869.
- Вавилов Н. И., *Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий*, — «Природа», 1936, № 2.
- Вавилов Н. И., *Опыт агрозоологического обозрения важнейших полевых культур*, М.—Л., 1957.
- Вейденбаум Е., *Путеводитель по Кавказу*, Тифлис, 1888.
- Владимирцов Б. Я., *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934.
- «Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы», М., 1964.
- Габиев С., *Лаки. Их прошлое и быт*, — СМОМПК, вып. 36, 1906.
- Гаджиев В. Г., *Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в.*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», 1963.
- Гаджиев В. Г., *Роль России в истории Дагестана*, М., 1965.
- Гаджиев М. Г., *Гинчинский могильник эпохи бронзы*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. X, 1962.
- Гаджиев М. Г., *О погребальном обряде племен горного Дагестана в бронзовом веке*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. XIII, серия историческая, 1964.
- Гаджиев М. Г., *Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э.*, — КСИА, вып. 108, М., 1966.
- Гаджиева С. Ш., *Кумыки*, М., 1961.
- Ган К. Ф., *Первый опыт объяснений кавказских географических названий*, — СМОМПК, вып. 40, 1909.
- Гаркави А. Я., *Сказание мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по р. х.)*, СПб., 1870.
- Гврдтишвили Д. В., *Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии (Сатавадо-сеньории)*, Тбилиси, 1961.
- Генко А. Н., *Арабский язык и кавказоведение*, М.—Л., 1941 («Труды ИВАН», вып. XXXVI).
- Генко А. Н., *Стенограмма доклада о вновь открытой письменности средневекового Азербайджана*, — Научный архив Ин-та истории АН АзССР, инв. № 1024.
- Гербер И. Г., *Известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их столицах в 1728 году*, — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», СПб., 1760, сентябрь.
- Гидатлинские агады. Подготовили к печати Х. М. Хашаев и М. С. Саидов, Махачкала, 1957.
- Гмелин С. Г., *Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе*, ч. III, половина I, СПб., 1785.
- Гольдцинер И., *Культ святых в исламе (Мухаммеданские эскизы)*. Пер. с нем., М., 1938.
- Гольдцинер И., *Лекции об исламе*. Пер. с нем. А. Н. Черновой, СПб., 1912.
- Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Под ред. А. А. Цагарели, т. I, СПб., 1891.
- Греков Б. Д., *Киевская Русь*, М., 1949.

- Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю., *Золотая Орда и ее падение*, М.—Л., 1950.
- «Россия и Азия». Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом, СПб., 1876.
- Гриценко Н. П., *Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII—первой половине XIX вв.*, Грозный, 1961.
- Гудава Т. Е., *Две надписи (грузинская и грузинско-аварская) из Дагестана*, — «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 30, Тбилиси, 1954.
- Гулиев А. Н., *Из истории азербайджано-русских отношений*, Баку, 1957.
- Гюзальян Л. Т., *Две строительные надписи из Кубачи*, — ЭВ, XVI, 1963.
- Дагестанский сборник*. Составил Е. И. Козубский, вып. I—II. Темир — Хан-Шура, 1902, 1904; вып. III, Махачкала, 1927.
- Джанашвили М., *Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России*, — СМОМПК, вып. XXII, 1897.
- Джанашвили М. Г., *«Картлис цховреба»* («Жизнь Грузии»), — СМОМПК, вып. XXXV, 1905.
- Дебиров П. М., *Надмогильные памятники Дагестана XV—XVIII вв.*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. X, 1962.
- Дебиров П. М., *Архитектурная резьба Дагестана*, М., 1966.
- Дирр А., *Экскурсия по Дагестану*, — К., 1903, № 187.
- Дирр А. М., *Современные названия кавказских племен*, — СМОМПК, вып. XL, 1909.
- Дорн Б., *Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря*, — ТВОРАО, ч. VIII, 1864.
- Дорн Б., *Каспий. О походах Древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря*, СПб., 1875.
- Дружинина Е. И., *Кючук-Кайнарджийский мир*, М., 1955.
- Дубровин Н., *Поход графа Зубова в Персию в 1796 г.*, — «Военный сборник», 1874, № 2—6.
- Дьяконов М. М., *Бронзовый водолей 1206 г.*, — в кн.: «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии», М.—Л., 1939.
- Дьяконов И. М., *Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с древним Востоком в III—I тысячелетиях до н. э.*, Баку, 1966.
- Енин Г. Т., *Зерновые культуры Дагестана*, — в сб. «Сельское хозяйство Дагестана», М.—Л., 1946.
- Еремян С. Т., *Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Варз-Трдата к хазарскому хакану Алл Илитверу*, — ЗИВАН, 1939.
- Заходер Б. Н., *История восточного средневековья*, М., 1944.
- Заходер Б. Н., *Хорасан и образование государства сельджуков*, — ВИ, 1945, № 5—6.
- Заходер Б. Н., *Из истории волжско-каспийских связей древней Руси*, — СВ, 1955, № 3.
- Заходер Б. Н., *Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв.*, М., 1962.
- Зевакин Г., *Азербайджан в начале XVIII в.*, Баку, 1929.
- Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А., *Очерки по истории Генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII—XV вв.*, — ИЗ, 1938, № 3.
- Иванов М. С., *Очерки истории Ирана*, М., 1952.
- Иессен А. А., *Кавказ и Древний Восток в IV—III тысячелетиях до нашей эры*, — КСИА, 93, 1963.
- Иессен А. А., *Работы на Сулаке*, — «Изв. ГАИМК», вып. 110, 1935.
- «Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели», М.—Л., 1960.
- Аль-Истахрий, *Книга путей и царств*. Пер. Н. А. Карапулова, — СМОМПК, вып. XXIX, 1901.

- История Азербайджана*, т. 1. С древнейших времен до присоединения Азербайджана к России, Баку, 1958.
- История армянского народа*, ч. I, Ереван, 1951.
- История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы под ред. М. О. Коссена и Х.-М. Хашаева*, М., 1958.
- История Егише варданета*. Пер. с арм. П. Шаншиева, Тифлис, 1853.
- История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.* Под ред. В. В. Струве (отв. ред.), И. А. Орбели и М. П. Петрушевского, Л., 1958.
- История Кабардино-Балкарской АССР*, т. 1, Нальчик, 1965.
- История Кабарды с древнейших времен до наших дней*, М., 1957.
- История культуры древней Руси*, т. I, М.—Л., 1948.
- История Северо-Осетинской АССР*, М., 1959.
- Хилов М. М., *Материалы по этнографии рутулов и цахур*, — КСИЭ, XXXIII, 1960.
- Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.*, т. I—II, М., 1957.
- [Каганкаваци М.], *История Агван Моисея Каганкаваци*, писателя X века. Пер. с арм. К. Патканьяна, СПб., 1861.
- Канивец В. И., *Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане*, — МАД, т. I, 1959.
- Канивец В. И. и Березанская С. С., *Курганы бронзового века на Сулаке*, — МАД, т. I, 1959.
- Карамзин Н. М., *История государства Российского*, т. VIII, кн. II; СПб., 1892; т. X, кн. III; т. XI, кн. III.
- «Каталог Международной выставки памятников иранского искусства и археологии в Гос. Эрмитаже», вып. I, Л., 1935.
- Каяев А., *Материалы по истории лаков* (на лакск. яз. с араб. текстами), — РФ ИИЯЛ, д. 1642.
- Кильчевская Э. В., *Декоративное искусство аула Кубачи*, М., 1962.
- Кильчевская Э. В. и Иванов А. С., *Художественные промыслы Дагестана*, М., 1959.
- Кишишев С., *Походы шаха Надира в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти*, Тифлис, 1889.
- Климович Л. И., *Ислам*, М., 1962.
- Ключевский В. О., *Курс русской истории*, — Сочинения, т. I, М., 1956.
- Книга Большому Чертежу. Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной, Л., 1950.
- Ковалевский А. П., *Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.* Статьи, переводы и комментарии, Харьков, 1956.
- Ковалевский М. М., *Закон и обычай на Кавказе*, т. I—II, М., 1890.
- Козубский Е. И., *История города Дербента*, Темир-Хан-Шура, 1906.
- Коковцов П. К., *Еврейско-хазарская переписка в X веке*, Л., 1932.
- [Комаров] А. К., *Казикумухские и кюринские ханы*, — ССКГ, вып. II, 1869.
- Контарини, *Путешествие к персидскому шаху Усун Гассану 1473 г.* СПб., 1836 («Библиотека иностранных писателей о России»).
- Косвен М. О., *Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке*, — «Кавказский этнографический сборник», вып. I, М., 1955.
- Косвен М. О., *Очерки истории первобытной культуры*, М., 1957.
- Косвен М. О., *Семейная община и патронимия*, М., 1963.
- [Котов Ф.]. *Хождение купца Федота Котова в Персию*, М., 1958.
- Котович В. Г., *Археологические работы в горном Дагестане*, — МАД, т. II, 1964.
- Котович В. Г., *К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. IX, 1961.
- Котович В. Г., *Каменный век Дагестана*, Махачкала, 1964.
- Котович В. Г., *О хозяйстве населения горного Дагестана в древности*, — СА, 1965, № 3.
- Котович В. Г., Шейхов Н. Б., *Археологическое изучение Дагестана за 40 лет*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. VIII, 1960.

- Котович В. М., *Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. К истории дагестанских племен в III—II тыс. до н. э.*, Махачкала, 1965.
- Крачковская В. А., *Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике*, — ЭВ, II, 1946.
- Крачковская В. А., *Из архивного наследия Ханыкова и Дорна*, — ЭВ, IV, 1951.
- Крачковская В. А., *Арабская эпиграфика в России 50—60-х годов XIX в.* — ЭВ, IX, 1954.
- Крачковская В. А., *Арабская эпиграфика на Кавказе с 60-х годов XIX в. до Октябрьской революции*, — ЭВ, XII, 1958.
- Крачковский И. Ю., *Из истории торговых связей халифата в X в.* — «Уч. зап. ЛГУ», № 128, серия востоковед. наук, вып. 3. История и филология стран Востока, 1952.
- Крачковский И. Ю., *Избранные сочинения*, М.—Л., т. IV, 1957; V, 1958; VI, 1960.
- Круглов А. П., *Археологические работы на Северном Кавказе*, — КСИИМК, V, 1940.
- Круглов А. П., *Культовые места горного Дагестана*, — КСИИМК, XII, 1946.
- Круглов А. П., *Пред斯基фские памятники Северо-Восточного Кавказа*, — «Уч. зап. ЛГУ», серия истор. наук, вып. 13, 1949.
- Круглов А. П., *Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.* — МИА, № 68.
- Крупнов Е. И., *Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа)*, — СА, 1964, М.
- Крупнов Е. И., *Каякентский могильник — памятник древней Албании*, — «Тр. ГИМ», вып. XI, М., 1940.
- Крупнов Е. И., *К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным*, — «Уч. зап. кабардинского научно-исследовательского института», т. II, Нальчик, 1947.
- Крупнов Е. И., *Археологические работы на Северном Кавказе*, — КСИИМК, XXVII, 1949.
- Крупнов Е. И., *Новый памятник древних культур Дагестана*, — МИА, № 23.
- Крупнов Е. И., *О древних связях юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока*, — «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 1.
- Крупнов Е. И., *Древняя история Северного Кавказа*, М., 1960.
- Крупнов Е. И., *Кавказ в древнейшей истории нашей страны*, — ВИ, 1966, № 5.
- Крылова Т. К., *Русско-турецкие отношения во время Северной войны*, — ИЗ, № 10, 1941.
- Кузнецов В. А., *Аланские племена Северного Кавказа*, М., 1962.
- Куканова Н. Г., *Русско-иранские торговые отношения в конце XVII — начале XVIII в.* — ИЗ, № 57, 1956.
- Кучкин В. А., *Русский путешественник в Азербайджане в первой половине XV в.* — ВИ, 1965, № 3.
- Кушева Е. Н., *Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII веках*, Махачкала, 1954.
- Кушева Е. Н., *Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII века)*, М., 1963.
- Лавров Л. И., *Раннесредневековый могильник в нагорном Дагестане*, — СМАЭ, т. XIII, 1951.
- Лавров Л. И., *Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в.* — «Материалы по истории земледелия СССР», сб. 1, М., 1952.
- Лавров Л. И., *Некоторые итоги работы Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг.* — КСИЭ, XIX, 1953.
- Лавров Л. И., *Тарки до XVIII века*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. IV, 1958.
- Лавров Л. И., *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском*.

- персидском и турецком языках, ч. I. Надписи X—XVII вв., М., 1966.
Латышев В. В., *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе*, — ВДИ, 1947—1949.
Лазарев Я. Д., *О гуннах Дагестана*, — К., 1859, № 34—38.
Левиатов В. Н., *Очерки по истории Азербайджана в XVIII веке*, Баку, 1948.
Левиатов В. Н., *Фатали — хан Кубинский*, — «Изв. АН АзССР», 1946, № 9.
Левицкий Т., *Из научных исследований арабских источников. Некоторые арабские документы о славянах 720 г.*, — в кн.: «Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы», М., 1964.
Леонович Ф. И., *Адаты кавказских горцев*, вып. I—II, Одесса, 1882—1883.
[Лерх И.], *Из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря*, СПб., 1790 (Новые ежемесячные сочинения, ч. XLIII—XLIV).
Любимова Г. Н. и Хан-Магомедов С. О., *Народная архитектура южного Дагестана. Табасаранская архитектура*, М., 1956.
Магомедов Р. М., *Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в.*, Махачкала, 1957.
Магометов А., *Исторические сведения о кубачинцах и их языке*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. XI, серия филологическая, 1962.
Маллахиханов Б., *О прошлом Аварии*, Махачкала, 1928.
Маллахиханов Б., *К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. XIV, серия историческая, Махачкала, 1965.
Манандян Я., *О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен*, Ереван, 1954.
Маргграф О. В., *Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства*, М., 1882.
Марков А. К., *Топография кладов восточных монет*, СПб., 1910.
Маркова О. П., *Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в.*, М., 1966.
Марковин В. И., *Неолитическая стоянка близ Махачкалы*, — МАД, т. I, 1959.
Марковин В. И. и Мунчаев Р. М., *Неолитическая стоянка близ города Буйнакска (Дагестан)*, — КСИИМК, 67, 1957.
Марковин В. И. и Твердохлебов А. М., *Акушинский могильник*, — КСИИМК, вып. LX, 1955.
Массэ А., *Ислам. Пер. с франц.*, М., 1962.
Материалы по истории Азербайджана, вып. III, Баку, 1927.
Мегрелидзе И. В., *Археологические находки в Диdo*, — СА, XVI, 1951.
«Международные связи России до XVII в.» Сб. статей, М., 1961.
Меликишвили Г. А., *Возникновение хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии*, — ВДИ, 1965, № 1.
Меликишвили Г. А., *Урартоведческие заметки*, — ВДИ, 1951, № 3.
Меликишвили Г. А., *Древневосточные материалы по истории народов Закавказья*, ч. I, *Наури-Урарту*, Тбилиси, 1954.
Меликишвили Г. А., *К истории древней Грузии*, Тбилиси, 1959.
Месхиа Ш. А. и Цинцадзе Я. З., *Из истории русско-грузинских взаимоотношений X—XVIII вв.*, Тбилиси, 1958.
Мецопский Ф., *История Тимур-ланка и его преемников*, Баку, 1957.
Миклухо-Маклай Н. Д., *Географическое сочинение XIII в. на персидском языке*, — «Уч. зап. ИВАН», IX, М.—Л., 1954.
Миллер А. Ф., *Древняя форма материальной культуры современного населения Дагестана*, Л., 1927.
Миллер А. Ф., *Краткая история Турции*, М., 1948.
Минорский В. Ф., *Русь в Закавказье (Новые данные)*, — «Acta orientalia», т. III, 1953.
Минорский В. Ф., *История Ширвана и Дербенда X—XI веков*, М., 1963.

- Мирза-Адигезаль-Бек, Карабаг-наме, Баку, 1950.
- Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, Баку, 1959.
- Мовчан Г. Я., Из архитектурного наследия аварского народа, — СЭ, № 4, 1947.
- Монгайт А. Л., Археология в СССР, М., 1955.
- Мунчаев Р. М., Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, — МИА, № 100, 1961.
- Мунчаев Р. М. и Смирнов К. Ф., Археологические памятники близ села Карабухент (Дагестанская АССР), — МИА, № 68.
- Мунчаев Р. М. и Смирнов К. Ф., Памятники эпохи бронзы в Дагестане (Курганская группа у ст. Манас), — СА, XXVI, 1956.
- Народы Кавказа. Под ред. М. О. Коссена и др. М., 1960.
- Нейматова М. Х., О некоторых эпиграфических памятниках Ширвана (XIV—XVI вв.), — ЭВ, XV, 1963.
- [Никитин Афанасий]. Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1948 (Литературные памятники).
- Низами, Искандер-наме. Пер. К. Липскерова. Баку, 1953.
- Новосельский А. А., Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в., М., 1948.
- Ногмов Ш. Б., История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев, Нальчик, 1958.
- Нюберг Р. С., Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента, Баку, 1929 (Известия Общества обследования и изучения Азербайджана, № 8, вып. V).
- Олеарий А., Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию, СПб., 1906.
- Орбели И. А., Избранные труды, Ереван, 1963.
- Очерки истории Адыгеи, т. I, Майкоп, 1957.
- Очерки истории балкарского народа, Нальчик, 1961.
- Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957.
- Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Под ред. Н. И. Веселовского, т. I—III, СПб., 1890—1898.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией, т. II, СПб., 1883. («Сборник имп. Русского исторического общества», т. XXXVIII).
- Памятники эпохи Руставели, Сборник, Л., 1938.
- Панкратова А. М., Великий русский народ, М., 1948.
- Патканов К., Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому, — ЖМНП, ч. CCXXVI, 1883, март.
- Пахомов Е. А., О находке сасанидских надписей в Дербенте, — «Культура и письменность Востока», кн. IV, Баку, 1929.
- Пахомов Е. А., К толкованию пехлевийских надписей Дербента, — «Изв. АзГНИИ», историко-этнографическое и археологическое отд., т. I, вып. 2, Баку, 1930.
- Пахомов Е. А., Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, — в кн.: «Проблемы истории материальной культуры», Л., 1930.
- Пахомов Е. А., О дербентском княжестве XII—XIII вв., — «Изв. АзГНИИ», историко-этнографическое и археологическое отд., т. I, вып. 2, Баку, 1930.
- Пахомов Е. А., Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, Баку, 1957.
- Петров Г. М., Краткий очерк развития русско-иранских экономических и политических отношений в XVIII в., — СВ, VI, 1949.
- Петрушевский И. П., Государства Азербайджана в XV веке, — «Сборник статей по истории Азербайджана», вып. I, Баку, 1949.
- Петрушевский И., Джаро-белоканские вольные общества в первой трети XIX в., Тифлис, 1934.
- Петрушевский И. П., Хамдуллах Казвини как источник по социально-эко-

- номической истории восточного Завкаавказья, — «Изв. АН СССР», отд. общ. наук, М.—Л., 1937, № 4.
- Петрушевский И. П., *Великий патриот ширваншах Ибрагим*, Баку, 1942.
- Петрушевский И. П., *Рашид ад-дин и его исторический труд*. Предисловие, — в кн.: Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952.
- Петрушевский И. П., *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков*, М.—Л., 1960.
- Пигуловская Н. В., *Сирийские источники по истории народов СССР*, — «Труды ИВАН», вып. XLI, М.—Л., 1941.
- Пигуловская Н. В., *Византия и Иран на рубеже VI—VII вв.*, М.—Л., 1946.
- Пигуловская Н. В. и др., *История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.*, Л., 1958.
- Пикуль М. И., *Научный отчет 1959 г. по разведочным работам ДАЭ в южном Дагестане*, — РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 100.
- Пикуль М. И., *Результаты археологических исследований 2-го горного отряда в 1956 г.*, — РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, ед. хр. 23.
- Пикуль М. И., *Раскопки на Сулаке в 1955 г.*, — МАД, т. I, 1959.
- Пикуль М. И., *Дагбашский могильник*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. IX, 1961.
- Пикуль М. И., *Хабадинский могильник*, — МАД, т. II, 1961.
- Пикуль М. И., *Эпоха раннего железа в Дагестане*, Махачкала, 1967.
- Пиоторовский Б. Б., *Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э.*, Л., 1949.
- Пиралов А. С., *Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа*, — в кн.: «Кустарная промышленность России», СПб., 1913.
- Письма и инструкции Петра Великого ген. Матюшину, — «Русский вестник», кн. IV, 1867.
- де Плано Карпини Иоанн, *История Монголов*. Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны*. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1911.
- Погребова М. Н., *Ирганайский склеп эпохи бронзы*, — МАД, т. II, 1961.
- Покоренный Кавказ, СПб., 1904.
- Полиевктов М., *Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640—1643 гг.*, Тифлис, 1928.
- Полиевктов М., *Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1616—1640 гг.*, Тбилиси, 1937.
- Полиевктов М. А., *Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу*, Тифлис, 1935.
- Попко И., *Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк*, вып. I, СПб., 1880.
- Путешественники об Азербайджане. Сост. и комментарии З. И. Ямпольского, Баку, 1961.
- Путинцева Н. Д., *Верхнечиртовский могильник*, — МАД, т. II, 1961.
- Рамазанов Х. Х. и Шихсаидов А. Р., *Очерки истории южного Дагестана*, Махачкала, 1964.
- Рафи-Мухаммед Рафи, *Извлечение из истории Дагестана*, — ССКГ, вып. V, Тифлис, 1871.
- Рахмани А., *Тарих-и Алам Арай-и Аббаси как источник по истории Азербайджана*, Баку, 1960.
- Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952; т. I, кн. 2, 1952; т. II, 1960; т. III, 1966.
- Рубрук-Гильом де Рубрук, *Путешествие в восточные страны*, — в кн.: «Путешествие в восточные страны П. Карпини и Рубрука», М., 1957.
- Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII в. Документы и материалы*, Махачкала, 1958.
- Рыбаков Б. А., *Русь и Хазария*, — «Сборник в честь академика Б. Д. Грекова», М., 1953.
- Саидов М. С., *Возникновение письменности у аварцев*, — в кн.: «Языки Дагестана», вып. I, Махачкала, 1948.

- Саидов М. С., *О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДАССР*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. III, 1957.
- Сборник статей по истории Азербайджана, вып. I, Баку, 1949.
- Семенов Н., *Туземцы Северо-Восточного Кавказа*, СПб., 1895.
- Смирнов К. Ф., *Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа*, — КСИИМК, XXXII, М.—Л., 1950.
- Смирнов К. Ф., *Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана*, — КСИИМК, XXXVIII, М.—Л., 1951.
- Смирнов К. Ф., *Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки*, — МИА, № 23, 1951.
- Смирнов К. Ф., *О некоторых итогах исследования могильников Меотской и Сарматской культуры Прикубанья и Дагестана*, — КСИИМК, XXXVII, М.—Л., 1951.
- Смирнов К. Ф., *Археологические исследования в Дагестане в 1948—50 гг.*, — КСИИМК, XLV, М., 1952.
- Смирнов К. Ф., *Грунтовые могильники албано-сарматского времени у селения Карабудахкент*, — МАД, т. II, 1961.
- Смирнов Н. А., *Россия и Турция в XVI—XVII вв.*, т. I—II, М., 1946 («Уч. зап. МГУ», вып. 94).
- Смирнов Н. А., *Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв.*, Нальчик, 1948.
- Смирнов Н. А., *Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв.*, М., 1958.
- Соймонов Ф. И., *Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваниях*, — «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», СПб., 1763, январь.
- Соловьев С. М., *История России с древнейших времен*, СПб., кн. II, т. VI—X; кн. III, т. XI—XV; кн. IV, т. XVI—XX; кн. V, т. XXI—XXV, [б. г.]
- Спасский П., *Дербентские укрепления*, — «Изв. Азкомстариса», вып. 4. тетр. 2, Баку, 1929.
- Стрейс Я. Я., *Три путешествия*, М., 1935.
- Тарихи Дербенд-намс. Под ред. М. Алиханова-Аварского, Тифлис, 1898.
- Тиценгаузен В., *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. I, СПб., 1884; т. II, М.—Л., 1941.
- Тихомиров М. Н., *Россия в XVI столетии*, М., 1962.
- Тревер К. В., *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э.*, М.—Л., 1959.
- Трекков И. В., *Фольклорные связи Северного Кавказа*, Нальчик, 1963.
- «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады», Л., 1935, сентябрь; М.—Л., 1939.
- «Труды XV Международного конгресса востоковедов», т. III, М., 1963.
- Туманский А. Г., *Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и русах*, — ЗВО, X (1896), 1897.
- Фадеев А. В., *Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период*, М., 1957.
- Фехнер М. В., *Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в.*, М., 1956.
- Френ Х. Д., *О надписях города Дербента*, — «Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Имп. Московском университете», ч. VIII, 1837.
- Хан-Магомедов С. О., *Дербент*, М., 1958.
- Ханыков Н. В., *Альбом рисунков с памятников и надписей города Дербента*, — Ученый архив Всесоюзного географического общества (Ленинград), разр. 52, оп. I, № 63.
- Ханыков Н., *Археологическое известие*, — К, 1850, № 52, 53.
- Ханыков Н., *Очерк ученой деятельности за Кавказом в 1850 году*, — К, 1851, № 26.
- Ханыков Н. В., *О некоторых арабских надписях в Дербенте и Баку*, — ТВОРАО, ч. II, 1856; то же: ЗРАО, т. IX, 1857.

- Хашаев Х.-М., *Общественный строй Дагестана в XIX в.*, М., 1961.
 Хвильсон Д. А., *Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест в древнем еврейском квадратном шрифте, также и образцы шрифтов и рукописей от IX—XV столетия*, СПб., 1884.
 [Хоренский М.], *История Армении* Моисея Хоренского, М., 1893.
 Ароника войн Джара в XVIII столетии, Баку, 1931.
 Худуд ал-Алам. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.
 Церетели Г. В., *Арабская хрестоматия*, Тбилиси, 1949.
 Чикобава А. С., *Грузинско-аварская надпись XIV в. из Дагестана*, — «Сообщ. АН ГрузССР», т. I, 1940, № 4.
 Чурсин Г. Ф., *Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана*, — «Бюллетень Кавказского историко-археологического ин-та в Тифлисе», вып. 4, Тифлис, 1928.
 Шанидзе А. Г., *Язык и письмо кавказских албанцев*, — «Вестник отд. общ. наук АН ГрузССР», № 1, Тбилиси, 1960.
 Шаумян Р. М., *Armenica Lesgica*, — «Сб. статей, посвященный академику Н. Я. Марр», М.—Л., 1935.
 Шейхов Н. Б., *О локальном характере раннесредневековой культуры предгорного Дагестана*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. IX, 1961.
 Шиллинг Е. М., *Орнаментальное искусство Дагестана*, — «Творчество народов СССР. Альманах», вып. 1, М., 1937.
 Шиллинг Е. М., *Кубачинцы и их культура*, М.—Л., 1949 (Труды Ин-та этнографии АН СССР [новая серия], т. VIII).
 Шихсаидов А. Р., *О пребывании монголов в Рица и Кумухе. (1239—1240 гг.)*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. IV, 1958.
 Шихсаидов А. Р., *Распространение ислама в Южном Дагестане в X—XV вв.*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. VI, 1959.
 Шихсаидов А. Р., *Новые данные по средневековой истории Дагестана*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. IX, 1961.
 Шихсаидов А. Р., *Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.)*, — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. XIII, 1964.
 Юзефович Т., *Договоры России с Востоком, политические и торговые*, СПб., 1869.
 Юшков С. В., *К вопросу о границах древней Албании*, — ИЗ, 1937, № 1.
 Языки Дагестана. Вып. I, Махачкала, 1948 («Труды ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР»).
 Яковлев Н., *Новое в изучении Северного Кавказа*, — «Новый Восток», 1924, № 5.
 Якубовский А. Ю., *Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г.—943/44 г.*, — «Византийский временник», т. XXIV, 1926.
 Якубовский А. Ю., *Феодализм на Востоке*, Л., 1932.
 Якубовский А. Ю., *Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.*, — «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, Л., 1933.
 Якубовский А. Ю., *О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.*, — «Изв. АН СССР», серия историческая, т. III, № 5, М., 1946.
 Ямпольский З. И., *Из истории Древней Кавказской Албании*, М., 1949.
 Ямпольский З. И., *О происхождении храмовой собственности древнего мира*, — ВДИ, 1959, № 4.
 Ямпольский З. И., *Древняя Албания III—I вв. до н. э.*, Баку, 1962.

*Annales guos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djafir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje, ser. I—III, Lugduni Batavorum, 1879—1890.
 Bast. G., Souvenir du Caucase. Fouilles sur la Grande Chaine, — RA, ser. III, vol. V, Paris, 1885.*

- Cazwini, Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's *Kosmographie*, hrsg. von F. Wüstenfeld, T. II, Göttingen, 1848.
- Derbend-Nâmeh*. Translated from a selekt turkish version and published by Mirza A. Kazem-Beg, SPb., 1851.
- D'Ohsson, *Peuples de Caucase*, Paris, 1828.
- Dorn B., *Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg*, SPb., 1846.
- Dorn B.. *Die jetzigen Kubatschi*, — Mél. As., t. VI, 1873.
- Dorn B., *Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzende Länder*, — Mél. As., t. VII, livr. I, 1874.
- Dunlop D. M., *The History of the Jewish Khazars*, Princeton—New Jersey, 1954 (Princeton Oriental Series, vol. 16).
- Fraehn Ch. M., *Die Inschriften von Deroend*, — «St.-Petersburger Zeitung», 1828, № 20—23.
- [Al-Garnati]. *Le Tuhfat al-albâb de abû Hâmid al-Andalusî al-Garnaîi* édite... par G. Ferrand, Paris, 1925 (JA, t. CCVII).
- Hammer-Purgstall J., *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*, Petsch, 1840.
- Hudûd al-'Âlam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography* 372 A. H. — 982 A. D. Transl. and explained by V. Minorsky..., London, 1937.
- [Jacut], *Jacut's geographisches Wörterbuch*, aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, und Paris, London und Oxford... hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd I—VI, Leipzig, 1866—1873.
- Khanikoff N., *Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase*, — JA, sér. 5, t. XX, 1862.
- [Lewicki T.], *Zródła arabskie do dziejów Stowiańskich*, t. I, Wydał i opracował T. Lewicki, Wrocław—Kraków, 1956.
- Maçoudi, *Les Prairies d'or*. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavel de Courteille, t. II, Paris, 1863.
- Marquart, *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*, Leipzig, 1903.
- Minorsky V. F., *Caucasica in the history of Mayyafariqin*, — BSOAS, 1949, vol. XII, pt 1, 1951; vol. XIII, pt 4, 1952; vol. XIV, pt 2.
- Minorsky V., *Caucasica III, The Alan capital Magas and the Mongol Campaigns*, — BSOAS, vol. XIV, pt 2, 1952.
- Minorsky V. et Cl. Cahen, *Le récueil transcaucasien de Mas'ud b. Namdar*, — JA, t. CCXXXVII, 1949, № 1.
- Spuler B., *Die Mongolen in Iran*, Berlin, 1955.
- Zakharov A. A., *Contributions to Caucasian archeology. A large barrow in Dagestan*, Helsinki, 1930.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аз ГНИИ — Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт.
ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ВИ — «Вопросы истории», М.
ГИМ — Государственный Исторический музей, Москва.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЗВО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
ЗИВАН — «Записки Института востоковедения АН СССР», М.—Л.
ИЗ — «Исторические записки», М.
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы им. Гамзата, Цадасы, Махачкала.
ИРГО — «Известия (Имп.) Русского географического общества», СПб.
К КСИИМК — «Кавказ», Тифлис.
КСИЭ — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.
МАД — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.
МГУ — Материалы по археологии Дагестана.
МИА — Московский государственный университет.
РАНИОН — Материалы и исследования по археологии СССР.
РФ — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА — Рукописный фонд.
СВ — «Советская археология», М.
ССКГ — «Советское востоковедение», М.
СМАЭ — «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис.
СМОМПК — «Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при АН СССР», Л.
СЭ — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис.
ТВОРАО — «Советская этнография», М.—Л., М.
ЭВ — «Труды Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
BSOS — «Эпиграфика Востока», Л.
JA — «Bulletin of the School of Oriental Studies, London, Institution».
Mél. As. — «Journal Asiatique», Paris.
RA — «Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin historiophilologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg».
RA — «Revue archéologique», Paris.

О ГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Раздел I

✓ ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ И ЗАРОЖДЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА	
--	--

Г л а в а I. Каменный век	11
§ 1. Палеолит	11
§ 2. Мезолит	21
Г л а в а II. Древнейшие земледельцы и скотоводы	26
§ 1. Общая характеристика эпохи	26
§ 2. Неолит	28
§ 3. Энеолит	34
Г л а в а III. Медно-бронзовый век	41
§ 1. Общая характеристика эпохи	41
§ 2. Период древней бронзы	42
§ 3. Бронзовый век	54
§ 4. Процесс этнокультурного развития дагестанских племен в медно-бронзовом веке	82
Г л а в а IV. Разложение первобытнообщинного строя	86
§ 1. Эпоха раннего железа	86
§ 2. Племена Дагестана в VII—IV вв. до н. э.	94
Г л а в а V. Кавказская Албания	105
§ 1. Территория и население	105
§ 2. Социально-экономическое устройство	108
§ 3. Борьба с внешними врагами	113

Раздел II

ФЕОДАЛИЗМ В ДАГЕСТАНЕ

Г л а в а VI. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана в V—X вв.	121
§ 1. Политическая карта Дагестана V—X вв.	121
§ 2. Образование Хазарского каганата на территории Дагестана .	127
§ 3. Социальный и экономический строй Дагестана в V—X вв.	131
§ 4. Борьба народов Дагестана против иранской агрессии в V—VII вв.	146
§ 5. Борьба народов Дагестана против арабских завоевателей .	149
§ 6. Взаимоотношения народов Дагестана с народами Кавказа и Юго-Восточной Европы в VI—X вв.	160
Г л а в а VII. Дальнейшее развитие феодальных отношений (XI—XV вв.)	176
§ 1. Экономическое развитие Дагестана	176

§ 2. Феодальные владения Дагестана	181
§ 3. Социальный строй Дагестана в XI—XV вв.	187
§ 4. Укрепление позиций ислама в Дагестане (X—XV вв.)	195
✓ § 5. Борьба народов Дагестана против внешней агрессии в XI—XV вв.	200
§ 6. Взаимоотношения народов Дагестана с народами Кавказа в XI—XV вв.	210
§ 7. Культура народов Дагестана в V—XV вв.	215
Г л а в а VIII. Углубление феодальной раздробленности (XVI—XVII вв.)	232
§ 1. Хозяйство в XVI—XVII вв.	232
§ 2. Социальные отношения	239
§ 3. Углубление феодальной раздробленности	247
§ 4. Политический строй	252
§ 5. Источники и основные черты права	256
§ 6. Борьба народов Дагестана против иранских и турецких захватчиков в XVI—XVII вв.	267
§ 7. Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа в XVI—XVII вв.	275
§ 8. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв.	282
§ 9. Культура народов Дагестана в XVI—XVII вв.	293

Раздел III

ДАГЕСТАН НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ.

Г л а в а IX. Экономическое развитие Дагестана	305
§ 1. Территория и этнический состав населения	305
§ 2. Занятие населения Дагестана в XVIII в.	308
§ 3. Социально-экономический строй	316
§ 4. Политическое устройство	320
§ 5. Классовая борьба в Дагестане	333
Г л а в а X. Дагестан в первой трети XVIII в.	337
§ 1. Внешнеполитическое положение Дагестана в начале XVIII в.	337
§ 2. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана	340
§ 3. Присоединение прикаспийских районов Дагестана к России	344
Г л а в а XI. Освободительная борьба Дагестана против иранских захватчиков	355
§ 1. Борьба народов Дагестана против полчищ Надира в 1735—1740 гг.	355
§ 2. Военные действия горцев против Надира в 1741—1745 гг.	362
Г л а в а XII. Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа и России	374
§ 1. Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа	374
§ 2. Укрепление экономических и политических связей Дагестана с Россией	389
Г л а в а XIII. Культура народов Дагестана в XVIII в.	401
§ 1. Материальная культура и прикладное искусство	401
§ 2. Устное народное творчество, литература и наука	409
Список использованной литературы	417
Список сокращений	429

ИСТОРИЯ ДАГЕСТАНА
Том I

*Утверждено к печати
Ученым советом Дагестанского филиала ИИЯЛ
Академии наук СССР*

*

Редактор И. Л. Елевич

Художник Э. Л. Эрман

Художественный редактор И. Р. Бескин

Технический редактор Л. Т. Михлина

Корректоры Г. В. Стругова и М. З. Шафранская

*

Сдано в набор 18/V 1967 г.

Подписано к печати 21/Х 1967 г.

А-03287. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 1

Печ. л. 27+0,125 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,07

Тираж 7000 экз. Изд. № 1906

Зак. № 557. Цена 1 р. 91 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»

Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru